

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

СИБИРЬ

365/4 4•2017

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал писателей Восточной Сибири

Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»

Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры и архивов Иркутской области
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Православный Мир

Акафист святителю Иннокентию...	3
Святитель Иннокентий Московский	
Указание Пути в Царство Небесное. Из богословского сочинения	10
Святитель Иннокентий, просветитель Аляски	
Житие святого апостола Иннокентия Московского	21

Сквозь века и истории

Татьяна Константинова	
Святитель Иннокентий как духовный наставник амурской политики	51
Владимир Мельник. Святитель Иннокентий (Вениаминов) и писатель Иван Гончаров	57

Поэзия

Владимир Еременко. Святитель Иннокентий. Драматическая поэма	61
Чудесная лампада. Церковно-приходская легенда	112
«Услышь, о Боже, голос мой...» Стихи поэтов России	155
К 70-летию со дня рождения	
Василий Забелло. Пока живу...	190

Проза

Николай Лесков. Миссионеры на севере. Главы из повести «На краю света»	102
Людмила Листова. «Благослови, душе моя, Господа...» Рассказы	121
Анатолий Байборodin. «Песня журавлиная моя...» Повесть	162

Памятники

Протоиерей Евгений Старцев	
По стезе святителя Иннокентия, апостола Сибири и Америки.	
Два крестных хода в Русскую Америку	199

Публицистика

Иван Гончаров. Русские миссионеры. <i>Очерк из книги «Фрегат «Паллада»</i>	215
Григорий Смекалов. В краю, прославленном святителем Иннокентием. <i>Очерк</i>	219
Александр Шарунов. Православное миссионерство среди бурят острова Ольхон.....	232

Критика

Геннадий Гайда. Поэт Пётр Реутский. <i>Глава из книги «Классическая лира»</i>	245
Валентина Ефимовская. «Движение вечное...» <i>О стихах иркутского поэта Василия Забелло</i>	251

Реденица

Василий Козлов. «...Я лиру посвятил народу своему...» <i>Памяти поэта и просветителя Геннадия Гайды</i>	258
---	-----

Вернисаж

Валентина Ефимовская. Света источник <i>О творчестве современного русского художника Филиппа Москвитина</i>	262
---	-----

Главный редактор **А.Г. БАЙБОРОДИН**
Директор редакции **Ю.И. БАРАНОВ**
Заведующий отделом поэзии **В.П. СКИФ**
Заведующий отделом прозы **С.В. ЗУБАКОВА**

СОВЕТ ЖУРНАЛА

Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, А.Г. Байбородин, Ю.И. Баранов, В.В. Воронов,
И.И. Козлов, Р.Г. Михеева, М.П. Попова, А.И. Сальников, С.В. Шегебаева

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции. Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Л.Н. Заступова.

На 1-й странице обложки: Святитель Иннокентий Вениаминов причащает аулетов. 2017 год. Холст, масло. 130х140.
Художник Филипп Москвитин

**Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.
Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600**

Адрес редакции: 664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 253. каб. 304. Адрес учредителя: 664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 253. каб. 303.
Телефон редакции: 48-66-80, добавочный: 300. Электронный адрес редакции: sve-t-lana@mail.ru
Подписано в печать 17.08.2017 г. Выход в свет: 27.08.2017 г. Формат 70х108/16.
Усл-печ. л. 22. Тираж 1300. Цена свободная.
Издательство: ООО «Принт Лайн», 664006, г. Иркутск, ул. Сергеева, 3, корп. 4, оф. 21. Тел. 8 (3952) 48-66-00.
E-mail: info@printline.ru Сайт: http://www.printline.ru
Отпечатано в типографии: ООО «Принт Лайн», 664006, г. Иркутск, ул. Сергеева, 3, корп. 4, оф. 21. Тел. 8 (3952) 48-66-00.
Р/сч. № 40702810608030001744
к/с 30101810200000000777 Банк получателя ФЛ ПАО Банк ВТБ в г. Красноярск
Сч. № 30101810200000000777
БИК 040407777
ИНН/ КПП 3808086540/381201001
ОКПО 13623582
ОКПО 13623582

Акафист святителю Иннокентию (Веннаминову), митрополиту Московскому и Коломенскому, апостолу Америки и Сибири

Кондак 1

Возбранный Святителю и добрый пастырю Богоданных словесных овец. Посвятивый всю жизнь твою, горение сердца и души Христу. В полунощных странах неустанно трудивыйся, Святая ради Церкви и спасения всех, не помышляя земная награды. Мы же наследницы веления благодати твоея, воспеваем ти похвальные песни сия. Ты бо предстониши пред престолом Бога Главы, и ходатайствуеши о земле нашей и людех ея. Сия совокупльше воедино, Святая Церковь с нею же и мы благодарственная вос-

певаем ти тако: Радуйся, святителю Московский Иннокентие, Апостолам равный и Аляски просветителю.

Икос 1

Ангелов сожителю бывый святыи Иннокентие, яко новый апостол возсиял от малыя веси сибирския до стран дальневосточных и мира западнаго. Из млада избра тя Господь, да прославиши светом православия древния языческаа народы аляскинския и азиатския, да вкупе с нами прославят тя песненными похвалы сицевыми:

Радуйся, великий подражателю Христов и приемников его, Апостолов:

Радуйся, благовестителю арктических народов.

Радуйся, учителю Богомудрый алеутов и колошей:

Радуйся, светильниче пресветлый эскимосов и коряков.

Радуйся, смиренне подвижниче, стопы бо твоя от Бога исправляли бо ся:

Радуйся, устроителю церкви православныа Американския.

Радуйся, проповедати Евангелие вожделевый:

Радуйся, к неведаящим спасения жалости исполненный.

Радуйся, святителю Московский Иннокентие, Апостолам равный и Аляски просветителю.

Кондак 2

Видяще отличныя от иных отрок добрыя познания в учении Божественном, многия стремления и таланты твоя, такожде и велию радость в служении Богу и Церкви святей его, сродник твой от молодых лет наставляя тя на путь веры и благочестия, во еже воспевати Богу: Аллилуиа.

Икос 2

Разум духовный от юности твоея Богом ти даровася, во еже служить Ему вся дни живота твоего и премудрости мира сего познавати. Мы же поминая святость жития твоего, празднуем с веселием память твою:

Радуйся, наставницы и учителя твоя мудростию своею поразивый.

Радуйся, смирения и кротости исполненный:

Радуйся, твердое православия укрепление:

Радуйся, честное Пресвятыя Троицы носило и похваление.

Радуйся, подвиги твоими всех удививый:

Радуйся, ересь идольскую искоренивый.

Радуйся, употребивый таланты твоя на служение Вышнему.

Радуйся, нас вдохновивый на служение Богу и ближнему:

Радуйся, святителю Московский Иннокентие, Апостолам равный и Аляски просветителю.

Кондак 3

Сила вышняго вразуми тя к приятию Божественных воли на служение Апостольское во Аляске, егда завершися учение твое во Иркутске. Идеже ты вместе с супружницею твоею возлюбленною Екатериною и чадом малым, отправися во апостольское путешествие ко Российской Америке воспевая Богу: Аллилуиа.

Икос 3

Имеяше востину, отче Иннокентие, с небесе благодать тебе дана быти, а не от земли: како бо кто от человек возможет твоея ревности по Бозе познати? Ты бо не возбоаяся еси расстояния дальнего и пути длительного, ради Евангелия Христова, по тундре замороженной и бурным морям путешествием твоим. Тем же и мы, вдохновляемии подвиги твоими, вопием ти сице:

Радуйся, Апостолом бывый Америке:

Радуйся, основателю Церкви Православных в мире западном.

Радуйся, славный подражателю Апостола Павла:

Радуйся, храбро путешествовавший по бурным морям северным.

Радуйся, Духом Святым укрепляемый:

Радуйся, Ангелы Господни носимый и охраняемый.

Радуйся, столпе православия непоколебимый:
Радуйся, пастырю Христов невоязненный.
Радуйся, святителю Московский Иннокентие, Апостолам равный и Аляски просветителю.

Кондак 4

Бүрү вүтүрү имее помышлений сүмнительных, како достойно есть пети и познати чюдеса Твоя подвиги и терпение, блаженне Иннокентие? Никтоже бо может я исчести, ты же достигнув благополучно островов Уналашкинских, Ангелы хранимый в море бурнем, на брегү воспел хвалебную ангельскую песнь Богү: Аллилуиа.

Икос 4

Слышаша, Богомудре Иннокентие, ближнии и дальнии величие чюдес твоих, яко уподобися ты в труде своем святым Кириллу и Мефодию, дал еси азвүкү Алектром Колошам и прочим северным народом, во еже могли бы Бога Истиннаго познати, и славити Его непрестанно, много потрудился на поприще сем, переводя писание Божественное на наречия северныя, мы же прославляем Бога, даровавшего нам светильника такового, вопием тебе с радостию:

Радуйся, просветителю древних северных народов:
Радуйся, Тринединаго Божества благовеститель в штате Аляска.
Радуйся, устроивый Церковь Христову на камени твердом:
Радуйся, мудро сеявый благое и истинное на ниве благоплодной.
Радуйся, рабе усердный не скрывый таланта Божественнаго:
Радуйся, малое стадо Христово собравый воедино.
Радуйся, закона Христова скрижали, Богом писанныя:
Радуйся, яко истину Христову неведущии имут тя учителя.
Радуйся, святителю Московский Иннокентие, Апостолам равный и Аляски просветителю.

Кондак 5

Боготечная звезда явился тебе святаго Иннокентия Иркутскаго подвиг. Ты же примерү его подражая, наставляя вере православней язычники, пүтшествоваше всюдү, собирая рассеянное свое стадо, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Дүха, верныя же научая, спасающемү тобою Богү взывать: Аллилуиа.

Икос 5

Видеша людие язычестии подвиги и труды твоя, притекахү к тебе аки добромү пастырю, внимахү всякомү словү из үст твоих исходящемү, ты же имея радение о них, открываше школы повсюдү во еже учити отроки истине, сего ради слышиши от всех сице:

Радуйся, наблюдателю проникательный чюдес Зижидителевых:

Радуйся, преподавателю терпеливый истин простых и мудрых.
Радуйся, богатство неисчерпаемое в неверии живущим:
Радуйся, просветителю темноты невежества.
Радуйся, промышления о людех приятелнице:
Радуйся, чистоты веры усердный хранителю.
Радуйся, всего мира во Христе утверждение:
Радуйся, наставниче добрый ко спасению.
Радуйся, святителю Московский Иннокентие, Апостолам равный и Аляски просветителю.

Кондак 6

Проповедника велия Богоносна чтит тя, преблаженне Иннокентие, Сибирь вся, Америка и Аляска, ты во проповеда Евангелие на языках северных научая всех взывать Богү: Аллилуиа.

Икос 6

Возсиял еси свет животный, идяше просветити новокрещенныя люди земли полунощныя Христовым учением. Тии же, узревше Тя, яко ангела света, спасение благовестити грядуща, яко пастыря добра, душү свою за овцы полагающа, восприяша рекү Амүр новым Иорданом в ней крестисяся, с нимиже и мы вкупе воспеваем тебе сице:

Радуйся, в мирү живой, но мирскаго не искавый:
Радуйся, Христа славити всеми языки завещаый.
Радуйся, просветителю великий племен всех северных:
Радуйся, подателю света Христова даже до последних времен.
Радуйся, делателю славный винограда Христова:
Радуйся, пастырю добрый и милостивый стада Инсүсова.
Радуйся, слова Божия верный толкователю:
Радуйся, мира Христова всюдү насадителю.
Радуйся, святителю Московский Иннокентие, Апостолам равный и Аляски просветителю.

Кондак 7

Хотя верү православнүю үкоренити во стране полунощней повеле стронити храм соборный, сам же таланты Богом ти данныя и приумноженныя, употребяя на дело благое сие, самостоятельно назираше стронительство его, да в нем вернии воспоют Богү: Аллилуиа.

Икос 7

Новаго тя Павла, проповедника ревнастнаго разүмеем, отче святыи Иннокентие, давый не токмо грамотү новопросвещенным северным людем, целя их недүги не токмо дүшевные, но и телесныя, порази всех знанием медицины таже и Богословия, мы же с познавшими чрез тя Христа воспеваем ти тако:

Радуйся, просветителю Түнгүсов и Индейцев:

Радуйся, благовестителю эвенком и якутом.
Радуйся, таланты своими всех удививый:
Радуйся, Господеви, а не человеком угождати учивый.
Радуйся, врачу душевный купе же и телесный:
Радуйся, архитриклине пира церковного чудесный.
Радуйся, чрез все житие на ниве Господней потрудивыйся:
Радуйся, и по смерти от паствы своей любовью не отлучивыйся.
Радуйся, святителю Московский Иннокентие, Апостолам равный и Аляски просветителю.

Кондак 8

Странно бысть кругосветное путешествие твое, егда ты призваша предстати пред Святейшим Синодом, да представиши велия труды твоя и переводы, ради духовного одобрения, ты же достигше града Святого Петра верно возопи Богу: Аллилуиа.

Икос 8

Весь еси предан быв душею же и телом заветам Христовым, мужественно прият весть о блаженной кончине супружницы твоея, посети святыни Киевския и Сергиевския, моляся усердно Господу о даровании ти благодати велия и помощи в трудах, с благодарением прият от руки святителя Филарета чин ангельский и сан архиерейский. Мы же поминающие сие дерзаем вопити к тебе сие:

Радуйся, Иоанну Крестителю в крещении людей поревновавший:
Радуйся, Кириллу и Мефодию в просвещении равный.
Радуйся, Герману Аляскинскому сомолитвенниче истинный:
Радуйся, Николаю Японскаго наставниче славный.
Радуйся, Иннокентия Иркутскаго в проповедании подражателю:
Радуйся, Филарета Московскаго дел великий последователю.
Радуйся, венцем терпения на земли венчанный:
Радуйся, светом вечным на небеси осиянный.
Радуйся, святителю Московский Иннокентие, Апостолам равный и Аляски просветителю.

Кондак 9

Всякое древо по плоду познавается, плод же трудов твоих велий есть пред Господем. Возвратяся в сане епископа в новую епархию полнощной страны, усугуби труды во устройении и укреплении церкви Христовы. Сам устрои часы в колокольне новаго соборнаго храма, и повеле открити семинарию на Ситхе обучения ради духовенства местного, да вси взывают Господу Гл: Аллилуиа.

Икос 9

Ветии многовещанныя подвигом твоим удивляются, ангели с тобою ликуют. Велика бо бысть епархия твоя, засеянная многими народы язы-

ческими, ты же посылаше проповедницы во вся удаленныя страны Сибири Восточной и на Аляску, да вси языцы познают веру истинную. Бего ради вопием ти сице:

Радуйся, Апостоле великий Арктический:

Радуйся, первый нерарше Американский.

Радуйся, истинный образе архипастыря православного:

Радуйся, не древле, а ныне подвизавыйся.

Радуйся, истинныя веры исповедниче:

Радуйся, Царствия Божия наследниче.

Радуйся, триязычную ересь поправый:

Радуйся, түземцам двери Царствия Небеснаго отверзый.

Радуйся, святителю Московский Иннокентие, Апостолам равный и Аляски просветителю.

Кондак 10

Спаси хотя всех притекающих к тебе, Богом водимый и ангелы укрепляемый, святителю Христов Иннокентие, посети народы Амурския долины Сибири, изучая нравы и обычаи, язык и традиции той страны, примером к подражанию им явился еси, непрестанно научая звать Богу: Аллилуиа.

Икос 10

Стена еси всем, о православии трудящимся, и заступление к тебе с верою притекающим, святче Божий Иннокентие, пример достойный подражанию явивый, да продолжатся труды твоя в просвещении неведущих Христо-вой истины, мы же воспоминающее подвиги и труды твоя зываем ти сице:

Радуйся, добродетельми, яко виссоном, украшенный:

Радуйся, в премудрости с Соломоном сравненный.

Радуйся, подобно Иоанну Богослову Господа возлюбивый:

Радуйся, также и малыя чада твоя наставивый.

Радуйся, Евангелие переведый на языки түземныя:

Радуйся, основавый школы для изучения истины Божественныя.

Радуйся, семена Истины насадивый на почве Американстей:

Радуйся, трубо громогласная Евангельскаго благовестия.

Радуйся, святителю Московский Иннокентие, Апостолам равный и Аляски просветителю.

Кондак 11

Пение Всемогущему Богу паче иных принесл еси, святче Иннокентие, жизнь свою посвятивый просвещению иноверных, свет Евангельский донесый даже до конец земли, стопами обошед всю вселенную, на склоне лет своих быв призван на служения святительское, ты же восприяв сие со смирением Богу воспевая: Аллилуиа.

Икос 11

Светозарнаго светильника обретше в тебе, святителю Иннокентие, земля Русская, уподобися бо ты вселенским учителям, паству Российскую добре

упасл еси, не забывая малая чада тобою оставленныя, поревноваше о них даже до смерти, мы же с ними согласно вопием ти таковая:

Радуйся, свете мирѹ и соль земли бывый:

Радуйся, яко светильник, горяй во тьме, языком светивый.

Радуйся, ко Владыце всех нас покаянных молитвы приносящий:

Радуйся, и сам о нас к Немѹ вынѹ всегда молящийся.

Радуйся, светлое Православия проповедание:

Радуйся, златозрачное света Евангельскаго сияние.

Радуйся, сего ради велиим во Царствии Божием нареченный:

Радуйся, на земли в Церкви Господней прославленный.

Радуйся, святителю Московский Иннокентие, Апостолам равный и Аляски просветителю.

Кондак 12

Благодать просвещения и мира испроси нам, Святителю Христов Иннокентие, мира во всем мире, любви друг ко другѹ. Евангелие Христово до конца жития своего благовестивый, завещавай не плакати а радоватися о преставлении твоём, речей надгробных не глаголати но токмо проповедь назидательную и поучительную, мирно отшел еси в вышняя селения приявшие Христовы тайны, мы же дивящееся таковомѹ смирению вопием Богу: Аллилуиа.

Икос 12

Поюще труды твоя и подвиги, дивное житие на земли, прославляем тя, равноапостоле Христов Иннокентие: в тебе во Бог в Троице прославляемый, дивно прославися, смиренно молим тя, силу свыше на укрепление православия ниспосли нам, на враги видимыя и невидимыя победу даруй, да вси народи приведенныя тобою ко Христу, вкупе же и мы воспоем ти похвалы сия:

Радуйся, поминающих тя поминаяй:

Радуйся, нестроения наша исправляяй.

Радуйся, людем верным пособие:

Радуйся, рода христианскаго возвышение.

Радуйся, православия твердое ограждение:

Радуйся, неверия живое обличение.

Радуйся, Троицу Святую Богомудре исповедавый:

Радуйся, службѹ Божию совершати коемуждо своими языки завещавай.

Радуйся, святителю Московский Иннокентие, Апостолам равный и Аляски просветителю.

Кондак 13

О, преблагословенне отче Иннокентие, просвещение всех Христа чающих, нынешнее приемше малое приношение сие наше, вся народы православныя от находящихся им зол и бед свободи, в мире любви и единении соблюди. И в Царствии Небесное предстательством твоим приведи всех нас, Богоприятным твоим ходатайством, да с тобою воспоем: Аллилуиа.

Святитель Иннокентий Московский

Указание Пути в Царство Небесное

Из богословского сочинения

Никто без веры в Иисуса Христа не может возвратиться к Богу и войти в Царство Небесное. Никто, хотя бы и веровал во Иисуса Христа, если не будет поступать как поступал Иисус Христос, не может назваться учеником Его, следовательно, не может разделить с Ним Его славу на Небе. Никто без помощи Духа Святого не может идти за Иисусом Христом. Кто хочет получить Духа Святого, тот должен воспользоваться средствами, дарованными Господом.

Важно помнить, что путь в Царство Небесное, открытый нам Иисусом Христом, есть единственный, и не было, и не будет другого пути, кроме того, который показал нам Иисус Христос. Временами труден этот путь, но зато верно ведет к цели. К тому же христианин

встретит на этом пути такие утешения и наслаждения, каких не найти в мирских благах. Господь Иисус Христос помогает нам идти по этому пути; дает нам Духа Святого, посылает Ангела Своего охранять нас, дает наставников и руководителей и даже Сам берет нас за руку и ведет к спасению.

Если путь в Царство Небесное труден, то муки вечные в геенне огненной несравненно страшнее. Если путь к небесному блаженству труден, то путь к земному счастью не легче. Посмотрите, как трудятся собирающие себе земные сокровища, сколько огорчений, бессонных ночей и лишений несут они. Или вспомните, сколько вы предпринимали трудов, сколько забот и денег вам стоит какое-нибудь пустое и мимолетное удовольствие! И что же? Вместо ожидаемого наслаждения вы оставались разочарованными и усталыми. И потому, если рассмотреть внимательнее суть дела, то видно, что мы уклоняемся Царства Небесного не потому, что этот путь туда был действительно труднее путей мира сего, но потому что нам кажется так. Это дьявол, искусный обольститель, представляет нам путь спасения трудным, а путь погибели легким, и потому многие губят свои души.

Поэтому, братия, чтобы избежать вечной гибели, нам непременно надо позаботиться о своем будущем. Мы знаем, что там, за гробом, людей ожидает одно из двух: или Царство Небесное, или крошечный ад, — среднего состояния нет, — или вечное блаженство, или вечные мучения. Как существуют только два состояния

за гробом, так существуют только два пути в этой жизни. Один из них широкий и кажется легким — им идет большинство, а другой узкий и тернистый — им идут немногие. И стократно счастлив тот, кто идет по узкому пути. Братья, если мы идем широким путем и неожиданно умрем, то что будет с нами? К кому мы прибежим там? К Господу? Но ведь мы не желали слушать Его, поэтому Он не послушает нас. Ныне Он к нам милостивый Отец, а там Он будет праведный Судья. И кто защитит нас от справедливого гнева Его? О, братия! Страшно впасть в руки Бога живого! Итак, позаботьтесь о спасении своей души, пока располагаете благоприятным временем.

Потрудитесь для спасения вашего, пока еще день, потому что настанет ночь, когда невозможно будет что-либо изменить. Стремитесь в Царство Небесное, пока можете идти. Идите хоть сколько-нибудь, хоть ползком, но в правильном направлении. Тогда в вечности вы будете радоваться за каждый сделанный шаг. Да поможет же нам в этом всемилостивый Господь! Ему слава и благодарение во веки веков. Аминь.

Это замечательное сочинение издано полностью нашим миссионерским обществом. Его можно найти по адресу: http://www.fatheralexander.org/booklets/russian/king_r.htm

Наставление священнику-миссионеру

Оставить родину и идти в места отдаленные, лишенные многих удобств жизни, для того, чтобы обращать на путь истины людей еще блуждающих во мраке неведения и просвещать светом Евангелия еще не видевших сего спасительного света, — есть дело поистине святое и равноапостольное. Блажен, кого изберет Господь и поставит на такое служение! Но сугубо блажен тот, кто со всею ревностью, искренностью и любовью подвизается в деле обращения и просвещения, перенося труды и скорби, встречаемые на поприще своего служения! *Ибо велика его награда на небе.* Но горе тому, кто призван и поставлен благовествовать, и не благовествует! И еще горше тому, кто пройдя сушу и море, для того дабы обратить других, делает обращенных сынами геенны еще хуже себя!

Итак ты, иерей, поставляешься на такое дело, за которое ты или войдешь в радость Господа твоего, как добрый и верный делатель Его, или примешь лишнее осуждение, как лицемерный, лукавый и ленивый раб Его. И да сохранит тебя Господь Бог от последнего, и да даст тебе желание и силы достигнуть первого.

Находясь на месте твоего служения, ты будешь иметь особенные и различные обязанности, во-первых, — духовные, как священнослужитель и проповедник слова Божия, во-вторых, — внешние, как член управления общества, а потому для руководства твоего здесь предлагаю тебе наставления, касающиеся тех и других.

А. Приготовление к вере

1. Первое и действительное приготовление к сему есть молитва, которая одна может отверзать источник высших наставлений и низводить благословение на всякое благое начинание; а потому пред всякою беседою с несведущими, которых желаешь просветить словом истины, обращай к Богу с теплою молитвою.

2. Имей всегда скромное и смиренное расположение духа, и не обещай себе необычайных по твоему делу. Таковые обещания происходят от гордыни, а гордым не дается благодать.

3. Всякий раз, когда ты принимаешься за дело, приводи себя в спокойствие и полное присутствие духа; иначе ты не можешь сказать и того, что знаешь твердо и основательно.

4. Не приступай к делу без предварительного размышления, и не исполняй его с рассеянностью и нерадением: ибо дело твое — дело Божие, и проклят тот, кто творит его с небрежением.

5. Помни всегда, что если проповедник не будет иметь любви как к своему делу, так и к тем, кому проповедует, то и самое лучшее и красноречивое изложение учения может остаться без всякой пользы, ибо только любовь созидает; а потому старайся иметь в себе дух святой любви.

6. Поставь себе за правило: во время посещения отдаленных мест (таких, где уже положено начало христианства) не начинать отправления богослужений и треб до тех пор, пока не предложишь посещаемым прихожанам хотя краткого поучения.

7. Проповедь слова Божия естественно начинать прежде там, где ты будешь иметь постоянное местопребывание; но если обстоятельства заставят, или будут представляться случаи быть и в других, дальнейших местах, но несмотря на то, что ты еще не много успел между живущими с тобой, — не упускай случая быть, где только можно, и предлагай свое слово везде и всем, сообразно возрасту, состоянию и времени.

8. Время для поучений и бесед с инородцами избирай преимущественно то, в которое они бывают в сборе. Для сего ты можешь или идти к ним, или, если можно, приглашать их к себе.

9. Вначале, по незнанию языка инородцев, ты должен будешь употреблять переводчика: старайся избирать его из самых благонамеренных и благочестивых людей, и заблаговременно обучай его катехизису. Лучше, если переводчик при тебе будет всегда один и тот же.

Б. Порядок проповеди

10. Христианство есть удовлетворение и утешение преимущественно сердца, а не одного ума; и потому в преподавании учения веры надобно стараться действовать более на сердце, нежели на ум. Любопытство ума ненасытно, но кто сердцем восчувствует потребность веры и утешения от нее, тот примет ее скоро и охотно, и она не останется в нем бесплодной. Но чтобы действовать на сердце, надобно говорить от сердца: *от избытка сердца уста глаголют*. И потому только тот, кто избыточествует верою и любовью, может иметь уста и премудрость, *ей же не возмогут противиться* сердца слушающих, и которая верно укажет как, где и что говорить. Итак, примечай и лови минуту сердечного расположения слушающих тебя. Сие время всегда благоприятно для сеяния слова Божия.

11. Способ преподавать учение веры бывает различен, и по внутреннему состоянию души поучаемого, и по возрасту, и по умственным способностям. И в этом отношении имей в виду, что те, с которыми ты будешь иметь дело, по привычкам и понятиям суть язычники и заблудившееся, а по степени образования — дети. К сему должно применять способ и порядок преподавания им спасительных истин.

12. Порядок в преподавании учения веры должно сообразовать с тем, который показало нам само Провидение.

Закон Моисеев дан был прежде, чем закон Евангельский, а еще прежде писаного закона Моисеева введом был неписанный закон естественный, и виновник его —

Бог Творец и Промыслитель. Пред самым временем Закона Моисеева явлено было торжественное знамение силы, всемогущества и славы Божией.

Взирая на сей великий и всеобщий образ, учреждай свое малое и частное дело так:

а) От бытия и благоустройства видимых вещей показать бытие (в котором, впрочем, кажется, из них никто не сомневается), всемогущество, силу и славу Творца вселенной, Его благость, всеведение и прочее. Вместе с сим кратко рассказать историю сотворения первого человека и происхождение от него всех людей и народов, которые в этом отношении есть живые памятники и видимые доказательства творческого всемогущества и премудрости.

За этим — изложить состав человека из души и тела, его различие от прочих животных, бессмертие души его, и указать намерение Божие в сотворении его, т. е. блаженство.

б) Потом показать нравственный закон Моисеев, как Богописанный закон естественный, как средство к достижению блаженства просто и кратко.

Говоря о законе, наверное, можешь услышать от самих диких людей отголоски и подтверждение истин сего закона, неизгладимо начертанного на скрижалях сердца каждого. Старайся возбуждать в них это чувство и употребляй его в свою пользу.

с) Когда слушатели твои будут убеждены в существовании Бога и закона, тогда показать им необходимость исполнения закона, как воли Творца, и видимые следствия исполнения или нарушения закона. В пример этому рассказать кратко о потопе (предание о нем хотя и сбивчивое, но находится и у диких народов), как о последствии нарушения закона Божия, о благословении Богом праотцев после потопа, и в особенности Авраама (коего потомки существуют даже доныне), как о последствии исполнения закона.

д) После того начинай собственно Евангельскую проповедь так, как начал сам Иисус Христос, т. е. возвещением покаяния и утешения, или приближения Царствия Небесного. Старайся приводить их в чувство раскаяния или сознания своей греховности. Сего можно достигнуть убеждением их в том, что за неисполнение закона, написанного в сердцах их, они будут наказаны и в сей жизни, и будущей, что никто сам собой не избегнет этих наказаний и прочее. Здесь надобно говорить так, чтобы возбудить в них страх будущих наказаний; и когда они будут приведены в такое чувство, тогда благовествуй им Иисуса Христа Спасителя, Искупителя и Надежду всех людей, в утешение им.

Привести в чувство раскаяния и сокрушения есть одно из труднейших дел проповедника, но сие состояние есть одно из важнейших в обращении человека и есть возделанная земля для насаждения семени христианства. Ибо тогда оно может пасть в самую глубину сердца его и, при последующем содействии благодати, принести обильный плод. Благовествование Спасителя грешнику, чувствующему себя виновным пред законом, предварительно и без всякого убеждения поселяет в нем любовь к Спасителю, Которого он еще не знает. А кто возлюбит Иисуса Христа таким образом, тот особенно возлюбит Его, узнав Его, и поверит всему, что говорил Он, и что о Нем будешь говорить и ты. Следовательно, тогда открытие всех таинств спасения нашего будет и легко для проповедника и приемлемо для слушающих его в таком расположении духа.

е) Показав необходимость искупления рода человеческого и величия любви Божией к нему, преподавай о пришествии в мир обетованного Искупителя, Его предвечном рождении от Отца (здесь надобно сказать и о таинстве Св. Троицы),

воплощении, рождении и земной жизни Иисуса Христа, о Его учении, страдании, смерти, воскресении, вознесении, всегданнем пребывании с верующими и втором Его пришествии, о воскресении мертвых (которому хотя и по-своему, но все инстинктивно верят), будущей жизни, воздаянии праведным и грешным.

г) Наконец скажи, что Иисус Христос во время Своей земной жизни имел многих учеников, из которых избрал 12, дал им особенную благодать и силу и послал их во весь мир проповедовать Евангелие всей твари. И все, чему они учили и что заповедал Иисус Христос, написано в их писаниях, которые дошли и до нас и которые уже известны почти всем народам, и что все добрые и простосердечные люди, которым удалось слышать учение их, приняли его с радостью, и последовали, и следуют ему. Таковые люди называются христианами; а те из них, которые точно соблюдали слова Иисуса Христа, сделались святыми, и тела многих из них почивают многие столетия нетленными и прочее.

После сего будет весьма кстати предложить им вступить в число верующих во Иисуса Христа и чрез Него войти в число чающих вечного спасения, блаженства и прочее. Сего учения веры на первый раз для не слышавших прежде слова спасения довольно.

13. В изъяснении предметов веры надобно говорить обдуманно, ясно и отчетливо, и сколько возможно кратко, иначе проповедь твоя будет иметь мало успеха. В изложении учения Иисуса Христа здесь не нужно много распространяться, т. е. не упоминать всего, что сказал Иисус Христос. Но только говорить, что все учение Иисуса Христа заключается в том, чтобы мы покались, веровали в Него и имели к Нему и ко всем людям любовь бескорыстную, чистую. В подтверждение учения Его сказать кратко и о чудесах Его.

14. Когда увидишь, что слушатели твои тебя поняли и изъявят желание сопричислиться Христову стаду, тогда предлагать им: а) о Св. Крещении, как таинственном возрождении от воды и духа, вводящем в новую жизнь христианскую, и о прочих таинствах, как средствах к получению благодати Иисуса Христа; и б) о том, как должен вести жизнь свою тот, кто хочет быть истинным христианином и, следовательно, воспользоваться всеми плодами искупления.

а) Условия, под которыми желающие могут вступить в число учеников Иисуса Христа, есть: отречься от всей своей прежней веры и суеверия, оставить шаманство, шаманов не слушать, не следовать обычаям, противным христианству, согласиться исполнять все то, чего потребует от них новый закон и Церковь, и исповедать грехи свои.

б) Желающим и соглашающимся выполнять все означенные условия говорить, что вступление в христианство есть дело великое и важное; и потому вступление в него должно быть торжественно, где желающий вступить должен пред свидетелями отречься от всего противного христианской вере и дать обещание быть учеником Иисуса Христа, и все это запечатлеть Св. Крещением, которое есть вместе и видимый знак вступления в христианство, и средство к очищению души от грехов, и дверь к принятию прочих даров или средств, преподающих благодать Божию, т. е. таинств Св. Церкви, о которых здесь и сказать. Здесь же нужно показать и достоинство Св. Креста, и силу крестного знамения, а также и то, в каком разуме и с каким благотворным намерением Св. Церковь приемлет и чтит Святые Иконы.

с) Что касается до учения о том, как должен вести себя христианин, на первый раз много не распространяться, но говорить только то, что кто хочет быть

истинным христианином, т. е. учеником Иисуса Христа и воспользоваться всеми дарами искупления, тот должен: 1) с верою, надеждою и любовью предать себя Иисусу Христу и 2) подражать ему во всем, т. е. стараться сколько возможно поступать всегда так, как поступал Он. Здесь надобно вкратце сказать о добродетелях Иисуса Христа, упоминаемых в Евангелии, для того, дабы вступающий мог понять, как именно он должен поступать; например, Иисус Христос прощал врагам Своим, так должны делать и мы, и прочее.

15. Наконец надобно говорить, что никто, надеющийся только на свои силы и на самого себя, без помощи Божией не может быть истинным учеником Иисуса Христа, и если бы Иисус Христос по великой Своей любви к людям не даровал нам Своей помощи, то никто бы и никогда не мог сделаться совершенным последователем Его. Но теперь всякий, кто только хочет, может получать помощь от Него. Помощь сия есть Дух Святой, даром подаваемый; Его можно получать преимущественно молитвой. Молитва же истинная есть обращение сердца к Богу с покорностью, верою и надеждою. Молиться можно везде и всегда, преимущественно же близка благодатная помощь Божия в молитве церковной.

16. Такового учения довольно для новообращенных. Дальнейшее учение христианства, как то: пространное и более духовное истолкование десяти заповедей и прочее, изъяснение слов Иисуса Христа, преданных в Евангелии, учение Апостолов и (отчасти) предания Св. Отцов составляют предмет уже не первоначального вероучения и духовную пищу не младенцев в вере, но взрослых, или, по крайней мере, возрастающих в христианстве.

В. Относительно богослужения и обхождения с инородцами

17. Догматов веры и сущности деятельного учения держаться надлежит так твердо, чтобы ничего противного им не говорить и не допускать, хотя бы угрожала тебе смерть.

Но необходимо оказывать снисхождение новообращающимся, как младенцам в вере, касательно некоторых обрядовых недостатков — частично по местным обстоятельствам, частично в ожидании утверждения их в вере и жизни.

18. Соблюдать посты так, как соблюдают обыкновенно, т. е. переменной скоромной пищи на постную — тамошние жители почти совсем не могут по своим жизненным условиям. Поэтому пост их может состоять не столько в качестве, сколько в количестве и времени употребления пищи. И потому не должно их принуждать к соблюдению постов переменной пищи, но, во-первых, объяснять им цель и пользу поста; а потом, по мере их убеждения и усердия, располагать их к сохранению поста в известные дни таким образом, чтобы, смотря по обстоятельствам, уменьшать количество вкушаемой пищи, и не принимать ее в ранние часы дня. Что касается до дней страстной седмицы, и особенно дней пред святой Пасхой, то убеждать всех проводить их в возможном посте — и телесном и душевном, в память спасительных страданий Иисуса Христа.

19. Слушание обыкновенных богослужений, кроме литургии, не делать непременною обязанностью для новообращающихся; а потому во время твоих путешествий по отдаленным местам, когда обыкновенно все посещаемые тобою должны исповедоваться и причащаться св. Таин, — не считать непременною то, чтобы они ходили в церковь целую неделю, как делается у нас на родине, — но столько, сколько позволят обстоятельства, и только советовать и напоминать им, чтобы они в это время как можно чаще в сердце своем молились Богу о прощении своих грехов, а также соблюдали по возможности строгость поста. Поучение слову Божию

для них всегда есть лучшее приготовление к принятию Таинств, нежели чтение обыкновенных псалмов и молитв, потому что никто из них весьма долгое время не будет понимать того, что читается в церкви.

20. При заключении браков могут быть допускаемы облегчения строгости правил только по самым уважительным причинам и по крайней нужде, а какие именно могут быть облегчения, о том будут тебе даны особые наставления. Малочисленность местного населения, подобно как в патриархальные времена, не позволит далеко расширять круг возбраненного к супружеству родства; впрочем, запрещения, положенные по сему предмету в книге Левит, должно учитывать со всей серьезностью.

21. От старых обычаев, не противных христианству, вдруг не отводить, но только объяснить, что им это дозволяется по снисхождению.

22. Инородцам, не принявшим св. крещения, если не предвидится, что от них может произойти какое-либо оскорбление святыне или нарушение благопристойности, не только не возбранять присутствовать при наших богослужениях, как то: вечерни, утрени и молебнов (если они того пожелают), но даже приглашать их к ним.

Что же касается до литургии, хотя по правилам Церкви и не должно допускать их к слушанию литургии верных, но так как некогда и послы св. Владимира в Константинополе, будучи язычниками, были допущены к слушанию всей литургии, и сие послужило к великой пользе целой России, то и ты, по усмотрению, можешь оказывать подобное снисхождение, в надежде спасительного действия святыни на еще омраченные их сердца.

23) Никакие брачные союзы и договоры, заключенные до крещения, не считать препятствием к принятию св. Крещения. Также никаких браков, заключенных до крещения, выключая самых кровных (каковых, впрочем, едва ли можно встретить), не расторгать и в разбирательство их не входить.

24. Новообращающимся — ни до крещения, ни при самом крещении, ни вскоре после оного — не делать, и не позволять восприемникам делать какие-либо подарки, дабы сие не могло стать приманкой для инородцев или поводом к различным ухищрениям (как это бывало у некоторых азиатцев). И потому при крещении не давать инородцам ни рубашек, ни чего-либо другого, кроме крестиков, но надевать на них ту самую одежду, в которой они пришли к крещению, потому что в глазах многих тамошних туземцев даже простая рубашка есть вещь дорогая и прельщающая.

25. На данном тебе св. Антиминсе ты имеешь власть совершать божественную литургию на всяком месте: и в чистом нежилом доме, и под открытым небом. Но для сего по многим причинам приличнее иметь особенную палатку, которую следует ставить на местах по возможности чистых. И на таковых местах убеждать жителей поставлять кресты, которые потом будут как признаком самого места, где была приносима бескровная жертва, так и местом общественных молитв для жителей во время твоего отсутствия.

26. Пребывай более постоянно именно там, где будет более полезно и нужно. Особенно счастлив тот проповедник, пребывание которого инородцы считают своим счастьем.

27. В преподавании учения вышеизложенным порядком наблюдай, чтобы к изъяснению предметов последующих приступать не прежде, разве когда все слушающие тебя, или, по крайней мере, большая часть из них, поймет предыдущие — невзирая на то, что от сего могло бы замедлиться крещение многих. Чем тверже будет положено основание, тем прочнее будет здание и легче созидать его.

28. Касательно учения веры и закона христианского никаких доказательств, не подтвержденных св. Писанием, не употреблять — тем более ложных чудес и откровений не вымышлять, под опасением строжайшего осуждения. Но если где Господь видимо явит Свою силу — или в чудесном исцелении кого-нибудь, или необыкновенном откровении и прочее, то таковых дел Божиих не скрывай, но, сделав надлежащее и беспристрастное исследование, со всеми доказательствами представлять к своему начальству.

29. Для того чтобы умножить число принимающих св. крещение, отнюдь не употреблять каких-либо мер и средств, не соответствующих Евангельскому духу и неприличных проповеднику, как то: ни принуждений, ни угроз, ни подарков, ни обещаний (льгот и прочее), ни каких-либо суетных обольщений, но всегда действуй с апостольскою искренностью.

30. К таинству святого крещения инородцев допускай не ранее того, как они будут научены тобой вышеизложенным предметам веры и закона тогда, когда они сами изъявят на то свое согласие.

31. Все народы, живущие в наших Российских колониях, считаются принадлежащими России; но не просвещенные из них св. крещением еще не знают того, что они находятся под могущественным покровом России, и что спокойствие их, которым они наслаждаются, есть ее благодеяние, а потому ты должен внушать им об этом, и вообще при всяком удобном случае старайся представлять им превосходство нашего правительства в сравнении с другими, его бескорыстное об них попечение, заботливость и проч.

32. По прибытии в назначенное тебе место отнюдь не говори, что ты послан от правительства, и не выдавай себя за какого-либо начальника, но за простого странника, желающего истинного благополучия ближним и пришедшего для того только, чтобы показать средства и по возможности руководить их к тому.

33. С первого вступления твоего в должность своим поведением и добродетелями, соответствующими твоему сану, старайся заслужить о себе хорошее мнение и уважение, как инородцев, так и живущих там европейцев. Доброе мнение заставляет уважать, а кого не уважают, того и не слушают.

34. Отнюдь не обнаруживай презрения к их образу жизни, обычаям и прочее, как бы они ни казались тебе странными; ибо ничто не может так сильно оскорбить и раздражить туземцев, как явное презрение к ним и насмешки над ними и их обычаями.

35. С первого свидания с инородцами старайся снискать их доверие и расположение — но не подарками или ласкательством, а рассудительностью, готовностью на всякую помощь, добрыми и благоразумными советами и искренностью. Иначе кто откроет тебе свое сердце, если не будешь пользоваться доверием?

36. В преподавании учения и в беседах с инородцами будь всегда кроток, ласков, прост и отнюдь не показывай величавого учительского вида.

Краткое Увещание Христианам

1. Что всякий при крещении святом через отца и мать крестную отрекся от сатаны и всех дел его, и всего служения его и вся гордыни его; и сие учинил трикратным отрицанием. Сатана всегда и всяким образом старается погубить человека, а ангелы его, бесы, есть тоже духи злые, враждебные к нашему роду. Все дела их — злые и Богу весьма ненавистные, к ним относятся: идолослужение, колдовство, гадание, суеверия, гордыня, высокоумие, злопамятность, зависть, вражда, объедение, пьянство, блуд, прелюбодеяние, и всякие нечистоты: сребролюбие,

разбой, хищение, воровство, сквернословие, крики, песни скверные и все то, что противится добрым нравам.

Служит сатане тот, кто этими и подобными им делами волю его исполняет. Поэтому внимай, возлюбленный, что ты от всех сих троекратно отрекся при крещении и на все сие поплевал. Берегись же на сие возвращаться.

2. Отрекшись сатаны, ты троекратно обещал служить Христу Сыну Божию, со Отцем и Святым Его Духом. Итак, ты на крещении в службу Христу записался и присягнул так, как воины своей Родине в службу записываются и присягают. Поэтому должно служить верно, даже до смерти.

А как служить Христу? — Послушай: Веру в Него иметь и с верой жизнь свою в страхе Божиим благоговеино и благочестиво проходить; и Ему, как Начальнику и Царю всех, по возможности сообразовываться.

3. К исполнению своего христианской звания полезно в помнить следующее:

Первое — вездеприсутствие Божие; что Богу известно не только все наши дела и слова, но и помышления наши Он знает.

Второе — житие Христово и Его добровольное страдание вспоминать — то, что Он ради спасения человека странствовал на земле и весьма страшные страсти претерпел.

Третье — помни следующие четыре факта:

1. Смерть, никем не минуемую и различным образом получаемую.
2. Страшный Суд, где за слово, дело и помышление злое дадим ответ.
3. Ад и муку вечную, конца не имеющую, грешников ожидающую.
4. Царство Небесное уготованное верным, свято пожившим.

Сия по должности своей, всякому о Христе братии предлагаю и увещаю, сие всякому в своей памяти содержать и домашних своих этим увещанием почаще подкреплять, а в особенности внушать малым детям, чтобы они знали и помнили свое призвание и с молодых лет приучались благочестию. Ибо от воспитания все житие зависит; и родители, в страхе Господнем детей своих не воспитывающие, Божьего наказания не избегнут!

Все вышенаписанное заканчиваю словами Апостолов Павла и Петра:

«Будем бодрствовать и трезвиться. Ибо... мы... будучи сынами дня, да трезвимся, облекишись в броню веры и любви и в шлем спасения, потому что Бог определил нас не на гнев, но к получению спасения чрез Господа нашего Иисуса Христа, умершего за нас, чтобы мы, бодрствуем ли, или спим, жили вместе с Ним. Посему увещайте друг друга и наставляйте один другого» (1 Фес. 5: 6–11).

«Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить. Противостойте ему твердою верою» (1 Пет. 5: 8–9).

Историческая справка

Православная Церковь в Америке

Обширные северные просторы Северной Америки в большинстве своем были открыты и изучены отважными русскими исследователями. Сотни русских названий на огромном пространстве от Алеутских островов почти до залива Сан-Франциско, от самой южной точки Аляски и до самой северной, свидетельствуют о замечательном подвиге нашего народа. Среди алеутов и жителей Аляски особенно памятно имя гражданина города Рыльска Курской губернии купца Григория

Ивановича Шелихова (1748–1795) — основателя на той земле первых поселений. Налаживая торговлю с местными жителями, обучая их промыслу, грамоте, счёту, подготавливая из местных жителей переводчиков, мастеровых и мореходов, Шелихов одновременно стремился внушить им основные понятия православной веры в Троиственного Бога, в Христа Спасителя, учил их начальным молитвам, а подчас и крестил их.

По его представлению Святейший Синод назначил в 1793 году в Аляску первую православную миссию, составленную из валаамских монахов во главе с архимандритом Иоасафом (Болотовым), которая в сентябре 1794 года после долгого десятимесячного путешествия прибыла к месту своего назначения — на остров Кадьяк. Здесь миссионеров ждали суровые условия: негостеприимный климат, чужие обычаи и пища... Но неустанные труды принесли свои плоды — уже к концу 1796 года число христиан в Северной Америке достигло 12 тысяч. В 1798 году архимандрит Иоасаф выехал с докладом в Иркутск, где по решению Святейшего Синода был хиротонисан во епископа Кадьякского. Но на обратном пути корабль, на котором находился епископ Иоасаф, утонул, и все погибли. Конечно, это была огромная потеря, но Промыслом Божиим самым видным миссионером становится преподобный Герман Аляскинский, единственный в миссии монах, не облечённый священным саном. Своей проповедью и делами христианского милосердия и любви он привлёк тысячи туземцев в лоно Православной Церкви.

В 1823 году на остров Уналашка прибыл священник *Иоанн Вениаминов* (впоследствии митрополит Московский и Коломенский). Трудно переоценить его вклад в дело просвещения Америки. Обладая поистине апостольской ревностью и обширными знаниями в области этнографии и лингвистики, отец Иоанн хорошо изучил язык и нравы своей паствы. На острове Уналашка была открыта школа для мальчиков, в которой он сам и преподавал. Отец Иоанн даже создал алеутам письменность, которой у них до этого не было, и перевёл множество библейских богослужебных и поучительных текстов.

После смерти супруги отец Иоанн (в 1849 году), по благословению своего духовника святителя Филарета (Дроздова), принимает монашеский постриг с именем *Иннокентия*, а вскоре и хиротонию во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского.

В 1867 году Аляска была продана Америке, и в Русской Церкви шли разговоры о упразднении миссии, но владыка Иннокентий увидел в этом Промысл Божий, устраивающий всё во благо. В это время он писал, что для распространения православной веры по всем Соединённым Штатам следует специально подготавливать пастырей, чтобы они хорошо владели английским языком, и таким образом Православие могло бы распространиться по всей Америке.

В 1872 году епископская кафедра была переведена из Новоархангельска в *Сан-Франциско*; тогда же в церковное богослужение был введён английский язык.

В конце XIX столетия масса украинских и белорусских эмигрантов прибыла из России в Америку в поисках лучшей жизни. Они объединялись в приходские общины, воздвигали храмы и приглашали священнослужителей. Покидали родные края и карпатороссы бывшей Австро-Венгрии. Испытывая социальную нужду, они уезжали из родных Карпат в Америку. Многие из них принадлежали униатскому расколу, но Господь вскоре воздвиг из их же среды добрых пастырей, приведших многих в лоно Православия. Среди сих добрых делателей на ниве Христовой особенно потрудился святой Алексей (Товт). Всего в период — с 1891

года до Первой мировой войны — в Америке с Русской Церковью воссоединилось около 120 униатских карпаторосских приходов.

В 1905 году при архиепископе *Тихоне* (будущий патриарх Московский) епархиальный центр Алеутской и Североамериканской епархии был перенесён в Нью-Йорк в связи с увеличением количества приходов на востоке США. По просьбе увеличившейся православной общины в Нью-Йорке Святейший Синод Русской Православной Церкви ассигновал 20 тысяч долларов, и в 1904 году был воздвигнут величественный храм во имя Святителя Николая. Заботами владыки Тихона существовавшая в Миннеаполисе миссионерская школа была преобразована в семинарию, в Кливленде основано Духовное училище, в Пенсильвании открыт мужской общежительный монастырь, был также сделан перевод богослужебных книг на английский язык.

К 1918 году Американская епархия располагала четырьмя викариатствами — Аляскинским, Бруклинским, Питтсбургским и Канадским; насчитывала три миссии (Албанскую, Сирийскую, Сербскую), 271 храм, 51 часовню, 31 благочиние, 257 священнослужителей, около 60 братств; имела Свято-Тихоновский монастырь в Саут-Канаане, сиротский приют при монастыре, Духовную семинарию, церковные школы; насчитывала до 300 тысяч верующих, издавала «Американский Православный Вестник». Полнота православной церковной жизни в Америке уже в начале века приводила к мысли русских церковных деятелей в США о самостоятельности Церкви. В 1906 году архиепископ Тихон в своем докладе Предсоборной Комиссии в России рекомендовал предоставить Американской епархии широкую автономию. Однако мечте архиепископа Тихона и его преемников тогда не суждено было сбыться.

Революция 1917 года в России очень болезненно отозвалась на православной жизни в Америке, почти невозможным стало поддерживать регулярную связь с Матерью-Церковью. В этой ситуации, принимая во внимание решения Московского Собора 1917–1918 года и декрет Патриарха Тихона о порядке временного управления заграничных епархий Русской Церкви, второй Всеамериканский Собор (1919) провозгласил временное самоуправление Северо-Американской Епархии. В 1924 году четвертый Всеамериканский Собор подтвердил это решение и преобразовал Северно-Американскую Епархию в Метрополию, дав ей официальное название Русская Православная Греко-Кафолическая Церковь в Америке. Согласно решению Собора Метрополия должна была существовать до того момента, когда возможно будет восстановить нормальные отношения с Церковью в России. Условия эти появились только во второй половине 60-х годов.

На 13-м Всеамериканском Соборе (1967) был поставлен вопрос об официальной перемене названия Церкви, и подавляющее большинство делегатов выступило за переименование Метрополии в Православную Церковь в Америке (ОСА).

По материалам журнала «Русский Паломник» № 4 и № 9 1994 г.; Православного календаря «Год Души» 1999 г. (изд. «Синтагма»); »Путешествия и подвиги свт. Иннокентия митр. Московского, апостола Сибири и Америки» (изд. «Даниловский благовестник»); Барсуков И.П. «Иннокентий митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников».

Святитель Иннокентий, просветитель Аляски

ЖИТИЕ СЯГОГО АПОСТОЛА ИННОКЕНТИЯ МОСКОВСКОГО

Возникновение Православной Церкви в Америке связано с миссионерской активностью Русской Церкви. В конце XVIII века русские миссионеры — иноки Валаамского и Коневского монастырей — пришли проповедовать слово Божие в Русскую Америку, тогда — удаленную часть своего собственного Отечества. При этом они не ставили перед собой цель русифицировать местное население — одним из первых их дел был перевод Священного Писания и богослужебных книг на языки местных народов. И семена веры Христовой, посеянные здесь, дали обильные всходы, а преподобный Герман Аляскинский и святитель Иннокентий (Вениаминов) прославлены в лике святых.

Святитель Иннокентий был замечательным проповедником. Совершая литургии, молебны и всенощные бдения, он неизменно наставлял паству. Во время многочисленных поездок святитель Иннокентий изучал язык, быт и нравы народов, среди которых проповедовал. Его труды по географии, этнографии и языкознанию получили мировую известность. Он составил алфавит и грамматику алеутско-лисьевского языка и перевёл на него Катехизис, Евангелие и многие молитвы. Одно из лучших его произведений «Указание пути в Царство Небесное» (1833) переведено на разные языки и выдержало более 40 изданий. Благодаря трудам святителя Иннокентия жители Аляски впервые услышали Слово Божие и богослужение на своём родном языке.

Первые шаги

Будущий митрополит Московский родился 26 августа 1797 года, в день празднования Владимирской иконы Божьей Матери, в небогатой семье Евсевия Попова, пономаря Ильинской церкви в сибирском селе Ангинском. При крещении ребёнка нарекли Иоанном.

Ване было шесть лет, когда умер его отец. Мать осталась одна с четырьмя детьми, и Ваню взял к себе брат отца, диакон Димитрий, служивший в том же Ильинском храме. В семь лет Ваня стал чтецом. Впервые он стал читать на службе на Рождественской литургии, и первыми его словами были: «Прокимен, глас осьмый: Вся земля да поклонится Тебе, и поет Тебе, да поет же имени Твоему, Вышний».

Ни сам маленький чтец, ни люди, бывшие в церкви, не могли тогда предположить, что вся дальнейшая жизнь Вани будет освящена этими пророческими словами.

Толковое чтение нового чтеца понравилось прихожанам, но особенно утешена была мать: ободрённая успехами сына, она мечтала определить его пономарём на место отца, чтобы иметь опору себе и остальным детям. Но для этого нужно было идти учиться, и в 1806 году Иван поступил в Иркутскую семинарию.

Учился мальчик хорошо. В свободное время его можно было найти в семинарской библиотеке или у дяди, который, овдовев, постригся в монахи и переехал в Иркутск. Диакон Димитрий (в иночестве Давид) был хорошим часовых дел мастером и механиком-самоучкой. Своими занятиями он увлёк и племянника.

В семинарии, чтобы различать многочисленных однофамильцев, ректор переменил фамилии многим ученикам. Тогда Иван Попов и стал Вениаминовым, в память о недавно скончавшемся иркутском епископе Вениамине.

Иркутская епархия крайне нуждалась в церковно- и священнослужителях. Поэтому многие семинаристы, ещё не окончив обучения, шли дьячками и пономарями в храмы или принимали сан диакона или священника. Так случилось и с Иваном Вениаминовым. За год до окончания семинарии он женился на дочери священника Благовещенской церкви, Екатерине Ивановне, и был посвящён в диаконы к той же церкви.

Отец Иоанн закончил семинарию одним из лучших, а через четыре года был рукоположен во священника. Молодой батюшка снискал любовь и уважение прихожан за свой добрый нрав, за торжественную чинность богослужения. По воскресеньям перед литургией отец Иоанн собирал в церковь детей и рассказывал им о христианской вере, о богослужении, правилах благочестивой и богоугодной жизни.

В свободное время отец Иоанн делал часы и музыкальные органчики с духовными гимнами, что позволяло обеспечить материальное положение семьи. Из Ангинского переехали к отцу Иоанну его мать и брат Стефан. У батюшки родился сын, которого назвали Иннокентием. Семья жила в собственном доме, не в роскоши, но в достатке. Всё, казалось, в жизни установилось прочно и надолго, ни сам отец Иоанн, ни его близкие не ожидали больших перемен.

В конце 1822 года в Благовещенской церкви появился новый прихожанин — некий Иван Крюков, сорок лет проживший в колониях Российско-Американской компании. С увлечением рассказывал он о Русской Америке и особенно о жителях Алеутских островов — алеутах, об их простосердечии, незлобии, прямодушии, глубокой преданности православной вере. В своих рассказах он нередко убеждал отца Иоанна ехать в эту далёкую страну.

В это же время иркутский епископ Михаил получил указание Святейшего Синода о том, что на остров Уналашка, на Алеутские острова, входившие тогда в состав Иркутской епархии, нужно послать священника. Получил приглашение на миссионерское служение и священник Иоанн Вениаминов, но, как и другие, отказался.

Тем временем Иван Крюков собрался уезжать из Иркутска. Когда он зашёл с прощальным визитом к епископу Михаилу, то встретил там и отца Иоанна. Разговор быстро перешёл на беспокоившую всех тему: о командировании священника на остров Уналашка. Иван Крюков опять стал рассказывать об алеутах:

— Ах, Ваше Преосвященство! Вы не поверите, как алеуты усердны к вере. Несмотря ни на что — ни на мороз, ни на снег, они идут к заутрене в часовню. А

часовня эта построена из досок и не имеет печки. И стоят, иногда босые, не переступят с ноги на ногу во всё время, пока читают заутреню.

— Эти самые слова, как стрелой, уязвили моё сердце, — вспоминал после отец Иоанн, — и я загорелся желанием ехать к этим людям... Пусть мой пример будет новым доказательством той истины, что от Господа исправляются человеку пути его. Ему угодно было назначить мне поприще служения в Америке, — и это исполнилось, несмотря даже на противление моей воли.

Владыка не без колебаний согласился и благословил самоотверженную решимость отца Иоанна. И 7 мая 1823 года, отслужив перед дорогой молебен, отец Иоанн выехал из Иркутска. Вместе с ним, кроме жены и сына, отправились старушка-мать и родной брат.

На острове Уналашка

На нелёгкое путешествие ушёл почти год, и 29 июля 1824 года отец Иоанн с семейством прибыл на остров Уналашка. Новый приход составляли две группы Алеутских островов — Лисьи и Прибылова.

Лисьи острова гористы и почти безлесны. При подошвах гор и на равнинных местах растут низкий тальник, ольховник. Местами можно встретить ягоды и грибы. Верхняя часть гор совершенно обнажена или покрыта мхом и ползучими растениями. Конические вершины почти всегда скрыты непроницаемым мраком, так как это потухшие или же дремлющие вулканы, а потому землетрясения — нередкое явление на островах. Солнечных дней здесь почти не бывает. Это царство холода, ветров и туманов.

На островах Прибылова — острове Святого Павла и острове Святого Георгия — не так холодно, как на Лисьих, где зимой иногда на лету замерзают птицы. Здесь зимой всего 5-6 градусов ниже нуля. Но постоянные ветры всегда несут снежные метели или дождь. Летом здесь не намного теплее, но небо по-прежнему скрыто за пеленой тумана. Ради промысла котиков и сивучей здесь были устроены поселения: два-три добротных дома для конторы и казармы для рабочих. На острове Святого Павла имелась часовня в честь Первоверховных Апостолов.

На острове Уналашка было десять селений, в которых жили алеуты, креолы и русские. Их основным промыслом была охота на лисиц, бобров, морских котиков и сивучей. Паства отца Иоанна, среди которых русских было совсем немного, была слабо укреплена в христианстве. Добросердечные жители островов искренне приняли Евангельское благовествование в 1795 году, когда их крестил иеромонах духовной миссии Макарий. Но с тех пор они оставались без священника. Бывавшие здесь изредка батюшки не имели походных церквей и не могли приобщить новообращенных Святых Таин, как и сам креститель алеутов отец Макарий. За краткостью времени и отсутствием хороших толмачей он смог передать алеутам только самые общие понятия о Боге, Его всемогуществе, благодати, любви к роду человеческому. Так что алеуты, хотя веровали и молились Богу, как были научены, но ко времени прибытия отца Иоанна это была, можно сказать, вера и молитва неведомому Богу.

Суровый климат, приход, разбросанный по многочисленным и порой труднодоступным островам, малопонятные нравы, быт и язык чужого народа, отсутствие достаточных материальных средств — всё это не обещало лёгкой жизни, извест-

ности, славы... Но отец Иоанн не пал духом. С упованием на Бога и готовностью к самоотвержению принялся он за дело.

Главное селение острова Уналашка — место нового жительства отца Иоанна Вениаминова — официально именовалось селением Согласия, но обычно по месту расположения называлось Гаванским. Через два дня после своего прибытия, 1 августа 1824 года, отец Иоанн отслужил в деревянной часовне первую литургию и благодарственный молебен о благополучном завершении длинного и трудного пути. Дом, в котором расположилось семейство нового уналашкинского священника, был больше похож па землянку — обычное жилище островитян. Из-за безлесности здешних мест их строили из тонких жердей — стволов кустарников, и обсыпали землёй.

Знакомясь со своими прихожанами и обдумывая, что следует предпринять в первую очередь, отец Иоанн в горячей молитве испрашивал вразумления и благословения от Господа. Через некоторое время пришло к нему твёрдое решение — первым его делом должно быть строительство на Уналашке храма. Второе, без чего невозможно было бы сделаться для алеутов отцом, советчиком, другом, должно стать, полагал отец Иоанн, изучение языка островитян, так мало схожего с языками Старого Света.

Для построения церкви необходимы были материалы, недостаток которых на безлесной Уналашке ощущался всегда. Лес для строительства с большими трудностями и издержками мог быть доставлен с острова Ситха. Правление Российско-Американской компании обещало содействовать в этом деле. Гораздо сложнее было найти рабочих для строительства. Отец Иоанн заметил, что алеуты во всех отношениях очень переимчивы. Они скоро перенимали у русских всякое рукоделие, какое имели случай видеть. Как пригодились тогда отцу Иоанну основательное знакомство с механикой и те ремесленные навыки, которые он приобрёл в юности! Он сам принялся за подготовку рабочих из алеутов, обучая их столярному, плотницкому, отчасти слесарному и кузнечному делу, изготовлению кирпича и каменной кладке. В этом совместном труде как нельзя лучше можно было сблизиться и узнать своих прихожан, их характер, нравы, представление о мире, познакомиться с их языком.

Через год, когда алеуты-строители были достаточно подготовлены, 1 июля 1825 года, начались работы по возведению церкви. Руководил ими сам отец Иоанн, а престол и иконостас он резал и золотил собственными руками. В трудах прошёл год, и 29 июня 1826 года, на праздник славных и всехвалых апостолов Петра и Павла, построенная церковь была освящена во имя Вознесения Господня. Это была первая церковь на Лисьих островах. Узнав ближе алеутов, отец Иоанн не мог не полюбить свою паству.

Большую часть времени отец Иоанн проводил в поездках по приходу. Для этого снаряжалось несколько байдарок, куда помещалось всё необходимое для совершения богослужения, провизия и запасы воды, садились гребцы-алеуты, толмач и сам отец Иоанн. Для путешествий между островами надо было иметь не только мужество, так как при сильном ветре легко можно было перевернуться, но и огромное терпение: в узкой байдарке сидеть приходилось с протянутыми и прижатыми, как у спеленатого, ногами. Но выбора не было — байдарка была единственным транспортом в этом крае.

Чего только не пришлось пережить путешественникам-миссионерам во время многодневных морских переходов! Не раз они, попадая в шторм, причаливали в

пустынном месте и, не имея несколько дней пищи, вынуждены были ждать перемены погоды или по горам добираться до ближайшего селения, неся на себе байдарки и весь груз. Но и духовные утешения посылал Бог самоотверженному священнику. Алеуты встречали его как самого близкого и родного человека. Всем селением с малыми детьми приходили они просить его благословения. С вниманием и доверием слушали наставления и беседы отца Иоанна, и скорее уставал говорить проповедник, чем алеуты переставали слушать. Ревностно исполняли они свои христианские обязанности. Неприхотливые в пище, они прилежно держали посты. Во всё время богослужения не сходили со своих мест, так что по следам, оставленным их торбасами на полу, можно было после службы сосчитать, сколько человек здесь молилось. А после расставания посылали гонцов просить снова приехать к ним.

Наступил Великий пост 1828 года, и отец Иоанн отправился к своим прихожанам, жившим на других островах. Путь лежал к острову Акун, находившемуся к северо-востоку от Уналашки. В первый раз посещал отец Иоанн эти места, и какво же было его удивление, когда он увидел, что местные жители стояли на берегу наряженными, как на торжественный праздник. Он вышел на берег, и островитяне бросились к нему с приветствиями и всячески старались показать свою радость по случаю его прибытия.

— Отчего вы такие наряженные? — поинтересовался отец Иоанн.

Толмач Паньков перевёл его вопрос, а затем, выслушав ответ одного из старших алеутов, сказал:

— Они знали, что ты выехал и сегодня должен быть у них, вот и вышли на берег, чтобы, как подобает, встретить тебя.

— Да откуда же вы узнали, что я буду у вас сегодня, и почему вы узнали, что я именно отец Иоанн? — удивившись ещё больше, спросил батюшка.

— Наш шаман, старик Иван Смиренников, сказал нам: «Ждите, к вам сегодня приедет священник: он уже выехал и будет учить вас молиться Богу». Он и описал твою наружность точно так, как мы видим тебя сейчас.

— Могу ли я видеть этого старика-шамана? — спросил отец Иоанн.

— Отчего же нет, конечно можешь, но теперь его здесь нет, когда он придёт, то мы скажем ему; да он и сам без нас подойдёт к тебе.

«Шаман» Смиренников

Эти слова чрезвычайно удивили отца Иоанна, но он, оставив их без внимания, занялся подготовкой акунских жителей к говению. Отец Иоанн разъяснял своим духовным детям основные положения православной веры, значение поста, затем наставлял о том, как должно исповедоваться. Через некоторое время присоединился к говеющим и Иван Смиренников. Он жил в Речешном, в десяти верстах от главного селения, в котором остановился отец Иоанн, и пришёл, чтобы подготовиться к Причастию и послушать

наставления батюшки. Но случилось так, что во время исповеди Смиренникова отец Иоанн не спросил, отчего называют его земляки шаманом. Да и после Причастия, поздравив старика с принятием Святых Таин и благословив его, отпустил, не расспрашивая. Через некоторое время к отцу Иоанну явился главный тойон (старейшина) острова и сказал, что Смиренников обижен на батюшку за то, что он не спросил, почему называют его шаманом, и более всего за то, что не запретил священнической властью так называть его.

— И ещё сказал, — переводил Иван Паньков, — что он никакой не шаман, и прозвище это для него неприятно и оскорбительно.

Отец Иоанн припомнил, что в своих поучениях из Священной истории, за краткостью времени, он порой кое-что опускал, но старик Смиренников всегда готов был его дополнить, а порой подтверждал сказанное тоном человека, сведущего в Священном Писании. Знал отец Иоанн, что кроме отца Макария, посещавшего этот остров более тридцати лет назад и крестившего всех здешних алеутов, других миссионеров здесь не было.

— Иван, что ты знаешь о Смиренникове? — спросил отец Иоанн своего помощника Панькова.

— Я, батюшка, знаю, что все жители острова почитают его за шамана. Не знаю, шаман ли он, но человек непростой. Три года тому назад жена тойона Фёдора Жарова из Артельновского селения попала в кляпцу (ловушку для лисиц). Удар всех трёх острых железных зубьев пришёлся прямо в коленную чашечку. От капкана ногу освободили, но рана была ужасная и боль нестерпимая. Родственники её тайно попросили старика об исцелении, и он, подумавши, сказал, что утром будет здорова. И действительно, она поутру встала и пошла, не чувствуя никакой боли, и поныне совершенно здорова.

— Зимой того же года, как случилась история с женой Фёдора, — вступил в разговор молодой алеут, пришедший вместе с тойоном, — мы имели большую нужду в пище, и некоторые из наших попросили старика Смиренникова, чтоб он дал нам кита, и он обещался попросить. Спустя немного времени указал нам место, где мы найдём кита: и действительно, придя туда, нашли целого свежего кита именно там, где он сказывал.

— В прошедшую осень, — сказал главный тойон, — мы все ожидали тебя, батюшка, потому что отправили за тобой людей с Акуна. Иван же утверждал, что ты не будешь осенью, а будешь на весну.

— Действительно, ветры удержали меня, и время сделалось уже позднее, а потому я оставил намерение своё до весны, — вспомнил отец Иоанн.

Эти повествования убедили отца Иоанна встретиться со стариком Смиренниковым, и он послал за ним. Однако тот и сам уже шёл навстречу гонцам.

— Я знаю, что меня зовёт отец Иоанн, и иду к нему.

Отец Иоанн стал расспрашивать Смиренникова, отчего он обиделся на него, как он живёт, спросил о близких и семье. Старый алеут искренне и без лукавства отвечал на все вопросы.

— Знаешь ли ты грамоте? — спросил батюшка.

— Нет, совсем не знаю, — ответил старик. Это было удивительно, потому что во время беседы Иван Смиренников показал, что хорошо знает и главные молитвы, и Евангелие.

— Скажи, а откуда ты узнал о дне моего приезда, и даже описал собратьям мою наружность? Я слышал также, что ты излечиваешь от болезней и умеешь предсказывать будущие события.

Иван Смиренников простосердечно начал своё удивительное повествование:

— О твоём приезде сказали мне два моих товарища.

— Кто же это? — прервал его отец Иоанн.

— Белые люди. Вскоре, как крестил нас отец Макарий, пришёл ко мне один из них, а потом и другой. Они были белы лицом, и на них были белые одежды. Они сказали, что посланы от Бога, чтобы учить меня вере и охранять. И вот уже почти тридцать лет я вижу их почти ежедневно, приходят они днём или к вечеру. Ночью они не являются. Вот они и рассказывали мне о том, что я услышал от тебя, помогали мне часто, а иногда по моей просьбе и другим. Когда я просил помощи для других, они отвечали: «Мы спросим у Бога и, если Он благоволит, исполним». Иногда они сказывали о происходящем в других местах.

— Скажи, Иван, а как они учат молиться, себе или Богу? — снова задал вопрос отец Иоанн.

— Каждый раз они говорили, что всё возможно силой Бога Всемогущего. А молиться они учили Творцу духом и сердцем, и иногда молились вместе со мной подолгу. Они показывали мне, как правильно изображать крест на теле, наказывали не начинать никакого дела, не благословясь. Велели не есть рано поутру, не есть вскоре убитой рыбы и зверя ещё теплого, а некоторых птиц и морских существ совсем не употреблять в пищу. Говорили, что Богу противны убийство, воровство, всякий обман и корысть, и особенно велели соблюдать чистоту до супружества и в супружестве.

— А являлись ли тебе твои товарищи после исповеди и Причастия? Велели ли слушать меня? — поинтересовался отец Иоанн.

— Да, я виделся с ними. Они говорили, чтобы я никому не сказывал исповеданных грехов своих и чтобы после Причастия вскоре не ел жирного. Про тебя же сказали, чтобы слушался твоего учения, а других русских, промышленных, которые поступают не так, как ты учишь, не слушал. Я и сегодня видел их, они-то мне и сообщили, что ты желаешь видеть меня и я должен пойти и всё рассказать тебе и ничего не бояться.

— Послушай, когда они являются тебе, что чувствуешь ты — радость или печаль?

— Если сделаю что худое, то при виде их душа моя чувствует стыд и угрызения, а в другое время не чувствую никакого страха. Но очень мне обидно, что многие считают меня за шамана. Я даже однажды просил их, чтобы они больше не приходили, потому что не хочу быть шаманом. Но они сказали, что им не велено оставлять меня. А когда я спросил, почему они не являются другим, они ответили также, что не велено. И ещё кое-что они говорили о тебе: в недалёком будущем ты, отправив свою семью берегом, сам поедешь большой водой к великому человеку и будешь говорить с ним.

Отец Иоанн был в замешательстве от услышанного. Трудно было заподозрить Смиренникова в обмане. Размыслив, батюшка решил попросить о встрече с необыкновенными товарищами старика:

— Скажи, могу ли я видеть их и говорить с ними?

— Не знаю, я спрошу, — был ответ.

Они распрощались, старик ушёл, а отец Иоанн отправился на ближайшие острова. Вернувшись из непродолжительной поездки, отец Иоанн встретил Смиренникова, по виду которого можно было догадаться, что у него есть ответ.

— Что же, спрашивал ты своих белых людей, желают ли они принять меня? — спросил отец Иоанн, благословляя Смиренникова.

— Спрашивал. Они сказали, что ты можешь видаться с ними, если желаешь. И ещё они сказали: «Зачем ему видеть нас, когда он сам учит вас тому, чему мы учим? Неужели он все ещё почитает нас за диаволов?» Однако пойдём, я тебя приведу к ним.

Эти слова поразили отца Иоанна, благоговейный страх охватил его.

«Что, ежели и в самом деле, — подумал он, — я увижу их, этих ангелов, и они подтвердят сказанное стариком? И как я пойду к ним? Ведь я же грешный человек и недостойный говорить с ангелами. Это гордость и самонадеянность, да и удержусь ли, чтобы не возмечтать много о себе. Да и какая нужда говорить с ними, если учение их, учение христианское, не коварное ли любопытство заставляет искать этой встречи? Как пойти на такое без благословения старшего?» И он решил отказаться от встречи с необыкновенными товарищами Ивана Смиренникова.

— Они правы, — сказал он старику, — мне незачем видеть их. По всему ясно, что являющиеся тебе духи не диаволы, потому что хотя диавол и может иногда преображаться в ангела света, но никогда для наставления и назидания и спасения, а всегда для погибели человека. А потому слушай их учение и наставления, если только оно не будет противно тому, чему я учил вас в общем собрании. Но другим, спрашивающим тебя о будущем и просящим помощи твоей, сказывай, чтоб они сами просили Бога, как общего всех Отца. Лечить тебе не возбраняю, но только с тем: кого намерен излечить, сказывай, что не своей ты силой лечишь, но Божией, и советуй прилежнее молиться и благодарить Единого Бога; не запрещаю также и учить, но только детей. О будущем же никому, и даже мне самому, не говори ни слова! А всем акунцам я непременно скажу и велю передавать другим, чтобы никто не называл тебя шаманом.

Сделав такое наставление, отец Иоанн тепло распрощался с Иваном Смиренниковым. Дела, по которым он прибыл на Акун, были исполнены, настала пора возвращаться на Уналашку. На обратном пути, вовсе не замечая неудобств плавания, отец Иоанн вспоминал услышанное и задавал себе вопрос, верно ли он поступил. В ответ на эти сомнения снова приходила ему на ум мысль, которая была решающей, когда он рассуждал на острове о возможности встречи: самовольство в таком, как, впрочем, и во всяком деле, непохвально. Надобно спросить благословения и наставления архиерея. И, приехав домой, он стал писать письмо к иркутскому архиепископу Михаилу, с подробным изложением происшествия на Акуне, в котором спрашивал, «справедливо ли я поступил в сем случае, и мог ли я и нужно ли, если только жив будет сей старик, видеть мне и говорить с духами, ему являющимися, и если можно, то с какою предосторожностью».

Через десять лет, когда священник с Алеутских островов окажется в столичном Петербурге и сбудется предсказание Ивана Смиренникова о встрече с «великим человеком» (с ним будет беседовать государь Николай I), отец Иоанн будет рассказывать своему новому знакомому, путешественнику и писателю Андрею Николаевичу Муравьеву эту удивительную историю.

— И вам не удалось более видеть старца и беседовать с его посетителями? — спросит его Муравьев.

— Нет, — ответит с христианским смирением отец Иоанн, — потому что ответ моего архиерея пришёл ко мне только на третий год. В письме Владыка писал, что он желал бы, чтобы я решился видаться и говорить с духами, предмет же нашего разговора, по его мнению, должен быть не иной, как судьба новообращённых алеутов, о пользе которых и следует просить у Бога. Также Владыка наставлял,

чтобы в продолжение возможного свидания помнить молитву Господню, которую и повторить вместе с духами. Но ко времени получения письма старец скончался блаженной кончиной, предсказав день и час своей смерти. Он собрал вокруг себя все своё семейство, зажёл свечу перед иконой, молился, простился со всеми и на одре смертном, оборотясь к стене, тихо испустил дух.

Чему более будут удивляться тогда петербургские слушатели: чудным ли дарованиям алеутского старца или смирению миссионера, который лишился единственного случая видеть ангелов и говорить с ними, но не преступил заповеди послушания. Эта удивительная история ясно показала, что такие чудесные явления нужны были Смиренникову с семейством и единоплеменными его, когда не было для них духовного наставника, когда же явились люди, помогающие в их пути ко спасению, небесные руководители сокрылись.

Путешествия отца Иоанна немало помогли ему в изучении алеутского языка. После овладения языком он взялся за переводы. В первую очередь отец Иоанн перевёл главные христианские молитвы: «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся» и Символ веры, потом начал переводить Евангелие от Матфея. Батюшка не раз видел, как алеуты часами рассматривали, бережно перелистывая, Псалтирь, совершенно не зная церковнославянского языка.

Ситха

В то время, когда невозможны были поездки по приходу, отец Иоанн писал учёный труд — «Записки об островах Уналашкинского отдела». Это было собрание его многолетних путевых дневников, которые он вёл во всех своих путешествиях. Сюда вошли география островов, их климат и природа, описание жизни алеутов: их быт, нравы, сказки...

Главный правитель Компании Ф.П. Врангель, обеспокоенный уменьшением числа морских котиков из-за безрассудной погони за «мягким золотом», поручил отцу Иоанну, в чьём приходе на островах Прибылова были главные охотничьи промыслы, рассчитать табель промысла.

Батюшка не любил и не умел быть праздным и детям своим, а их было уже пятеро, лишь только замечал, что они бездельничают, тотчас придумывал что-нибудь полезное и занимательное. Батюшка всегда был окружён детьми, своими и чужими. Он рассказывал им Священную историю, играл в мяч, гулял по горам, собирая камни и рассказывая о них. Когда камней накопилось порядочно, он предложил детям выложить тропинку от дома до церкви. По вечерам отец Иоанн, как когда-то на родине, нередко изготавливал для продажи часы и музыкальные органчики, приобщая к работе и детей.

На Уналашке отец Иоанн провёл десять лет, снискав не только всеобщую любовь среди алеутов, но и глубокое уважение руководства Компании. Именно такого священника хотело видеть правление в главном городе Русской Америки — Новоархангельске. В 1834 году вышло предписание о переводе отца Иоанна Вениаминова в Михайловский собор Новоархангельского порта, расположенного на западном берегу острова Ситха.

Новоархангельск был со всех сторон окружён покрытыми гигантскими хвойными лесами горами. Из-за морских юго-западных ветров воздух здесь так влажен, что человеку непривычному кажется, что он погружён в холодную паровую

ванну. В городе жили русские — служащие Компании. На острове промышлялась рыба, жители города выращивали овощи.

Отец Иоанн с семьёй прибыл на Ситху 22 ноября. В первую зиму своего пребывания на Ситхе отец Иоанн был занят делами, связанными с местом его прежнего служения, и не успел толком познакомиться с коренными обитателями острова — колошами или тлинкитами. Летом же они обыкновенно разъезжались на рыбные и пушные промыслы. Наступившей осенью также было много уважительных причин, препятствовавших приняться за проповедь. Но зимой отец Иоанн решил непременно приступить к делу. Новый начальник колоний Иван Антонович Куприянов снабдил священника всем необходимым, оставалось только начать. Но по каким-то маловажным обстоятельствам и случаям батюшка откладывал свой поход к колошам со дня на день. Какое-то нежелание, чуждое ему в делах проповеди, удерживало его. Между тем наступил праздник Рождества Христова. Отец Иоанн дал себе твёрдое обещание по окончании Святков непременно начать задуманное. Но вдруг, за три дня до намеченного им срока, у колошей появилась оспа, и именно в тех самых местах, с которых предполагалось начать их посещать. Поспешив отец Иоанн до эпидемии приступить к беседам, и всю вину возложили бы на него как на русского шамана, напустившего на них такое зло. И почти утихшая вражда колошей к русским могла бы вспыхнуть с новой силой, а священник из благовестника стал бы для них злым вестником гибели и смерти.

Оспа свирепствовала так жестоко, что в течение января и февраля наступившего 1836 года погубила почти половину народа. Увидев, что русские не претерпели никакого вреда, хотя колоши пытались их заразить, подкладывая в продаваемые продукты оспяные стружья, колоши, настроенные более дружелюбно, обратились к русским с просьбой спасти их от смерти. Ситхинский доктор по фамилии Бляшке стал делать колошам прививки. Когда их сородичи увидели, что все, обратившиеся к доктору, остались невредимы среди свирепствовавшей болезни, то стали приходить и приезжать из самых дальних мест, чтобы и им сделали на руке спасительную царапинку.

Происшедшие события умиротворили воинственных колошей, они уже не смотрели на русских с прежней враждебностью. Поэтому, когда отец Иоанн пришёл к ним с проповедью, они приняли его не как желающего им зла, но как человека, от которого можно узнать важное и полезное. Колоши начали слушать слова спасения. Однако отец Иоанн не стал сразу предлагать им креститься. Рассказывая об истинах христианской веры, он ждал их собственного решения. Тех же, кто просил о крещении, он принимал с радостью, но всегда спрашивал согласия их тойонов и матерей, которым такое уважение очень нравилось, и разрешение они охотно давали.

Теперь священник Вениаминов не раз проводил вечера в беседах с колошами, жившими около Новоархангельска. Он без опасений приходил в их жилища — бараборы, расспрашивал о жизни, преданиях, обычаях и обрядах, и сам рассказывал о событиях Св. истории. Колоши принимали его с радушием: каждый семьянин хотел, чтобы батюшка посетил и его жилище («Записки о колошах» свящ. Вениаминова).

Первая литургия в Стахине

В 1837 году отец Иоанн отправился в редут Стахин, находившийся на материке. Здесь в первый раз он должен был совершить Божественную литургию. Ба-

тешка заблаговременно пригласил всех колошей, живших вокруг редута, прийти в назначенное время к месту совершения священнодействия, потому что по своему опыту знал, какое глубокое впечатление оказывало на язычников православное богослужение.

Об этом можно привести свидетельство другого русского священника-миссионера, побывавшего в 1893 году на Гавайях. Позже на страницах журнала «Православный благовестник» он опубликовал безымянные записки о пребывании среди гавайских туземцев. Один из разделов этих записок называется «Православная литургия на Гавайских островах».

«Во время освящения Даров, — пишет автор записок, — сноп света прорвался сквозь щели навеса (литургия совершалась в деревенском дворике под полотняным навесом в виде беседки, где был установлен временный престол — обыкновенный стол) и упал на алтарь. Полудикие гавайцы, до сих пор чинно стоявшие вокруг беседки, где совершалось богослужение, вдруг проявили необычайное ликование, стали бить в ладоши и издавать радостные крики. Впоследствии я к этому привык, но в первый раз, должен признаться, мне сделалось жутко: каким образом они узнали, что наступил важнейший момент богослужения?»

Опытный миссионер впоследствии так объяснил русскому священнику поведение туземцев: «Они приветствуют евхаристического Христа, сошедшего на алтарь. Наши чувства уже настолько огрубели, что мы не все и не всегда ощущаем присутствие Христа на алтаре. Вот эти первобытные дети природы, не зная сладости христианского учения и благодатной силы Таинств, чувствуют присутствие евхаристического Христа, как мы иногда чувствуем приближение близкого и любимого человека».

...К началу богослужения в редут собралось около полутора тысяч колошей. Поскольку в Стахине не было часовни, отец Иоанн служил вне крепости под крышей обнесённого решёткой строения. С уважением смотрели колоши на непонятное им таинство. Не только взрослые, но и дети не шумели во время службы. А в конце вместе с русскими причащались несколько крещёных колошей.

После возвращения из Стахина отец Иоанн получил от тамошних тойонов приветствие и пожелание ещё раз видеть и слушать его. Такое живое религиозное чувство гордых колошей очень радовало священника и вселяло в него надежду увидеть этот деятельный, сметливый и храбрый народ возрожденным к благодатной жизни.

В Ситхе отец Иоанн устроил школу для новообращённых и их детей, где обучал их Закону Божию, грамоте и разным ремёслам, сам составляя учебники. На нём же лежала забота о благолепии храма Архангела Михаила. Не оставил он и научных трудов, завершив «Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка», батюшка с такой же тщательностью занялся колошенским и кадыякским языками, вёл записи обычаев и преданий колошей. Не забыл отец Иоанн и свою первую паству — дорогих сердцу уналашкинцев. В 1838 году он закончил перевод на алеутский язык Евангелия от Матфея, переводил он также молитвы, написал небольшие книжечки о православной вере и о том, как надо жить истинному христианину.

Пятнадцать лет прожил отец Иоанн в Русской Америке. Полюбили русского священника его первые прихожане — алеуты, с радостью принимали миссионера своенравные и гордые колоши, с большим уважением относилось к его трудам руководство Компании. Но утверждать в христианстве столь многих американцев

становилось все труднее и труднее. На огромной территории, с далеко отстоящими друг от друга поселениями, было только четыре священника. Не хватало людей, не хватало средств, чтобы обеспечить приходы даже самым необходимым.

В России не могли без отца Иоанна напечатать его переводы: для их проверки в Святейшем Синоде не нашлось бы знающих алеутский язык. И отец Иоанн решил просить своего архипастыря о длительном отпуске, чтобы объяснить высшей Церковной власти состояние и нужды далёкого американского края и попросить помощи и содействия.

Поездка в Санкт-Петербург. Смерть матушки Екатерины

8 ноября 1838 года священник Иоанн Вениаминов вместе со своей пятилетней дочерью Фёклой поднялся на борт судна, покидавшего Русскую Америку. Жена же его с остальными детьми поехала на родину, в Иркутск, где сыновья Иннокентий и Гавриил собирались поступать в семинарию.

22 июня 1839 года путешествие отца Иоанна через Тихий и Атлантический океаны окончилось, и судно бросило якорь в порту Кронштадта.

И Санкт-Петербург, и Москва тепло встретили миссионера. Многие стремились познакомиться с ним, чтобы услышать его удивительные рассказы. Много времени отец Иоанн проводил вместе с привязавшимся к нему митрополитом Филаретом. Успех в сборе пожертвований был полный. Шла работа над изданием переводов и сочинений отца Иоанна. Но неожиданно из Иркутска пришло скорбное известие: 25 ноября 1839 года, на следующий день после своих именин, скончалась супруга отца Иоанна Екатерина Ивановна. Потрясённый горем батюшка хотел немедленно ехать на родину к осиротевшим детям. Сочувственно отнёсся к его горю митрополит Филарет (Дроздов). Но в этом скорбном событии духовно опытный архипастырь увидел указание Божие на новое служение отца Иоанна Вениаминова: святитель стал убеждать его принять монашество.

Предложение митрополита заставило отца Иоанна глубоко задуматься. Сумеет ли он достойно исполнять монашеские обеты при деятельной жизни миссионера? Кто будет заботиться о шестерых его детях? Целый год отец Иоанн не мог решиться на этот подвиг. Он ездил молиться к русским святыням: в Троице-Сергееву лавру и в Киево-Печерскую Успенскую лавру. Тем временем Господь устроил судьбу детей отца Иоанна: дочери были приняты в Патриотический институт, а сыновья — в Духовную семинарию в Санкт-Петербурге. И 29 ноября 1840 года протоиерей Иоанн Вениаминов был пострижен митрополитом Филаретом в монахи с именем Иннокентий, в честь святителя Иннокентия Иркутского, которому все эти годы молился батюшка, прося помощи в своих миссионерских трудах.

На другой день новопостриженный монах Иннокентий был возведён в сан архимандрита. А потом сбылось то, что двенадцать лет назад предсказывал оцу Иоанну алеут Иван Смиренников: «В недалёком будущем ты, отправив свою семью берегом, сам поедешь большой водой к великому человеку и будешь говорить с ним» — архимандрита Иннокентия пожелал видеть император Николай I. Выслушав рассказы отца Иннокентия, государь император пригласил его к своим детям, сочтя полезным для них послушать о далёких российских владениях.

Иннокентий, епископ Камчатский

Тем временем Святейший Синод принял решение: образовать новую епархию — Камчатскую, Курильскую и Алеутскую — и обратился к государю с просьбой утвердить одного из трёх кандидатов на архиерейскую кафедру новой епархии. Одним из них был архимандрит Иннокентий. Его и утвердил император. И 15 декабря 1840 года архимандрита Иннокентия посвятили в сан епископа.

10 января 1841 года преосвященный Иннокентий покинул Санкт-Петербург, оставив в столице маленькую Фёклу. 11 марта он приехал в Иркутск. И в первое воскресенье он служил литургию в Благовещенской церкви, где начинал когда-то своё священнослужение. Казалось, весь город устремился к храму. Те, кому не удалось попасть внутрь, толпились у входа — всем хотелось видеть своего земляка, ставшего архиереем...

В начале мая епископ Иннокентий выехал из Иркутска. Ему предстояло повторить тот путь, который он проделал восемнадцать лет назад молодым священником. В селе Ангинском ждали его родные. Отсюда отправил он в Петербург двух своих сыновей и дочерей Ольгу и Параскеву. Дочь Екатерина, только что вышедшая замуж, со своим мужем, священником Ильёй Ивановичем Петелиным, отправлялась в Америку вместе со Святителем. Помолившись у родных могил, они отправились вверх по Лене...

27 сентября, в день памяти апостола Иоанна Богослова, епископ Иннокентий сошёл на берег своей епархии. Весь Новоархангельск вышел встречать Святителя. Отрадно было для Преосвященного Иннокентия заметить среди встречающих и лица крещеных колошей.

Осень и половину зимы в Новоархангельске прошли в первых заботах преосвященного Иннокентия о новой епархии. Но как только открылась навигация, 19 февраля 1842 года, епископ Иннокентий начал объезд своей епархии.

Нет слов, чтобы описать те чувства, которыми были преисполнены местные жители при встрече своего Владыки. В 1838 году оставил он священником своё стадо и, казалось, навсегда, и вдруг ныне является посреди него, облечённый высшею духовною властью. Не было слушателя, который бы не прослезился от умиления и радости при кратком приветственном слове Святителя.

Великий пост епископ Иннокентий провёл на острове Кадьяк. На первой неделе поста в Павловскую гавань острова приехали говеть алеуты из Трёхсвятительской артели. Среди них был один тойон, который выразил желание пред всеми рассказать о своих грехах, никого не постыдиться и ничего не утаить. Святитель воспротивился такому намерению, на что тойон сказал:

— Если я не стыдился грешить, то зачем буду стыдиться исповедывать грехи свои, хотя бы то было и пред всеми?

Такая вера алеута, который прилежнее всех постился и слушал поучения, умилила Святителя, и он спросил его наедине:

— Отчего ты усерднее и откровеннее прочих твоих братьев?

— Оттого, что я всех их хуже, — ответил тот.

Как часто мы слышим эти слова в молитве перед Причастной Чашей и как трудно нам бывает даже подумать то, что так откровенно и просто сказал этот алеут!

На четвёртой неделе поста вместе с прибывшими говеть алеутами приехал их тойон-шаман и рассказал Святителю о своей душевной боли:

— Лет пять назад здешний священник посмотрел на меня и сказал: «Тебя сожгут». Вот уже сколько времени я не могу забыть слов его: чувствую, что я чего-то боюсь, и хотя я тойон, но думаю, что последний из моих подчинённых лучше меня. Скажи, точно ли меня сожгут?

Преосвященный Иннокентий объяснил шаману, что священник говорил не о физическом огне, а о пламени ада, на который обрекают себя все общающиеся со злыми духами. А мучающая его совесть, этот глас Божий в душе человека, не даст ему покоя, если он будет продолжать заниматься своим ремеслом. Услышав такое объяснение и по своему опыту зная, что значит потерять душевный покой, шаман искренне раскаялся и за литургией был приобщён Святых Христовых Таин. Перед отъездом он пришёл проститься со Святителем:

— Сильно, сильно благодарю тебя и никогда не забуду тебя до смерти моей.

Вспоминая потом этот случай, Святитель говорил:

— Это убедительнейшее доказательство того, что все мы, даже от звонаря, служим орудиями благодати Божией.

Здесь можно так же вспомнить разговор Святителя с камчатским иеродиаконником Николаем. Как-то за обедом отец Николай сидел лицом на полдень, солнце било ему прямо в глаза. Речь шла о будущей жизни, и он спросил:

— Владыка! Если Бог безмерно милосерд, то как же лишит он некоторых своего Небесного Царствия?

— А ты что вертишь головой и не сидишь спокойно? — как бы не слыша вопроса, спросил его Преосвященный.

— Да солнце прямо в глаза, и не даёт покоя, — ответил иеродиакон.

— Вот тебе и ответ на твой вопрос, — сказал Святитель, — не Бог лишит нераскаянных грешников Небесного Своего Царствия, а они сами не вынесут Его света, как ты не выносишь света солнечного.

28 мая, в престольный праздник Вознесенской церкви, Святитель приехал на Уналашку, где восемнадцать лет тому назад начал свои миссионерские труды. Любимые им алеуты радовались как дети. После литургии и проповеди они преподнесли дорогому архипастырю трогательный подарок: чрезвычайно искусно вытканые из древесных корней и различных трав орлецы — коврики, подстилаемые под ноги архиерею во время церковной службы.

Миссионерская работа среди алеутов продолжалась под руководством отца Якова Нецветова, по национальности алеута, выпускника Иркутской семинарии, который позже инициировал проведение евангелизации среди индейцев-атабасков на реке Юкон (отец Яков был канонизирован в 1994 году в празднование 200-летия Православия в Северной Америке).

В 1842 году епископ Иннокентий начал сооружение Миссионерского дома на Ситхе — сегодня старейшая постройка на Аляске — с часовней, освящённой в честь Благовещения. Спустя два года началось сооружение нового собора на Ситхе в честь Архангела Михаила. Несмотря на многие обязанности, епископ Иннокентий нашёл время изготовить часы, которые украсили соборную колокольню. 20 ноября 1848 года он освятил храм в присутствии 50 представителей епархиального духовенства, многие из которых окончили созданную три года назад семинарию. Интересен тот факт, что 23 аляскинца, записанные в первый класс семинарии, должны были пройти курс обучения не только теологии, но и родного языка, латыни и медицины.

Петропавловск и глубь Камчатки

Осенью Преосвященный прибыл в Петропавловск, где встретился после многолетней разлуки со своим братом, священником Стефаном Поповым, служившим в маленьком Камчатском храме на реке Лесной. Девятнадцать лет назад Стефан, женившись на алеутке, уехал с Уналашки на родину. В Иркутске он был рукоположен во священника и собирался служить в Ангинском. Но жена его, непривычная к сибирскому климату, сильно захворала. Надеясь поправить её здоровье, отец Стефан принял предложение отправиться служить на Камчатку, климат которой ближе к уналашкинскому. Однако к новому месту службы батюшка приехал один — его супруга умерла в дороге. Так отец Стефан стал жить отшельником в глухом уголке на севере Камчатки.

Пробыв в Петропавловске всю осень и дождавшись снеговой дороги, Святитель отправился на собаках в глубь Камчатки.

10 января 1843 года путешественники прибыли в Тигильскую крепость, названную так по имени реки Тигиль, впадающей в Охотское море. В старину крепость служила охраной от набегов коряков, теперь же выглядела как разбросанная по холму деревенька. По прибытии в Тигиль Владыка желал побеседовать с коряцкими старшинами, кочевавшими в тридцати верстах от Тигиля с табунами оленей. За ними послали, и на другой день дали знать, что старшины едут:

— Как их принять? Чем угостить? — спрашивал Святитель у своего спутника, протоиерея Громова, товарища по семинарии, благочинного камчатских церквей.

— Ваше Преосвященство, — отвечал отец Прокопий, — вы, может быть, воображаете их в виде иркутских бурятских тайшей — в парчовых, опушенных бобрами шубах и собольих шапках? Нет, они ничем не отличаются от своих сородичей, носят потёртые куклянки и такие же малахаи. Придут к вам без церемоний, рассядутся на полу и закурят свои трубки...

Корякские тойоны, Авьява и Этек, явившись, обратились к Преосвященному с единственным заученным из русского языка словом:

— Здорово.

Затем сели на пол и закурили трубки. Преосвященный Иннокентий повёл с ними беседу.

— Ты имеешь медаль, почему же ты не надел её? — начал Преосвященный, обращаясь к Этеку.

Действительно, несколько лет тому назад камчадалы, жившие на побережье, бедствовали от голода. Этек, чтобы помочь им, держал в этой местности табун оленей, которыми снабжал голодающих до тех пор, пока они не дождались хорошего улова рыбы. За это он был награждён золотой, на аннинской ленте медалью. Но носить её Этек долго не соглашался, не понимая, за что его наградили. Так мало честолюбивы эти народы и так естественно было для них помогать друг другу в трудную минуту.

— Я слышал, — отвечал Этек, — что у тебя много медалей, и не посмел надеть.

— Но ты и я, — сказал Преосвященный, — имеем медали от одного и того же Царя, стало быть, в этом отношении мы равны.

— Я этого не знал, — отвечал Этек.

Затем Преосвященный спросил, что их удерживает от принятия крещения. Коряки отвечали:

— Зачем креститься? Разве для того чтобы сделаться такими же плутами, как крещёные тигильские казаки, которые нас обманывают, обмеривают и обвешивают?

Горько было слышать проповеднику Евангелия слова о том, как отвращают язычников от веры те, кто, хотя и носят имя христиан, но нарушают заповеди Божии и вместо света Евангелия несут тьму греха.

— По крайней мере, не препятствуйте, если кто пожелал бы из ваших принять крещение, — сказал расстроенный Владыка.

— Мы никому не запрещаем, — отвечали они.

Тем свидание и кончилось.

26 января путешественники достигли Дранкинского острожка. Это было самое крайнее камчадалское селение на северо-востоке полуострова. Здесь же стояла и последняя церковь, принадлежащая к Камчатской области, — храм Святителя Иннокентия Иркутского.

На следующий день, собравшись на службу в Дранкинскую церковь, камчадалы, их священник и спутники Владыки помолились за него. Отсюда Преосвященный должен был продолжить своё путешествие по местам ещё более безлюдным.

28 января Владыка покинул пределы Камчатские. Путь его лежал к Гижиге, а оттуда в Охотск.

Здесь преосвященному Иннокентию случилось видеться с одним тунгусом, который утешил его своей верой и преданностью Богу. Слушая рассказ о нелёгкой жизни гижигинского охотника, Владыка с сочувствием сказал:

— За то вам там, в вечной жизни, будет хорошо, если вы будете веровать Богу и молиться Ему.

На эти слова рассказчик с сильным чувством ответил:

— Тунгус всегда молится Богу. Убью ли я хоть куропатку, я знаю, что это Бог мне дал, и я молюсь и благодарю Его. Не убью, значит, Бог мне не дал; значит, я худой... Я молюсь Ему.

Кротостью в обращении, отеческой приветливостью Преосвященный заслужил любовь среди коряков, чукчей, тунгусов. Они дорожили его советами и наставлениями, как дорожат советами любимого и уважаемого отца.

В Новоархангельске и путешествия по епархии

В сентябре 1843 года преосвященный Иннокентий вернулся из трудного и долгого путешествия по Камчатке и Охотскому побережью. Пять тысяч вёрст проехал он на собаках и отчасти на оленях.

К приезду епископа в Новоархангельск правление Компании выстроило для него дом. Вскоре он устроил там школу, где учил детей Закону Божию.

Преосвященный Иннокентий открыл в Новоархангельске семинарию, устраивал в отдаленных уголках епархии православные миссии.

В 1846 году Владыка совершил путешествие по Азии — Камчатская епархия в сравнении с 1813 годом сделалась обширнее: пределы её к юго-западу от Охотска касались теперь Китайской границы. Владыка посетил Аян и Удский край, который только что был переведён из Иркутской епархии в Камчатскую. К концу августа 1847 года Святитель прибыл на Ситху. Вскоре начали собираться суда из различных наших колоний. С ними приходили известия от миссионеров. Удивительными, а порой и чудесными были эти сообщения: силой благодати Божьей

преображались и исцелялись человеческие души. Из Николаевского редута на берегу Кенайского залива иеромонах Николай писал, что кенайцы охотно принимают крещение. Замечательным было то, что крестились все их шаманы и в большинстве своем усердно выполняли христианские обязанности, были внимательны к поучениям миссионера. Про кенайцев было известно, что они народ упрямый: если что-то не захотят делать, то никто не сможет их уговорить. Многих удивляли перемены, происходившие в них после крещения.

Из селения Икогмют на реке Квихпах, в двухстах верстах выше Михайловского редута, прислал миссионерский журнал священник Иаков Нецветов. Он был давним сотрудником святителя Иннокентия. Когда-то, священствуя на острове Атха, батюшка помогал нынешнему своему архиерею переводить Священное Писание на алеутский язык. Вот какую историю поведал отец Иаков. В одну из своих поездок в Икогмют он услышал от тамошних жителей рассказ о беде местного тойона: его сын страдал от припадков безумия. Начались они в малолетнем возрасте и поначалу были непродолжительными. Мальчик рос и, когда был здоров, исправно трудился наравне со всеми. Но в последние два года, а ему было уже 28 лет, состояние его сильно ухудшилось. Безумие стало постоянным, он набрасывался на людей, убегал из дома и своим образом жизни больше походил на животное. По рассказам знавших больного отец Иаков догадался, что сын тойона страдал беснованием. Священник посоветовал отцу, который был уже крещён, крестить и сына. Если несчастный хоть когда-нибудь придёт в здравый рассудок, то следовало говорить ему о Боге и постараться склонить к вере. Через некоторое время бесноватый вернулся, и близкие заметили, что он отчасти пришёл в себя. Отец заговорил с ним о вере во Христа и о крещении. Выслушав, больной твёрдо сказал, что готов креститься. С этого момента до приезда отца Иакова, которого пришлось ждать более месяца, сын тойона был в самом спокойном расположении духа. Священник крестил больного, и с тех пор, вот уже в течение двух лет, от признаков страшного недуга не осталось и следа.

С острова Атха священник сообщил не менее удивительную и назидательную историю. «Когда священники говорили поучения о Боге, — рассказывал алеут Никита Хорошев, — тогда или, можно сказать, всегда я не верил словам их и думал, что они это сами от себя выдумывают, потому и оставался всегда с сомнением. Однажды я отправился на байдарке на восточную оконечность острова для запаса пищи. Это было осенью. Здесь нас держали ветры долгое время. Я ужасно сделался нездоров внутренностью и ушибами и лежал долго. Напоследок сделался так плох, что живший со мной в шалашике товарищ совсем отчаялся в моем выздоровлении, и я также сам отчаялся: потому что не мог шевелить ни рукой, ни ногой. Таким образом, лежащему недвижимо в шалашике, раз вечером пришло мне на мысль: если есть точно Бог, про Которого нам говорят священники и учат, что Он премудр и всё может, то исцелил бы Он меня от несчастного моего положения; тогда бы я точно уверовал в Него и перестал бы иметь о Нём сомнения. С этими мыслями я заснул вечером и спал без пробуды всю ночь до утра. Утром я проснулся и чувствую: что-то мне стало легко. Я встал с постели на ноги и без помощи других начал ходить. Сперва я не верил самому себе... Когда же я понял, что это не мечта и что это — я, тогда как будто раскрылись мне глаза, и я стал крепко верить учению. И с тех пор боюсь иметь какое-либо сомнение о Боге».

Когда он кончил свой рассказ, я спросил его: «Точно ли это случилось с тобой, не обманываешь ли ты?» «Нет, я не лгу», — отвечал Никита и даже поклялся

именем Божиим. Тогда, — писал священник в своем донесении, — я вместе с ним припал к образу Спасителя и крепко благодарил Бога, что он не карает нас за неверие, а долго терпит и приводит грешника в чувство, и даёт ему время на покаяние...»

Особой заботой по-прежнему были для святителя Иннокентия колоши. Число крещёных колошей увеличивалось. Радовало Владыку, что принимают они крещение без принуждения и корыстных выгод: при крещении давался только простой крестик и деревянный или бумажный образок.

По благословению Владыки и при его непосредственном наблюдении специально для колошей был сооружён храм. На это строительство островитяне долго не соглашались, и Владыка не надеялся, что они станут помогать. Тем отраднее было, что при его возведении колоши усердно помогали в доставке леса и на разных других работах. 24 апреля 1849 года епископ Иннокентий освятил новоустроенный храм. По праздникам стала совершаться в нём литургия, на которой Евангелие, а иногда и Апостол читались на колошенском языке. На родном языке пели новообращённые прихожане «Господи помилуй», Символ веры и «Отче наш».

С возведением храма заметно оживилась духовная жизнь колошей. Во время Великого поста, рассказывал протоиерей Пётр Литвинцев, они усердно постились, калялись и причащались. В Великую субботу отец Пётр заметил, что один колош по имени Никита чрезвычайно усердно молится всем иконам и прикладывается к ним, как обыкновенно делали желавшие причаститься Святых Христовых Таин. Священник помнил, что Никита уже причащался постом, и послал спросить, что бы это значило. Прихожанин отвечал, что желает причаститься. Отец Пётр подо- звал Никиту:

— Ты же недавно причащался.

— Я ещё хочу, дай! — отвечал Никита.

Искренним и сильным было его желание, и отец Пётр не стал препятствовать и после исповеди причастил его.

Никому кроме Бога неизвестно, сколько времени отпущено человеку жить на земле. Иногда новообращённый жил христианином совсем недолго, будто только и нужно было человеку для спасения души принять крещение. Вот какое событие случилось на Пасху в 1850 году. Среди некрещёных колошей, несмотря на все усилия русских, сохранялся жестокий обычай: убивать по смерти знатного хозяина его рабов — калгов. По языческим верованиям раб должен был идти за своим господином, чтобы в другом мире служить ему. На второй день Пасхи для умершей почётной старухи по желанию её некрещёной внучки был убит калга. Убийство совершилось в тот самый момент, когда святитель Иннокентий служил литургию в новой церкви, куда собралось много колошей. Убитый калга за несколько дней до смерти, в Великую Пятницу, принял святое крещение, а в Великую Субботу причастился Святых Христовых Таин.

Участь калгов очень беспокоила Владыку. Он даже обратился в Синод за разрешением выкупать у колошей рабов. Святитель непрерывно был в трудах и продолжительных путешествиях по епархии. В 1847 году он встретил в пути своё пятидесятилетие, в поездке по Камчатке в 1850 году узнал о возведении его в сан архиепископа.

К епархии преосвященного Иннокентия принадлежали и Курильские острова. Там, как говорил Святитель, было малейшее стадо: всех курильцев насчитывалось не более шестидесяти человек. Но и к ним в 1850 году отправил архиепископ

Иннокентий благовестника. Вернувшись, иеромонах Сергей поведал Владыке, что и этому малому стаду явил Господь силу Креста и церковной молитвы.

На острове, где пришлось зимовать миссионеру, не было реки, а потому и жителей постоянных не было. Приезжавшим же приходилось пользоваться водой из озера. Но воду эту можно было употреблять только через что-нибудь процедив: столько в озере водилось разных букашек и насекомых. Так было до 19 января 1851 года. В этот день, когда Церковь празднует Крещение Господне, иеромонах Сергей совершил положенное по чину праздника великое освящение воды в озере. С этого дня насекомые исчезли. Не было их до конца мая, когда миссионер покинул остров. Потом он снова заехал туда и вода по-прежнему была чистой.

26 июля 1852 года к Камчатской епархии была присоединена Якутская область. Вскоре высокопреосвященный Иннокентий перебрался жить в центр присоединенной области — Якутск. Здесь, на территории Спасского монастыря, ему были устроены помещения для жительства, которые Владыка нашёл очень хорошими: тепло и сухо (видно, если бы была просто крыша над головой, он назвал бы такое жилище хорошим, ну а если тепло и сухо — это уже очень хорошо).

В 1853 году сын Святителя, священник Гавриил Иванович Вениаминов, стал служить в устье Амура — Николаевске, проповедуя Слово Божие гольдам, мангунцам и нейдальцам.

В 1854 году архиепископ Иннокентий, не боясь ни якутских морозов, доходивших до 60 градусов, ни трудностей кочевого быта, отправился в путешествие по области.

Вернувшись с Амура в Якутск, Владыка принялся за постройку и поправку монастырских зданий. Вместе с другими миссионерами Высокопреосвященный начал переводить на якутский и тунгусский языки Службу и Священное Писание. Многие годы после этого, как свой национальный праздник, отмечали якуты 19 июля, день, когда в 1859 году в Троицком соборе Якутска впервые совершилась служба на якутском языке.

Крымская война

Жизнь святителя Иннокентия шла прежним порядком: в постоянных поездках, трудах и заботах. Но всё чаще приходили тревожные известия. Шла Крымская война, и святитель Иннокентий пристально следил за военными действиями. На стенах его келии появилась присланная в подарок карта Крыма. События на Чёрном море влияли на ситуацию в море Охотском. Но военные действия не пугали Святителя: в 1855 году он замыслил опасное путешествие в Аянский порт, а оттуда в устье Амура.

В это время под руководством Василия Степановича Завойко сюда были эвакуированы жители и гарнизон Петропавловска и шло строительство и укрепление Николаевска-на-Амуре. Следя за сообщениями газет и получая известия от людей осведомлённых, Владыка предполагал, что неприятельский флот не появится у Аяна ранее июля. «Следовательно, — писал он в одном из писем, — вперёд я могу пройти свободно и безопасно. Но назад, с Амура попадать, конечно, небезопасно». Обдумав все возможные препятствия, весной он отправился в путь, сначала для вторичного обозрения Якутии, затем в Аян и оттуда на Амур.

По пути, в селении Нелькан, он встретил свою дочь Екатерину, которая очень удивилась решительности отца:

— Куда вы едете? Ведь в Аяне англичане!

— Я им не нужен, — отвечал Владыка, — а возьмут в плен — себе убыток сделают: ведь меня кормить надо.

Святитель Иннокентий продолжил свой путь и, наконец, прибыл в Аян 9 июля 1855 года, в тот день, когда англичане только что оставили его. Здесь никого не было: закопав несколько имевшихся пушек, жители покинули его ещё до появления противника. Они перебрались в лес, за тринадцать вёрст от Аяна. Англичане сорвали замки со всех амбаров порта. Открытой стояла и церковь Казанской Божией Матери. На полу были разбросаны прокламации, призывавшие аянских жителей вернуться в свои дома. Святитель Иннокентий, видя такую печальную картину, не падал духом: ежедневно полно и благоговейно он совершал в церкви богослужение, посещал жителей Аяна, скрывавшихся в лесу, и за неимением священника исполнял все требы и даже крестил новорождённых. Но цель путешествия Святителя — Амур, не могла быть достигнута: устье Амура было обложено неприятельскими судами. Поначалу святитель Иннокентий очень сожалел, что поздний проход Лены, грязь и разлив рек Алдана и Май, отсутствие ямщиков на Майских станциях задержали его в пути. Но обстоятельства и время снова заставляли благодарить Бога за то, что казалось досадными неприятностями. Бриг «Охотск», который отправлялся на Амур и на который опоздал архиепископ Иннокентий со своей свитой, был взорван неприятелем. Но всё-таки архиепископу Иннокентию пришлось столкнуться с неприятелем и довольно близко. 21 июля Владыка совершал в Аянской церкви молебен с коленопреклонением о даровании победы.

В это время неожиданно прибыл в Аян английский фрегат, а следом ещё один. Сойдя на берег, англичане узнали, что здесь находится русский архиерей. Они тотчас пошли в указанный дом, но не застали хозяина. Тогда англичане толпой с шумом и криком отправились в церковь... Посреди пустого храма стоял на коленях архиепископ Иннокентий и, нисколько не смутившись и как бы никого не замечая, громко произносил слова молитвы. Невозмутимое спокойствие Владыки и благоговейное выражение его лица поразили англичан, заставили их смолкнуть и терпеливо выждать конца службы. Потом, при воспоминании об этом событии, святитель Иннокентий с неизменным юмором говорил:

— Если бы знали англичане, о чём я молился тогда, то наверно бы тут же растерзали меня.

Но они не знали, а вид так искренне молящегося внушал почтение. После молебна офицеры подошли к Владыке и очень вежливо стали расспрашивать, как он мог попасть сюда, каким путём ехал. Потом сообщили, что по долгу службы и обстоятельствам военного времени они должны будут взять его в плен. На это Святитель, улыбаясь, ответил, что человек он невоенный, следовательно, пользы от него никакой не будет, а, напротив, они причинят себе одни убытки. Затем пригласил английских моряков к себе в дом и, угощая чаем, долго беседовал с ними через переводчика.

Из разговора святитель Иннокентий узнал, что вместе со вторым фрегатом пришёл и пароход «Баракута» и привёл на буксире бриг с пленными, среди которых находился священник-миссионер Махов. Владыка стал убеждать офицеров освободить батюшку. На другой день после вечерни они снова были у Камчатского архиепископа. Офицеры сообщили, что их генерал освободил от плена как его, так и священника Махова, просидели за чаем целый вечер и расстались с Владыкой, всячески высказывая ему своё расположение. Как ни печальны были

военные события, но архиепископ Иннокентий воспринимал их как неподвластные его воле обстоятельства, в которых каждый совершал своё служение. Его дело было молиться о мире и народе Божиим, утверждать в вере принявших Христа и просвещать ещё не уверовавших. Потому в письме к сыну от 27 июля, сообщив о своём пребывании в Аяне и действиях неприятеля, он писал: «Теперь поговорим о деле: мне известно, что к нам по Амуру пришло около 2000 человек, да из Камчатки не менее 500; следовательно теперь на Амуре жителей не менее 3,5 тысяч. И потому видимо необходим там другой священник, и я было вез к тебе в товарищи Захара Ивановича Тяпкина, но не довез. Впрочем, я очень рад, что на «Авроре» есть священник и, следовательно, много или мало, но он тебе поможет, и потому я менее буду тревожиться на этот счет... Завтра я намерен отправиться обратно в Якутск и письмо это оставляю в Аяне, на случай возможности отправить его к тебе». Перед отъездом в Якутск святитель Иннокентий пробыл три дня в лесу у аянских жителей. В самом городе оставались три неприятельских судна, но порт оставался цел: закопанных пушек не нашли, не сожгли и строящуюся шхуну. Беспокоился архиепископ о Ситхе, куда направилась французская эскадра. Всего же в морях здешних находилось около полусотни неприятельских судов.

Освоение Амурского края

В то же самое время на Дальнем Востоке нашего Отечества происходили важные исторические события, также глубоко волновавшие святителя Иннокентия как архипастыря и патриота России. Начиналось освоение Амурского края и решался вопрос о доселе непроложенной границе между Китаем и Россией.

Высокопреосвященный Иннокентий был горячим сторонником освоения этого края. Он считал, что на берегах Амура и его притоков многие русские могли бы с большим удобством устроить свою жизнь — земли свободной и пригодной для земледелия было предостаточно. А значит, Камчатку и Русскую Америку можно снабжать сибирским хлебом, а не возить его из Европейской России. Но не экономические и политические преимущества освоения Амура занимали Святителя. Приняв на себя когда-то обязанности миссионерского служения и приведя ко Христу языческие племена севера Америки и Азии, он и здесь хотел найти не только новых подданных Российского государства, но и добрых чад Церкви Христовой. Приезжавшие из Амурской экспедиции рассказывали Святителю о жизни в тех краях и о том, как не хватает русским поселенцам храма Божия и священника. По их словам, некоторые гиляки выражали желание принять крещение. Святитель знал и давно думал об этом. Ещё в 1851 году, когда он был проездом в Аяне, к нему приехало три гиляка. Как когда-то колошей, Владыка пригласил их на богослужение. Церковная служба так глубоко тронула туземцев, что они просили крестить их. Святитель Иннокентий предложил им тогда хорошенько подумать и обещал прислать на Амур своего молодого сына-священника. Они благодарили, передав через толмача:

— Очень будем рады. Будем любить сына твоего и, если он будет жить у нас, то многие станут креститься.

Поэтому при первой возможности Святитель отправил в Амурскую экспедицию отца Гавриила Вениаминова с молодой женой. Провожая их в эту пустынную неустроенную землю, он благословил сына такими словами:

— Иди на великое дело, указанное тебе Богом! Но смотри не охлаждавай сердцем в делании нивы Христовой! Умирай на ней, и не озирайся вспять до тех пор, пока не исполнишь возложенной на тебя обязанности.

Для решения вопроса о границе между Россией и Китаем необходим был сплав по Амуру, и он был поручен такому же, как и святитель Иннокентий, горячему стороннику освоения Амура — генерал-губернатору Восточной Сибири Николаю Николаевичу Муравьеву.

Через два года после первого исторического сплава, в январе 1856 года, высокопреосвященный Иннокентий получил указ Святейшего Синода совершить путешествие к устью Амура. Вскоре он отправился из Якутска в Иркутск. Здесь одной из главных его забот было найти священников, согласных ехать со своими семьями в неведомый край: проповедовать Евангелие, строить церкви и открывать приходы. В городе ходили слухи, что китайцы, не желая пропускать наши суда по Амуру, собрали шестидесятитысячное войско и растянули его по реке. Многие отговаривали Святителя ехать, считая путешествие небезопасным. Но уповав на милость Божию, он решил тронуться в путь. В начале апреля он, ещё по льду, переехал озеро Байкал и через Верхнеудинск прибыл в Кяхту. Встретив здесь Пасху, в среду на Светлой неделе отправился к Шилкинскому Заводу, откуда уходили баржи на Амур. Здесь уже собрались все ехавшие с Владыкой на Амур. Духовенство с семьями отбыли на баржах. А через два дня на присланной генерал-губернатором лодке отчалил и святитель Иннокентий. Вскоре он догнал своих спутников, и некоторое время они шли вместе.

Берега покрывали могучие хвойные леса, изредка были видны берестяные юрты местных жителей — манегри. Река изобиловала рыбой, преимущественно огромными осетрами — калугами, которых и промышляли туземцы. Не доходя до Айгуна — единственного маньчжурского города на всем протяжении Амура, архиепископ Иннокентий оставил своих спутников и отправился вперёд. За два дня до прибытия в Айгун он повстречался с Н.Н. Муравьевым-Амурским, который только что договорился с китайским амбаном о свободном передвижении наших судов по Амуру. Опасения встречи с шестидесятитысячным войском были рассеяны. Берега несколько оживились, стали встречаться маньчжурские деревни. По прибытии в город Святитель должен был встретиться с амбаном и не без интереса наблюдал за церемониями китайских чиновников.

Ниже Айгуна Амур протекал через Хинганский хребет, и лодка целых шестьдесят вёрст шла в скалистом ущелье. Миновав эту теснину, путешественники опять поплыли вдоль пустынных берегов, где изредка можно было увидеть поселения ещё одних приамурских жителей — гольдов. Хвойные леса ближе к устью сменились лиственными. Ниже по течению, близ озера Кизи, стали встречаться деревеньки мангунцев. В станице Мариинской Святителя ожидал священник Гавриил, проповедовавший здесь Евангелие гольдам. Дальше отец и сын плыли вместе до самого устья Амура, где жила паства отца Гавриила — гиляки.

В Николаевске у отца Гавриила Святитель прожил весь август. Здесь 1 августа у него родился внук Иоанн. 24 состоялся молебен по поводу закладки новой Никольской церкви.

Насколько был лёгок путь на Амур, настолько же трудной и полной опасностей оказалась обратная дорога. Первая попытка уйти из Николаевска на маленьком боте кончилась неудачей: судно чуть было не залило волной, и путешественники должны были возвратиться. Наконец, в начале сентября на пароходе «Америка»

святитель Иннокентий выехал в Аян. Отсюда следовало поскорее отправиться в Якутск, где Архиеерея ожидало немало дел, но помешала рано наступившая зима. Дождавшись зимнего пути, 12 ноября Владыка выехал из Аяна. Дули сильные ветры, да такие, что в одном месте повозка опрокинулась и он сильно ушибся о камень. На реке Мае по неосторожности проводника повозка, в которой ехал Святитель, попала в полынью, и он пробыл в ледяной воде несколько минут, пока подспели люди. На счастье полынья была неглубокой. Но все неприятности и опасности пути Высокопреосвященный воспринимал с давно укоренившимся в его характере благодушием: «Слава и благодарение Господу, дивно хранящему меня во всех путях моих! — писал он. — Платье давно уже высохло и носится, бок поболел около двух месяцев и перестал, а из полыни давно уже меня вытащили». В Якутске, куда Владыка прибыл 1 декабря 1856 года, его ждал указ Святейшего Синода: «За неутомимые подвиги на пастырском поприще в отдаленном крае Отечества, среди разноплеменной паствы, с пламенной ревностью о стяжании Господу душ, коснеющих в мраке неверия, и за оказание поучительного примера пастырского самоотвержения ко спасению их, с достижением в сем священном деле желаемых успехов терпением и многоразличными трудами и проч.» Высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский был награждён орденом Святого Александра Невского.

Дальние пределы, Америка, Петербург

Весь следующий 1857 год архиепископ Иннокентий провёл в путешествиях. Он отправился в дальние пределы своей епархии: сначала на реки Вилюй и Олекму, а потом в Америку. Как оказалось, это была его последняя поездка в места, где начинал он своё миссионерское служение. В июне, по возвращении из Америки, Владыка отбыл в Петербург для участия в работе Святейшего Синода. Четыре месяца провёл Камчатский архиепископ в Петербурге. Уладил дела с напечатанием переводов Священного Писания на якутский язык. Очень утешила Владыку встреча с дочерью, монахиней Поликсенией, которая приехала в Петербург повидать отца после пятнадцатилетней разлуки. 21 января 1858 года Высокопреосвященный Иннокентий выехал в Иркутск с намерением оттуда отправиться поскорее на Амур. «Мал мир, да велика Россия» — можно вспомнить известную среди путешественников поговорку, следя за переездами Святителя по родной стране.

В наступившем 1858 году подошло время свершиться историческому не только для Сибири, но и для всей России событию: подписанию договора о русско-китайской границе. На Амур выехал генерал-губернатор граф Н.Н. Муравьев-Амурский. Неожиданная тяжёлая болезнь задержала Святителя в Иркутске, но, не дождавшись окончательного выздоровления, он выехал на Амур.

Объехав все Амурские станицы, архиепископ Иннокентий погостил у своего сына, отца Гавриила, в Николаевске и в начале осени прибыл в Якутск. Печальная картина ждала здесь Владыку: сгорели его келии в Спасском монастыре, а с ними рукописи переводов и учёных трудов...

С присоединением Амурского края забот у архиепископа Иннокентия значительно прибавилось. Управлять американскими церквями помогал Новоархангельский епископ Пётр (Екатериновский). Нашёлся помощник и в Якутск: овдовевший красноярский священник Пётр Попов решил принять монашество и

стать викарным архиереем. Для его посвящения святитель Иннокентий весной 1860 года прибыл в Иркутск. Новонаречённый епископ поехал в Якутск — к месту своего служения, а Высокопреосвященный отправился обозревать огромные просторы своей епархии. Его сопровождали дьякон, четверо певчих и два келейника, один из которых, креол Гаврила, служил Владыке ещё на Ситхе. Святитель путешествовал по Амуру. В Благовещенске отдал необходимые распоряжения по строительству архиерейского дома, который обещали закончить к осени. В Николаевске, куда приехал к середине июля, был обрадован рождением второго внука. Далее он собирался плыть на Камчатку, где не был уже десять лет. Однако противные ветры и волнение в Татарском проливе помешали осуществиться этим планам. Правда, из-за этих неблагоприятных обстоятельств жители залива Де-Кастри смогли повстречаться со своим архиереем. Порт Де-Кастри стоял в уединении: поблизости были только жалкие юрты туземцев. Население порта состояло из нескольких офицерских семей и сотни матросов. В один из дней в море заметили судно: все жители бросились его встречать. Каждый ожидал получить весточку с родины или свежую провизию, которая была здесь редкостью. Но какова была радость, когда на вельботе подъехал к берегу архиепископ Иннокентий. Он по-архиерейски осенил всех широким крестом. Встречавшие бросились целовать его руки, а иные даже припадали к его стопам, но Владыка по своему великому смирению отстранял эти почести.

Первым делом был отслужен благодарственный молебен о благополучном прибытии, затем Святителя пригласил в свой дом командир порта. Все смотрели на прибытие такого гостя как на особую милость Божию. С первых минут он стал близким, своим: расспрашивал о родных, о нуждах, в одном случае наставлял, в другом подкреплял, подавая глубокие духовные советы. Особенно запомнились хозяевам вечера, когда при рокоте волн, бушующего ветра и дождя, хлеставшего в окна, Владыка за стаканом чая вспоминал свои путешествия и приключения. Офицеры были в сборе и слушали маститого иерарха. Матросы стояли у дверей комнаты и ловили его слова. Владыка не забыл и их, он обошёл все казармы, беседовал с ними и подкреплял своими наставлениями. Днём он служил и поучал туземцев. Три дня пребывания Святителя в порту прошли для его жителей как час. Из Де-Кастри путешественникам пришлось вернуться в Николаевск и провести здесь всю зиму.

Встреча с просветителем Японии Николаем Касаткиным

В это же время сюда прибыл выпускник Санкт-Петербургской Духовной Академии, командированный на службу в Японию, в церковь при Российском консульстве, иеромонах Николай (Касаткин), будущий архиепископ, просветитель Японии, прославленный ныне в лике святых угодников Божиих двумя Православными Церквями — Русской и Японской.

Зная не понаслышке о трудностях предстоящего служения, архиепископ Иннокентий по-отечески принял начинающего миссионера. Он много полезного советовал ему: говорил о том, что необходимо принимать участие в бытовых и культурных нуждах паствы, обучать неизвестным им ремеслам, стараться лечить их. Помог опытный наставник батюшке и в житейских делах. Владыка сам выкроил новую рясу для отца Николая и подарил ему свой наградной бронзовый крест за Русско-турецкую кампанию.

— Хотя и не совсем по форме, да всё-таки крест, а без него являться к японцам не годится!

В начале лета 1861 года иеромонах Николай (Касаткин) отправился в Японию, а святитель Иннокентий, как только вскрылся Амур, уехал в Благовещенск.

Вернувшись из Благовещенска, Высокопреосвященный вновь попытался выехать на Камчатку, и вновь непогода в Татарском проливе помешала ему. В ночь на 29 августа началась сильная буря. Судно, на котором плыл святитель Иннокентий, бросало из стороны в сторону, все были в смятении и ожидали смерти. Вместе с Владыкой на Камчатку ехал недавно прибывший из Москвы псаломщик Семён Казанский. Во время этой сильной качки он оказался рядом с архиерейской каютой. При очередном ударе волны дверь отворилась. Семён решил, что Владыка хочет кого-нибудь позвать к себе, и вошёл в каюту. Он остановился поражённый: среди общего смятения, треска судна и грохота волн Высокопреосвященный Иннокентий спокойно стоял перед образом на коленях и молился, читая себе отходную (канон на исход души). Семён смутился и быстро вышел. Через некоторое время Святитель с невозмутимым видом появился на палубе и стал давать советы капитану. Судно разбилось, но все плывшие на нём спаслись. Когда потерпевшие кораблекрушение вышли на берег, святитель Иннокентий начал благодарственный молебен, во время которого все стояли на коленях. «Кто на море не бывал, тот Богу не молился» — гласит народная мудрость...

Амурская паства Святителя насчитывала уже двадцать тысяч. Среди новых амурских жителей было много добрых христиан: едва обустроившись на новом месте, они принимались за строительство храмов. Ежегодно в поездках Владыка освящал две-три новых церкви. На освящение храма он приезжал заранее и всегда имел при себе ящичек со столярными инструментами. Сам сооружал престол, а на следующий день освящал его. В тех селениях, где были храмы, архиепископ Иннокентий непременно совершал литургию, а где не было ни церкви, ни часовни, там для собравшегося народа совершал часы, обедницу или молебны под открытым небом. После службы он обязательно беседовал с жителями: учил их не только молиться, но и трудиться, предлагал советы по земледелию, разведению скота и прочим житейским премудростям, даже пчеловодству. И всегда одаривал прихожан маленькими образками и крестиками. Продолжали принимать крещение гольды, для них стараниями архиепископа Иннокентия устраивались церковь и школа.

Владыка Иннокентий чувствовал приближение старости. Слабело зрение, силы и крепкое здоровье стали потихоньку оставлять его. Он даже написал письмо митрополиту Филарету, в котором высказывал своё желание поселиться на какое-то время в монастыре. Но Московский Владыка просил его не покидать своей паствы, беречь зрение и здоровье ради служения Церкви. «...Господь да скажет Вам, что Ему благоугодно, и Вам и Церкви Его полезно», — заканчивал свое послание святитель. Филарет. Это было последнее письмо от старца-митрополита: в январе 1867 года его не стало. Владыка Иннокентий тяжело переживал кончину митрополита Филарета, ведь более четверти века связывала их дружба.

Митрополичья кафедра

18 января 1868 года в Благовещенск прибыло срочное послание из Санкт-Петербурга. Святитель Иннокентий назначался Московским митрополитом. Влады-

ка был поражён. Он любил Первопрестольную, но никогда не предполагал, что придётся занять место митрополита в древней столице, да ещё после великого Филарета.

Целый день после получения депеши Святитель провёл в уединение и молитве. Настала пора прощаться с последним детищем — Благовещенском.

15 февраля после литургии и молебна Владыка со своим сыном и верным помощником отцом Гавриилом отправился в Москву. Дни Великого поста Владыка провёл в родном Иркутске.

На Страстной седмице митрополит Иннокентий уединился в Вознесенском монастыре. Часто и подолгу молился он у мощей своего небесного покровителя святителя Иннокентия Иркутского. После пасхальных торжеств Владыка побывал в родном Ангинском: в последний раз поклонился родным могилам, благословил земляков и близких и, несмотря на продолжающуюся распутицу, 20 апреля отправился в путь.

В Канске, Красноярске, Екатеринбурге приветствовали архиерейский поезд праздничным звоном колоколов. Всюду были радушные встречи при большом стечении народа. Событие чрезвычайное: на Московскую кафедру избран архиерей из отдалённых окраин России. Многим хотелось видеть его и получить благословение. В Перми ради праздника Святой Троицы Святитель задержался на несколько дней.

Дальше предстояло путешествие до Казани по рекам Каме и Волге. В Казани Святителя Иннокентия ожидали письмо Государя и знаки митрополичьего сана: белый клобук с бриллиантовым крестом. Владыка сошёл на берег, чтобы поклониться мощам святителя Гурия Казанского, в XVI веке проповедовавшего Слово Божие мусульманам и язычникам, и у раки его святых мощей возложил на себя митрополичий клобук. Спустя два дня почётные путешественники прибыли на пароходе в Нижний Новгород. Отсюда до Москвы ехали по железной дороге...

И вот 25 мая 1868 года Святителя встречала Первопрестольная. Сопровождаемый колокольным звоном московских храмов, митрополит Иннокентий с вокзала поехал к Воскресенским воротам поклониться Иверской иконе Божией Матери — святой вратарнице Москвы. На следующий день по старинному обычаю он должен был приветствовать свою паству и служить литургию в Успенском соборе Кремля.

Вскоре жизнь митрополита Иннокентия потекла своим чередом: вставал он в четыре часа утра и целый час молился в своей молельне. Каждое утро он бывал за литургией, и без его благословения не начинали службу, никогда не пропускал ни одной всенощной. С девяти утра и почти целый день продолжался приём посетителей всех званий и сословий. Много было среди них людей нуждающихся и бедных, им Святитель нередко помогал деньгами из своих сбережений. По вечерам его внуки или сын Гавриил, верный помощник, иногда что-нибудь для него читали. Самостоятельно он уже не мог ни читать, ни писать: зрение его совершенно ослабло. Вечером перед сном также около часа молился в уединении. Спать ложился аккуратно в десять часов вечера.

Простота митрополита Иннокентия была необыкновенной. К нему свободно, часто и в неприёмные часы, приходили с разными заботами и нуждами священники и миряне, знатные и простого звания люди. Обращался Владыка со всеми без напускной важности и суровости. Он не любил официальные разбирательства с потоком казённых бумаг: многие недоразумения и ссоры улаживал миром в своём

кабинете. В отношении к подчинённым был по-отечески снисходителен, но гордеца умел деликатно поставить на место.

Летом Владыка часто жил в подмосковном селе Черкизово за Преображенской заставой. Древнее село это принадлежало некогда святителю Алексию Московскому, который завещал его Чудову монастырю. Церковь в Черкизове, как и в родном далёком Ангинском, освящена была в честь Илии Пророка. Перед церковью был большой пруд, а в глубине вековой липовой и берёзовой рощи стояла архиерейская дача с домовою церковью. Устройство дома вполне соответствовало характеру его обитателя: в комнатах простой сосновый пол, изразцовые печи, ничем не украшенные бревенчатые стены.

Не изменяя своему обычаю, митрополит неоднократно объезжал храмы и монастыри своей епархии, размеры которой не в пример прошлым были значительно меньше. Как-то после очередного путешествия его стали расспрашивать о поездках на собаках и сравнивать с нынешними его выездами в карете, запряжённой шестёркой лошадей. Митрополит рассмеялся:

— По правде сказать, в карете очень спокойно; но вот беда, к этому покою я никак не могу привыкнуть. Чувствуешь себя как будто бы расслабленным и связанным. То ли дело, как бывало в Камчатке, пройдёшь несколько верст пешком, да ещё в пургу, — с каким удовольствием сядешь себе потом в нарту и полетишь на собаках! Я как-то здоровее себя чувствовал. Воздух — великое дело!

Святитель всегда искренне недоумевал, когда восхищались его апостольскими путешествиями: ведь ему надо было только собраться, а дальше его же везде возили! В том же 1868 году, когда святитель Иннокентий стал митрополитом Московским, произошло ещё одно очень значительное для него и для России событие: по соображениям политическим и экономическим земли Русской Америки были проданы Соединённым Штатам. Первые и самые любимые прихожане Святителя, алеуты и колоши, стали гражданами другого государства. Но они остались и до сих пор пребывают православными христианами: узы этого братства прочнее и надёжнее, чем узы гражданские.

Радостно было читать святителю Иннокентию отзыв одного американского чиновника — Степана Буйницкого, побывавшего на Уналашке, островах Святого Павла и Святого Георгия. Буйницкий был свидетелем того, как каждый воскресный и праздничный день все жители островов от мала до велика отправлялись в церковь. Во всяком жилище можно было увидеть святые кресты и иконы, и всякий входящий в дом совершал крестное знамение и поклонение святыням. Священник был из алеутов — отец Иннокентий Шаишников. Многие островитяне знали церковнославянский, читали и писали на родном языке.

Но святитель Иннокентий угасал: зрение становилось всё хуже, силы оставляли его. Он хотел уйти на покой и поселиться в Гефсиманском скиту любимой им Троице-Сергиевой лавры. Однако государь Александр II отклонял просьбы Святителя. Вынужденное слепотой бездействие, столь несвойственное Владыке, приводило его в грустное настроение.

— Вы почему же думаете, что помешали мне? — говорил он знакомым, заставшим его в печали. — Разве потому, что я сижу таким хмурым? Да что прикажете делать, — продолжил он вздыхая, — и желал бы казаться весёлым, да не могу: слепота тяготит меня донельзя, не привык я с детства сидеть сложа руки... А вы, пожалуйста, не стесняйтесь моей хмуростью, заходите ко мне, не дикарь какой, я ведь всегда любил и доселе люблю общество и беседы.

5 января 1878 года исполнилось десять лет со времени назначения Владыки Иннокентия митрополитом Московским. По этому случаю московское духовенство собралось на Троицкое подворье, чтобы поздравить его. Принесли в дар богато украшенную икону Иверской Божией Матери, говорили торжественные речи, вспоминали и благодарили за труды. Ведь его стараниями были созданы училище для девушек из духовного звания, иконописная школа, богадельня для бедных вдов и сирот. Но Святитель не любил похвал и всегда говорил:

— Не мне принадлежит заслуга, со мною трудились многие. При мне это происходило, но устроилось волей Божией.

Завещание и кончина Святителя

Наступил 1879 год. Здоровье Владыки становилось всё хуже: от сильного головокружения он уже почти не вставал с кресел. Предчувствуя близость кончины, он перечитал давно составленное завещание и распорядился пожертвовать деньги из своих собственных капиталов церкви родного села Ангинского. Подошло время Великого поста. Не изменяя своему обычаю, Владыка ежедневно просил переносить его в храм на время службы. В воскресные дни непременно причащался Святых Христовых Таин. Не переставал следить за текущими делами:

— Нет ли новых дел? — спрашивал он у своего помощника епископа Амвросия за четыре дня до смерти.

— Не думайте, Ваше Высокопреосвященство, о делах, успокойтесь, — отвечал ему епископ Амвросий.

— Скучно, — опустив голову, тихо сказал столь деятельный когда-то Святитель.

На Страстной седмице в митрополичьи покои из часовни у Воскресенских ворот принесли Иверскую икону Божией Матери, столь почитаемую митрополитом Иннокентием. Он попросил опустить его на колени и, благоговейно помолившись, со слезами на глазах приложился к чудотворному образу. Как заметили окружающие, он стал как-то особенно спокоен. На следующий день над больным было совершено таинство соборования.

Накануне Великого Четверга святитель Иннокентий распорядился, чтобы утром служили литургию раньше обычного. Уже в три часа утра пришли к Владыке со Святыми Дарами. Он велел поднять себя с кресел и поставить на ноги. Затем, стоя перед Причастной Чашей, твёрдо и внятно прочитал молитву:

— Верую, Господи и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живаго. . . .

И прибавил:

— Не думайте, что я бессознательно это говорю. Нет, я в полном сознании прошу прощения, приступая к Святым Таинам.

После Причастия он просиял в лице и несколько раз повторил:

— Благодарю Тебя, Господи! Благодарю Тебя, что Ты сподобил меня недостойного причаститься Святых Твоих Таин в полном сознании!

Вечером следующего дня Владыка просил прочитать над ним отходную, потом позвал своих близких и стал с ними прощаться. Он благословлял каждого и говорил на прощание несколько слов назидания. Когда подошёл Ваня, его внук, он взял его за голову и сказал:

— Бог тебя благословит! Смотри, никого в жизни не обижай — и будешь счастлив!

Ещё раз прочитали отходную. Владыка впал в забытие, потом, очнувшись, спросил:

— Что, разве уже кончили чтение?

Ему отвечали, что кончили.

— Почему же не говорят «Аминь»? — спросил он.

Читавший повторил:

— Аминь!

Владыка перекрестился и проговорил:

— Буди воля Божия!

Это были его последние слова. В Великую Субботу, 31 марта 1879 года, в начале четвертого часа пополудни, великий труженик и новый апостол, святитель Иннокентий скончался тихой христианской кончиной на восемьдесят втором году жизни. Утром наступившего дня колокол Ивана Великого возвестил москвичам об этом печальном событии. Многие москвичи, друзья и знакомые Святителя поспешили на Троицкое подворье попрощаться с глубоко чтимым Архипастырем и помолиться об упокоении его души.

— Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему Преосвященнейшему митрополиту Иннокентию и сотвори ему вечную память! — возгласил дьякон, и все торжественно и скорбно запели: «Вечная память!»

Глядя на спокойный лик почившего Святителя, невольно припоминались смиренные слова его духовного завещания: «Прошу и умоляю, не говорить никаких речей ни прежде, ни во время, ни после погребения моего... Но если кому будет угодно сказать слово в общее назидание, то прошу такового сказать слово из текста от Господа исправляются человеку пути его, с указанием на меня, кто и где я был — кем и где скончался, — во славу Богу, но без всяких мне похвал».

Святителя Иннокентия торжественно похоронили в Духовском храме Троице-Сергиевой лавры, рядом с могилой его друга и наставника митрополита Филарета. Прошли годы и почти через сто лет в 1977 году митрополит Московский и Коломенский Иннокентий был прославлен в лике святых двух Православных Церквей — Русской и Американской. А в 1994 году были обретены его святые мощи, которым может поклониться всякий входящий в Троице-Сергиеву лавру.

Память святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, апостола Америки и Сибири, Церковь празднует дважды в год: в день его блаженной кончины — 31 марта (13 апреля) и в день прославления в лике святых — 23 сентября (6 октября по новому стилю).

Богу нашему слава всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь!

По материалам журнала «Русский Паломник» № 4 и № 9; 1994 г.; Православного календаря «Год Души» 1999 г. (изд. «Синтагма»); «Путешествия и подвиги свт. Иннокентия митр. Московского, апостола Сибири и Америки» (изд. «Даниловский благовестник»); Барсуков И.П. «Иннокентий митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников»

Источники и литература

Творения Иннокентия, митрополита Московского, собраны И. Барсуковым. Кн. 1–3. М., 1886–1888; Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коло-

менского. Кн. 1–3. СПб., 1897; Барсуков И. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883; Алексеев В. Высокопреосвященный Иннокентий, митрополит Московский // Журнал Московской Патриархии (далее — ЖМП), 1949, № 7, с. 36–44; Архимандрит Евлогий (Смирнов). Жизнь и апостольские труды митрополита Иннокентия (Вениаминова) (1797–1879) // ЖМП, 1975, № 3, с. 58–65; Причисление к лику святых апостола Северной Америки и Сибири митрополита Московского и Коломенского Иннокентия (Вениаминова) // ЖМП, 1977, № 12, с. 3; Фиалкин В. Святитель Иннокентий, митрополит Московский, и его миссионерская деятельность // ЖМП, 1979, № 3, с. 70–71; № 4, с. 73–77; № 5, с. 73–77; № 6, с. 68–77; [Скурат К.Е.] Святитель Иннокентий, митрополит Московский, в последние годы своей жизни // ЖМП, 1981, № 9, с. 68–70; Окладников А.П. От Анги до Уналашки: удивительная судьба Ивана Попова // Вопросы истории, 1976, № 6; Окладников А.П. Иннокентий Вениаминов // Первопроходцы. М., 1983, с. 130–161; Демин Л. Семья первопроходцев // Голос Родины, 1983, № 33.

ТАТЬЯНА КОНСТАНТИНОВА

Святитель Иннокентий как духовный наставник амурской политики

Одной из ярких страниц жизни святителя Иннокентия (Вениаминова) является его участие в реализации амурской политики. Сотрудничество с генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым, военным губернатором Забайкальской области М.С. Корсаковым и другими «муравьевцами», понимание исторического значения их деятельности ещё раз подтверждает масштаб личности просветителя народов Сибири

и Америки, учёного, миссионера, святителя Иннокентия. О начальном этапе его миссионерской деятельности вспоминал Д.И. Завалишин в книге «Записки декабриста. Воспоминания». Под началом М.А. Лазарева Д.И. Завалишин совершал экспедицию вокруг света на фрегате «Крейсер». Во время их остановки в Ситхе из России прибыл корабль, на котором находился священник Иннокентий Вениаминов с семейством. Он был назначен на остров Уналашку для миссионерской деятельности. Дальнейший путь они проделали совместно на фрегате «Крейсер» в 1823 году. Д.И. Завалишин писал: «Наша экспедиция отнеслась очень внимательно и заботливо к положению отца Иоанна. Духовенство в Ситхе было очень дурное, если бы он вошёл в их круг, то, может быть, и трудно было ему... содержание в Ситхе было очень дорого, а Вениаминов прибыл уже не с малым семейством. Кроме жены, у него было двое детей, шурин и свояченица. Если же его бы сразу отправили на Уналашку, то ему, не оглядевшись и ни с кем предварительно не познакомившись, было бы еще труднее... Для устранения всех этих неудобств, бывших предметом обсуждения в кругу наших офицеров, положено было следующее: принять его в свое общество, где он пользовался всеми бывшими в нашем распоряжении учебными средствами, и где он во многом разъяснил себе предстоящие обязанности миссионера...» Во время обсуждений деятельности английских миссионеров на островах Великого океана будущий святитель Иннокентий слышал «...о необходимости преподавать на туземных языках истины религии, переводить на этот язык священные книги...» Кроме того, офицеры уговорили

главного правителя не торопиться отсылать молодого священника к месту назначения, а дать ему возможность работать и подготовиться к миссионерству. В том числе ему дали школу, с прибавкой жалованья за эту работу. Это и многое другое очень помогло ему в будущем. Офицеры для поддержания священника материально исповедовались только у него, они же познакомили Иннокентия Вениаминова с будущими правителями колоний Я.И. Куприяновым и А.К. Этолиным. Это впоследствии значительно облегчило ему сотрудничество и с ними, и с Е.В. Путятиным, во время двукратного посольства последнего в Японии и в Китае. Архимандрит Иннокентий Вениаминов в 1840 году в Петербурге был посвящён в сан епископа Камчатского, Курильского и Алеутского. По утверждению Д.И. Завалишина, находясь уже в сане архиепископа, Иннокентий Вениаминов с благодарностью вспоминал это время, общаясь с опальным декабристом в Чите. До назначения на московскую кафедру в 1868 году он духовно окормлял дальневосточные окраины России, а затем Приамурье и Якутию. Активная амурская политика начинается в середине 1850-х годов и совпадает во времени с миссионерской деятельностью епископа Иннокентия Вениаминова на Дальнем Востоке. В конце 40-х — начале 50-х годов XIX века для возвращения Амура необходима была организационная, военная, экономическая, дипломатическая подготовка, организация и проведение исследовательских экспедиций. Решение этих вопросов возможно было бы с привлечением специалистов разного уровня, с поддержкой и под руководством обладающего реальной властью администратора, опорой на определенные слои населения, пониманием и благословением со стороны духовенства. Назначенный императором Николаем I на должность генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-майор Н.Н. Муравьев смог справиться с этой невероятной по сложности задачей. Молодой (38 лет), но имеющий богатый опыт военной службы, решения финансовых, дипломатических вопросов, хороший организатор, умеющий привлекать на свою сторону энергичных, смелых, образованных и преданных людей, он оказался в эпицентре амурской политики. Не случайно духовным вдохновителем действий Н.Н. Муравьева становится столь же нестандартно действующий и мыслящий архиепископ Камчатский Иннокентий (Вениаминов). Их отношения первоначально складывались в процессе совместной практической деятельности по разработке проекта правил об обеспечении жизни духовенства и др. А затем они сотрудничали и координировали деятельность в решении многих вопросов по присоединению 14 восточных территорий. Поддержка со стороны столь влиятельного иерарха церкви была очень важна генерал-губернатору. Вопросы колонизации присоединённых территорий Н.Н. Муравьев решал, учитывая мнение Иннокентия. Реальное положение церкви архиепископ прекрасно знал, поскольку он совершил десяток миссионерских путешествий по Камчатской — Курильской — Алеутской епархии. Архипастырь-миссионер предпринимал путешествия почти ежегодно. Он знакомился с жизнью приходов, устраивал новые станы и приходы, рукополагал священников, учил их миссионерской деятельности. Множество коренных народов Сибири находились под его духовным покровительством. Устройство новых храмов святитель Иннокентий считал одним из важнейших средств миссионерской деятельности. Особенно большое внимание он уделял строительству церквей на Амуре, где «русские люди в 50-е годы XIX века осваивали земли, приобретённые русскими землепроходцами ещё в XVII столетии». Деятельность миссионера-патриота высоко оценивал академик А.П. Окладников: «Было бы несправедливо, говоря о Вениаминове, умолчать об его участии в освоении Амура и

Приморья в 50-е гг. XIX в., об этом огромном по своему историческому значению мероприятии, в результате которого была восстановлена историческая справедливость... Он являлся одним из ближайших сподвижников Н.Н. Муравьева-Амурского и Г.И. Невельского в этом государственном важном деле... Вениаминов не только остро чувствовал политическую ситуацию того времени, когда уже шла ожесточенная борьба капиталистических держав на Дальнем Востоке, но и смотрел далеко вперед». Архиепископ Иннокентий писал: «Лишь только мы оставим Амур, то или американцы, или англичане немедленно завладеют, и уж не будут так вежливы с соседями нашими: они как раз и покажут место за горами (лежащими вдалеке от берегов Амура)». Он продумывал стратегию использования естественных ресурсов Приморья. Сподвижник и спутник Преосвященного протоиерея Прокопий Громов писал о его миссионерских подвигах: «Десятки тысяч верст приходилось проезжать владыке и при каких тяжелых условиях». Позже владыка вспоминал об этом так: «Много расстояния пройдено (19 700 верст), много употреблено на это времени... но много ли сделано пользы? Конечно, не наше дело знать... а наше дело только делать, и я, что мог и сколько мог, делал...» Он посылал в Святейший Синод разные проекты по улучшению церковного управления в Сибири, открыл несколько викариатств, содействовал переводу книг на языки народов Сибири. Большое значение имеют документы из архивного дела «Об отправке священника Александра Сизова на Усть-Зейский пост», датированного 23–30 апреля 1857 года. Особый интерес для исследователей представляет сообщение ГУВС наказному атаману ЗКВ, генерал-майору и кавалеру Карсакову (так в тексте. — *Т.К.*). Документ начинается так: «По сношению г. Генерал-Губернатора Восточной Сибири Преосвященный Иннокентий Архиепископ Камчатский назначил на устье р. Зеи миссионером для казаков Амурского полка и тунгусов, кочующих по притокам Зеи священника Александра Сизова, который должен иметь постоянное место проживания на Зейском poste и оттуда делать поездки к тунгусам, кочующим по притокам Зеи. Для отправления Божественной службы дан ему Антиминс и должно совершать на нем литургии в палатках и под открытым небом». Далее обстоятельно сообщается о том, что будет он получать годовой оклад — 441 руб. 7 коп. в год, как все священники, которые уже служили в местах расселения на Амуре казаков и крестьян. На разъезды к тунгусам дополнительно полагалось еще 100 руб. серебром в год. Архиепископ Камчатский ходатайствовал «...о назначении священнику Сизову на месте его пребывания приличное помещение и, по примеру Камчатских священников, для прислуги востового, а также оказывать ему необходимые пособия при посещении и казачьих поселений, и тунгусских стойбищ для отправления Богослужений». После назначения А. Сизов отправился в Петровский Завод к отцу, у которого он оставлял своих детей. Там он получил все необходимое «для священнодействия», далее он отправился в Читу, где должен был встретиться в середине мая с военным губернатором Забайкальской области М.С. Корсаковым для получения дальнейших распоряжений по продолжению службы. О том, насколько тяжёлыми были первые годы службы в станице Усть-Зейской (впоследствии город Благовещенск), вспоминал сам священник А. Сизов (Сизых). В 1857 году он прибыл в станицу с женой — матушкой Ольгой Ивановной, первый их дом был в лодке, покрытой «драньем». Зимовка была особенно страшной, от цинги и страшных заболеваний умерли многие переселенцы, особенно много умерло детей. Священник, как мог, утешал и помогал оказавшимся в тяжелейшем положении людям. О постройке

первого храма сохранилось следующее воспоминание: «Отец Александр Сизой, первый священник на Амуре, деятельно заботился об устройстве первого храма; он, чтя память умерших казаков, испросил разрешение Муравьева перевезти с поста готовый новый сруб, в котором охотник Травин хранил всю зиму трупы умерших людей, за невозможностью копать для них могилы в мерзлой земле, так как все были больны и не могли двигаться. Здоровый и сильный отец Александр, по сказанию казаков, на себе таскал бревна, а Муравьев с офицерами плотничал внутри при устройстве престола. В неделю часовня была готова. Итак, усыпальница “положивших живот за страну сию” обратилась в алтарь нынешней деревянной Николаевской церкви в Благовещенске». Священник А. Сизов (Сизой) стал одним из основателей города и участником многих исторических событий. Принимая участие в заключении Айгунского договора, Иннокентий Вениаминов высоко оценивал деятельность генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-адъютанта Н.Н. Муравьева и поддерживал его своим высочайшим моральным авторитетом. Встретившись в Сретенске, они вместе 26 апреля 1858 года отплыли по реке Амур во время ледохода на специальных баржах в сопровождении вооруженных катеров. Вскоре после прибытия 6 мая в Усть-Зею состоялась встреча с китайским главнокомандующим, с которым в течение короткого времени обсудили проект договора. В донесении Его Императорскому Высочеству 9 мая 1858 года Н.Н. Муравьев писал: «...Я считаю необходимым учредить город (в месте слияния реки Амура с Зеей), и как сопутствующий мне в настоящую мою поездку на Амур высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Камчатский Курильский и Амурский заложил сего 10 мая храм во имя Благовещения Господня, то я полагаю приличным дать новому городу наименование Благовещенска». Название города было дано, в том числе в честь преосвященного. Н.Н. Муравьев знал, что в начале духовной деятельности молодой священник служил в Иркутской Благовещенской церкви. Российская делегация прибыла в Айгун 10 мая 1858 года. Переговоры длились 6 дней, 16 мая 1858 года был заключён Айгунский трактат. После возвращения в Усть-Зею преосвященный Иннокентий открыл крестный ход к походной Николаевской церкви при участии всего тогдашнего населения. Здесь граф Муравьев и святитель Иннокентий, преклонив колена, молились Господу Богу за возвращение в достояние Российской державы Приамурского края. В этой церкви до самой кончины, последовавшей 18 мая 1897 года, служил Александр Поликарпович Сизов (Сизой), пользовавшийся авторитетом у жителей города. В Государственном архиве Забайкальского края хранится уникальный документ — приказ № 10 по Забайкальскому казачьему войску, принятый в ст. Благовещенской 21 мая 1858 года. В нём сообщается: «По случаю заложения храма во имя Благовещения Господня в Усть-Зейской станице Его Высокопревосходительство господин Генерал-губернатор изволил переименовать оную станицу в Благовещенскую...» Во второй части приказа представлено обращение к войску и всему населению: «Товарищи! Поздравляю Вас! Не тщетно трудились мы, Амур сделался достоянием России, Святая церковь молится за Вас, Россия благодарит, да здравствует император Александр II и процветает под покровом Его вновь приобретенная страна, Ура!» Документ рукописный, подписал «наказный атаман генерал-майор Карсаков» (так в тексте. — *Т.К.*), заверил подпись старший адъютант сотник Кушинский. В этом же деле представлен рапорт генерал-губернатору Н.Н. Муравьеву от военного губернатора М.С. Корсакова: «Честь имею почтительнейше донести Вашему Превосходительству, что Айгунский амбань прислал ко мне полковника с

уведомлением об утверждении Богдыханом договора, заключенного Вашим превосходительством с Амурским главнокомандующим князем И-Шань 16 мая с. г., а вместе с тем я получил частное достоверное сообщение, что Богдыхан [собирается] маньчжур, живущих на левом берегу Амура от устья реки Зеи и ниже, переселить в будущем году на правый его берег». Скрепила документ подпись управляющего путевой канцелярией Е. Рогозина, есть его автограф. Документ датирован 18 июня 1858 года. На следующий день генерал-майор М.С. Корсаков направил рапорт генерал-лейтенанту Венцелю с сообщением о подтверждении условий Айгунского договора богдыханом. Подлинность документа также скрепил своей подписью Е. Рогозин. В краевом архиве находятся отчеты о деятельности миссионеров Забайкальской духовной миссии за 1862–1863 годы, а также записи заседания Комитета от 9 октября 1862 года и от 16 октября 1862 года, включая постановление председательствующего в Совете ГУВС генерал-лейтенанта Е.М. Жуковского.

В рамках миссионерской деятельности святителя Иннокентия забайкальские священники начали работу по переводу на бурятский язык учебных книг под руководством забайкальского военного губернатора Е.М. Жуковского. В постановлении Комитета Е.М. Жуковский писал: «Ввиду распространения между бурятами научных сведений, я признал необходимым перевести на их язык некоторые учебные книги по разным отраслям наук...» Перед членами Комитета были поставлены задачи выяснить, какие бурятские наречия ближе к монгольскому литературному языку и какую азбуку использовать в переводе: монгольскую или русскую гражданскую, а также «составить таковую соответственно звукам бурятского языка». Председатель комитета Е.М. Жуковский рекомендовал условиться, как переводить технические термины, используемые «в науках», и проверить уже сделанный перевод книжки о мироздании. Для этой цели был создан особый Комитет из знающих бурятский язык забайкальцев, «следящих за литературой». Этот выразительный комплекс документов находится между отчётами, путевыми журналами миссионеров, работающих с бурятами Забайкальской области. В их числе миссионеры-священники: Иоанн Никольский, Алексей Малков, Константин Сотников, Константин Корнаков, Григорий Литвинцев и др. Об особенностях этой работы есть высказывание иерея И. Никольского: «Не местность учит миссионера монголо-бурятскому языку, а собственное старание и любовь к своему делу. Дело миссионера — постоянное обращение с язычниками; значит каждый улус, каждая юрта для него может быть училищем бурятского языка».

О миссионерской деятельности святителя Иннокентия вспоминал его постоянный спутник и первый биограф протоиерей Прокопий Громов. Он писал: «...Сотни раз по дороге Владыка подвергался риску замерзнуть, быть занесенным пургою, свалиться в обрыв, погибнуть голодною смертью... Как сейчас вижу епископа Иннокентия, в темную зимнюю ночь сидящего в одеянии из оленьих кож, на камне... среди добродушных детей природы — камчадалов, грызущих юколу... Ни одному из русских иерархов не доводилось еще вносить свое благословение в подобной юдоли...»

В 1860 году Иннокентий Вениаминов перенёс кафедру из Якутска в Благовещенск, где построил кафедральный собор, храм Никольской церкви, возвёл архиерейский дом из шести зданий. Он как миссионер ежегодно путешествовал на Камчатку, где проповедовал гольдам, маньчжурам, ламутам. В последнее путешествие отправился в 1865 году. В канцелярии наказного атамана Забайкальского казачьего войска хранится дело «Об исправлении и отделке в Сретенске катера

имеющего доставителя из ст. Албазинской на случай поездки на Амур Преосвященного Иннокентия». Дело начато 4 марта и завершено 19 сентября 1865 года. Согласно интенсивной переписке и документу от 15 июля 1865 года было принято решение исправить катер войскового старшины Малиновского и доставить его в Сретенск к прибытию преосвященного. Далее следует сообщение, что «канцелярия Наказного атамана уведомляет Ваше В-дие, что в сплав Его Высокопреосвященства Иннокентия архиепископа Камчатского распоряжением, отданным Его Превосходительством Наказным Атаманом, 15 июля вступает к Вам». Это означало, что ответственность за передвижения архиепископа далее переходила к исполняющему должность сретенского коменданта. Из рапорта есаула Лисовицына наказному атаману Амурской области Н.В. Буссе узнаем, что «...для Высокопреосвященного Иннокентия был доставлен пароходом “Генерал Карсаков” из станицы Албазинской другой катер, который так же исправлен и на нем 18 числа августа Его Преосвященство отправился на Амур». Читая документы дела, ощущаешь, с каким вниманием и ответственностью относились к нуждам архиепископа Иннокентия представители администрации Забайкальской и Амурской областей. Вероятно, архиепископ Иннокентий тогда ещё не думал о том, что эта поездка будет последней в его многолетней миссионерской службе. По возвращении он, жалуясь на пошатнувшееся здоровье, попросил причислить его к постоянному месту службы. Своё служение архиепископ Иннокентий продолжил в 1868–1879 годах в должности митрополита Московского и Коломенского. Важнейшей по оценке деятельности Н.Н. Муравьёва является речь, сказанная митрополитом Московским и Коломенским Иннокентием после молебна по поводу присоединения Амурского края: «...Благословен ты Богом вышним, устроившим это дело так вожделенно, мирно, дружелюбно и без посредства оружия. Нет надобности говорить здесь и о том, какие выгоды... могут произойти... от этого края для России. ...Не время и не место... оценивать все твои заботы, усилия и труды — твои подвиги, понесенные тобою к достижению этой одной из главнейших твоих целей... Их вполне может оценить только будущее население края и история. <...> Но если бы паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство... то никогда, никогда не забудет тебя наша православная церковь...» Позже, когда архиепископ Иннокентий узнал об уходе Н.Н. Муравьёва-Амурского с сибирской службы, он отметил: «Уже ли он не вступит опять на поприще службы! Если так, то слова мои сказанные ему после молебствия о заключении Айгунского трактата, вполне сбываются». Н.Н. Муравьёв-Амурский больше не возвратился к активной государственной деятельности. Сознывая свои заслуги перед государством и чувствуя себя глубоко оскорблённым, в письме к брату он писал: «Бог не дал мне заслужить внимание моих современников, не рассчитываю я и на внимание потомства, но, тем не менее, жизнь моя проведена и сокращена на службе отечеству, и, слава богу, еще не называют меня изменником». Когда он писал эти горькие строки, то, конечно, не подозревал, до какой степени они будут пророческими. Как и предвидел святитель Иннокентий, деяния Н.Н. Муравьёва-Амурского сумели оценить по достоинству только в исторической перспективе. Святитель Иннокентий навсегда останется в истории Отечества как соратник и духовный наставник великих деяний по присоединению Амура к России.

Святитель Иннокентий (Вениаминов) и писатель Иван Гончаров

В жизни писателя Ивана Александровича Гончарова была необыкновенная встреча с человеком, который впоследствии был признан святым и канонизирован Русской Православной Церковью. Возвращаясь в 1854 году с Дальнего Востока в Петербург через Сибирь, автор «Фрегата «Паллада» в Якутске лично познакомился с будущим московским митрополитом, а в то время архиепископом Камчатским, Курильским и Алеутским Иннокентием (Вениаминовым).

Святитель Иннокентий (в миру Иван Евсеевич Попов-Вениаминов; 1797–1879) был выдающимся церковным деятелем, миссионером, просветившим светом Евангелия народы Восточной Сибири и Русской Америки. Сначала он был священником в Иркутске, в 1823 году вызвался ехать священником на остров Уналашку, где обратил в христианство алеутов. Для этого он изучил алеутский язык. Благодаря его стараниям христианство распространилось по всем Алеутским островам. Затем он был переведён на остров Ситху, где распространил христианство среди колошей. В 1840 году по смерти жены он принял монашество и стал епископом Камчатским, Курильским и Алеутским. Двадцать семь лет длился его апостольский подвиг в Восточной Сибири. Святое Писание было переведено на якутский, алеутский и курильский языки. В 1868 году был назначен митрополитом Московским и Коломенским и стал руководить миссионерским обществом. Честная кончина святителя Иннокентия последовала в Страстную субботу в 1879 году. Это ли был не ясный знак его святости? Ныне его святые мощи покоятся в Свято-Успенском соборе Троице-Сергиевой лавры.

Нужно сказать, что Гончаров со свойственным ему чутьём осознал необычный масштаб личности Владыки, о котором ко времени их встречи уже писали в русских газетах и журналах. Готовясь к путешествию, Гончаров много читал, в том числе и о миссионерской деятельности Русской Церкви в Сибири. Прежде всего прочёл он книгу самого преосвященного владыки, тогда ещё протоиерея, «Записки об островах Уналашкинского отдела» (1840). Книгу писатель оценил высоко: «Прочтя эти материалы, не пожелаешь никакой другой истории молодого и малоизвестного края. Нет недостатка ни в полноте, ни в отчетливости по всем частям знания: этнографии, географии, топографии, натуральной истории: но всего более обращено внимания на состояние церкви между обращенными... Книга эта еще замечательна тем, что написана прекрасным, легким и живым языком» (Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л., 1986. С. 533). Читал Гончаров и другую брошюру протоиерея Иннокентия — «О состоянии православной церкви в Российской Америке» (1840). Возможно, читал и книги «Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка» (СПб., 1846) и «Замечания о колошенском и кадыакском языках» (СПб., 1846). В главе «По Восточной Сибири» он признаётся, что уже до личной встречи «слышал и читал много о преосвященном: как он претворил диких инородцев в людей, как разделял их жизнь и прочее» (с. 600). Возможно, читал наш путешественник и «Наставление священнику-миссионеру», написанное епископом Иннокентием Вениаминовым в 1841 году. В «Наставлении» писалось: «Оставить родину и идти в места отдаленные, дикие, лишённые многих удобств жизни, для того, чтобы обращать на путь истины людей, еще блуждающих во мраке неведения, и просвещать светом Евангелия еще не видевших сего спасительного света, — есть дело поистине святое, равноапостольное. Блажен, кого изберет Господь и поставит на это служение!»

Автор «Фрегата «Паллада» сумел разглядеть всю значительность фигуры будущего святителя. Прежде всего он упоминает «апостола Сибири» как первооткрывателя короткого пути к Охотскому морю: «С сухого пути дорога от него к Якутску представляет множество неудобств... Трудami преосвященного Иннокентия, архиепископа Камчатского и Курильского, и бывшего губернатора камчатского, г. Завойки, отыскан нынешний путь к Охотскому морю и положено основание Аянского порта... По этой дороге человек в первый раз, может быть, прошел в 1845 году, и этот человек, если не ошибаюсь, был преосвященный Иннокентий... Он искал другой дороги к морю, кроме той, признанной неудобною, которая ведет от Якутска к Охотску, и проложил тракт к Аяну» (с. 491–498).

Наверное, естественно, что более всего Гончарову запомнились события, близкие ему как писателю: это перевод Евангелия на языки сибирских народов: «Я случайно был в комитете, который собирается в тишине архипастырской кельи, занимаясь переводом Евангелия. Все духовные лица здесь знают якутский язык. Перевод уже вчерне окончен. Когда я был в комитете, там занимались окончательным пересмотром Евангелия от Матфея. Сличались греческий, славянский и русский тексты с переводом на якутский язык. Каждое слово и выражение строго взвешивалось и проверялось всеми членами» (с. 533).

Гончаров увидел в архиепископе Иннокентии воплощение своего идеала миссионера, начиная с внешнего вида владыки: «Я все-таки представлял себе владыку сибирской паствы подобным зауральским иерархам: важным, серьезным, смиренного вида. Доложили архиерею о нас. Он вышел нам навстречу. Да, действительно, это апостол, миссионер!...» Эти слова так ясно перекликаются с тем, что сказал о владыке Иннокентии святитель Московский Филарет (Дроздов): «В этом человеке что-то апостольское» (Православная Москва. 1997. № 29-30. С. 1). Писатель рисует поистине апостольский портрет будущего святителя: перед ним встала «мощная фигура, в синевато-серебристых сединах, с нависшими бровями и светящимися из-под них умными ласковыми глазами и доброю улыбкой» (с. 600).

Несколько строк очерка «По Восточной Сибири» дают представление о разговоре, который состоялся у архиепископа Иннокентия с Гончаровым. «Преосвященный расспрашивал меня подробно о моем путешествии и всей эскадры тоже» (с. 601). Беседовали и о миссионерстве владыки, о московском митрополите Филарете (Дроздове), о жизни и познаниях которого будущий святитель говорил «с большим увлечением».

Пожалуй, ни в одной другой книге воспоминаний о святителе не найдем мы столь метко зарисованных черт характера и поведения его в быту. Во «Фрегате «Паллада» рассказано несколько любопытных случаев из жизни святителя Иннокентия. Сведения Гончарова в этом плане просто неоценимы. Так, из его книги мы узнаём, что «преосвященный не звал никогда к себе обедать. Он держался строгой монашеской жизни: ел уху да молочное, а по постным дням соблюдал положенный пост. А светским людям, по его мнению, необходимо было за обедом мясо» (с. 606). Правда, именно для Гончарова было сделано исключение как для гостя в сибирской глухой стороне: владыка приглашал его на вечерний чай. «Он выставял тогда целый арсенал монашеского, как он говорил, угощения. Кроме чаю тут появлялись чернослив, изюм, миндаль и т. д.» (с. 606).

Нельзя не привести ещё один рассказ святителя о самом себе. Дело в том, что Гончаров часто встречал владыку Иннокентия на обедах в различных домах — и стал недоумевать по этому поводу, зная чисто монашеский образ жизни владыки. «Он точно угадал мою мысль и однажды заметил мне: «Вот вы меня нередко встречаете на обедах у здешних жителей, начиная с губернатора, областных чиновников и до купцов. Все они составляют здесь одно общество, из которого выдаемся разве только мы с губернатором. Приняв раз приглашение у кого-нибудь из них... на каком основании откажу я другому?.. Вот я поневоле и езжу ко всем; но везде меня угощают моими

монастырскими кушаньями. Я приеду, благословлю трапезу, прослушаю певчих, едва прикоснусь к блюдам и уезжаю, предоставляя другим оканчивать обед по-своему. И архиерей добродушно засмеялся» (с. 606).

Благодаря очерку Гончарова мы узнаём, о чем любил говорить и вспоминать владыка Иннокентий: «На этих вечерних беседах у преосвященного говорилось обо всем, — всего более о царствовавшем тогда императоре Николае Павловиче. Преосвященный любил рассказывать о приеме его государем, о разговоре их, о расспросах императора о суровом крае Восточной Сибири. Между прочим, преосвященный рассказал мне о своем назначении, когда в Петербурге узнал о смерти своей жены, сначала в архимандриты, а затем на кафедру Якутского, Алеутского и Курильского архиепископа. «На Курильских островах и церкви нет, — заметил докладывающий. — Выстроят, — сказал государь и продолжал писать» (с. 607).

Дополняет духовный портрет святителя случай, рассказанный Гончарову в Якутске: «Были мы в Светлое Воскресение в соборе... губернатор, все наши чиновники, купцы... Народу собралось видимо-невидимо. Служил владыко с нашим духовенством. После обедни его преосвященство благословил всех нас, со всеми похристосовался. «Ну, говорит, а теперь прошу за мной!» ...а он из церкви прямо в острог, христосует с заключенными и каждого дарит на праздник от скудных средств своих. И что за лицо у него было при этом: ясное, тихое, покойное! Невольно и мы за ним полезли в карманы и повибаскивали оттуда кто что мог... В общем набралось много денег, которые все и пошли в пользу арестантов. Тогда только владыко, еще раз благословив всех, отпустил нас по домам...» (с. 608)

Владыка обладал неподражаемой жизнерадостностью и чувством юмора. Вот губернатор приглашает архиепископа отобедать вместе с ним и Гончаровым. И что же? — следует сцена, проникнутая лёгким юмором: «Его превосходительство «без просьбы» к убогой трапезе не пригласит! — не без иронии заметил архиерей. — Я, ваше превосходительство, со своей стороны, готов исполнить приказание, но надо доложить архиерею: не знаю, какую резолюцию он положит, позволит ли монаху Иннокентию отлучиться от кельи — хоть бы и «на убогую трапезу» к игемону Петру... — Он опять закатился смехом, и мы тоже» (с. 601).

Так мы узнаём чисто человеческие черты святителя Иннокентия. Но уже после выхода книги Барсукова о митрополите Иннокентии Гончаров даёт и исторический масштаб личности святителя: «Он — тоже крупная историческая личность. О нем писали и пишут много и много будут писать, и чем дальше населяется, оживляется и гуманизируется Сибирь, тем выше и яснее станет эта апостольская фигура... Вот природный сибиряк, Самим Господом Богом ниспосланный апостол-миссионер!» (с. 600).

В книге «Фрегат «Паллада» в основном узнаётся бытовой фон, окружающий будущего святителя. Писатель не говорит, как воспринимается им духовный облик владыки Иннокентия: этот облик лишь угадывается. Автор изображает владыку Иннокентия без пафоса, без восторга, приводит даже сцены, окрашенные лёгким юмором. Значит ли это, что писатель не почувствовал святость своего собеседника? Нужно учесть, что Гончаров весьма осторожен в выборе слов, в оценке скрытой от глаз духовной сущности человека. В своих произведениях он избегает чисто религиозных сюжетов, а старается представить духовное — через повседневный быт. Характерно, что в письме к великому князю Константину Романову от 3 ноября 1886 года Гончаров заметил: «...Религия и вся жизнь, на ней основанная, — есть по преимуществу — высокая, духовно-нравственная, человеческая жизнь... Сам я, лично, побоялся бы религиозного сюжета, но кого сильно влечет в эту бездонную глубину — тому надо писать» (Российский архив. Т. V. М., 1994. С. 191).

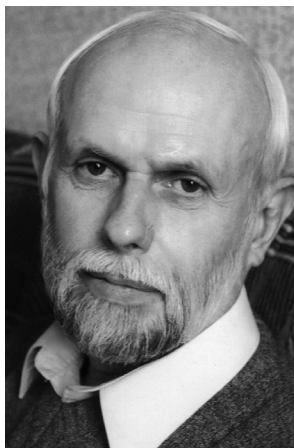
Но сказанное им («Он — тоже крупная историческая личность... чем дальше населяется, оживляется и гуманизируется Сибирь, тем выше и яснее станет эта апостоль-

ская фигура... Вот природный сибиряк, Самим Господом Богом ниспосланный апостол-миссионер!)» свидетельствует о верном духовном восприятии личности владыки Иннокентия. Гончаров пишет даже о том, о чём обычно никогда не пишет, — о личном впечатлении: «Личное мое впечатление было самое счастливое». Всё это говорит о том, что фигура будущего святителя воспринимается им как явно неординарная, выходящая из обычного ряда явлений. Назвав владыку Иннокентия апостолом, Гончаров, в сущности, признаёт его святость, проявляя, таким образом, духовную зоркость.

Особый вопрос — время написания двух частей воспоминаний о святителе Иннокентии. Первая часть этих воспоминаний относится к 50-м годам и включена непосредственно в книгу «Фрегат «Паллада». В это время Гончаров ещё не проявляет ярко выраженной тяги к религиозности. Воспоминания о владыке Иннокентии носят, соответственно, скорее исторический характер. Владыка изображается в главе «Из Якутска» как миссионер, переводчик на языки сибирских народов Евангелия, — в ряду иных подвижников, о которых сказано едва ли не больше, как, например, о священнике Хитрове, который занимался составлением грамматики якутского языка, и отце Никите Запольском. Следует учесть и то, что владыка в это время был жив и, вероятно, не желал бы встретить в печати подробности о своей жизни. Да и похвал он не любил. Однажды святитель признался: «Могу ли присвоить себе что-либо из того, что при мне или через меня делалось? Ибо Бог видит, как мне тяжело читать или слышать, когда меня за что-либо хвалят... Признаюсь, я желал бы, если бы это было возможным, чтобы нигде не упоминалось мое имя, кроме перечней и поминаний...» (Православная Москва. 1997. № 29-30. С. 1). Очерк же «По Восточной Сибири» создавался позже, после кончины «сибирского апостола», в 1889 году. Притом уже в 60-е годы происходит заметный перелом в духовной жизни писателя, всё более серьёзно и глубоко утверждавшегося в Православии. Есть любопытное свидетельство на этот счёт. Это письмо протоиерея Свято-Пантелеимоновской церкви г. Санкт-Петербурга Василия Перетерского к М.Ф. Сперанскому от 11 ноября 1912 года, в котором, в частности, говорится: «Я служу в приходе Пантелеймоновской церкви с 1869 года постоянно... В этом же приходе... свыше 30 лет жил и Иван Александрович Гончаров... В храм Божий в воскресенье и праздничные дни ходил; ежегодно исполнял христианский долг исповеди и святого причащения в своем прихожанском храме... Покойный Иван Александрович по крайней мере за последние двадцать лет жизни был и скончался истинно верующим сыном церкви православной». Кроме того, следует учесть, что в 1883 году в Москве вышла книга И. Барсукова «Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский», а в 1887 году собраны и изданы тем же И. Барсуковым «Творения» митрополита Иннокентия. В это время фигура святителя Иннокентия видится Гончарову уже в несколько ином свете. В итоге в печати появляются бесценные подробности встреч писателя и владыки Иннокентия, любопытные штрихи бытовой жизни и миссионерской деятельности будущего святителя.

ВЛАДИМИР ЕРЕМЕНКО

Святитель Иннокентий

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

От Господа стопы человеку исправляются.

Пс.36:23

Пролог

Воскресения Свет

Воскресения Свет!
Бог-Любовь во Спасенье!
Большей Радости нет,
Выше нету Явления!

Можно ль жить не любя?!.
Смерть дорогу завьюжит.
Только знаньем Тебя
Освящаются души.

ЕРЕМЕНКО Владимир Спиридонович (1948–2015) родился в г. Мариинске Кемеровской области. Служил в армии. Окончил Кемеровский государственный институт культуры, режиссёрско-театральное отделение, работал в нём. Окончил Московский Свято-Тихоновский Православный Богословский институт, катехизаторско-педагогический факультет. Печатался в газетах, журналах «Огни Кузбасса», «После 12» (Кемерово), «Всерусский Соборъ» (Санкт-Петербург), коллективных сборниках «Собор стихов», «Поэты университета». Автор книг стихов «Белый инок», «Высокий день», «Свет невечерний». Лауреат премии им. Павла Тобольского. Жил в Кемерово.

Боже, благослови
На земные мытарства!
Только Силой Любви
Восхищается Царство!

Через радость и боль,
Через немощь в Дорогу!
Труд, молитва, Любовь —
Восхождение к Богу.

Свет Небесный, сияй,
Над Землёй разливайся!
Каждый сердцу внимай
И для Бога старайся.

В нашей общей Судьбе
Знаем радость и муки —
Послушанье Тебе
Выше всякой науки.

Славим Свет Бытия,
Славим Жизни цветенье!
Я — пшеница Твоя,
Ты — моё Воскресение!..

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу
Ныне и присно и во веки веков.
Аминь.

Сцена первая

Рассвет

1

ИОАНН (*ребёнок, солист детского состава Хора*):

Господи, какая красота!..
Предрассветных сполохов зарницы...
В Небесах и сердце чистота,
Будто что-то главное случится.

ОТЕЦ (*выделяясь из Хора*):

Да, случится!.. Сбудется, сынок,
Всё, чему даровано случиться...
Ты моя былиночка... Росток...
Будем, значит, на Земле трудиться.

Поднимайся, милый... Помолись...
Божье на день ведай послушанье!..
Строго помни, что Земная жизнь
Есть к Небесной Жизни возрастанье.

Потому — молитва, труд, любовь,
Соисканье сладкой Божьей Воли...

Господи, спаси родную кровь
От случайной смерти и недоли...
От страстей губительных оков,
Упаси от нападений острых...

ИОАНН:

Папа, папа, я уже готов!..
Папа, папа!..

ОТЕЦ:

Открывай «Апостол».

ИОАНН (*читает*):

«... Шум внезапно сделался с небес
И наполнил дом, где находились...»
(*отвлекаясь от чтения*):
Господи, воистину воскрес!..
(*продолжает чтение*):
«И на каждом строго разместились

Огненные языки!..» Отец,
Поясни подробнее это слово!..

ОТЕЦ:

Милый мой, Благословен Творец —
Духа всё исполнились Святого,

Что Господь прорёк им, возносясь!..
Обещая в помощь!.. В утешенье!..
Видишь, сын, какая с Небом связь
Наших душ!.. И нашего служенья.

Всё!.. Готовься к службе...

ИОАНН:

Папа, пап,
Я ещё немножко погуляю...

ОТЕЦ:

Погуляй... Любимый Божий раб...
Боже мой, а красота какая!..

ИОАНН:

Господи, какая красота!..
Предрассветных сполохов зарницы...
В Небесах и сердце чистота,
Будто что-то главное случится.

ОТЕЦ:

Да, случится!.. Всё уже пришло,
И тебе даровано Спасенье...
И оно тебя уже нашло...

ИОАНН:

Будто я в Раю на Воскресенье!..

ОТЕЦ:

Да, в Раю, когда в душе светло!..
Пять тебе годочков скоро, милый.
Грамоте учись, сынок, зело,
Набирай полней духовной силы.

Будешь в Храме Божиим служить,
Как Небесной радости звоночек!..

ИОАНН *(в предчувствии)*:

Папа!.. Папа!! Папа, надо жить!!!

МАТЬ *(выходя из Хора)*:

Умер папа, Ванечка, сыночек!..

Господи, спаси и сохрани
Наших малых четверых детишек!..
Ой, горьки, тяжки, мой Боже, дни...
И ночей проплаканных — излишек.

Сразу путь судьбы не разберёшь...
Ой, крута порой её дорога!..
Ваня, ты у дяди поживёшь...
Всё — ему, тебе и мне подмога.

*(Уходит с Иоанном, растворяется в Хоре.
Хор сочувствует, принимает участие в их судьбе.)*

ИОАНН *(уже взрослый, священник, выходя из Хора):*

А в семь лет, как папа говорил,
Я уже читал «Апостол» в храме...

МАТЬ:

И твой голос утешеньем был
Прихожанам всем... Не только маме.

В восемь лет его в пономари
Батюшку определить просила...
Но как ни суди, как ни смотри —
Большая его крылила сила!

Из родного малого села
Увлекало Неба притяжение...
Господи, Благи Твои Дела
И Тебе смиренное служенье!

Да ликует в ясном сердце Свет,
Всех печалей камни изотрутся!..
Он уже священствует семь лет
В храме Благовещенском Иркутска.

ИОАНН:

Папа, папа, нынче, как вчера,
Нам с тобой учиться и стараться!..
Полюбил я с раннего утра
Задолго до службы просыпаться.

И молиться, и гулять чуть-чуть,
И вдыхать Божественные Силы...
Господи, как твой прекрасен путь
С самого рожденья до могилы.

Господи, какая красота!..
Предрассветных сполохов зарницы...
В Небесах и сердце чистота,
Будто что-то главное случится.

Ты смеялся: «Да, любимый раб,
Божий предрассветный колокольчик,
Всё уже случилось!»... Папа!.. Пап,
И у нас с женой уже сыночек.

Папа, папа, я люблю детей —
В них так много Царственного Света!..
Помолись о маме, пожалей...
Вот оно — Мгновение рассвета!..

ХОР:

Анга серебристая течёт,
Млечное небесное сиянье...
Вечное дыхание высот,
Трепетное чудо мироздания.

Колокол!.. Открылись Небеса...
В жемчугах росы туманной травы.
Зазвучали птичьи голоса.
Всё Твоей полно Державной Славы!

Солнце златоглавое встаёт,
Сердце из груди взлетает птицей!..
Вот он Твой Божественный восход!..
Светлая Пасхальная седмица.

2

ДЕВОЧКА:

Я спросила солнышко родное:
Для чего ты светишь, красота?!
И сказало солнце золотое:
Для тебя!.. Для мамы!.. Для Христа!..

МАЛЬЧИК (*подыгрывая*):

И для папы!.. И для всех на свете!..

ДЕВОЧКА:

Ну-ка, не подслушивай давай!..

МАТЕРИ (*женский состав Хора*):

Дети!.. Дети!.. Дети, дети, дети!..

МАЛЬЧИК и ДЕВОЧКА (*вместе*):

Мама, мы играем!..

МАТЕРИ:

Ну, играй!..

ДЕВОЧКА:

А тебе, насмешник, я отвечу
Притчею по твоему уму.
Посмотри: пока ещё не вечер,
Подрастёшь — узнаешь, что к чему!

ДЕТИ:

— Батюшка идёт!..
— Батюшка!..
— Батюшка!..
(Бегут к нему, обнимают.)

А у нас уроки будут?.. Да?!.

ИОАНН *(улыбаясь)*:

Вы меня в который раз спросили!
Как обычно, дети, как всегда —
В воскресенье перед литургией.

ДЕТИ:

Ты, батюшка, ты нас бы не бросал!

ИОАНН:

Да разве кто меня к тому неволит?!.

ДЕТИ:

Нет!.. Ты б от нас совсем не уезжал!..

ИОАНН *(в раздумье)*:

Уста младенца Истину глаголят...
Все, дети, мы у Господа в руках...
(шутливо строжится)

Но не капризны и не шаловливы,
Чтоб были!.. Как Отец на Небесах!..
Смиренны и в Любви трудолюбивы.

ДЕТИ:

— Да мы не против!..
— Мы, конечно, «за»!..
— А ты бы был Митрополитом нашим!..

ИОАНН (*смеётся*):

О, Господи, ну что за чудеса!..
А ну-ка, кыш под крылышки к мамашам!..

3

ЖЕНСКИЙ СОСТАВ ХОРА:

Заиграло солнышко
В самом малом зёрнышке,
Распрямилась веточка —
Вырастай!..
Стебелёчек-сабелька,
Золотая капелька,
Мир в подарок, деточка,
Принимай!

Горести и радости,
Утеснения, сладости...
Сердцем, Бога слышащим,
Выбирай!
Ангелы-хранители,
На Земле — родители,
Путь укажут ищущим
В светлый Рай!

ХОР:

Через горе — Благовест!
Иго Моё — Благо есть!
Наша ноша крестная
На Пути!
Да пребудут силушки,
Укрепились крылышки —
В Царствие Небесное —
В Путь! Лети!

Сцена вторая

Жребий

1

Получена Депеша из Синода, призывающая кого-либо из священнослужителей епархии для проповеднической Миссии на Алеутских островах. Приглашение к миссионерскому служению получает в числе других и священник Иоанн. Главный герой — в размышлении.

ХОР (*помогая принять правильное решение*):

И в Небесах, и в сердце — чистота!..
Расти в себе Высокое призванье.
Иди Путём завещанным Христа,
Не уклоняясь тяжести страдания.

Не избегая боли!.. Иоанн,
Тебе Господь — защита и отвага,
Тебе служенья жребий высший дан,
А иго Божье — истинное Благо!

ИОАНН (*выходя из размышления*):

Да, Господи, благи пути Твои
И высоко призванье в Сослуженье!..
Своих велений к нам не утаи...

На днях пришло Синода порученье
На Алеутах Миссию открыть,
Точнее, утверждённую продолжить...

ХОР (*активнее*):

Так значит, отче, так тому и быть...

ИОАНН:

Но кто из нас её осилить может?!
Где взять Апостольства священный пыл
На весь туземный дальний окенарий?!.

Их тридцать лет тому назад крестил
Монах Духовной Миссии Макарий...

ХОР (*убеждающе*):

Но паства слабо, брат, укреплена
В Законе, Боге, Свете, Христианстве.
Порой такая бедная она,
Что ищет Свет опять в своём шаманстве.

ИОАНН:

Да, Господи, но ведь у всех приход
И семьи здесь... И сыновья... И внуки...

ХОР:

Ты помнишь, отче: «Будет счастлив тот,
Тот, кто поедет!..» — прихожанин Крюков
Сказал тебе... Ты помнишь, Иоанн?..

ИОАНН *(со вздохом, умеряя ораторский пыл собеседника):*

Да помню, Крюков, я твои рассказы!..

КРЮКОВ *(проникновенно):*

Тебе билет, отец, счастливый дан!..

Я сорок лет трудился на Аляске.

Простор, свобода, море, красота,

И каждому — любимая работа!..

ИОАНН:

Что часто просто телу суета,

Когда о духе брошена забота.

КРЮКОВ:

Ну, не скажи!.. Там Миссия, отец!

Не осуди, не сотвори огула...

Ты посмотри, куда — с конца в конец —

Иркутская епархия шагнула!..

А вы же — ни руки и ни ноги

На помощь не поднимете!.. Как спелись!..

Синод Священный просит: помоги!..

А вы всё кочевряжитесь!.. Заелись!..

Никто не хочет ехать!.. Боже мой!..

ИОАНН *(в раздумье):*

Ты прав во многом, старший брат мой Крюков!..

Не в дом земной идти... А вверх — Домой!

Вот в этом христианская наука.

(убеждённое)

Да, в этом Путь во Царствие, Иван!..

Во Царство Божье нет Пути милее!

Нам Указатель этот Богом дан,

Держите по нему стопы смелее!..

Хотя у всех тут семьи и приход,

И не возьмёшь вопрос в колы да в пики!..

КРЮКОВ:

Я чую, отче, будет счастлив тот,
Тот, кто поедет!.. Я иду к Владыке...

ИОАНН:

Я тоже буду... Зван на этот час.

КРЮКОВ:

Тогда до встречи!.. Я — ещё по делу...

ХОР:

Когда коснётся каждого из нас
Дух Божий до сердечного предела,

Когда душа и тело воспарят
На подвиг Благовестия и муки,
Тогда, пусть что там и ни говорят,
И ноги поднимаются, и руки.

И сердце бьётся птицею в груди,
И воспевает славословье Богу!..

КРЮКОВ:

Владыко!.. Попрощаться!..

ЕПИСКОП МИХАИЛ:

Заходи.

КРЮКОВ:

Благословите, отче, на дорогу.

ЕПИСКОП (*благословляя его*):

Благословен воистину Отец
И Божий Сын, и Дух Животворящий!
Благословен в творении Творец,
Творение на Небо возводящий!

Ты уезжаешь... С Богом, Иоанн!
Передавай поклон в концы святыне.

КРЮКОВ *(вздыхая)*:

Там, отче, много дел и много стран,
И интересов... Только все — земные.

Пушнина, мясо, рыба, корабли,
Порой разбой, обман, разгул, коварство...
Не видят, что на Небе, что в Дали,
И что внутри... Не знают Божье Царство.

ИОАНН *(входя)*:

Владыко!..

ЕПИСКОП МИХАИЛ:

Вот и отче Иоанн!

Входи, входи!..

(благословляет его)

Вот — Крюков!.. Уезжает...
Мне им сейчас отчёт подробный дан:
Как дело на Аляске!.. Просвещает!..

КРЮКОВ *(подтверждая сказанное, продолжает)*:

Да, хоть миссионером крещены,
Но Миссия слаба, Владыко, очень.
И — пропадают Божии сыны.
И слух закрыт у них, закрыты очи.

Закрыто сердце. Кажется порой,
Что ноги вражки спутывают пути!
Они так неприглядны, Боже мой...
Но как добры туземцы-алеуты!

(Увлечённо)

Наивны и добры до простоты,
Светящейся и в Небо восходящей!..
Владыко, я подобной чистоты
Не видывал!.. Как Свет в могильной чаше!

Как звёздочка в ночи, как свет во дни.
И правду чувствуют и душой, и кожей!
Из всех бесед, на темы все, они —
Закон предпочитают слушать Божий.

И любят в Пост строжиться и говеть,
И телом соблюдать Закон и сердцем!
На них так любо-дорого смотреть!
Они, Владыко, Божии младенцы...

Иоанн с этого момента особенно внимательно слушает Крюкова.

И вот они с зари и до зари
В своих трудах... И молятся как дети!..

ИОАНН:

Что ты сказал?! А ну-ка повтори!..
О, Боже мой!.. Апостольские сети!..

КРЮКОВ (*в растерянности к Иоанну, к Владыке*):

Отец!.. Владыко!..

ЕПИСКОП:

Ваня, что с тобой?!.

ИОАНН (*смотрит вверх*):

Как хорошо, что Ты вошёл в беседу!..
Я еду!.. Еду!.. Еду, Боже мой!..
Благослови, Владыко!.. Еду!.. Еду!..

*Опять нынешняя картинка, нынешнее время.
Иоанн в раздумье.*

ХОР:

Так что ж ты снова медлишь, Иоанн?!.
Ведь право было избрано решение!..
Ведь жребий твой Благословенным дан!..

ИОАНН (*решиительно*):

Да, Господи, к Тебе моё движение!
К Тебе иду и телом и душой,
К Тебе — Всеозаряющему Свету!..
Я еду!.. Еду!.. Еду, Боже мой!..
Родные!.. Дорогие!.. Еду!.. Еду!..

2

ЖЕНСКАЯ ЧАСТЬ ХОРА:

Матушка!.. Матушка!..
Матушка, собирайся!
И сыночка-ладушку
Укрывай-старайся!

МАТУШКА ЕКАТЕРИНА:

Закатилось солнышко
За густой лесочек...
Золотое зёрнышко!..
Маленький сыночек!..

МУЖСКАЯ ЧАСТЬ ХОРА:

Обложили облаки
Горизонт в округе!..

ИОАНН:

Обретайте облики,
Мои верны друзья —

Ангелы, Архангелы —
Светочи Вторые!
Благовест, Евангелье,
С нами — все Святые!..

Помогите явственно,
Укрепите силы!..
Будь со мною Царственно,
Господи!.. Помилуй!

Сцена третья

Путь

1

Матушка Екатерина и Отец Иоанн завершают сборы. Последние взгляды вокруг, внутрь себя, в предстоящую дорогу. Прощание с домом.

ХОР:

То ни ветер шумит по-над бором,
То ни ворон полночный летит...

МАТУШКА:

То сердечко моё разговором
Взволновалось!.. Болит и болит.

Разверзаются хляби земные,
Раскрываются Дали Небес...
Ой родные мои, дорогие!
Впереди только воды и лес...

Испытания!.. О добрая Лена,
До Якутска наш путь по тебе!..

ИОАНН *(подбадривающе)*:

Что печаль? Воробью по колена!..

МАТУШКА:

Милый муж говорит...

ИОАНН:

По Судьбе!..
Божий Промysl!..

МАТУШКА:

Господи Боже,
Всё по силам нам будет с Тобой.
Только силы Ты нам приумножи
И на сердце даруй нам покой.

Престарелую маму Ивана
И меня сохрани, и его,
И сыночка, и брата Стефана
От налётного злого всего.

Распахни Свою Волю над нами,
Пусть во Благо вершится поход...

(Светает.)

Вот и Даль разомкнулась крылами,
Златоглавое солнце встаёт.

И печали ночные, как совы,
Растворились-исчезли во мгле!..
Мы готовы, наш Боже, готовы
К Небу Путь пролагать по Земле.

(Рассвет.)

Только дерзости нашей способствуй
И от смерти внезапной укрой...

(Солнце.)

ХОР:

Только сам, человече, не робствуй!..

МАТУШКА:

Всё по силам нам будет с Тобой!

Вот любимый мой Волю Благоую
Во главу поставляет Судьбы...

ИОАНН:

Я Единственной Доли взыскую,
Мы Твои, Благодатный, рабы.

Мы друзья Твои Вечери Тайной,
Воли Благословенной сыны.
Не позволим судьбине печальной
Проникать в наши яви и сны.

В наши мысли, слова и поступки,
В наши Богу благие дела!..
И унынья не дай и минутки,
Сохрани нас от всякого зла.

Так иду, и люблю, и радею,
И о Благости Божьей пою.
Ничего своего не имею,
Только, Господи, Волю Твою!

2

МУЖСКОЙ СОСТАВ ХОРА:

Расшумелись ветры,
Разгулялись волны!..
Сосны, пихты, кедры,
Перевалы горны!

ИОАНН:

Путь лежит далёкий!..
Анга, до свиданья!
Дом мой светлоокый!
Родина!.. Скитанья...

ХОР:

Но держись дружнее,
Горсточка Иркутска!..

МУЖСКОЙ СОСТАВ ХОРА:

Дальше — посложнее:
На Охотск с Якутска.

ХОР:

По болотам топким,
Тёмными лесами —
Здесь не место робким —
Льдистыми хребтами!

ЖЕНСКИЙ СОСТАВ ХОРА:

Перевалы, реки
И ручьи-речушки...
Божьи человеки —
У судьбы игрушки!

ХОР:

Но крепится сердцем
Сей мирок охранный:
Мать, жена с младенцем,
Брат и сам — Избранный.

Прочь гони сомненья!..
И в тайге, как в храме, —
Божьи песнопенья!..
Тыща вёрст верхами!..

ЖЕНСКИЙ СОСТАВ ХОРА:

Ой Россия, песни
По твоим окраинам!..

ИОАНН:

Господи, воскресни!..

МАТУШКА:

Дева, помогай нам!..

ИОАНН:

Боже мой!.. Светает...
Мы у цели, вроде!..

Дальний шум моря, крики чаек.

МАТУШКА:

Что там?!

ИОАНН:

Крики чаек...
На реке Охоте!..

ХОР:

Дело непростое!..
Смейся или плачь ты —

(Шум моря сильнее.)

Шум морской прибоя!..
На Охоте — мачты!

Путь к концу пространный,
Заслезилась вежда —
Вот он, долгожданный,
Сам Охотск прибрежный!

(Близкий шум моря.)

ИОАНН:

Дальше легче — морем,
Сердце вольно бьётся!..

МАТУШКА:

Счастьем или горем
Путь наш обернётся!..

ХОР:

Вышним Промышленьем!..
Чайка — Божья пташка!..
Место назначения —
Остров Уналашка!..

Сцена четвёртая

Миссия

ХОР:

Просторы!.. Даль!.. Великий океан!..
Вода и небо, и — клочочки суши!..

Господь вручает, отче Иоанн,
Тебе пасти младенческие души.

ИОАНН:

Но скудость, Боже!.. Крайняя нужда
Во всех делах!.. В миссионерском тоже.
Но всё же, Боже, горе — не беда,
Всё — слава Богу, Господи мой Боже!

И пишу Ты даёшь на каждый день,
И тяжести — коль в радости — не слишком!..

МАТУШКА:

И мыслей горьких исчезает тень:
Землянка-юрта!.. А теперь — домишко!..

О, сколько здесь уже мы солнц и лун!..
А Миссия всё длится, длится, длится...

ИОАНН (*рассказывая Матушке*):

В Великий пост на острове Акун
Не знал, что чудо Божие случится!..

Такое в сердце вечно сберегу —
И в самых смелых не мечтал надеждах...
Впервые еду к ним... На берегу
Меня встречают в праздничных одеждах!

И обнимают!..

Ретроспекция-воспоминание: картинка на острове.

АЛЕУТЫ (часть Хора):

Отче Иоанн!..

ИОАНН:

Да, Господи, откуда же?!.

АЛЕУТЫ:

— Да знаем!..
Старик сказал Смиренников, шаман...
— И вот тебя на радостях встречаем!..

— Сказал, что нынче должен ты приплыть,
Чтоб мы тебе свою явили дружность...
— Что ты молиться будешь нас учить!..
— И описал нам всю твою наружность...
— Вот, как ты есть!..

ИОАНН:

А видеть старика могу ли я?..

АЛЕУТЫ:

— Конечно!..

— Наш он, здешний...

— Но вот сейчас его здесь нет пока,
А как приедет, сам придёт, конечно...

Опять дом Иоанна.

ИОАНН:

И, представляешь, Катенька, — пришёл!
И рассказал!.. Ты лишь послушай фразу...

Ретроспекция-воспоминание.

СМИРЕННИКОВ:

В одеждах белых двое...

ИОАНН:

Где нашёл?..

СМИРЕННИКОВ:

Нашли меня!.. После крещения сразу.
Они живут недалеко, в горах...
И говорят, что будет мне, что было...

ИОАНН (*к Матушке*):

Я чую в сердце трепет, Божий страх...
И описал — Святого Гавриила!
И Спутника его.

(Смиренникову.)

А можно мне их видеть?

(Матушке.)

Вопрошаю осторожно.

СМИРЕННИКОВ:

Я их спрошу во следующем дне...

Опять дом Иоанна.

ИОАНН:

Ушёл... На сердце радостно-тревожно.

Но Миссия зовёт к своим делам...

(Вдруг прерывает рассказ, задумчиво)

Ты знаешь, Катя, если откровенно,
Я замечаю, хоть и трудно нам
Порой предельно, но — Благословенно!..

Я чувствую, чем более в трудах, —
Тем большую Поддержку получаю...
Любовь, мы знаем, изгоняет страх...
Я на себе всё это ощущаю...

Как будто бы Она меня ведёт,
А Миссия сама собою длится!..
И дел таких бурлит водоворот,
Порой не успеваешь надивиться!..

Ретроспекция-воспоминание недавнего посещения островов.

ХОР (возвышенно-динамично):

В просторе моря кто там?! Имярек!..
В стихии моря на волне-кургане!..
В пучине моря страждет человек
На малом древе!.. В море-океане!..

(Шторм.)

Высокой накрывается волной
И водным поглощается провалом!..
И пропадает свет над головой!..
На малом древе, Господи, на малом!..

(Усиление шторма.)

И тьма хрустальной пеною горит,
И не понять, что есть на самом деле!..

(Шторм постепенно стихает.)

К очередному острову прибит —
Выходит с лодкой из морской купели...

И падает ничком на скальный берег,
И суша ходит ходуном в тумане...
Кто это, Боже, раб Твой?! Имярек...
На Алеутах отче Иоанне.

Опять дом Иоанна. Шум моря, чайки.

ИОАНН (*возвращаясь из воспоминания*):

Я чувствую, Крестом обороняясь,
Как бы с бедой сражаясь в поле ратном,
Такую с Небом родственную связь!..
И Помощь... В каждом деле благодатном...

Вот так, мой друг!.. И всё — не просто так...
И это подтвердилось на Акуне...
Хотя, казалось, вроде бы, — пустяк!..
Так вот что, значит, было накануне...

Да-а-а... Миссия зовёт к своим делам,
Да так, что время и не замечаю...
Я проповедал дальним островам,
Вернулся на Акун — его встречаю,

(поясняет)

Смиренникова...

Ретроспекция-воспоминание: остров Акун. Море, чайки.

Что, спросил, Иван,
Своих друзей: могу ли я их видеть?

СМИРЕННИКОВ:

Спросил, отец... Ответ был добрый дан:
Принять готовы, чтобы не обидеть...

Сказали, правда, — а зачем ему
Нас видеть, коль тому, чему мы учим,
Он учит сам по сердцу и уму?
И нужно ль торопить подобный случай?..

Ну, так пойдём, отец, коли готов...

ИОАНН (*выходя из воспоминания*):

Но страх напал и полное смирение...
Я, грешный, не свяжу и пару слов,
И, не дай Бог, почую возношение

И возмечтаю много о себе...
Я, недостойный, встречи не решился
И в покаянно-трепетной мольбе
К Творцу в смиренном плаче обратился.

Затем Ивану наставленье дал
И всем его собратьям-алеутам,
Чтобы никто уже не называл
Его шаманом... Потрясённый чудом,

Я, Катенька, готов служить!.. Служить!..
Во славу Божью и на радость людям!..
Вот это только означает — Жить,
А умирать, конечно же, не будем!

ХОР:

Да будет так!.. Аминь!.. Аминь!.. Аминь!..

ИОАНН (*в размышленье*):

Не унести же это всё в могилу?!..
Ведь это — Божья Милость!.. Благостынь!..

ХОР:

И написал Владыке Михаилу.

ИОАНН:

В смирении и трепетной любви
Я в Божьей воле должен подвизаться...
Что делать мне, Господь, благослови
И помоги, Владыко, разобраться...

Да просветит Благословенный Свет,
Чтоб на Пути Любви не оступался...

ХОР:

А из Иркутска весть через шесть лет
Пришла, когда Смиренников скончался...

Детишки, школа, трудности, семья
И радости крещенского улова!..
Апостольская сладость жития:
Вся — проповедь Божественного Слова.

На много Алеутских островов
Раскинулась забота Иоанна...

АЛЕУТЫ (*часть Хора*):

— Нет, ты скажи, отец, без дальних слов...
— Скажи нам прямо...
— Ясно...
— Без тумана...

— Скажи зачем?..
— Какая польза нам?..

ИОАНН:

И вы как на духу ответ держите...

АЛЕУТЫ:

— Согласны, да...
— Скажи, зачем мы вам?..

ИОАНН:

Не нам, не нам, но Богу послужите!

АЛЕУТЫ:

— А чем служить, коль наша жизнь плоха?
— Ты видишь сам, как наша жизнь убога.
— В чём польза вам, что будем без греха?!.

ИОАНН:

Не нам, не нам, а всё — во славу Бога!

АЛЕУТЫ:

— Нет, ты скажи по сердцу и уму —
Не видишь, что народ не понимает —
Чем мы, скажи, помощники Ему?!.
— Что, Богу нашей славы не хватает?!.

Алеуты смеются.

ИОАНН:

Да, Богом принимается любовь
Своих творений, Богу благодарных!
Он во Спасенье отдал Свою Кровь,
Он прежде нас — нас возлюбил... Злонравных...

Он нам свободу выбора даёт —
Любить иль нет, пусть каждый выбирает!
Он без любви ответной не спасёт...
Он только вместе с нами нас спасает.

И в этом — Дар Свободы и Любви,
И Царствие Божественное людям...

АЛЕУТЫ (*серьёзно*):

— Нас, отче, с Богом быть благослови!..
— Мы Царствие Его трудом добудем!..

ОДИН ИЗ АЛЕУТОВ (*с нетерпением*):

Как, скажи, туда пройти?!
Дай тебе известное
Указание Пути
В Царствие Небесное!..

АЛЕУТЫ:

А ты, Стефан, отбрось корысть да лень,
И хитрости избавься понемногу...

Алеуты смеются.

СТЕФАН:

А-а-а, перестаньте!..

АЛЕУТЫ:

— Точно!..
— В тот же день
Увидишь в Царство Божие дорогу!..

— Прямую, как стрела по небесам!..
— Да вот — грехи!..
— Как с ними-то расстаться?!.

(Смеются.)

— И страсти?!.
— И долги?!.
— Оставишь нам?!.
— А сам в Раю?!.

СТЕФАН:

Да хватит вам смеяться!..

АЛЕУТЫ (*к Иоанну, серьёзно*):

— Да-а-а, видим, — ничего ты не таишь,
Твои слова для наших душ прекрасны!..
— Теперь ты ясно, прямо говоришь!..
— Крести нас, отче!..
— С Богом мы согласны!

ХОР:

Крещение Господнее! Итог
Трудов усердных!.. А точней — начало!..

ИОАНН:

Мы видим, благодатным в помощь Бог!
Как будет, есть и как всегда бывало!

Ну а теперь — с молитвой строить храм!..

И как бы здесь не допустить промашки...

Ведь это дело не знакомо вам,
И где взять лес в безлесной Уналашке?!

ХОР:

Но для чего Господни чудеса,
И для чего Любовь-молитва к Богу?!.

*(Пантомимическая картинка строительства.
Привезли лес. Разгрузка. Мужская часть Хора поднимается на подмости,
женщины и дети помогают работе внизу.)*

Пошли леса, леса, леса, леса, леса...

АЛЕУТЫ:

Мы в Небеса мостим себе дорогу!

ИОАНН *(радостно подбадривая)*:

И как бы тьмы не силился протест,
В трудах — подмогу Божью получайте!

ХОР:

И вот он, вот он!.. Принимайте крест!

ИОАНН:

И храм наш Вознесения венчайте!

Мужская часть Хора принимает спускающийся сверху церковный купольный крест храма, устанавливает его, закрепляет на подмостках. Среди мужского хора — двое в белых одеждах. Это, как мы узнаем чуть позже, Ангелы. Сцена представляет собой Храм Божий. На заднем плане — крест. По всей сцене — Хор.

МАЛЬЧИК:

Мама, мама, мы прямо сами Храм!

ИОАНН *(ко всем)*:

А разве вы не знаете, что вы — Храм Божий! И трудами своими освящаете его! Любовью восхищаете Царство.

ХОР:

Боже, благослови
На земные мытарства!
Только Силой Любви
Восхищается Царство!

Через радость и боль,
Через немощь в Дорогу!
Труд, молитва, Любовь —
Восхождение к Богу.

Свет Небесный, сияй,
Над Землёй разливайся!
Каждый сердцу внимай
И для Бога старайся.

В нашей общей Судьбе
Знаем радость и муки —
Послушанье Тебе
Выше всякой науки.

Славим Свет Бытия,
Славим Жизни цветенье!
Я — пшеница Твоя,
Ты — моё Воскресение!.

МАЛЬЧИК:

Мама, а с ними — Ангелы!..

МАТЬ:

Конечно... И с нами тоже...

СМИРЕННИКОВ:

Видишь, отец, они — с нами!..

ИОАНН:

Кто?

СМИРЕННИКОВ:

Друзья мои... (*Указывает на Ангелов.*) О которых я тебе говорил.

ИОАНН (*оглянувшись*):

Господи!.. Боже мой!.. (*Крестится.*)

Они с нами!.. Конечно, с нами...
Господи!.. (*Крестится.*) Слава Тебе!

Сцена пятая

Свершения

ХОР:

Радуйтесь, Земля и Небеса, —
Божья воля с нами пребывает!..
Радуйтесь! Ликут голоса
Ангельские!.. Души окрыляют!..

Радуйтесь!.. Благословен Творец —
Мы везде в Раю до мест безвестных!..

ИОАНН:

Да, в Раю, как говорил отец,
Коль светло в душе от дел Небесных!

ХОР:

Радуйтесь! В заботах и трудах
Иго Божье Благом прозревает!..
Радуйтесь, блаженные, в сердцах
Царство Пренебесное сияет!

Радуйтесь, кто к радости готов,
Кто трудами гонит лени сумрак!..

Шестьдесят в приходе островов,
Сотни дел и тысячи задумок!

Несколько уже воскресных школ
И церковно-приходских!.. Больница,
Дом сиротский, Трапез общий стол —
Радостью сияющие лица!

Азбука!.. Евангелия свет!..

АЛЕУТЫ (*часть Хора*):

На своём наречье алеутском!..

ХОР:

А затем через пятнадцать лет —
На калошском, также на якутском!..

И на русском, радуясь, прочти!..

ИОАНН:

Господи, дела Твои благие!..

ХОР:

Книга «Указание Пути
В Царствие Небесное», другие

Многие заметки и статьи,
Проповеди, сердцу откровенны!..

ИОАНН:

Господи, благи пути Твои,
Все дела Твои благословенны!..

Многие ремёсла и дела
Вместе одолели непростые!..
Грамотность туземцев возросла —
Большая, чем в среднем по России!

Требуется увеличить штат,
Содержанье на Аляске причта...

ХОР:

Отпуск многомесячный... Кронштадт...
Встреча с Николаем Первым лично.

Петербург, Синод, дела, Москва —
Всё идёт-слагается управно, —
Филарета славные слова...

ФИЛАРЕТ, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ:

В нём зерно Апостольское явно!..

ХОР:

Издаются книги и статьи,
Переводы движутся быстрее...

ИОАНН:

Господи, благи Твои пути!..

ХОР:

Возведение в протоиерея.
Новое ходатайство в Синод —
Миссию расширить предлагает...
Тяжестью тридцать девятый год:
Матушка в Иркутске умирает...

ИОАНН:

Катенька!..

МАТУШКА:

Всё, милый, хорошо!..
Деточек храни в своём служенье...

ИОАНН:

Господи, о чём просить ещё?!..
Сотвори Твоё упокоенье

О рабе послушливой Твоей!..
Господи!.. Вот как оно бывает!..

ХОР:

Обустроив быт своих детей,
Чин Великой Схимы принимает.

С именем Святого земляка,
Первого епископа Иркутска...
Иннокентий, Божия рука
На тебе!.. И — большая нагрузка.

Да, делами службы нагружён,
На предельном напряженье нервы...
В сан архимандрита возведён,
Снова встреча с Николаем Первым.

И на много в даль грядущих дней
Путь его дальнейший обрисован!..
Новая епархия!.. И в ней
Он — епископ!.. Хиротонисован!..

Вновь на Ситху!.. Путь через Сибирь,
Через свой Иркутск — на Алеуты!..

Оркестр, Хор — широко, величаво.

ИННОКЕНТИЙ:

Вот она — моя родная ширь —
Родина!.. Небес земное чудо!..

ХОР:

По приезду — впереди всего —
В храме Благовещенья служенье!..
Бывшие сокурсники его
Подходили под благословенье.
В душах даже — трепетный испуг...

БЫВШИЕ СОКУРСНИКИ (*часть Хора*):

— Как же, явно чудо разумеет!..
— Бывший дьякон, семинарский друг
Превращается в архиерея!..

ХОР:

Снова Пасха Светлая в сердцах!..
Воскресенье Божье восхвалили.
И на многих славя языках,
Литургию Божию служили.

Звоны колокольные!.. Народ,
Благодарный, тёк к нему, теснился...

НАРОД (*часть Хора*):

Ангела Хранителя в поход!..

ХОР:

Дорогим могилам поклонился...
Всем благословенье преподал —
Отчему всему родному дому...
К раке Иннокентия припал —
Тезоименитому Святому...

И в Новоархангельск!.. Ближний путь!..
В Русскую Америку!.. Заботы...
Некогда порой передохнуть —
Открывались новые приходы.

Церкви и часовни освящал!..
Ревностно держал судьбы поводья!
И тысячевёрстно объезжал
Божии обширные уголья!

Каждому старался донести
Слово Божье, чем и вдохновлялся...

ИННОКЕНТИЙ:

Нераденье, Господи, прости...

ХОР:

На оленях, на собаках мчался.

Путь к сердцам людским одолевал
Непроезжий ранее, нехожий!..
И в ответ, стараясь, получал
Утешенья в Благодати Божьей.

ИННОКЕНТИЙ:

Господи, как слушают они
Слово Благовестия и Царства!..
Покрывают Благодати дни
Все земные муки и мытарства.

Вот уже со временем Иркутск
Во своих владениях теснится...

ХОР:

Кафедру перенесли в Якутск,
Ширятся епархии границы!

Праздничный в Якутске перезвон!..
В кафедральном Троицком Соборе
Чин Богослуженья совершён
На якутском языке!.. И вскоре

Этот день по просьбам прихожан
Праздничным в историю вписался!..
А Владыке — новый подвиг дан:
На Амурской Миссии старался.

И, как в каждом деле повелось,
В Благодати Божией и Силе —

В Приамурье знамя вознеслось
В честь соединения с Россией.
Благовещенск, Богом освящён,
Центром стал епархии обширной...

ИННОКЕНТИЙ:

Господи, дай силушки ещё
Потрудиться здесь для жизни мирной!..
Как Ты мне всегда давал!.. Всегда!..

ХОР:

И его с растущим интересом,
Даже и в преклонные года,
Иностранцы звали Геркулесом.

Да, могучий телом и душой,
Прозревавший горные маршруты,
Но сражён был новостью большой —
Проданы Аляска, Алеуты!..

ИННОКЕНТИЙ:

Господи, душа горит огнём —
Не могу понять продажу эту!..

ХОР:

И об отношении своём
Отписал Владыке Филарету.

ИННОКЕНТИЙ:

Не могу!.. Владыко, поясни!..
Или это для России надо?!.
Тяжкие стоят над миром дни...
Миссия!.. Трудов моих отрада!..

Как ценить, о, Господи, прости,
Временное, забывая Вечность?!.
Ведь нельзя Спасенье обрести,
Ставя главным в Жизни быстротечность!..

Временное ставя выше Сил,
Сотворивших временное!.. Боже,
Сохрани, что мною совершил,
Или — если надо — уничтожи...

Как осмыслить Промысл, Господь,
И в Пути Твоём не ошибиться?!
Дух горит, душа пылает, плоть...
Господи, дай силушки трудиться!..

ХОР:

Да, могучий телом и душой,
Хоть и на покой почти готовый...
Но уже немыслимо большой
Бог ему готовил жребий новый.
Да, сынам Своим Он знает вес,
Что не видят гордые невежи...

И как гром — известие с Небес —
Было получение депеши
Из Синода... И она гласит...

ИННОКЕНТИЙ:

Господи, как мне осмыслить это?!.

ЧАСТЬ ХОРА:

Иннокентий есть Митрополит
По кончине в Боге Филарета.

Поражённый вестью больше всех,
Ото всех на день уединился...

ИННОКЕНТИЙ:

Господи, покрый и малый грех...

ХОР:

На коленях до утра молился.

ИННОКЕНТИЙ:

Без заслуг и видимых причин...
Промысл Господень — безусловно!..
Боже мой, — духовный главный чин
Высшей иерархии церковной!..

Как из тьмы прозревшая заря!..
Даруй, Боже, силы ко служенью...
А ведь даже для пономаря
Не пришёлся я в своём селенье...
Господи!..

ХОР:

Но в Боге пономарь
Держит сам селение родное...
Целый мир... И дьяконский орарь —
Божие напутствие благое...

Иерей... Епископ... А теперь...

ИННОКЕНТИЙ:

Господи!..

ХОР:

Своей судьбе дивился...
Да, всегда открыта в Царство дверь,
Кто его в трудах не сторонился.

Кто его делами приближал,
Нелукаво Господу старался,
Дух Святой в своей душе стяжал,
К Жизни Вечной в Боге подвизался.

ИННОКЕНТИЙ:

Во смирение Господу служить...
А ведь мне уже — восьмой десяток...
Но ведь это только значит — Жить!..
Вот ответ — и искренен и краток.

ХОР:

Путь в Москву по весям-городам!..
И — Небес распахнутые Дали!..

Радостный простор колоколам!..
А в Иркутске!.. Как его встречали!..

ИРКУТЯНЕ (*часть Хора*):

Вот он, Боже, наш Митрополит!..

ИННОКЕНТИЙ (*в раздумье*):

Так детишки, помню, рассудили...

ХОР:

Истина с Любовью говорит!..

БЫВШИЕ ДЕТИ (*часть Хора*):

— Да, Владыко, помним...
— Говорили!..
— Ты прости нас!..

ИННОКЕНТИЙ:

Милые мои!..

ХОР:

Литургии, встречи, расставанья!..

ИННОКЕНТИЙ:

Господи, благи пути Твои
В радости, заботах и страданье!..

Господи, верны Твои слова,
В них Твои сыны души не чают!..

ХОР:

И — Первопрестольная Москва
Своего Владыку величает!..

Дел необозримый океан!..
Но очам внимательным приметней
Вышний путь, к которому призван
Божий раб, Владыко Иннокентий.

Господа за всё благодаря,
О Святой Руси — труды-дерзання!..
О Первостепенном у царя
Главная беседа!.. Пониманье...
Новые ходатайства в Синод —
Разрушение ложных пьедесталов:
Наступление важное ведёт
Резкое противу либералов.

Против их вмешательства в судах
И в делах церковных заведений,
Против послабления в трудах
Семинарий, школ и академий.

Против обмирщения сердец,
Принижения Высших Идеалов!..

По России из конца в конец —
Миссии, церковные журналы,

Общества, Апостольства труды —
Просвещения служба непростая.
Нелегки правления бразды.
Миссии в Монголии, Китае.

В близкой нам Маньчжурии. Смелей
Дело разрастается, бодрее!..
На Благое — силы не жалеи!..
Миссии в Японии, Корее.

ИННОКЕНТИЙ:

Алеуты, Боже, не забыть
И Аляску, хоть они не близко —
Вот решение Промысла: открыть
Миссию Твою и в Сан-Франциско!..

ХОР:

Служба на закладку алтаря
Главного Святилища в народе!..
В душах — ликования заря:
— Храм Христа Спасителя возводим!..

Десять лет ещё тяжёлый крест
Нёс Владыко своего смотренья...
И по всей стране до дальних мест
Достигало в Господе служенье.

Сердце ко служенью приготовь!..
Щедрые душевные затраты...
Общая народная любовь...
Царские, церковные награды.

С детства сети праздности отверг,
До кончины в Господе трудился...
Чувствуя отшествование, в Четверг
На Страстной неделе причастился...
Попросил себя соборовать...

ИННОКЕНТИЙ:

Господу свои сердца приносим...
А кому же на Исход читать?..
Пусть Преосвященнейший Амвросий...

Друг мой!.. На моих похоронах
Слово назидания скажите...
Чтобы каждый помнил Божий страх...
А речей... Речей не говорите...

Пусть глаголет Божья чистота,
Простота, как в малой Божьей птахе...
А в речах — порою пустота,
Истинная Мудрость в Божьем страхе...

Много похвалы в речах пустой...
Проповедь скажите не для вида.
Вот она — псалом тридцать шестой
Псалмопевца нашего Давида.

Все пути от Бога моего
Человеку, слышащему Бога,
И стопы исполнятся его
Благодати, хоть тяжка дорога,

Труден путь, но Господом своим
Утешайся, в Господе старайся,
И тогда всегда ты будешь с Ним...
Только так!.. И только так спасайся.

Бог тебе Защита и Отец,
А лукавый, злобный и ленивец,
Как о том глаголет Сам Творец, —
Истребится в веки нечестивец.

Всё творится Господом в тиши...
Всё во благо наше, коли просим...
Ну, читай же на Исход души,
Друг Преосвященнейший Амвросий...

АМВРОСИЙ:

Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь. Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас...

*Его голос постепенно уходит на второй план, на первом плане —
фрагмент из сцены первой.*

ИОАНН (ребёнок):

Господи, какая красота!..
Предрассветных сполохов зарницы...
В Небесах и сердце чистота,
Будто что-то главное случится.

ОТЕЦ:

Да, случится!.. Всё уже пришло...
И тебе даровано Спасенье...
И оно тебя уже нашло...

ИОАНН и ИННОКЕНТИЙ (*вместе*):

Будто я в Раю на Воскресенье!..

*По второму плану — голос Амвросия, завершающего канон.
Среди Хора появляются Ангелы.*

АНГЕЛЫ:

В мире всё уже завершено —
Дело Воскресения творится!..
Проросло Небесное зерно —
Урожай приносится сторицей...

ГОЛОС С НЕБЕС:

В житницы Блаженные укрой,
А плевелы попали худые...

ХОР:

Душу со Святыми упокой,
Приими в Обители благие!..

АМВРОСИЙ (*заканчивая чтение канона*):

... прими в мир душу раба Твоего сего Иннокентия, и покой ю в вечных обителях со святыми Твоими, благодатию Единородного Сына Твоего, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, с Ним же благословен еси с Пресвятым и Благим, Животворящим Твоим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь!

ИННОКЕНТИЙ:

Прочитали?..

АМВРОСИЙ:

Да.

ИННОКЕНТИЙ:

А где «Аминь»?..

ХОР:

Повторили... Господи помилуй!..

ИННОКЕНТИЙ:

А какая в мире Благостынь,
Хоть земные покидают силы!..

Господи!.. Всемиловитый Царь!..
Боже мой!.. За всё меня простите!..
Мой возьмите дьяконский стихарь,
В стихаре меня похороните...

ХОР:

Так и было... Не было «похвал» —
Всё от сердца в Боге говорили...
Было всё, как он хотел... Сказал...
Жил по Богу, в Боге хоронили...

АНГЕЛЫ:

Дух раба приемли Своего!..

ХОР:

Лишь небес коснулись солнца блики,
О земном успении его
Утром возвестил Иван Великий.

Свет Небесный светится во мгле!..
И животворит нас слово это!..
Тело было предано земле
Близ могилы друга Филарета...

В Боге дел его сияет свет,
Всё творил, как Господом замыслен!..
Всё во Благо!.. И через сто лет —
Церковью в Небесный Лик причислен

По Закону Слова Твоего!..
И Твоим Животворящим Светом
Нас храни молитвами его
И в Небесном мире, и на этом.

На горизонте сцены высвечивается икона Святителя Иннокентия.

ИННОКЕНТИЙ:

Избирайте горные тропы,
Трудные и — веруйте как дети!..
Богом утверждаются стопы
Жаждающего Жить в Небесном Свете!

Эпилог

Свет Небесный, сияй!

ХОР:

Свет Небесный, сияй,
Над Землёй разливайся!
Каждый сердцу внимай
И для Бога старайся.

В нашей общей Судьбе
Знаем радость и муки —
Послушанье Тебе
Выше всякой науки.

Славим Свет Бытия,
Славим Жизни цветенье!
Я — пшеница Твоя,
Ты — моё Воскресение!..

НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ

Миссионеры на севере

Главы из повести «На краю света»

Глава шестая

...Лихо прокатили мы первый день на доброй тройке и все беседовали с отцом Кириаком. Любезный старик рассказывал мне интересные истории из инородческих религиозных преданий, из коих меня особенно занимала повесть о пятистах путешественниках, которые под руководством одного книжника, по-ихнему — «обушия», пустились путешествовать по земле в то еще время, когда «победивший силу бесовскую и отринувший все слабости» бог Шигемуни гостеприимствовал «непочатыми яствами» в Ширвасе. Повесть эта тем интересна, что в ней чувствуется весь склад и дух религиозной фантазии этого народа. Пятьсот путников, предводимые обушием, встречают духа, который, чтобы устроить их, принимает самый ужасный и отвратительный вид и спрашивает: «Есть ли у вас такие чудовища?» — «Есть гораздо страшнее», — отвечал обуший. «Кто же они?» — «Все те, которые завистливы, жадны, лживы и мстительны; они по смерти становятся чудовищами гораздо тебя страшнее и гаже». Дух скрылся и, превратясь где-то в человека, такого сухого и тощего, что даже жилы его пристали к костям, опять появился перед путниками и говорит: «Есть ли у вас такие люди?» — «Как же, — отвечает обуший, — гораздо суше тебя есть — таковы все, любящие почести».

ЛЕСКОВ Николай Семёнович (1831–1895) — прозаик, драматург, получил звание самого народного писателя России. Автор известных романов, повестей и рассказов, таких как *«Некуда»*, *«Леди Макбет Мценского уезда»*, *«На ножжах»*, *«Соборяне»*, *«Левша»*, *«Очарованный странник»*, повести *«На краю света»*, основанной на реальных событиях, и многих других выдающихся произведений.

— Гм! — перебил я Кириака, — это, — говорю, — смотри, уже не на нас ли, архиереев, мораль пущена?

— А бог весть, владыко, — и продолжает: — По некотором времени дух явился в виде прекрасного юноши и говорит: «А вот такие у вас есть ли?» — «Как же, — отвечает обуший, — между людьми есть несравненно тебя прекраснее, это те, которые имеют острое понятие и, очистив свои чувства, благоговеют к трем изыскам: богу, вере и святости. Сии столь тебя красивее, что ты пред ними никуда не годишься». Дух рассердился и стал экзаменовать обуших другими манерами. Он зачерпнул в горсть воды: «Где, — говорит, больше воды: в море или в горсти?» — «В горсти более», — отвечал обуший. «Докажи». — «Ну и докажу: по видимому судя, кажется в море действительно более воды, чем в горсти, но когда придет время разрушения мира и из нынешнего солнца выступит другое, огнепоясующее, то оно иссушит на земле все воды — и большие и малые: и моря, и ручьи, и потоки, и сама Сумбер-гора (Атлас) рассыпется; а кто при жизни напоил своею горстью уста жаждущего или обмыл своею рукою раны нищего, того горсть воды семь солнц не иссушат, а, напротив того, будут только ее расширять и тем самым увеличивать...» — Право, как вы хотите, а ведь это не совсем глупо, господа? — спросил, приостановясь на минуту, рассказчик. — А? Нет, вправду, как вы это находите?

— Очень не глупо, совсем не глупо, владыко.

— Признаюсь вам, и мне это показалось, пожалуй, толковее иной протяженной проповеди об оправдании... Ну, впрочем, не все об этом. Потом повели мы долгие беседы о том, какой способ надо предпочесть всем другим для обращения дикарей в христианство. Кириак находил, что с ними надо как можно меньше обрядничать, потому что они иначе самого Кириака с его вопросами превзойдут о том: можно ли того причащать, кто яйцом в зубы постучит; да не надо много и догматизировать, потому что их слабый ум устает следить за всякою отвлеченностью и силлогизацией, а надо им просто рассказывать о жизни и о чудесах Христа, чтобы это представлялось им как можно живообразнее и чтобы их бедной фантазии было за что цепляться. Но главное: все на то напирал, что «кто премудр и художник, тот пусть покажет им от своего жития доброго, — тогда они и Христа поймут, а иначе, говорит, плохо наше дело, и истинная наша вера, хоть мы ее промеж них и наречем, то будет она у них под началом у неистинной: наша будет нареченная, а та действующая, — что в том добра-то, владыко? Посуди: к торжеству Христовой веры это будет или к ее унижению? А еще того горше, как от нашего что возьмут, да не знать, что из него сделают. Нечего спешить нарекать, а надо насаждать; другие придут — будут поливать, а возрастит сам бог... Не так ли, владыко, апостол-то учил, а? Вспомни его, должно быть так: а то, гляди, как бы не поспешить, да людей не насмешить и сатану не порадовать».

Я, по правде сказать, внутренне во многом с ним соглашался и не заметил, как в простых и мирных с ним разговорах провел весь день до вечера; а с тем и наш конный путь кончился.

Переночевали мы с ним у огонька в юрте и на другое утро покатили на оленях. <...>

На третий день к вечеру и этот путь прекратился: снега стали рыхлее, и мы заменили нескладных оленей собаками — такие серенькие, мохнатые и востроухие, как волчки, и по-волчьи почти и тявкают. Запрягают их помногу, штук по пятнадцати, а почетному путнику, пожалуй, и больше зацепят, но салазки такие узенькие, что двоим рядом сидеть невозможно, и мы с отцом Кириаком должны

были разделиться: на одних приходилось ехать мне с проводником, а на других — Кириаку с другим проводником. Проводники оба казались равного достоинства, да и с обличья их одного от другого даже и не отличишь, особенно как своими малицами закутаются, — точно банные обмылки: что один, что другой — в обоих одна красота. Но Кириак нашел в них разницу и непременно настаивал, чтобы усадить меня с тем, который казался ему надежнее; а в чем он видел эту надежность — не объяснил.

— Так, — говорит, — владыко: ты в этом крае неопытнее меня, так ты с этим поезжай. — За это я его не послушал и сел с другим. Поклажу свою мы разделили: я взял себе в ноги узелок с бельем да с книгами, а Кириак надел на себя мирницу и дароносицу да взял в ноги кошель с толокном, сухой рыбкой и прочей нашей незатейливой походной провизией.

Уселись мы так, подоткнулись малицами, сверху по коленам оленьими кожами застегнулись и поскакали.

Езда эта была гораздо быстрее, чем на оленях, но зато сидеть так худо, что у меня с непривычки через час же страшно спину разломило. Погляжу на Кириака — он сидит как воткнутый столбушек, а я так и вихляюсь по сторонам — все баланс хочу удержать, и за этой гимнастикой даже не мог и поговорить с моим проводником. Узнал только, что он крещеный, и окрещен недавно моим зырянником, а поэкзаменовывать его не успел. К вечеру я так измучился, что совсем держаться не мог и пожаловался Кириаку.

— Плохо, — говорю, — меня что-то сразу уже очень расшатало.

— А все это оттого, — отвечает, — что ты меня не слушал, — не с тем едешь, с которым я тебя сажал: этот лучше правит, покойнее. Яви ласку: пересядь завтра.

— Хорошо, — говорю, — изволь, пересяду, — и точно, пересел, и опять едем.

Не знаю: понавык ли я за прошлый день держаться на этих рожнах или действительно этот проводник лучше своим орстелем правил, только мне спокойнее ехалось, так что я даже мог и побеседовать.

Спрашиваю его: крещеный он или нет?

— Нет, — отвечает, — бачка, моя некрещена, моя счастливая.

— Чем же ты так счастлив?

— Счастливая, бачка; меня, бачка, Дзол-Дзягачи дала, бачка. Она меня, бачка, бережет.

Дзол-Дзягачи у шаманистов такая богиня, дарующая детей и пекущаяся будто бы о счастии и здоровье тех, которые у нее вымолены.

— Так что же, — говорю, — а почему же не креститься-то?

— А она, бачка, меня не дает крестить.

— Кто это? Дзол-Дзягачи?

— Да, бачка, не дает.

— Ага, ну, хорошо, что ты мне это сказал.

— Как же, бачка, хорошо?

— Да вот я тебя за это, назло твоей Дзол-Дзягачи, и велю окрестить.

— Что ты, бачка? Зачем Дзол-Дзягачи сердить? Она рассердится — дуть станет.

— Очень она мне нужна, твоя Дзол-Дзягачи: окрещу, да и баста.

— Нет, бачка, она не даст обижать.

— Да какая тебе, глупому, в этом обида?

— Как же, бачка, меня крестить? — мне много обида, бачка: зайсан придет — меня крещеного бить будет, шаман придет — опять бить будет, лама придет — тоже бить будет и олешков сгонит. Большая, бачка, обида будет.

— Не смеют они этого делать.

— Как, бачка, не смеют? Смеют, бачка, все возьмут; у меня дядю, бачка, уже разорили... Как же, бачка, разорили, и брата, бачка, разорили.

— Разве у тебя есть брат крещеный?

— Как же, бачка, есть брат, бачка, есть.

— И он крещеный?

— Как же, бачка, крещеный, два раза крещеный.

— Что такое? два раза крещеный? Разве по два раза крестят?

— Как же, бачка, крестят.

— Врешь!

— Нет, бачка, верно: он один раз за себя крестился, а один раз, бачка, за меня.

— Как за тебя? Что ты это за вздор мне рассказываешь?

— Какой, бачка, вздор! — не вздор: я, бачка, от попа спрятался, а брат за меня крестился.

— Для чего же вы так смошенничали?

— Потому, бачка, что он добрый.

— Кто это: брат-то твой, что ли?

— Да, бачка, брат. Он сказал: «Я все равно уже пропал — окрещен, а ты спрячься, — я еще окрещусь»; я и спрятался.

— И где же он теперь, твой брат?

— Опять, бачка, креститься побежал.

— Куда же это его, бездельника, понесло?

— А туда, бачка, где ныне, слышать, твердый поп ездит.

— Ишь ты! Что же ему до этого попа за дело?

— А свои у нас там, бачка, свои люди живут, хорошие, бачка, люди; как же? ему, бачка, жаль... он их жалеет, бачка, — за них креститься побежал.

— Да что же это за шайтан, этот твой брат? Как он это смеет делать?

— А что, бачка? ничего: ему, бачка, уж все равно, а тех, бачка, зайсан бить не будет, и лама олешков не сгонит.

— Гм! надо, однако, твоего досужего брата на примету взять. Скажи-ка мне, как его зовут?

— Куська-Демяк, бачка.

— Кузьма или Демьян?

— Нет, бачка, — Куська-Демяк.

— Да; по-твоему чище, — Куська-Демяк или меди пятак, — только это два имени.

— Нет, бачка, одно.

— Я тебе говорю — два!

— Нет, бачка, одно.

— Ну, тебе, видно, и это лучше знать.

— Как же, бачка, мне лучше.

— Но это его Кузьмой и Демьяном при первом или при втором крещении назвали?

Вылупился и не понимает; но, когда я ему повторил, он подумал и ответил:

— Так, бачка: это как он за меня крестился, тогда его стали Куська-Демяк дразнить.

— Ну, а после первого-то крещения вы как его дразнили?

— Не знаю, бачка, забыл.

— Но он-то, чай, это знает?

— Нет, бачка, и он позабыл.

— Быть, — говорю, — этого не может!

— Нет, бачка, — верно, позабыл.

— А вот я его велю разыскать и расспрошу.

— Разыщи, бачка, разыщи; и он скажет, что позабыл.

— Да только уже я его, брат, как разыщу, так сам зайсану отдам.

— Ничего, бачка; ему теперь, бачка, никто ничего, — он пропащий.

— Через что же это он пропащий-то? Через то, что окрестился, что ли?

— Да, бачка; его шаман гонит, у него лама олешки забрал, ему свой никто не верит.

— Отчего не верит?

— Нельзя, бачка, крещеному верить, — никто не верит.

— Что ты, дикий глупец, врешь! Отчего нельзя крещеному верить? Разве крещеный вас, идолопоклонников, хуже?

— Отчего, бачка, хуже? — один человек.

— Вот видишь, и сам согласен, что не хуже?

— Не знаю, бачка, — ты говоришь, что не хуже, и я говорю; а верить нельзя.

— Почему же ему нельзя верить?

— Потому, бачка, что ему поп грех прощает.

— Ну так что же тут худого? Неужто же лучше без прощения оставаться?

— Как можно, бачка, без прощения оставаться! Это нельзя, бачка. Надо прощение просить.

— Ну так я же тебя не понимаю; о чем ты толкуешь?

— Так, бачка, говорю: крещеный сворует, попу скажет, а поп его, бачка, простит; он и неверный, бачка, через это у людей станет.

— Ишь ты какой вздор несешь! А по-твоему это небось не годится?

— Этак, бачка, не годится у нас, не годится.

— А по-вашему как бы надо?

— Так, бачка: у кого украл, тому назад принеси и простить проси; человек простит, и бог простит.

— Да ведь и поп человек: отчего же он не может простить?

— Отчего же, бачка, не может простить? И поп может. Кто у попа украл, того, бачка, и поп может простить.

— А если у другого украл, так он не может простить?

— Как же, бачка? — Нельзя, бачка: неправда, бачка, будет; неверный человек, бачка, везде пойдет.

«Ах ты, — думаю, — чучело этакое неумытое, какие себе построения настроил!» — и спрашиваю далее:

— А ты про господу Иисуса Христа-то что-нибудь слышал?

— Как же, бачка, слышал.

— Что же ты про него слышал?

— По воде, бачка, ходил.

— Гм! ну, хорошо — ходил; а еще что?

— Свинью, бачка, в море топил.

— А более сего?

— Ничего, бачка, — хорош, жалостлив, бачка, был.

— Ну, как же жалостлив? Что он делал?

— Слепому на глаза, бачка, плевал, — слепой видел; хлебца и рыбка народца кормил.

— Однако ты, брат, много знаешь.
— Как же, бачка, много знаю.
— Кто же тебе все это рассказал?
— А люди, бачка, говорят.
— Ваши люди?
— Люди-то? Как же, бачка, наши, наши.
— А они от кого слышали?
— Не знаю, бачка.
— Ну а не знаешь ли ты, зачем Христос сюда на землю приходил?
Думал он, думал, — и ничего не ответил.
— Не знаешь? — говорю.
— Не знаю.

Я ему все православие и объяснил, а он не то слушает, не то нет, а сам все на собак погикивает да орстелем машет.

— Ну, понял ли, — спрашиваю, — что я тебе говорил?

— Как же, бачка, понял: свинью в море топил, слепому на глаза плевал, — слепой видел, хлебца-рыбка народца дал.

Засели ему в лоб эти свиньи в море, слепой да рыбка, а дальше никак и не поднимется... И припомнились мне Кириаковы слова о их жалком уме и о том, что они сами не замечают, как края ризы касаются. Что же? И этот, пожалуй, крайка коснулся, но уж именно только коснулся — чуть-чуть дотронулся; но как бы ему более дать за нее ухватиться? И вот я и попробовал с ним как можно проще побеседовать о благе Христова примера и о цели его страдания, но мой слушатель все одинаково невозмутимо орстелем помахивает. Трудно мне было себя обольщать: вижу, что он ничего не понимает.

— Ничего, — спрашиваю, — не понял?

— Ничего, бачка, все правду врешь; жаль его: он хорош, Христосик.

— Хорош?

— Хорош, бачка, не надо его обижать.

— Вот ты бы его и любил.

— Как, бачка, его не любить?

— Что? Ты можешь его любить?

— Как же, бачка, — я, бачка, его и всегда люблю.

— Ну вот и молодец.

— Спасибо, бачка.

— Теперь, значит, тебе остается креститься: он и тебя спасет.

Дикарь молчит.

— Что же, — говорю, — приятель: что ты замолчал?

— Нет, бачка.

— Что такое: «нет, бачка»?

— Не спасет, бачка; за него зайсан бьет, шаман бьет, лама олешков сгонит.

— Да; вот главная беда!

— Беда, бачка.

— А ты и беду потерпи за Христа.

— На что, бачка, — он, бачка, жалостливый: как ядохнуть буду, ему самому меня жаль станет. На что его обижать!

Хотел было сказать ему, что если он верит, что Христос его пожалеет, то пусть верит, что он же его может и спасти, — но воздержался, чтобы опять про зайсана

да про ламу не слушать. Ясно, что Христос у этого человека был в числе его добрых, и даже самых добрых божеств, да только не из сильных: добр, да не силен, — не заступается, — ни от зайсана, ни от ламы не защищает. Что же тут делать? как дикаря переуверить в этом, когда Христову сторону поддержать не с кем, а для той много подпор? Католический проповедник в таком случае схитрил бы, как они в Китае хитрили: положил бы Будде к ногам крестик, да и кланялся и, ассимилировав и Христа и Будду, кичился бы успехом; а другой новатор толковал бы такого Христа, что в него и верить нечего, а только... думай о нем благопристойно и — хорош будешь. Но тут и это трудно: чем этот мой молодец станет раздумывать, когда у него вся думалка комом смерзлась и ему ее оттаять негде.

Припомнилось мне, как Карл Эккартсгаузен превосходно, в самых простых сравнениях умел представлять простым людям великость жертвы Христова пришествия на землю, сравнивая это, как бы кто из свободных людей, по любви к заключенным злодеям, сам с ними заключался, чтобы терпеть их злонравие. Очень просто и хорошо; но ведь у моего слушателя, благодаря обстоятельствам, нет больших злодеев, как те, от кого он бежит из страха, чтобы его не окрестили; нет у него такого места, которое могло бы произвести ужас в сравнении с страшным местом его всегдашнего обитания... Ничего с ним не поделаешь, — ни Массильоном, ни Бурдалу, ни Эккартсгаузенем. Вот он тебе тычет орстелем в снег да помахивает, рожа обмылком — ничего не выражает; в гляделках, которые стыд глазами звать, — ни в одном ни искры душевного света; самые звуки слов, выходящих из его гортани, какие-то мертвые: в горе ли, в радости ли — все одно произношение, вялое и бесстрастное, — половину слова где-то в глотке выговорит, половину в зубах сожмет. Где ему с этими средствами искать отвлеченных истин, и что ему в них? Они ему бремя: ему надо вымирать со всем родом своим, как вымерли ацтеки, вымирают индейцы... Ужасный закон! Какое счастье, что он его не знает, — и знай тычет себе орстелем — тычет направо, тычет налево; не знает, куда меня мчит, зачем мчит и зачем, как дитя простой душою, открывает мне, во вред себе, свои заветные тайны... Мал весь талант его и... благо ему: мало с него спросится... А он все несется, несется в безбрежную даль и машет своим орстелем, который, мигая перед моими глазами, начал действовать на меня как маятник. Меня замаячило; эти мерные взмахи, как магнетизерские пассы, меня путали сонною сетью; под темя теснилась дрема, и я тихо и сладко уснул — уснул для того, чтобы проснуться в положении, от которого да сохранит господь всякую душу живую!

Глава тринадцатая

...Я схоронил Кириака под глыбой земли на берегу замерзшего ручья и тут же узнал от дикарей гнусную новость, что мой успешный зырянин крестил... стыдно сказать — с угощением, попросту — с водочкой. Стыдом это в моих глазах все это дело покрыло, и не захотел я этого крестителя видеть и слышать о нем, а повернул назад к городу с решимостью сесть в своем монастыре за книги, без коих монаху в праздномыслии — смертная гибель, а в промежутках времени смирно стричь ставленников, да дьячих с мужьями мирить; но за святое дело, которое всяте совершать нельзя кое-как, лучше совсем не трогаться — «не давать безумия богу».

Так я и сделал — и вернулся в монастырь умудренный опытом, что многострадальные миссионеры мои люди добрые и слава богу, что они такие, а не иные.

Теперь я ясно видел, что добрая слабость простительнее ревности не по разуму — в том деле, где нет средства приложить ревность разумную. А что такая невозможна — в этом убеждала меня дожидавшаяся меня в монастыре бумага, в коей мне сообщалось «к сведению», что в Сибири, кроме пятисот восьмидесяти буддийских лам, состоящих в штате при тридцати четырех кумирнях, допускаются еще ламы сверхштатные. Что же? ведь я не Канюшкевич или не Арсений Мациевич, — я епископ школы новой и с кляпом во рту в Ревеле сидеть не хочу, как Арсений сидел, да от этого и проку нет... Я принял известие об усилении лам «к сведению» и только вытребовал, как мог поскорее, к себе назад из степей зырянина и, навесив ему за успехи набедренник, яко меч духовный, оставил его в городе при соборе ризничим и наблюдателем за перезолоткою иконостаса; а своих ленивеньких миссионеров собрал да, в пояс им поклонясь, сказал:

— Простите меня, отцы и братия, что вашу доброту не понимал.

— Бог, — говорят, — простит.

— Ну, мол, спасибо, что вы милостивы, и будьте отныне везде и всегда паче всего милостивы, и бог милосердия будет на делах ваших.

И с тех пор во все мое остальное, довольно продолжительное пребывание в Сибири я никогда не смущался, если тихий труд моих проповедников не давал столь любимых великосветскими религиозными нетерпеливцами эффектных результатов. Когда не было таких эффектов, я был покоен, что «водоносы по очереди наполняются»; но когда случайно у того или у другого из миссионеров являлась вдруг большая цифра... я, признаюсь вам, чувствовал себя тревожно... Мне припоминался то мой зырянин, то оный гвардейский креститель Ушаков либо советник Ярцев, которые были еще благопоспешнее, понеже у них, якоже и во дни Владимира, «благочестие со страхом бе сопряжено», и инородцы у них, еще до приезда миссионеров, уже просили крещения... Да только что же из всей их этой борзости и «благочестия со страхом сопряженного» вышло? Мерзость запустения стала по святым местам, где были купели сих борзых крестильников, и... в этом путалось все — и ум, и сердце, и понятия людей, и я, худой архиерей, не мог с этим ничего сделать, да и хороший ничего не сделает, пока... пока, так сказать, мы всерьез станем заниматься верою, а не кичиться ею фарисейски, для блезира. Вот, господа, в каком положении бываем мы, русские крестители, и не оттого, чай, что не понимаем Христа, а именно оттого, что мы его понимаем и не хотим, чтобы имя его хулилось во языцех. И так я и жил уже, не лютуя с прежнею прытью, а терпеливо и даже, может быть, лениво влача кресты, от Христа и не от Христа на меня ниспадавшие, из коих замечательнейшим был тот, что я, ревностно принявшись за изучение буддизма, сам рачением моего зырянина прослыл за потаенного буддиста... Так это при мне и осталось, хотя я, впрочем, ревность своего зырянина не стеснял и предоставлял ему орудовать испытанными, по своей верности, приемами князя Андрея Боголюбского, о коих выкликал над его гробом Кузьма-домочадец: «Придет, дескать, бывало, язычник, ты велишь его весть в ризницу, — пусть смотрит на наше истинное христианство». И я зырянину предоставил кого он хочет водить в ризницу и все собранное там от нашего с ним «истинного христианства» со тщанием показывать... И было все это хорошо и довольно действенно; наше «истинное христианство» одобряли, но только, разумеется, может быть моему зырянину казалось скучно по два да по три человека крестить, да и впрямь оно скучно. Вот и до настоящего русского слова договорился: «скучно»! Скучно, господа, тогда было бороться с самодовольным невежеством,

терпевшим веру только как политическое средство; зато теперь, может быть, еще скучнее бороться с равнодушием тех, которые, вместо того чтобы другим светить, по удачному выражению того же Мациевича, «сами насилу веруют...» А вы ведь, современные умные люди, все думаете: «Эх, плохи наши епархиальные архиереи! Что они делают? Ничего они, наши архиереи, не делают». Не хочу за всех заступаться, многие из нас действительно очень немощны стали: под крестами спотыкаются, падают и уже не то, что кто-нибудь — заправский воротила, а даже иной рора *mitratus*¹ для них в своем роде владыкой становится, и все это, разумеется, из того, «что ми хотите дати», но а спросил бы я вас: что их до этого довело? Не то ли именно, что они, ваши епархиальные архиереи, обращены в администраторов и ничего живого не могут теперь делать? И знаете: вы, может быть, большою благодарностию им обязаны, что они в эту пору ничего не делают. А то они скрутили бы вам клейменым ремнем такие бремена неудобноносимые, что бог весть, расселся ли бы хребет вдребезги или разлетелся бы ремень пополам; но мы ведь консерваторы: бережем, как можем, «свободу, ею же Христос нас свободи», от таковых «содействий»... Вот, господа, почему мы слабо действуем и содействуем. Не колите же нам глаз бывшими иерархами, как св. Гурий и другие. Св. Гурий умел просвещать — это правда; да ведь он для того и ехал-то в дикий край хорошо оснащенный: с наказом и с правом «привлекать народ ласкою, кормами, заступлением перед властями, печалованием за вины перед воеводами и судьями»; «он обязан был» участвовать с правителями в совете; а ваш сегодняшний архиерей даже с своим соседом архиереем не волен о делах посовещаться; ему словно ни о чем не надо думать: за него есть кому думать, а он обязан только все принять «к сведению». Чего же вы от него хотите, если ему ныне самому за себя уже негде стало печаловаться?.. Эх, твори, господи, волю свою... Что может еще делаться, то как-то пока само делается, и я это видел под конец моего пастырства в Сибири. Приезжает раз ко мне один миссионер и говорит, что он напал на кочевье в том месте, где я зарыл моего Кириака, и там, у ручья, целую толпу окрестил в «Кириакова бога», как крестился некогда человек во имя «бога Иустинова». Добрый народ у костей доброго старца возлюбил и понял бога, сотворившего сего добряка, и сам захотел служить богу, создавшему такое душевное «изящество».

Я за это велел Кириаку такой здоровый дубовый крест поставить, что от него не отрекся бы и галицкий князь Владимирко, вменявший ни во что целование креста малого; воздвигли мы Кириаку крест вдвое больше всего зырянина, — и это было самое последнее мое распоряжение по сибирской пастве.

Не знаю, кто этот крест срубил или уже до сих пор и срубил его: буддийские ли ламы или русские чиновники, — да, впрочем, это все равно...

Вот вам рассказ мой и кончен. Судите всех нас, в чем видите, — оправдываться не стану, а одно скажу, что мой простой Кириак понимал Христа, наверно, не хуже тех наших заезжих проповедников, которые бряцают, как кимвал звенящий, в ваших гостиных и ваших зимних садах. Там им и присутствовать, среди жен Лотовых, из коих каждая, каких бы словес ни наслушалась, в Сигор не уйдет, а, пофинтив перед богом, доколе у нас очень скучненько живет, при малейшем изменении в жизни опять к своему Содому обернется и столбом станет. Вот в чем и будет заключаться весь успех этой салонной христовщины. Что нам до этих чудодеев? Они хотят не понизу идти, а поверху летать, но, имея, как пружины, крыльца малые, а чревища великие, далеко не залетят и не прольют ни света веры, ни улады

¹Митрофорный священник (лат.) — то есть священник, награжденный митрой.

утешения в туманы нашей родины, где в дебрь из дебри ходит наш Христос — бла-
гий и добрый и, главное, до того терпеливый, что даже всякого самого плохень-
кого из слуг своих он научил с покорностью смотреть, как разоряют его дело те,
которые должны бы сугубо этого бояться. Мы ко всему притерпелися, потому что
нам уже это не первый снег на головы. Было и то, что наш «Камень веры» прята-
ли, а «Молот» на него немецкого изделия всем в руки совали, и стричь-то и брить-
то нас хотели, и в аббатики переделывать желали. Один благодетель, Голицын, нам
свое юродское богословие указывал проповедовать; другой, Протасов, нам своим
пальцем под самым носом грозил; а третий, Чебышев, уже всех превзошел и на
гостином дворе, как и в Синоде, открыто «гнилые слова» изрыгал, уверяя всех,
что «бога нет и говорить о нем глупо»... А кого еще вперед сретать будем и что
нам тот или другой новый петух запоем, про то и гадать нельзя. Одно утешение,
что все они, эти радатели церкви русской, ничего ей не сделают, потому что не
равна их борьба: церковь неразорима, как здание апостольское, а в сих певнях дух
пройдет, и не познают они места своего. Но вот что, господа, мне кажется крайне
бестактно, — это то, что иные из этих, как их ныне стали звать, лица высокопо-
ставленные, или широкорасставленные, нашей скромности не замечают и ее не
ценят. Это, поистине скажу, неблагоприятно: им бы не резон нарекать на нас, что
мы терпеливы да смиренны... Будь мы понетерпеливее, так, бог весть, не стали бы
сожалеть об этом очень многие, и больше всех те, иже в трудах не суть и с чело-
веки ран не приемлют, а, обложив туком свои лядвии, праздно умствуют, во что
бы им начать верить, чтобы было только о чем-нибудь умствовать. Пocenите же
вы, господа, хоть святую скромность православия и поймите, что верно оно дух
Христов содержит, если терпит все, что богу терпеть угодно. Право, одно его сми-
рение похвалы стоит; а живучести его надо подивиться и за нее бога прославить.

Мы все без уговора невольно отвечали:

— Аминь.

Чудесная лампада

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ЛЕГЕНДА

От редакции: Ныне — воля вероисповеданию, и православными книгами полны лавки, церковные и книжные; а четверть века назад среди православных мирян потаённо от безбожной власти, бережно, из рук в руки передавались духовные тексты, исполненные чернилами или отпечатанные на машинках. Бродила в православном простолудье и рукописная духовная поэзия; и авторы обычно не подписывали свои произведения, или имена их утратили переписчики. Подобные духовно-православные творения, кочуя из уст в уста, переписанные церковными прихожанками в сокровенные тетрадошки, изукрашенные ангелочками-цветочками, подправленные, дописанные или ужасные, порождали новые списки. Возможно, иные произведения, как и ныне предлагаемое читателям, в советские времена перепивались из дореволюционных душеспасительных книжечек, народных, копеечных, издаваемых купцом Сытиным.

Житийную легенду «Чудесная лампада», созвучную знаменитому сказанию о разбойнике Кудеяре, переписанную православными мирянами на разные лады, можно отнести к церковно-приходским сочинениям. Рукопись была получена сотрудником редакции от прихожанки Знаменского собора города Иркутска в конце восьмидесятых годов прошлого века; получена и даже отпечатана на машинке «Москва». Позже при подготовке текста к печати были сведены воедино два варианта поэмы: иркутский и вариант, опубликованный на сайте Свято-Успенской Почаевской лавры.

Легенду «Чудесная лампада», изначально созданную сказителем, видимо, не искушённым в книжной поэзии, грешно судить по традициям светского и даже народно-мифологического стихосложения, как грешно рассуждать о достоинствах иконы по законам мирской живописи, ибо величие иконы в её Божественном духе, бесплотности ликов, в непреложном следовании канонам древлеправославной иконописи.

Внимайте себе, братие. Прежде имейте страх Божий,
чистоту душевную и любовь нелицемерную.

*Предсмертное заветование христианской братии светозарного светила
в православном Российском царстве, неусыпного хранителя рода русского, отца Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца*

Я прочёл в старинной книге
Это чудное преданье,
Записал безвестный инок
Его людям в назиданье.

Жил разбойник-душегубец,
Атаман большой ватаги,
Силы страшной, непомерной,
Образец лихой отваги.

Всё смелее становился
Атаман тот год от года,
Не давал чрез лес огромный
Ни проезда, ни прохода.

Не имел никто пощады,
Кто бы той ни шёл дорогой,
Будь купец богатый или
Странник сирий и убогий.

С свистом, хохотом и криком,
Жаждой крови пламенея,
С каждой жертвой без разбора
Расправлялися злодеи.

А ограбив, принимались
За разгул и пированье,
И за вёрсты были слышны
Крики их и ликование.

И, творя молитву, путник
Прибавлял скорее шагу,
Зная злого атамана
И жестокость, и отвагу.

За годами мчатся годы,
Атаман всё свирепеет,
При одном его названье
Даже храбрые бледнеют.

И на всех такого страху
Шайка эта нагоняла,
Что никто не идёт, не едет —
Грабить некого ей стало.

На совет сзывает шайку
Атаман лихой: «Ребята,
Погуляли мы отлично,
Жили весело, богато.

Хоть частенько рисковали
Под топор попасть на плаху,
Но зато теперь такого
Всюду задали мы страху,

Что, кажись, лесная птица
Пролететь давно боится
Над той чащей, где дружина
Наша храбрая таится.

Вот почти уже полгода,
Как обшарили палаты
Мы боярские, что были
Так разубраны богато.

А с тех пор хоть бы копейка
Перепала нам шальная!
Уходить отсюда надо,
Но куда, пока не знаю.

Потому, ребята, дума
У меня теперь такая:
Перейдём в другое место —
То-то славно погуляем».

«Ладно, батюшко, — отвечает
Стройным хором вся дружина, —
Только денег на дорогу
Нет у нас — вот в чём кручина».

«Это горе поправимо:
Недалёко ведь отсюда
Монастырь, а у монахов
Постоянно денег груды».

«На святую-то обитель
Мы дерзнём?...» «Но мы не бабы!
Или вы уже раскисли,
Стали немощны и слабы?

Монастырь — какая крепость?!
Эко трусили — монахов,
Вы, которых не страшили
Никогда топор и плаха?»

Засмеялся ядовито:
«Не хотите ли в святые
Вы под старость записаться?
Поздно, други дорогие!

И напрасно. Как отправим
В рай монахов, так, конечно,
Там они за нас молиться
Будут искренно и вечно...

Вам услугою оплатят
Те монахи за услугу...
Ну, живей, живей, ребята,
За кинжал и за кольчугу!»

На остроты атамана
Дружно все захохотали
И к походу на обитель
Собираются быстро стали.

Не пошёл один лишь только.
Говорит: «И так я грешен...»
И в пример другим сейчас же
Атаманом был повешен.

* * *

Речка тихо омывает
Берег сонною волною,
А над ней стоит обитель
С белокаменной стеною.

«Лжёшь, — за бороду седую
Взяв отца архимандрита
И грозя ему кинжалом,
Атаман кричит сердито. —

Звонкий колокол монахов
И весь лес окрестный будит,
Братья в храм идут, не зная,
Что последней служба будет.

Говори, где спрятал деньги?
Говори, не запирайся!»
И на грозный окрик старец
Отвечает: «Брат, покаяйся!

Тихий возглас иерея,
Хора истовое пенье
Нарушают свист и грохот,
Крики злобы и глумленья.

Ведь Господнего терпенья
Не предвидится вся мера...»
«Так тебя и стану слушать
Я, седого лицемера.

Беспощадные злодеи,
Разъярённые, как звери,
В храм врываются толпою,
Выбивая окна, двери...

Отвечай скорей, где деньги?
Увернуться не старайся!»
Тот по-прежнему спокойно
Говорит: «Молю, покаяйся!»

Вот в алтарь бегут и всюду,
Будто волки, так и рыщут,
Денег, спрятанных сокровищ
С нетерпеньем всюду ищут.

«Так не скажешь?! На ж, проклятый!»
И в порыве гнева диком
В сердце старца он вонзает
Свой кинжал с звериным криком:

«Эй, — кричат монахам бедным, —
Где у вас тут деньги скрыты?
Отвечайте живо, если
Не хотите быть убиты!»

«К бесу в когти, в пекло ада
Колдун старый, убирайся!»
И скончался тут же старец,
Прошептав: «Молю, покаяйся!»

«Братья, — иноки в ответ им, —
Всё богатство только наше
Для служенья Богу книги
И серебряная чаша».

«Бей их!» — в диком исступленье
Атаман кричал. Мгновенно
Обагрились пол и стены
Кровью иноков священной.

* * *

На другой день, где стояла
Эта бедная обитель,
Кучу мусора и щебня
Видел лишь окрестный житель.

Только с этого разбоя
Атаман переменялся,
Мрачен стал он и задумчив,
И душой всегда томился.

На устах его улыбки
Не видала уж дружина,
На лице его лежала
Безотрадная кручина.

Стали сниться атаману
Им погубленные души
И предсмертное: «Покайся!»
Всё ему звучало в уши.

И куда б ни уходил он,
Всюду грозно и сурово
Слух его больной терзало
Роковое это слово.

В лес уйдёт, где буйный ветер
Ветви гибкие колышет, —
В шуме леса: «Ты покайся...»
С тайным ужасом он слышит.

Выйдя на берег реки, он
Встанет, тайной грусти полный,
Смотрит на воду. «Покайся!» —
С тихим плеском шепчут волны.

Пред глазами реет образ
Всё того архимандрита,
Мука смертная во взоре,
Кровью мантия залита,

На устах всё тоже слово
Грустно-кроткое: «Покайся!»
Ни минуты нет забвенья,
Ну хоть в землю зарывайся!

Атаман порою шепчет,
Диким ужасом объятый:

«Погубил меня навеки
Злой монах, колдун проклятый!»

Правда, сколько он народу
Погубил на белом свете...
Были девы молодые,
Были маленькие дети...

Под ножом его пощады
Умолял себе лишь каждый,
Полон страха близкой смерти,
Полон жизни страстной жажды.

О себе они молили.
Лишь тот старец умиравший —
О душе его, злодея,
Всё священное поправшей...

Вот любовь жила какая
В сердце том, что перестало
Под ударом биться метким
Беспощадного кинжала!

И любовь та без границы
Не осталась без посева,
В сердце грешном заглушила
Злобы семя, бурю гнева.

Шире стало в грешном сердце
И тоски и скорби рана...
Все разбойники давно уж
Разбрелись без атамана.

Одиноким он остался,
Лишь его в уединенье
Посещали жизни прошлой
Безобразные виденья.

* * *

В непроглядной чаще леса,
От людского скрытно взора,
Находилась небольшая
Полутёмная пещера.

В ней спасался некий старец,
Благочестием сиявший,
Трудный путь уединенья
С самой юности избравший...

Полон кроткою любовью
К людям бедным и гонимым,
Он для всех отцом являлся
И наставником любимым.

Ко всем равно относился,
К славным или неизвестным,
И врачуя словом души,
Был врачом он и телесным.

Кто к нему ни приходил бы,
Болен или тяжело грешен, —
От него шёл ободрённый,
И спокоен, и утешен.

И для всех открыты были
Приходящих его двери...
Раз весенним ранним утром
Атаман пришёл к пещере.

Но на стук его пещера,
Как другим, не отворилась...
День стоит он перед нею,
Вот уж солнце закатилось...

Ночь прошла, на синем небе
Вновь зажглась заря рассвета,
Снова день, но из пещеры
Ни ответа, ни привета.

Слышно только — Божий старец
Держит правило так строго,
Славит он Отца и Сына
И Святого Духа — Бога.

Не отходит от пещеры
Атаман, молясь и каюсь,
Освежаясь лишь росой
Да кореньями питаюсь.

«Отвори мне, отче, двери,
Что пред грешником закрыты, —
Молвит он, — и покаянье
Недостойного прими ты».

Нет ответа из пещеры,
Двери плотные закрыты,
Хоть слезами атамана
Вся земля кругом полита.

Тридцать дней он не отходит,
Прележал так у пещеры,
Ожидая — вот-вот стукнут
Под святой рукою двери,

Вот-вот выйдет Божий старец,
Полный кроткой благодати,
В тридцать первый день он слышит
Из пещеры голос: «Брате,

Встань! Грехов своих несёшь ты
Бремя тяжкое без меры,
Не отчайся, но исполнись
В милосердье Божьей веры.

Твёрдо веруй: покаянье
Примет Бог с благоволеньем,
Коль свою больную душу
Свяжешь истинным терпеньем.

Ты прощения желаешь —
Тот его лишь получает,
Кто любовь, смиренья, веру
И терпенье прилагает.

Тридцать дней тебя томил я,
Твою искренность я мерил,
Если б, брат, ты перед Богом
Так надеялся и верил!

Так вонми: моё упорство
Превзошло твоё усердие,
На тебя оно преклонит
И Господне милосердие».

Атаман поведал старцу,
С сокрушением рыдая,
Все грехи свои, совета
На спасенье ожидая.

Старец с грешником на землю
Пал и плакал, и молился,
Наконец с такою речью
К атаману обратился:

«С миром, брат, иди ты снова
В самый лес тот отдалённый,
Что служил тебе приютом
Прежней жизни беззаконной.

Ископай себе землянку,
Поселись в ней одиноко
И молись там денно-нощно
С верой чистой и глубокой.

И молясь за души эти,
Что погублены тобою,
Не забудь и свою душу.
А теперь возьми с собою

Эту старую лампаду
И поставь перед иконой,
И молись, не зажигая
Сам лампы. А в день оный,

День, в который Сердцеведец
Ниспошлёт тебе прощенье

И грехи твои на небе
Встретят полное забвенье,

Эта чудная лампада
Даст тебе прощенья знамя:
В ней зажжённое незримо
Засияет ярко пламя».

* * *

Десять лет уж пролетело,
Как с лампадой возвратился
Атаман. В лесу, в пещере
В дикой чаще поселился.

Днём и ночью он на камне
Пред иконою святою
Молит: «Господи, помилуй!
С верой чистой и живою, —

Ниспошли мне мир Твой, Боже,
И грехов моих прощенье,
От руки моей погибшим
Даруй вечное спасенье!»

Он лежит, во прах повергнут,
Не дерзая бросить взгляда
В угол тот, где пред иконой
Чуть виднеется лампада.

«Моего спасенья дай мне,
Милосердный Боже, знамя», —
Молит он, но пред иконой
Не горит в лампаде пламя.

Вновь отчаяние душу
Атамана наполняет,
Но горячая молитва
Злого беса прогоняет.

Иль его одолевают
Безобразные виденья,
Манят дней былых забавы,
И пиры, и наслажденья...

Вновь горячая молитва
Побеждает силы ада,
Но ни разу за всё время
Не зажглась его лампада.

* * *

Пролетает год за годом,
Два десятка лет минуло,
И в душе у атамана
Всё прошедшее уснуло.

Он привык к уединенью
И к молитве постоянной,
И ничем не искушает
Старца демон оканный.

И когда людей убитых
Старцу чудились виденья,
Он читал на светлых лицах
Не укору, а прощенье.

И лицо архимандрита
Скорби уж не выражало,

Но любовью братски-кроткой
Всепоощающе дышало.

И на мантии след крови
Становился всё тусклее,
А лицо у атамана —
Всё яснее и светлее.

И с природою сдружился
Он, и с чистою любовью,
Звал с собою всё творенье
Непрестанно к славословью,

Всех Создателя, и звери
К старцу кроткому ласкались,
Если в чаще полутёмной
Без боязни с ним встречались.

И к нему порой, как гости,
Ходят добрые соседи:
Приходили зубры, волки
И мохнатые медведи.

И с природой в сердце старца
Пробуждалась отрада...
Только нет ему прощенья —
Не горит ещё лампада!

* * *

Три прошло десятилетия.
И давно уж понемногу
Проторили к келье старца
Люди грешные дорогу.

И к былому атаману,
Душегубцу и злодею,
Шёл больной, шёл лютый грешник,
Каждый с скорбию своею.

И служила вера старца
С поражающим терпением
Многим людям, злым и грешным
Самым лучшим поученьем.

Помогал радушно старец
Всем молитвой и советом,
Но до сей поры лампада
Не сияла ярким светом...

На Страстной неделе как-то
Старец вышел из пещеры,
На воскресшую природу
Поглядел с глубокой верой.

Ручейки шумя бежали
Из-под тающего снега.
Разлита была в природе
Радость тихая и нега.

Сев на камень придорожный,
Погрузился старец в думу,
С тихой радостью внимая
Треску льда и леса шуму.

В этих звуках прежде слышал
Он призывы к покаянью,
Ныне чуял радость жизни,
Весть святую упования.

Видит он: какой-то путник,
Бледный, слабый и убогий,

Что бредёт к его пещере
И едва волочит ноги.

Старец бросился навстречу
Бедняку. Тот еле-еле
Мог идти, всё задыхаясь,
Чуть душа держалась в теле.

Старец ввёл его в пещеру,
Дал поесть ему, напиться,
Сделал он из моха ложе,
Уложил и стал молиться.

Пролежал три дня тот путник,
Не сказав ещё ни слова,
Не то злясь, не то дивуясь
На отшельника святого.

Наконец спросил он старца:
«Отчего твоя лампада
Не горит перед иконой,
Как в святые дни бы надо?»

Иль купить не постарался
Ты пред праздником елеть?»
«Нет, — ответил с грустью старец, —
Добрых дел я не имею».

Рассказал он тут пришельцу
Жизнь свою и покаянье,
И в ответ на то услышал
Безутешное рыданье.

«Отче, грешник я великий,
Грешник я, и грех мой страшен». —
«Все мы грешны, — молвил старец, —
Но Христос — надежда наша.

Не взирает он на лица —
Укрепись лишь в твёрдой вере.
Мытаря он спас, блудницу,
И разбойника на древе.

Разорвёт грехов он наших
Бесконечные страницы,
Нет его долготерпенью
С милосердием границы».

«Нет, отец, с тобой так будет,
Веришь Богу ты без меры,
У меня же не найдётся
Даже тени такой веры,

Лишь отчаяние в сердце,
Нет уж, нету мне спасенья!!!»
Снова влить, пытался старец
В сердце брата утешенье.

С кроткой ласкою сердечной
Говорит ему всё то же.
Тот забудется, он молит:
«О, помилуй его, Боже!»

К утру странник исповедал
Старцу грех безмерно лютый,
И, сказав: «Молися, отче!»,
Отходить стал в ту ж минуту.

«Нет прощенья мне!» — вновь крикнул.
И душа вмиг отлетела.
Три дня старец горько плакал
У оставшегося тела.

Трое суток непрестанно
Он молил о мёртвом брате:
«Пощади его, Источник
Бесконечной Благодати».

В третий день уж на закате
Потрудившись через силу,
Он большим сучком древесным
Вырыл мёртвому могилу.

С тихой искренней молитвой:
«О, прими в Свои селенья
Дух усопшего, Владыко»
Предал тело погребенью.

Это вечер был субботний,
Близ Христова Воскресенья.
Старец думает: «И брату
Ниспошлёт Господь спасенье».

У пещеры сел, любуясь
Лесом, словно бы притихшим.
Он в душе молил о брате,
Как и сам он, согрешившем.

А весь лес незримо тайна
В этот вечер покрывала,
И в каком-то ожиданье
Вся природа трепетала.

Старец слышал, как, промчавшись
По верхушкам в тёмном лесе,
Ароматный тёплый ветер
Прошептал: «Христос Воскресе!»

То же самое шептали
И ручей, зело гремучий,
И весёлый дождь, что брызнул
Из бежавшей мимо тучи.

То же громко возглашали
В небе синем вереницы
Пролетавших над тайгою,
Перелётных диких птиц.

Видит старец вновь виденье:
Убиенные восстали
И ему: «Христос Воскресе!»
Хором радостно сказали.

Видит он архимандрита —
На лице его нет муки,
В белой ризе — простирает
К старцу радостно он руки...

Вмиг вселилась старцу в душу
Небывалая отрада.
Тихо он побрёл в пещеру,
Где была его лампада.

Тишь и тьма в его пещере.
Старец, скорбью утомлённый,
На колени пал с молитвой
Перед тёмною иконой.

Преисполнилось в нём сердце
И любви, и состраданья,
Был готов для блага брата
Он пойти на все страданья.

Начал громко он молиться,
Речь рыданием прерывая:
«О, Воскресший днесь из мёртвых,
Нам отверзший двери рая,

Давший нам Святое Царство
Света, правды, благодати,
Пред тобою припадая,
Я молю о бедном брате.

Пощади его Ты душу
И любовью бесконечной,
Все его загладь деянья
И прости его, Предвечный.

Если жертвы Ты восхочешь
Его ради оправданья,
Зачти все мои молитвы,
И моё всё покаянье.

Я не умер, и начну я
Покаянье своё снова,
Но спаси его, нас ради,
Воплотившееся Слово!

По Твоей коль Правде если
Подлежит он наказанью,
На меня обрушь, молю я,
Все те стрелы, все страданья,

Обреки меня на муку,
Лишь его спаси от ада...»
Осиял вдруг свет пещеру —
Затеплилася лампада...

В неземном восторге старец
Пред иконой пал в то время,
И с души его скатилось
Жизни тягостное бремя.

И душа его взлетела
Прямо к Божьему Престолу,
На земле осталось тело,
Распростёршееся долу.

А лампада всё сияла
Нестерпимо ярким светом,
Словно в ней душа горела
Та же, что и в теле этом.

Взяли иноки с молитвой
Недоступное для тленья
Тело старца из пещеры
В монастырь для погребенья.

И один смиренный инок
Эту жизнь и покаянье
Записал в часы досуга
Всем нам, грешным, в назиданье.

ЛЮДМИЛА ЛИСТОВА

«Благослови, душе моя, Господа...»

РАССКАЗЫ

Храм

«Сердце чисто созижди во мне, Боже...»

Иной раз кто-то спрашивает или сама размышляю, что, как привело меня в храм? И ответы гурьбой, перебивая друг друга, теснятся передо мной. И сколько же в иных лукавства, самодовольства! Но один, как тихий Ангел с опущенными крылами, стоит в стороне. Это стремление к чистоте.

Были они, те тяжёлые последние капли, что, переполнив скорбную чашу, пролились и подтолкнули к церкви. И пьющий муж, а потом развод, и невыносимая бессмысленность и пошлость жизни с надругательским отношением к женщине, и смерть близких, открывающая хладную дверь в непостижимость вечности... Но были ещё особые, будто смятые цветы, лежащие в тайниках памяти трепетные

ЛИСТОВА Людмила родилась в Иркутске в семье энергетиков. Окончила политехнический институт. Несколько лет работала по специальности: электромонтёром, инженером-релейщиком. Позже поменяла профессию, и уже более тридцати лет в журналистике. Автор рассказов, повестей, романа-трилогии «*Душа скорбящая*». Публиковалась в альманахах «Енисей», «Иркутский Кремль», журналах «Сибирь», «Россия молодая», «Москва», «Русская Сила», «Роман-журнал XXI век», «Южная звезда», «Врата Небесные» (Минск), а также в коллективных сборниках, выходивших в Иркутске, Москве, Минске. Выпустила семь книг прозы. Людмила Листова живёт в Иркутске, редактор православной газеты «Верую!». В 2009 году удостоена премии имени Святого Иннокентия Иркутского.

ощущения. Почему так хотелось плакать и тосковала душа на хмельных студенческих вечеринках? Бежала от случайных липких объятий, а отрезвляющая снежная кисея вдруг ложилась на плечи невесомой фатой.

Что, так ослепительно сияя, манило к себе? Почему алели щёки и с души воротило от анекдотов и брани, в которой залихватски соревновались одноклассники? Тянуло в лес, в тишину, всё чаще стучало в сердце: «Зачем всё?» А в ответ — пустота.

...Приводит Бог. Вот и меня привёл к Себе: трудно, долго, мучительно. И, конечно же, неслучайно оказалась однажды в этом маленьком храме на краю города. Никчемная и несчастная, какой сама себе казалась, явившаяся в церковь без платка, накрашенная, стояла перед иконой Богородицы и просила: «Ты Сама Мать, пошли мне ребёнка, помоги мне, научи, как жить...»

Позже было многое. И первая исповедь, после которой хотелось расцеловать всех и скакать вприпрыжку от забытой детской радости и лёгкости. И годы привыкания к литургии, и множество удивительных знакомств на приходе. И тяжкое, с благодатными прорывами и горькими откатами духовное делание. Но каждый раз, приходя на службу, я стараюсь благодарно приложиться к той иконе, перед которой в слезах стояла впервые. Слепая. Не надо смеяться — то была не Божия Мать, как я тогда думала, а Архангел Гавриил. Разве не удивительно — именно тот Архангел Гавриил, который с лилией в руках возвестил Пресвятой Богородице благую весть!

Верно, и по его заступничеству за меня, грешную, Господь скоро послал мне дочушку. В ноябрьское, свежим пушистым снегом ослеплённое утро. И у меня уже хватило ума и твёрдости назвать девочку русским именем Ольга, хотя муж и свекровь настаивали на Диане. Теперь-то понимаю, что мне, тогда ещё не заглядывавшей в святцы, опять помог Бог. Дочка родилась 18 ноября — через двое суток после дня памяти Великой княжны Ольги Николаевны, ныне святой покровительницы моей Ольги.

Мы приходим, теперь уже всей семьёй, на службу в храм, ставший нам родным. Но как же она, оказывается, трудна, дорога к Богу! Как нелегко, с надсадным скрипом, подаётся эта дверь в ответ на кроткий Господень призыв: «Се, стою у двери и стучу. Если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною». Готовишься к исповеди, а грехов всё больше, и начинаешь смотреть на мир уже иным, наверное, более духовным взглядом.

И такое видится!

Когда ночами не спится и прожитая жизнь роем бесчисленных грехов застит глаза, чувствуешь что это ещё только начало, первые крохи истинного покаяния, Смотрю, как трепетно подходит к Причастию дочушка, как посветлел лицом муж, как всем нам отрадно под сенью дерев возле святого источника, и я, пряча слёзы, всё твержу и твержу в душе:

«Сердце чисто созижди во мне, Боже...»

К Матронушке

Москва, 7 марта... Вся в цветах и рыхлом мокром снегу. Православные не отмечают 8 марта — еврейский Пурим — памятный день избиения иудеями тысяч сирийцев. Наш православный женский праздник — День святых жён-мироносиц — в третье воскресенье по Пасхе.

И так одиноко идти в московский мартовский снегопад среди цветов ставшего чужим праздника. Я ехала к Матронушке, недавно прославленной блаженной старице. Это удивительное чувство: с шумных многолюдных улиц вдруг войти в уютный и строгий монастырский двор. Казалось, и ветер здесь тише, и медленнее кружатся хлопья снега. И за его кружевной кисейей — прямо на улице — большая икона блаженной Матроны. К ней небольшой деревянный помост — три ступеньки. На него всходили одни за другим паломники...

В монастырском Покровском храме сумеречно и тихо. И прежде всего Матронушка поит прихожан святой водой. Большой бак, ковш, одноразовые белые стаканчики, из которых, не боясь, пьют все. Подаю записки и становлюсь в небольшую очередь к мощам. Встаю на колени, и, наконец, меня затопляет горячее и отрадное чувство родства, благодарности и любви к ещё вчера неведомой мне родной душе. Когда, приложившись, отхожу от раки, монахини кладут мне в ладони горсть алых, по-живому колышущихся лепестков, горсть освящённых конфет и печенья. Матронушка напоила, одарила, утешила. И слёзы облегчённо бегут из глаз, капают в алую нежность цветов. Я вспоминаю написанное в свечной лавке: освящённые лепестки хранить как святыню, можно добавлять в чай и пищу. И когда, уходя, я увидела, что попала в монастырь в дни обретения мощей, это показалось ещё одним незаслуженным и чудесным даром старицы.

Уже после прочитала в житии: «На склоне дня 8 марта 1998 года, в неделю Торжества Православия, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Москве на Даниловском кладбище были обретены честные останки блаженной старицы Матроны. Происходило это с участием священноначалия и большого числа клириков и мирян. Заупокойную литию служили в кладбищенском храме Сошествия Святого Духа, затем гроб с останками Блаженной перенесли в Данилов монастырь и поместили в надвратном храме Симеона Столпника.

Комиссия по вскрытию и захоронению обнаружила на груди Старицы выпуклость в форме креста, о чём и рассказывалось в преданиях. Великим Постом о упокоении рабы Божией Матроны служились панихиды в Покровском храме Свято-Данилова монастыря. А 30 апреля при восторженном пении пасхального тропаря «Христос воскрес из мертвых» состоялось перенесение честных останков Блаженной в храм Святых Отцев Семи Вселенских Соборов. Вечером того же дня иноки монастыря отслужили заупокойное всенощное бдение. На следующий день, 1 мая, накануне 46-й годовщины кончины Старицы, гроб с ее честными останками препроводили в Покровский женский монастырь. Там при колокольном звоне его обрадованно встретили сестры обители во главе с игуменьей Феофанией. С того дня святые мощи блаженной старицы Матроны покоятся в Покровском монастыре, там и почитаются всенародно».

...Тишина. Лишь пушинками с крыльев Ангелов летит снег. Сквозь его зыбкую пелену я глядела, прощаясь, в незрячие и столь прозорливые глаза Матронушки. Хотелось стоять и стоять посреди тихого монастырского дворика и молиться, благодарить и благоговеть.

На даче

Крест

У соседки по даче умер муж. Умер без исповеди, похоронили без отпевания. И стал он каждую ночь вдове сниться, мол, жду тебя. Соседка Елена Сергеевна, зная, что хожу в храм, жаловалась:

— Спать боюсь, одеяло с меня тянет... Посоветуй, Катя, что делать? — просила она меня, нервно перебирая рукой жемчужные бусы.

— Он хоть крещёный был?

— Да вот не знаю. Спрашивала его при жизни, он не помнил. Но ведь тогда всех крестили...

— А вы-то почему крест не носите?

— Да как сорвали у меня крестильный золотой, так и не соберусь купить.

Я купила Елене Сергеевне в нашем храме крест, шнурок. Нашла адрес церкви Святого Мученика Уара, которому молятся о некрещёных. Радостная, что помогу, шла на дачу.

Соседка крестик взяла, но надевать сразу не поспешила:

— У меня дома серебряная цепочка есть...

— Вы носите, обязательно носите крест, — увещевала я. Рассказала про храм Мученика Уара. Думала, ну теперь будут долго собираться. Но уже через несколько дней Елена Сергеевна сообщила, что съездили с сыном в Тихоновку.

— На душе легче стало, — поделилась она.

Креста, однако, на её открытой загорелой груди не было.

Через неделю я узнала, что соседку на собственном участке укусил энцефалитный клещ. Пролечившись, она, похудевшая и слабая, снова появилась на даче. Смотрю: опять без креста.

— Что же вы крестик-то не наденете? — не удержалась я.

— Вот мылась, а цепочка в мочалке запуталась...

Эх, да разрежь ты мочалку, цепочку порви, хоть на тесёмку святыню надень, только носи, хотелось крикнуть ей. Но я промолчала.

Так без креста и ходит, сверкая жемчужными бусами, которые, как она считает, лечат.

На рассвете

Светало рано. Небо медленно выплывало из ночной росной сини. Золотился восток, и рассыпались длинными веерами лёгкие перистые облака с розовым пухом по краям.

Иван Иванович каждое утро «доглядывал рассвет». Босой, в старых дачных штанах и выцветшей футболке, дед садился возле калитки на лавку и ждал.

— Ну вот и слава Богу! — говорил он, когда из алеющего зарева высверкивал первый ослепительный луч.

Шёл домой, умывался, надевал чистую рубашу, костюм, начищенные ботинки и благоговейно вставал перед стареньким, ещё материным образом Спасителя. С минуту стоял, опустив голову, будто вдумываясь в жизнь и вглядываясь в душу, потом медленно, с расстановкой, любовно и ласково выговаривая каждое слово, вычитывал утреннее правило.

Воззвав ко всем святым и помянув своих усопших, перед «Достойно есть...» Иван Иванович обращался к Богу с тем, что наболело на душе.

— Господи, да сколько же будешь терпеть нас, окаянных?.. Ты, щедрой десницей рассыпающий нам Свои блага. Вчерась ходил через лес в Мельничную. Издали такая красота — зелень прямо бархатная, берёзки кудрявятся, залив голубым оком меж сосен глядит. А в лес-то вошел — о-о-ох! Весь он, бедный, испоганен, всюду свалки, деревья искорёжены, порублены. А сосну одну огромную, сколько лет стояла красавица, будто пытали — всё лоно выжжено. Кругом банки, обёртки, стекло. К берегу подошёл — помойка. И ведь кто-то же изгадил всё это, Твой, Господи, нам подарок. Кто-то, по образу и подобию Твоему созданный? Почему, зачем, Господи?

Иду обратно — паренёк лет тринадцати навстречу. Поравнялись, гляжу — у него мешок на лице, как торба у лошади. Дышит какой-то отравой. Я метнулся к нему, он — в сторону и, вихляясь так, нога за ногу, утёк.

На брошенных огородах заборы падают, земля дурниной зарастает, домишки жгут. Теперь только на вольной воде да на чистом небушке отдыхает взгляд. Ещё и в последние времена будет родить земля чахлые плоды, сказано в Откровении ученика Твоего Иоанна. Близко уже, видно, к тому. Дороги по обочинам с чёрными листьями стоят. Малина с червями, капуста вся в дырах. И кормит ведь ещё земля наша матушка и, похоже, мстит уже за себя. Потравишь тлю, она живёхонька, посадки гибнут, и урожаи всё хуже.

Чего это я сёдни расплакался? Прости меня, Господи! Сами, сами во всём виноваты. И я, и я!

Иван Иванович, сморгнув так и не пролившуюся слезу, тихонько пропел «Достойно есть...», и взгляд его упал на собранное с вечера ведро вишни.

— Не пойду пока на базар. Хватит нам со старухой. Снесу в интернат, пусть ребятки-сиротки полакомятся.

«Спорительница хлебов»

Оставшись вдовой, Татьяна теперь «пашет» за двоих. И дома, и особенно на даче ей достаётся. Дети малые да огород, да зарплата — как у большинства... На кого больше надеяться, как не на Господа и Матерь Божию?

Вот и купила Татьяна маленькую иконочку Богородицы «Спорительница хлебов». Придёт на дачу — помолится Ей. Поработает, поливая свой огородец потом и слезами, поблагодарит Пресвятую Деву — и домой идёт.

Как-то зашла соседка Руфина, удивляется:

— Ты вот, Тань, смотрю, и не удобряешь ничо, а у тебя всё прёт! А мы с Николаем бухам, бухам этот навоз, назём — и толку мало.

— Так я, прежде чем садить-то, молюсь да святой водой землицу-кормилицу кроплю да у Богородицы помощи прошу. Вон у меня и икона такая особая есть — земледельцам помогает.

Руфина поглядела с любопытством на образ, говорит:

— И мне такую купи.

— Ладно, куплю

— Только мне получше, подороже возьми, — просит.

Купила ей Таня большую дорогую икону — всю в золотых узорах. Красивая! Прижала к сердцу, даже жаль отдать.

Отдала, молитву подарила.

Но что-то опять не радуется соседка. Видно, ещё чего-то не хватает...

В росных туманах Аршана

Вулкан

Когда мой сын узнал, что можно съездить на экскурсию в кратер потухшего Тальского вулкана, он с радостным нетерпением ждал предстоящую поездку. Но, как оказалось, мы не учли двух обстоятельств. Во-первых, в объявлении была ошибка, и мы явились в турбюро не в тот день. Во-вторых, здесь нам сказали, что и на завтра билетов уже нет. Но можно прийти ко времени отправления маршруток, вдруг кто-то не придёт.

Так мы и сделали. Пришли заранее, ждали, поглядывая на часы, висящие в маленькой конторке турбюро. Сын сидел молча, но я чувствовала, как он хочет поехать: увидеть самый настоящий вулкан — это же!.. Мечтая о нём, мой отрок часами мусолил карту Тункинской долины, мысленно карабкаясь по склонам неприступных гольцов, что подобно сказочным миражам маячили над посёлком...

И вот приехала первая маршрутка. Счастливые обладатели билетиков суетливо занимали места. Мест не хватало. Все нервничали. Какие уж тут лишние!..

— Будет ещё одна машина, — успокоила оставшихся любителей вулканологии билетёр турбюро.

Чуда не произошло. И вторую маршрутку под завязку заполнили упитанные дядьки и старушки в шляпах. Девушка-билетёр, избегая смотреть на нас, ушла в конторку. Сын, чуть не плача, с досадой сказал:

— Мама, ну что же ты стоишь, пошли! А ещё говорила, святитель Николай поможет...

— Чуда жду, — ответила невольно.

Урвавшие места бабушки равнодушно глядели на мальчика.

Тут подошёл пожилой юркий бронзоволикий бурят-водитель.

— Что, не берут? — весело спросил он.

— Да вот, мальчишка так мечтал на вулкан посмотреть, очень интересуется... Ну, может, он постоит, на ступеньку сядет?..

Через несколько секунд мой сын был втиснут между без охоты, но всё же потеснившимися бабушками, а я, перекрестив удаляющуюся маршрутку, отправилась «домой».

Спустя два часа весь сияющий счастьем юный вулканолог явился к ужину, взахлёб рассказывал о Тальской вершине, о том, как «урвавшие места» бабушки поили его аршаном и оттаскивали от опасных круч, а весёлый водитель высадил у самого дома.

Бабочка

Это была старая просека. И хотя вдаль постукивали молотки строителей, вклинивающих в чашу справные деревянные срубы, лес здесь казался девственно

покойным и чистым. По изумрудной траве просеки, стройно утекающей вдаль, медленно-плавно кружились бабочки. Танцующе опускающиеся откуда-то с неба, они утопали в разомлевшей на солнце жаркой зелени, окружали мелкие цветки, раскрывая и складывая бархатные крылья, словно лепестки причудливых орхидей. Пригляделась: здесь, в тихом, почти ещё нетронutom уголке саянского леса они чувствовали себя в совершенной безопасности.

Я подошла, осторожно склонилась над одной из бабочек. Она — оранжевая, с чёрными крапинками — мирно паслась на сиреневом венце кашки. Протянув руку, я сняла бабочку, силой сложила её слабые крылья. Запоздало испугавшись, она сопротивлялась, как могла, выгибала брюшко, сучила лапками.

Мне мгновенно стало стыдно, пальцы, окрашенные в оранжевое, разжались, словно взмыла вверх падающая гильотина. Радужная бабочка, чуть хромая, улета-ла от меня. Казалось, она неслышно, слабо прошелестела: «Зачем?..»

И действительно, зачем?

«...Немощствующа посети милостию Твоею»

Слово

Баба Клава была самой «тяжёлой». Она не вставала и вообще почти ничего не могла делать сама. Но она слышала.

Вечерами к ней приходили внучки, обихаживали, ласково ворковали возле неё, называли «сладкой бабулечкой». Но во всё остальное время она лежала одна, и редко кто подходил к ней, разве только подать поильник или поправить одеяло. Правда, раза два в день, нанятая за сотню, к ней приходила перестелить бельё, протереть и покормить ворчливая, грубая лицом санитарка. Однажды, приговори-вая своё грубовато-утешительное, она, от полноты сердца, сказала бабушке:

— Да чё ты, старуня, переживашь? У тя вон доча, внучки каки! Ходят. Ухаживут. Ну, не любят, так уважают, поди...

Вечером пришли внучки. Они и так и этак усаживали, причёсывали свою «сладенькую», совали ей и сок, и йогурт.

— Бабуленька, ну что с тобой, почему ты сегодня всё плачешь и плачешь?

Баба Клава только молчала, и, списывая всё на болезнь, никто в палате так и не по-нял, что дело было в одном только неосторожно оброненном слове «ну, не любят...».

Снегурочка

Она выглядела бы посмешищем, если бы не держала себя так подчеркнуто се-рьёзно. Круто затянутая в белоснежный накрахмаленный халатик, носила в при-дачу к нему смешные кружевные подштанники под стать Мальвине из «Золотого ключика». На её груди всё тоже сверкало безукоризненной белизною и бугрилось гипюровыми воланами. Губы — пунцовой ягодой, щёки — в румянах, а глаза не просто утопали в чёрных провалах краски, но по краю век ещё жирно наводились серебристые молнии. Над всем этим торчал взбитый стогом соломы клочок обесце-ченных волос, на котором чудом удерживалась маленькая медицинская шапочка с загнутыми крылышками.

Оправившись от шока, когда она впервые со шприцем появилась передо мной, скоро я привыкла к её странному виду, за которым угадывалось стремление выглядеть очень опрятно и красиво. А порой мне даже казалось, что эта, без возраста, не оставляющая шанса увидеть под слоем косметики её настоящее лицо, женщина взяла на себя своеобразный обет юродства.

Впрочем, медсестра она была классная, выполняла свою работу быстро и хорошо. Уже при выписке, прощаясь, я вдруг спросила Снегурочку: «Наверное, не легко без конца колоть и колоть людей?»

— Конечно. Но ведь они же больные, и их надо лечить.

И вдруг из самых чёрных бездн на меня глянули усталые, печальные глаза, полные сострадания.

Молитва

В палате на обеденном столе бурятка Лариса разложила карты.

— Ну, что, молодухи, кому сворожить? — весело и ловко шлёпая засаленными, как оладьи картишками, спросила она. — Я ж шаманского рода, всё умею...

— Мне! — затрясла дряблой ладошкой Наталья Петровна.

Обитатели палаты, кто с костылём, кто, пришаркивая тапками, поплелись к столу.

Недавно поступившая в семиместную палату тётка Марина приподнялась на кровати:

— Ворожить грех!

— А мы в «дурачка»... — отозвалась молодая Томка.

— Вообще в карты играть грех, — тихо повторила тётка Марина.

— Да и жить-ить хрех, — хохотнула Лариса.

— Нет, — ещё тише прозвучал голос Марины.

Наигравшись в карты, снова затосковали от тишины. И тут выручила бойкущая Лариса.

— А вот, молодухи, я вам щас анекдоты почитаю. Поржём к ночи.

И она, достав газетку, принялась смешить болящих. Пошлятина поплыла удушливой волной. Каждый анекдот завершался дружным хохотом. Но вдруг старенькая Наталья Петровна вскинула руку:

— Тихо, девки, кто-то поёт!..

Молодая Томка пошла проверить:

— А, это из угла.

Тётка Марина, накрыв голову подушкой, тянула «Верую...». Она уже, видно, почувствовала, что в палате стало тихо, но так и пропела молитву до конца.

В тот вечер больше не «ржали».

Из дневника матери

Отче Иннокентие, моли Бога о нас!

Вот она лежит передо мной — стопка учебников моего сына на новый год. И снова в «Литературе» — стишки про чертенят и рассказы о привидениях. А в

школе его ждут неизменный Хэллоуин и День святого Валентина, и утренник с Лешим и Бабой Ягой в Рождественский пост. И если учесть все иные «окружающие опасности» в виде скользкой дороги, беспризорных собак, наркоманов, да помножить их на бесконечные хвори детей нашего времени, то получается, что только на Божье заступничество я могу сегодня надеяться. Поэтому и ходим мы с Васей каждый год перед началом учёбы к нашему иркутскому святителю Иннокентию за благословением.

Нынче третий раз ходили. И так, наверное, промыслительно получилось: не могли дожидаться троллейбуса. Я предложила пойти пешком.

— К Иннокентию, сыночка, надо потрудиться хоть немного, ножками прийти... — говорю Васюне и достаю из сумки иконочку своей святой — Галины. — А тебе вот — царица-мученица Александра, — подаю ему календарик с изображением последней русской Императрицы.

— У нас что, будет крестный ход?

— Да, маленький такой — нас же только двое... Давай, начинай «Отче наш».

Сын читает, я подхватываю. Он то и дело отвлекается на машины, дома, цветы. Пою вполголоса «Царю Небесный...», и мы идём всё дальше.

Вот уже показался рынок «Фортуна» — царство купли-продажи, зависти, жадности, суеты.

— Васенька, держи прямо святую Александру — её не видно...

Из-за автомобильного шума он не расслышал и отвечает:

— Всё она видит...

И правда, думаю, всё она видит, всё они, святые, видят. И вдруг их, мучениц Галины и Александры, святителя Иннокентия, глазами смотрю на то, что творится вокруг. Грохот грузовиков, чадающих соляркой автобусов, толпы людей с тусклыми, пустыми глазами. Вот мужики ящиками грузят водку, там златозубое «лицо кавказской национальности» торгует золотым, судя по цене, виноградом, здесь старушка роется в помойке. И всюду мусор, копоть, грязь... Я чувствую, как лицо моё начинает гореть от стыда. Да, вот так мы живём! И всё ещё небо терпит нас, таких.

— Простите, простите нас! — шепчу я, и с новой силой подхватываем с сыном «Достойно есть...», и ловлю на себе редкие удивлённые взгляды.

Возле Знаменского собора мы отдаём свои огурцы нищим ребятишкам и идём к святителю.

В храме прохладно, гулко, безлюдно. Мы возжигаем пред распятием свечу и потихоньку подходим к священной раке. Стоим на коленях и просим у святого Иннокентия благословения. Уже и помолились, и приложились, но всё стоим и стоим не в силах уйти.

После обходим храм, целуем дорогие сердцу образа, а сыну, я чувствую, хочется побегать, посмеяться здесь — так ему хорошо. Я сдерживаю его, ухватив за маленькую ладошку. И он, запрокинув вверх голову, где, овеваемый крылами серафимов, умирает за всех нас Господь, вдруг со слезами в голосе спрашивает:

— Мама, почему Его убили?

— За наши грехи...

Мы выходим из храма, и я чувствую, как укрепилась моя душа, и, кажется, будто сам святитель, отечески напутствуя, вышел проводить нас в этот благоуханный, утопающий в цветах, идеально чистый церковный двор.

Мы снова выходим в мир. И тут же грязной рукой манит к себе бичеватый дядька.

— Мама, я дам ему конфетку?

— Нет, он пьяница, работать не хочет...

— Всё равно — дам, — бежит и отдаёт тому последнюю карамельку.

От святителя мы традиционно идём к воде. В этот раз сын попросился туда, за мост, где Ушаковка впадает в Ангару.

Спускаемся по откосу, идём к реке. Как же всё кругом загажено! Кучи шин, покорёженные автомобильные корпуса, битые кирпичи, ржавые железяки... Всё, вдумайся, читатель, всё это — от разбитой кабины грузовика до последней арбузной корки — кем-то привезено, принесено сюда и брошено. Сюда, где, нежно перебиваясь, струит свои воды маленькая русская речка, каких в России — тыщи. Сюда, где без человека природа пребывала бы в своей первозданной величавой чистоте. Сюда, где так вольно дышится после шума и копоти города. И так хочется собрать, сгрести весь этот человеческий мусор и увезти и спрятать как зримое свидетельство нашей бесконечной греховности. И чувствуешь, не под силу, уж очень много его...

Сын радостно бежит по берегу, ищет красивые камешки. А я сижу у самой воды, и хотя знаю: там, за спиной — не только сор и шум, там есть много чего хуже, как и в моей душе, но сейчас вижу лишь золотые блики на бирюзовой волне и чайку, парящую над водой, и стремительную рыбацкую моторку, что гонит к берегу длинные гладкие валы, и там, совсем близко — белокаменный храм, возносящийся ввысь кресты...

Святителю отче Иннокентие, моли Бога о нас!

Урок пения в Страстную пятницу

В Великий пост мы с сыном читали Библию. К Страстной седмице Вася знал уже и про Тайную вечерю, и про предательство Иуды, и про то, как мучили Христа.

И вот настала Страстная пятница — день великой скорби всех православных христиан. Утром сын прибежал ко мне в комнату с криком:

— Мама, сегодня же распяли Иисуса Христа, а у нас урок пения. Разве можно в этот день петь и веселиться?!

— Нет, конечно, — ответила я, как оказалось, опрометчиво.

Сначала попросила сына просто не ходить на урок, а посидеть где-нибудь в коридоре. Но Вася, испугавшись, заявил, что его «силой поволокут в класс, как Диму один раз приволокли». Потом я сказала, что напишу учительнице записку, чтобы сын присутствовал на уроке, но не пел. Такой вариант опять испугал его. Мальчишка стал уже ныть, плакать, разрываясь между страхом пропустить уроки и нежеланием петь в такой день. Видя, как мучается чадо, я вдруг почувствовала, что поступила неправильно: ноша, которую невольно взвалила на его ещё некрепкие плечи, оказалась не по силам. В который раз я увидела, как трудно в нашем мире с его светской школой, телевидением и детским невоцерковлённым окружением (уже во втором классе сверстники рассказывают про «голубых») вырастить ребёнка христианином.

Наконец, когда Вася уже отказывался вообще идти в этот день на занятия, не иначе как Божиим промыслом меня осенила счастливая мысль. И я сказала сыну:

— Ты сходишь на два первых урока, а перед пением я приду за тобой, и мы вместе пойдём в храм на вынос плащаницы.

...Как же отрадно было у нас на душе в тот день великой скорби. Успели мы и помолиться вместе со всем нашим храмом («Мама, почему ты плачешь? Он же воскреснет!.. Но ведь Ему же надо было пройти через эти страшные страдания!..»), и благоговейно припасть к плащанице, и задать совсем недетские вопросы батюшке. И вволю попить родниковой водицы, и послушаться весеннего птичьего гомона. Было тепло, солнечно, благодатно. Сынок сидел возле источника, радостно-освобождённо поглядывая вокруг, и всё приговаривал:

— Мама, как хорошо, что я не пошёл на пение! Только ты не торопи меня, побудем здесь ещё, ладно? Ну, пожалуйста!..

Тарелка

— Ну почему они съели это яблоко? — время от времени Никита изматывал меня этим вопросом про Адама и Еву. — Жили бы мы сейчас в раю и не мучились...

Я спросила совета у батюшки, и он рассказал мне историю, как один богатый барин взял в дом бедных супругов, разрешил им всё: пейте, ешьте, только, мол, не поднимайте крышку с тарелки, которая будет каждый раз стоять на столе. Ну, ясно, сестра наша любопытная, не выдержала, как-то приподняла крышку, а оттуда мышь выскочила. Писк, визг поднялся. И барин тех супругов за ослушание-то и выгнал.

Батюшка посоветовал и мне такой эксперимент с сыном провести.

Мыши под рукой не оказалось, и я просто положила под крышку фантик от конфеты. Объяснила, что открывать крышку и смотреть, что в тарелке, нельзя. Терпел мой Никитка, терпел, и справа зайдёт, и слева, и снизу заглянуть старается. Ушла я в свою комнату, сын один в кухне остался. Вдруг бежит ко мне с криком:

— Ты зачем конфету съела, а фантик спрятала?

— Ну вот, теперь ты на себе испытал, как Адам и Ева яблоко съели, — отвечаю и смеюсь.

Далее произошло невероятное: с сыном случилась истерика. Ещё несколько минут назад тихий и спокойный, он с красным лицом, слезами и чуть не с кулаками кричал мне, что я его обманула.

— Зачем, зачем ты это сделала?! — без конца, рыдая, повторял он. И мне вдруг почудилось, что, приоткрыв крышку, Никита не просто увидел пустой фантик, он повторил грех прародителей, как в стародавние времена, выпустил на волю беса непослушания, и тот с новой яростью обрушился на нас. Защити нас, грешных, Господи!

«На нары готовишься?..»

Характер у меня, признаюсь, не подарок: вспыльчива, склонна к унынию, осуждению ближнего. Как-то возвращаюсь с работы домой, а перед моей дверью сидят на полу отроки (выше меня ростом), азартно режутся в карты и лузгают семечки. И мой сосед Костя среди них. Перешагиваю через их ноги. А в голове мелькает мысль не столько об отвратительности самой игры и карт (которые, как я теперь знаю, символизируют орудия издевательств над Иисусом Христом), сколь-

ко о том, что без конца подметаю за этими обалдуями шелуху, окурки, шприцы. И вдруг, сама не знаю, как это получилось, жестко выпаливаю:

— Что, Костька, на нары готовишься?..

Заперев за собой металлическую дверь и уже «надёжно» отгородившись от их мира, окунувшись в заботы собственной семьи, я очень скоро почувствовала, что не права. Что нельзя было вот так, при его товарищах, пригвоздить, как приговорить соседа. Знаю же: отец пьёт, дерутся, ругаются без конца. Но ведь и троих детей растят. Как-то соседка по пьянке бросила: «А я не смогла своего ребёнка абортom придушить, вот и маюсь теперь с ними...» Да за одно это как её уважать можно! В общем, мучалась я, сомневалась, и всё ведь как-то Костька мне в подъезде не попадался. Но однажды поднимаюсь по лестнице, слышу: гудят наверху их ломающиеся на бас голоса. Подхожу. Он на меня не глядит. А я остановилась прямо перед ним и говорю:

— Слышь, Костя, ты прости меня за те слова, я погорячилась.

Он молчит. Дружки его уставились на меня: «глаза — по семь копеек»...

Костя ещё месяца два со мной не здоровался. Потом отмяк — не каждый день всё же занудные тётки при друзьях прощения просят. Что-то вроде «здрась» стал буркать при встрече. А недавно поднимаюсь по лестнице: Константин площадку метёт и баночку под окурки поставил.

А ведь это, мне думается, Господь так устроил, чтобы при моем извинении дружки его были.

Христианин в миру

I

Мы недостойны...

...И вот их приводят или приносят на руках к Причастию. И все видят — это сироты, детдомовские: косенькие глазки, мешковатая одежонка, особое смешанное выражение мольбы и вызова в лицах. У этих детишек нашлись крёстные, и вот они вместе в храме.

Знаю женщину, она уже несколько лет вместе с дочерью ходит к сиротам, помогают одиноким старикам, уговаривают прихожан стать крёстными детдомовцам. Смотрю, как сама тяжело больная, она каждый раз бьётся, чтоб найти новых крёстных.

— Представляешь, отказываются, мол, это такая ответственность, мы недостойны!.. — сокрушённо делилась как-то со мной.

И невольно думалось, что много среди нас находится указчиков, как ставить свечу или сколько поклонов класть, но мало кто сам принесёт кулёк конфет в детдом, поможет вдове вскопать огород, захочет почистить подсвечник в храме или пять минут постоять на морозе с приходской газетой.

Милостыня

На рынке Зинаида подавала нищим. Вот и на этот раз заметила слепенькую старушку. Но пока покупала продукты себе, а потом булочку «подать», нищенка исчезла.

Огорчившись, Зина шла по улице с липкой, политой глазурью булкой и, помня слова святых отцов, что «настоящего нищего ещё надо искать», смотрела по сторонам. И вдруг увидела сидящего прямо на грязной мостовой мужчину. По всему его виду она определила: спился. И намерилась уже с презрением пройти мимо. Но что-то в последнее мгновение остановило её, и она сунула булку в чёрную ладонь. Мужчина удивлённо поднял на Зинаиду глаза. Сколько же боли и благодарности было в их пронзительной синеве!

Ну, вы смешная!..

Раньше-то Анна и с соседями через раз здоровалась и, что вокруг творилось, не особо замечала. Теперь старушке с первого этажа что-нибудь несёт, многодетным с пятого одежонку собирёт, когда хлеба даст. Родители-то пьют, ребяташки без присмотра. Жалко.

Уже который год с внуком Колей газон под окном вскапывают, шины-клумбы, загораживаясь от автомобилей, ставят. Сирень посадили.

Они сеют да поливают. Мимо люди ходят. Один сосед так и продолжает кататься на своей «Ауди» по цветам-кустам. Другой каждый раз остановится, с укором вздохнёт:

— Ну, вы смешная, женщина! Надрываетесь зачем-то. Кому теперь что надо?

Но вот однажды летним утром, придя поливать цветы, Анна с внуком увидели на газоне только что посаженную кем-то берёзку.

Не чужая боль

Знаю их давно. Маша и Наташа — две сестры, две скромные девушки с тихим светом русской красоты в лицах. Для меня они — неброский образ нового поколения уповающей на возрождение России. И поражает в них, щедро отягощённых скорбями и недугами, не столько постоянное пребывание в заботе о ком-то, не строгая молитвенность, и не их девическая комната-келия со множеством любовно развешанных и расставленных икон. Слёзы сострадания, принятие чужой боли в сердце, когда они стараются помочь глухой девочке, защитить сироту от детдомовского беспредела, обогреть и утешить каждого брошенного ребёнка, ставят их в ряд милосердных плачущих жён, первыми пришедших ко Гробу Спасителя.

Катя-Катюша

Все трое — Катя-Катюша, Володька и я — были однокурсниками в нархозе. Вместе ездили на электричке из Ангарска. Мы с Вовкой дремали или играли в шахматы, а Катя всё что-то читала. И вот каждый раз, когда проезжали Иркутск-Сортировочный, она поднималась, как тонкая трепещущая свечка, и крестилась на маленькую, едва видную среди деревьев, церковь. Володька отворачивался, словно ему было стыдно, а я всегда пренебрежительно хмыкал: Катя в эту минуту казалась мне жалкой и... глупой. Она вообще была странной — одна на курсе с косой, одевалась скромно. Но вдруг глянет своими серыми глазами — красавица!

Как-то даже попытался приударить за ней, она только молчала и улыбалась, не по-современному стыдливо прикрывая лицо ладонью. За мной девчонки ещё со школы бегали, но Катюша выбрала невзрачного и основательного Володьку.

Они задружили на третьем курсе, на четвёртом поженились, а вскоре после защиты дипломов у них уже родились двойняшки — Петька и Пашка (я тогда не знал, что их назвали в честь святых апостолов Петра и Павла).

Прошло уже немало лет. У меня тоже есть семья, дом, как говорится, полная чаша — жена-красавица, шейпингом занимается, классный программист, дочка играет на скрипке, а сын ходит на «у-шу».

Но почему, почему меня так тянет в этот дом, полный икон и детей, в семью Володьки и Кати, где визг и смех, где вечный беспорядок, бесконечные ползунки на верёвках и игрушки на полу, где тесная прихожая завалена разнокалиберной обувью? Подросшие Петруха и Павлик качаются на самодельной качеле, четырёхлетняя Ксенька укладывает спать хомяка (а он сопротивляется). Малышка Фрося думает, что она моет маме пол...

— Кусать хосесь, сяс дам, — говорит она жёлтому кенарю, отчаянно верещащему в клетке. И во всём этом шуме-гаме на диване спит Володька. Он — с ночной: крутится на трёх работах. Катюша, теперь толстая, даже дома — в платке, но по-прежнему с сияющими глазами, недавно родила пятого ребенка. Однажды, доедая её вкусную постную кашу с изюмом, я осторожно спросил:

— Кать, ты же хорошо училась. Не жалеешь, что почти не работала, хотя могла бы сделать карьеру?

— А как же дети?.. — удивилась в ответ.

И сколько я ни бился — видел, она не понимает: дети, семья для неё — вся жизнь.

Когда от Володи и Кати я возвращаюсь в свой идеальный дом, где моя стройная и вечно молодая «половина» сидит в позе лотоса, прижав головой к плечу мобильник и растопырив пальцы с сохнувшим маникюром, меня раздражает здесь всё — её холеное лицо, пассажи дочкиной скрипки, абстрактная картина-стена... И даже кот у нас не какой-нибудь Барсик, а породистый дымчатый Поль. Зачем, зачем мне всё это?! Главного-то нет...

Последний уровень

Я сопротивлялась до последнего (словно чувствовала): не покупала сыну компьютер. Уже сколько слышала, даже от верующих родителей об игромании. Но вот отсутствие дома компьютера уже мешало сыну в учёбе, он стал отставать по информатике. Видно, нынешнее обучение рассчитано на то, что у каждого школьника дома тоже есть это «чудо техники».

На «чудо» ещё пришлось долго копить. Купили! Сын упросил купить какую-нибудь «хорошую» игру. С трудом нашла: вроде безобидные машинные гонки без людей. Никого не убивают...

Но как же быстро мой Димыч «подсел» на неё. Освоившись, гоняет эту машинку часами. А игра-то оказалась не такой уж безобидной: на фоне жуткого грозового неба, несясь с огромной скоростью, виртуальный автомобиль «прошивает» деревья, мосты, другие машины. Крушит всё подряд, тараня заборы. Я стала объяснять ему, какие чувства вызывает эта игра, что она возвращает в душе человека. Сын вроде и понимал, но с какой-то ускользающе-лукавой улыбкой снова и снова садился за компьютер. Мне же стало казаться, что этими часами за игрой он разрушает то доброе, что годами заседалось в нём нашей общей христианской жизнью.

Однажды, не вытерпев, отключила компьютер и спрятала евровилку, без которой его нельзя включить. Димыч подёргался, но всё же нашёл себе занятие на вечер.

А потом я взяла ему в библиотеке книгу «Одержимые. Зависимость: компьютерная, игровая, никотиновая...». И сын сам читал мне из неё сокрушительные цитаты. Прочитал — и снова за игру. Что дальше?

Ещё одна попытка: вместе написали «План жизни», где и время для молитв, и уроки, и мытьё посуды, и игра с котом, и лишь час в день — игре. Бедный кот...

Утром, убрав за Пушком, сказала сыну:

— Дима, давай отдадим кота в семью, где с ним будут играть и любить его.

— Нет, жалко.

К вечеру я заболела. Сын сходил в магазин за хлебом, вынес мусор. Потом зашёл ко мне в комнату и как бы невзначай обронил:

— Там, мам, остался всего один уровень. Она кончится, а больше покупать не будем...

Веники

Когда рано утром я открыла дверь квартиры, то первым, кого увидела, был сосед Колян. Вместе с двумя друзьями они сидели на корточках на лестничной площадке и опохмелялись пивом. Поборов вспыхнувшую неприязнь, неожиданно для себя бодро выпалила:

— С праздником, мужики!

— С каким это? — просипел Колян.

— Троица сегодня, — поправив бирюзовый платок, я уже запираю дверь.

— А это, слышь, значит, веники пора вязать? — спросил сосед.

— Какие веники?.. А, ну да, может, и веники тоже. А вообще-то сегодня Троица — день рождения нашей Церкви.

— Ну, с праздником, тётя Маша! — сосед поднял в руке пивную банку. Друзья его тоже что-то одобрительно вякнули.

Прошло несколько дней. Встречаю Коляна в подъезде. Вроде трезвый.

— Ну что, — спрашиваю, — наломал веников?

— Да, ладно там, тётя Маш. Я вот это, спросить хотел, как это — я тебя матерю, а ты мне: «с праздником...»? Я это, узнать хочу: а как вообще таких как я крестят?

II

Посылка с сушёным терновником

Когда мы поминаем близких, своих ушедших родственников, пред внутренним взором всплывают какие-то картины, ассоциации. Слова, события, лица... Вот бабушка Пелагея помнится в белом ситцевом платочке с румяным рождественским пирогом в руках. По-сибирски: капуста в сметане, золотая корочка — какой аромат! Баба Нина — западница — молчаливая, строгая; варит в яблонево́м саду, «на воле», терпкое малиновое варенье...

Помню из детства: таинственная тёплая ночь в городе со странным названием Арзамас. Это уже ныне, теперь только понимаю — вся галерея ушедших предков по отцовской линии отзывалась, трепетала тогда в моём сердце среди звёздной тишины, настоящей на яблоках и мёду.

И дедушка Иван из русского городка с круглым, будто лыковое лукошко, именем Лукоянов. А я помню его в накомарнике, с дымокуром в руке, вынимающим из ульев янтарные соты.

Дедушка... Мама говорила, он был священником. Дед Иван. Светлые-светлые со слезой глаза, тонкий гранёный нос, странно медленный для нас, сибиряков, нижегородский говор. Его слова на прощание и на всю жизнь: «Будь честной».

Потом приходили посылки. Сизо-чёрный сушёный терновник, крупчатый липовый мёд, анисовые яблоки. Бабушки Нины душистые карминного цвета коврижки. Как же восхитительно пахли эти лукояновские ящики!

Дед Иван завещал нам с братом свою старинную Библию, но она так и не дошла до нас. Но вот остались и долго лежали у мамы в шкафу два маленьких образа. Уже много лет спустя я достала их и поставила в свой «красный угол», а потом узнала, что это иконы Божией Матери «Умиление» и преподобного Серафима Саровского. Позже поняла, какое духовное сокровище оставил мне (брат пока к Богу не обратился) дедушка — намоленные образки со святой Дивеевской земли, где я, того не ведая, побывала почти полвека назад.

Липовый цвет, белые яблоки, сизый терновник в саду...

Золотая цепь для льва

— Что-что это у тебя на золотой цепочке?! — подслеповато прищуриваясь, воскликнула тётка Наталья.

— Мой знак зодиака — Лев, — чуть смутилась Марина.

— Дак ты же крещёная, зачем тебе эта зверушка на груди? — приподнялась на локте болящая. — Сними, Мариш, я тебя прошу, сними её. — Бессильно упала на подушки, слёзы закипели в глазах.

— Ну, тётя Наташа, понимаешь, мне его очень дорогой человек подарил. И потом я верю во влияние звёзд. А крестик найду, надо цепочку серебряную купить.

— Да хоть на шнурок, только надень, — тихо попросила тётка.

— Нет, вместе-то, наверное, нельзя...

Кто как не душа-христианка подсказала девушке, верящей в астрологию, что нельзя всё же рядом повесить на груди крест и знак зодиака...

Грех чревоугодия

Маргарита вошла в магазинчик. И оторопела. Перед прилавком на полу сидела женщина шириною в бампер шестисотого «Мерседеса» и что-то говорила продавщице. Подойдя ближе, Маргарита рассмотрела, что женщина сидит всё же не на полу, а на маленьком стульчике, утонувшем в необъятности её тела и плаща.

— Вот мне ту полоску ещё, «Королевску». Свежая? — расслышала голос с полу.

Отоварившись в кондитерском, женщина вместе со стулом и скрипом передислоцировалась в гастрономический.

— Болею, мила моя, — уговаривала снизу, — вот в больницу ложусь. Так ты уж, будь ласка, взвесь палочку колбаски да порежь её.

— Вам какую? — едва сдерживая раздражение (мы ж не в Москве, у нас колбасы в магазинах не нарезают), громко спросила продавщица в белом царского вида колпаке.

— Так с жирком люблю, мила моя, «саляма» называется, — холодцом колыхалось тело, закрывая всю витрину.

— Э-эх, саляма... — тихонько передразнила продавщица.

— И ещё сыру с полкило. И тоже порежь уж заодно. Кто мне там в больнице резать-то будет? На два дня ложусь, — добродушно делилась тётка, доставая из клетчатой сумки кошелёк.

Обладательница царского колпака недовольно скривила рубиновые губы.

— Ну вот, мила моя, спасибочки! Теперь мне ещё батон купить — и всё.

Маргарита, забежавшая в магазинчик за бужениной и конфетами, купила вместо них пакет кефира и килограмм яблок. Когда она вышла на улицу, то увидела, как та женщина медленно подплывала к остановке. С гирляндой сосисок на косматой шее рядом ковылял, подсобляя ей тащить сумку, бес чревоугодия.

Будущей вдове

У самой-то у меня жизнь семейная не сложилась: одиночка с двумя детьми. Подросли мои доченьки, расцвели, скоро уж замуж могут выйти. Да хоть бы вышли! Я же, хоть и в храм хожу, нет-нет да и всплакну о несчастной своей одинокой доле. Всегда мне не хватало рядом любимого, друга, надёжного мужского плеча. Да и сейчас не хватает, пусть и понимаю уже давно, что какой-то и обо мне, грешной, есть у Господа промысл.

Но сказать хочу о другом. Теперь в многоэтажных домах соседи едва знакомы друг с другом. Иное дело на дачах — всё как на ладони. И вот смотрю я на соседей. И горько на душе. Все были с мужьями. Теперь — уже одна вдова, другая...

И всё-то командуют, муштруют своих мужиков, нагружают, чтоб ни минуты простоя. У Фаины Пётр уж с одним лёгким был после операции, а она его каждое росное утро с ведрами да букетами — на рынок. Иду, бывало, в воскресенье на службу — все наши деды уже возле остановки на сквозняке на ящиках с ягодой сидят, метёлки гладиолусов в руках. Но разве он, навар-то с огорода, может сравниться с жизнью человеческой? Дядя Петя ушёл, за ним через год — дед Митрий, безотказный, добрый и безответный пред боевущей женой Степанидой. Как же потом убивалась она по нему. Как жалела, что мало жалела. Но и в храм помолиться за него не пошла, всё меня просит подавать да свечки ставить: «Всё некогда, Мань, сама знашь, кролики, огород...»

Теперь вот смотрю кругом: как зубы в стариковском рту редуют в соседях мужики. Совсем рядом, через сетку-рабицу, уже много лет вижу, как жучит Анна своего Иосифа. Всё-то не по её, вскопал не так, полил не то... Однажды, поднявшись с грядки, протирая от пота очки, он спросил меня: «Зачем вам столько цветов? Их ведь на хлеб не намажешь...» Что тут сказать? Жить, чтоб только работать и есть? Никогда не видела соседей отдыхающими, чтоб Иосиф или Анна просто с книгой посидели в тени или на небо полюбовались. Может, они на второй даче это делают? Да, у них ещё и вторая есть.

Я так, наверное, и не осмелюсь, и ничего не скажу тётке Анне (она значительно старше меня), как и другим. И конечно же, умирают не только деды, порой им тоже приходится провожать своих жён. Но кто будет спорить — чаще у нас в России бабушек хоронят уже вдовами.

И вот, сполна испившая чашу одиночества, от имени всех одиноких обращаюсь к вам. Цените, берегите свои семьи, близких, мужей и жён, пока они есть у вас, пока они рядом и нуждаются в вашей заботе и любви.

Попрошайки

Бригада грузчиков

Их было четверо. Грязные, всклокоченные, на чёрных плутоватых лицах — снегири носов и живописные сивушные синяки. Бодро, как-то споро-артельно приступали к приходящим.

— Мать, подай чё нить, три дня не ели, — стенкой наехали на меня. Молча прорвалась.

Иду со службы одна, припозднилась. Опять атакуют. Остановилась, глянула: ух, какие бравые! И вдруг свесела вырвалось громкое:

— Мужики!.. — они все враз подтянулись, приосанились: ну сейчас тётка одарит их. — Какая бы хорошая из вас получилась бригада грузчиков!

Немая сцена...

Хромой

...Был он худой и совсем негрязный. Просил жалобно, как-то заискивающе-страдательно глядел в глаза. Замызганная трость в руке, хромает.

— Пойдёмте, я куплю вам поесть, — позвала за собой. Засеменил рядом:

— Только не бегите так, быстро не могу — протез.

Забывшись, я скоро приударила вовсю — торопилась на работу. Оглянулась — чешет мужичок, старается не отстать. Опять рядом идём. И вдруг мне показалось — не хромает он совсем. Поймав взгляд, снова прихрамывать стал. У меня zakралось сомнение, вот-вот попрошу задрать штанину и протез показать. Ладно, неудобно. Дошли до киоска. Мужик требовательно, по-хозяйски оглядывал, что покупаю ему, давал советы. Как в ресторане заказывает, подумалось невольно.

С пакетом продуктов хромой резво влез в маршрутку. Трость покатила по мостовой.

Сапоги не по сезону

Нет, и после хромого я не зареклась. Бог нам всем судья...

Курточка на ней была короткая, старенькая юбка, синие резиновые сапоги — не по сезону. Она грела дыханием свои багровые маленькие руки, переминалась с ноги на ногу и вытирала рукавом нос. Она не просила, просто безучастно стояла на стылой паперти — немой укор человечеству.

— Пошли, что-нибудь тебе куплю.

Она опустила голову, пошла покорно. По дороге я расспросила её. Мать спилась, отчим бьёт...

— А потом я из окна выпала, травма, — и она, сняв шапку, доверчиво заголила прядку светлых волос: под ними виднелась сизая металлическая пластинка. У меня перехватило горло. Помолчав, спросила:

— Инвалидность не дают?

— Обещают. Да у меня и паспорта-то нет, отчим сжёг...

Набрав продуктов, я вышла на улицу. Девушка так и стояла, съёжившись на ветру, она явно стеснялась своего вида, своей жизни. Она не улыбнулась, не обрадовалась дешёвым конфетам. Обронив тихое «Спасибо, тётенька», вновь побрела в промозглую темноту.

Спаси её, Господи!

«Не верю»

Свободных столиков в кафе не было, и мы с дочкой подсели к двум пожилым мужчинам. Перекрестившись перед едой и осенив стол крестом, принялись за трапезу.

— Постятся... — с ухмылкой толкнул в бок соседа седой крупный старик, щедро поливая соусом изрядную лопату шницеля.

— Знаем мы этот пост, Борисыч, — отозвался сосед. Артистическим жестом он выхватил из кармашка пиджака белоснежный платок, тщательно протёр им очки в тонкой золотой оправе и вдруг напрямую обратился ко мне. — Вы вот дочку тюкаете, крестится она у вас, пустой гарнир ест. А у меня сосед по даче сторожем в церкви работал. Рассказывал, всё это туфта: зашёл как-то к батюшке в пост, а у него на столе коньяк, курицу трескают...

Не ожидая такого, я помолчала несколько мгновений: как реагировать?.. Здесь приходилось думать не только о том, чтобы ответить мужчине, но и учесть, что рядом сидит дочь: как-то отзовутся мои слова в её душе.

— Я не верю! — сказала, и тут же в голове выстроился целый ряд аргументов: тот сторож мог что-то не знать о посте (или о постных днях), курицу мог перепутать с пирогом или ещё с чем-то, в бутылке от коньяка мог быть сок или морс, наконец, он мог просто соврать. — Но если это и правда, что ж, батюшки, увы, тоже всякие бывают.

— Во-о-т! — победительно крякнул седой и ткнул в нашу сторону пальцем.

Мы вышли. Дочь пытливо поглядывала на меня. И я рассказала ей и про свои аргументы, и про батюшку, который так пьянствовал, что архиерей уже собрался снять с него крест, как увидел во сне толпу людей. Они просили за «своего» батюшку, ведь он ежедневно поминал их за упокой. Владыка священника им оставил, а тот после исправился.

Неисповедимы пути Господни...

Пасхальная радость

Это началось с ним ещё в Великую пятницу. Выходя из автобуса, привычно махнул на спину рюкзак, а он вдруг обо что-то мягко ударился. Оглянулся — старуха в чёрном платке потирает плечо. Игнат сокрушённо поклонился:

— Простите Христа ради, нечаянно!

Она только молча улыбнулась в ответ.

К плащанице шли кротко и тихо. Многие женщины отирали слёзы.

— Ну-ка, девки, стойте! Мужчин пропустим, — загородила собой очередь Кузьминична. — Давай, Игнаша, иди. Ты куличик-то купил, на улице продают, — заботливо зашептала на ухо.

«Вот тебе и похороны Бога... Всё мирское, всё про мир. Даже у плащаницы. Господи, куда деться? Ну достали эти бабы!» В душе бушевало чёрное пламя. Опять всё казалось нелепым, ненужным. А главное — бессмысленным.

* * *

Ночевал на вокзале. Да какое там ночевал... С полночи выгнали. Шатался по городу — все подъезды в броне. Лишний. Всюду лишний...

Голодная суббота.

— Игнаша, приходи в трапезную разговляться, — это опять Кузьминична. Ножки в чёботах, очёчки, востренький любопытный носок.

— Куда ж я попрусь? Я ж тут не работаю.

— Ну, сёдни не работашь, завтра, Бог даст, заработашь. Приходи, грю. Я тебя приглашаю.

Заутрени кончилась. Потоптался на холоде в ботиночках, почесал кудлатую бороду. Куда деваться — пошёл.

В трапезной шумно, весело. Громко и радостно спели Пасхальные тропари. Воссели за длинный праздничный стол. Батюшки сияли, как орденосцы. Ели. Пили. У Игната с голодухи скололо живот.

Он был здесь как на чужом празднике, как на свадьбе, где его невеста выходила за другого. Он тяжко хмелел от густого чёрного кагора и не чувствовал удовольствия от еды, ещё вчера запретной. Он сидел, опустив глаза, старался как мог подпевать и всё силился представить это огненное кольцо вокруг храма и радостно-громовое «Воистину воскрес!». Силился вспомнить то чувство, с которым подходил к чаше в четверток, и как тогда молил, бессчётно повторяя в душе «Господи, помилуй!». Пытался представить украсное убранство праздничной церкви, колыханье пламени жарко оплавливающих свечей и ангельские лица сморившихся ребятишек, вповалку спящих в углу возле канунника. Но в памяти всё всплывало залитое краской и слезами злобное Любкино лицо, когда она выталкивала его из квартиры, да молчаливая улыбка старушки, которую огрел рюкзаком. «Собрался, дурак, ушёл — одна нищенская сума за плечами. Сорок три года — и всё сначала? Работы нет, жить негде. Семья сплыла... Да и была ли? Ни согласия, ни детей...»

Вот уже батюшки и местные певчие разошлись, и в трапезной осталось лишь несколько человек, дожидających рассвета, чтоб уехать домой. Пили чай с брусничным пирогом. Смеялись. Пели.

Из своего угла с края лавки Игнат тайно-завистливо поглядывал на них. Певчий Лёва, костистый, рыжебородый, в вышитой петухами белой косоворотке. «Ну-ну, а'ля рюсс, значит... Свои, значит, тут моды и правила... А мне-то что!» Тот в красках рассказывал, как ездили за вербой и промочили ноги в болоте. «И чего они всё смеются?.. Глаза бы не глядели», — думал, и казалось ему, будто они дразнили его, и чернота вскипала в сердце и душила его. Близняшки Паша-Даша дружно доедали салат. Повариха Оксана пошла заварить новый чай с мятой.

И ещё была тут одна. Она вся светилась. Радость бурлила в ней, плескалась в серых глазах, взмывала кверху её руки, которыми она порывалась дирижировать. Эта Агаша с клироса — высокая крепкая казачка со смелым взглядом из-под соболиных бровей, она вся играла. Играло лицо с матовой смуглой кожей, играли плечи под белой тонкой шалью, притопывала маленькая нога.

Она громко запевала и быстро подхватывала, и всё будто торопилась, и всё была как бы впереди, всё первой, казалось, вот-вот скинет свою шаль, подхватит длинный подол и пустится в пляс. И белый шарфик сползал с головы, обнажая персиково-разрумяненные щёки и примятые завитки русских волос.

— Что, хороша девка? — чуть задела его плечом Кузьминична. — Хороша... — Она то и дело подкладывала ему в тарелку еду. — Ешь, сынок, ешь, исхудал за пост-то, — ласково приговаривала она.

Напротив них две молодухи в одинаковых красных платках, обнявшись, чуть раскачиваясь и строго сведя брови, тянули «Степь да степь кругом...».

Кузьминична вышла на кухню. И вдруг рядом с Игнатом оказалась Агафья. Озарив его бессознательно-радостной улыбкой, развернула конфету, откусила кусочек. Почувствовав жар, текущий от неё, неожиданно для себя спросил:

— Вы, наверное, Гурченко любите?

— Почему? Нет, наоборот, не люблю. А почему вы спрашиваете?

— Да уж очень похожи, та тоже всё норовила из себя выскочить.

— А разве я такая?

— Точь-в-точь. Сама-то не чувствуешь?

— А вот и чай, — повариха Оксана поставила на стол поднос с чашками. — С мятой, как заказывали...

Агафья как-то странно махнула на Игната кистями шали, молча отодвинулась от него. Взяла чашку.

— Ух, какой горячий! — сказала весело.

Но это была уже другая весёлость. Словно автоматически включился тумблер: «игра».

Словно соль враз опреснела.

Словно песню лишили голоса.

Словно в бензин плеснули воды.

Агаша всё так же подпевала. Но уже не начинала первая. Она ещё поводила руками, но они как-то быстро, подрубленно опадали. Она тише говорила, больше слушала, а улыбка, сначала деланная, потом редкая, и вот уже совсем сошла с её губ. Агаша под села к Марье Кузьминичне, и они о чём-то тихо переговаривались. В пылу остывающего веселья никто не заметил происшедшей с ней перемены. И только Игнат смотрел теперь на сорванный им «цветочек аленький» и с безжалостной ясностью понимал, что он сделал. Сам лишённый пасхальной радости, он отнял её у этой женщины. Но, сломив цветок, украв радость, не получил её. Она ускользнула от них обоих, улетела навстречу восходящему играющему солнцу. И видя, как всё больше сникала Агафья, которая, очевидно, стыдилась, чувствовала себя неправой, нелепо забывшейся, отчаянно жалел о том, что он сделал; и, сознавая — ничего уже нельзя поправить — ощущал себя в это пасхальное утро чудовищем.

* * *

Только на следующий год в Прощёное воскресенье Игнат подошёл к Агафье в храме, тихо сказал:

— Прости меня, сестра.

Она преломила свои соболиные брови, недоумённо улыбнулась:

— За что?

— Это Бог знает, — буркнул в ответ, отошёл поспешно.

Вышел из церкви. Что-то случилось с глазами. Смотрел вокруг, ничего не узнавая, как будто впервые увидел, что мир-то цветной! Ему хотелось подпрыгнуть, выкинуть лихое коленце, обнимать этих старушек на лавочке, улыбаться детям, кормить с руки голубей. Не зная, куда деть свои неуклюжие руки, смеющиеся глаза, сердце, прыгающее в груди, он мгновенно взобрался на колокольню — посмотреть, какие ещё надо приготовить доски для ремонта, потом напоил в клетки козлят, заглянул в приходскую теплицу — оттаял ли снег в углу... И всё вокруг будто ждало его внимания, его рабочих рук, счастливого взгляда...

* * *

На Покров трудник Игнат и певчая Агафья обвенчались.

«Благослови, душе моя, Господа...»

Забор

— Тётя Женя, представляете, — испуганно тараторила по телефону племянница Юля, — мы с Николаем не могли на даче дверь открыть. И вдруг она распадается, и выходит жуткий мужик: весь в крови, грязный, изломанный. Была бы без мужа, в обморок грохнулась. А тот, мол, извините, но я здесь ночую... Представляете! Николай погнал его, тот бурчит, негде жить, из больницы вышел, денег на дорогу нет... Ну, обычная их песня...

Для Евгении Алексеевны, только неделю назад прибравшей дачный домик после троих (на всех трёх кроватях — следы ночёвки) непрошенных гостей, это стало последней каплей. На другой же день она с хлором и одеколоном вымыла и продезинфицировала комнату, веранду. Всё, нужен забор.

В садоводстве уже почти не осталось «прозрачных», с сеткой-рабицей по сторонам дорог. Всюду глухие ограды из разноцветного «профиля», за которым грозное рычание собак-волкодавов, из тех, что на лету впиваются в горло или с маху перекусывают руку. Страшно по одному ходить здесь. Если встретишь грабителя, никто не поможет. Евгения Алексеевна теперь ходит только с 90-м Псалмом на устах.

Итак, пришлось «сдаваться» на забор. Провела с «тёртым калачом» соседом небольшой «маркетинг».

— Не, Жень, наши не возьмутся, — махнул заскорузлой рукой дед Фрол. Бородатый, с жилистым обнажённым торсом, он напоминал одновременно Миклуху-Маклая и йога.

— Почему ж не возьмутся? — поправила косынку Евгения Алексеевна.

— Дак не хотят. Пить же надо. Да и лень-матушка. Чурок нанимай.

«Чурок» было трое. Один, крутоплечий, с серебряными висками, под стать Алексеевне — за пятьдесят. Двое помоложе. Поджарые, шоколадно загорелые,

они дотягивали ровную синюю гармошку забора через два участка от её дачи. Подошла поговорить. Не отрываясь от работы, крутоплечий скупно ронял побитые акцентом слова. Неожиданно подкатились хозяева — два бритоголовых парня с одинаковыми тугими животами, арбузно бугрящими короткие белые майки.

— Ты, мать, тут не отвлекай, им ещё много работы, — приласкали Евгению Алексеевну.

— Да я же соседка ваша. Мне только спросить.

— Слушай сюда, телефон бери и вали!

— Ми тут закончишь, бабюшка, к вам зайдём, — покачав головой, тихо сказал тот, с серебряными висками.

Вечером пришли. Старшой, назвавшийся Аликом, написал, что надо купить. Сговорились о цене. В три зарплаты влетал заборик...

Евгения Алексеевна с сыном Глебом купили всё на строительном рынке. Поехали с грузчиками. До дачи всего-то метров пятьсот. Взяли же с них по полной. К калитке подъехали: грузчики, молодые русские парни, заявляют, что только в канаву всё сбросят, вносить не обязаны. Так и сбросили бы, наверное. Опять заплатила. Ещё за два метра к пятистам. Спорить что ли? Или, может, рассказать им про свою грыжу и больного сына? Разве сегодня что-нибудь делается просто так? Это в старину всем миром строили: сегодня — Ивану, завтра — Петру. И заборы да стальные двери не нужны были. Теперь, смотришь, только свои православные даром помочь могут. Крёстный вот копать осенью приезжает.

Ну, купили, значит, всё. Возле дома разложили. Старый штaketник кое-как с Глебом разобрали, сирень выпилили. А тут и дождь передали. Узбеки не приехали. Евгении Алексеевне третью ночь не спать: всё кажется ей, что её доски да «профиль» грузят. Вечером позвонила Алику:

— Вы уж нас, пожалуйста, не бросайте. Мы все материалы купили, забора нет...

Как же они молились с сыном, чтоб на завтра не было дождя и приехали эти «иностранные рабочие»!

Слава Богу, приехали! Молчаливые, чисто одетые и гладко выбритые, они выгружались из машины, экипированные различными инструментами, словно Шварценеггер в роли Терминатора. Переодевшись в рабочую одежду, сделавшую их ещё более похожими на группу десантников, готовых к заброске, принялись за дело.

Если вы видели, как споро, ладным фронтом движутся по росной траве косцы, как сосредоточенно-чётко раскладывает медсестра хирургические инструменты перед операцией или как распевается возле храма церковный хор, вы сможете представить и красоту слаженной работы трёх гастарбайтеров, возводящих восемнадцать метров забора на территории чужой страны, которую они когда-то считали и своей.

Глебушка помогал на подхвате, попутно подмечая, как ловко узбеки управляются со всеми этими дрелями, пилами, «болгарками». В его синих глазах горело восхищение и немая солидарность в настоящей мужской работе, которой ему, росшему без отца, так не хватало. Всё вокруг гремело, визжало, стучало. В тишину вкраплялись короткие вопросы хозяйки, реплики гостей, то и дело сбивавшихся на узбекский язык.

Они работают в летний сезон бригадой шабашников. На зиму едут домой. У Алика двое дочерей. Молодые не женаты. Один владеет пятью языками — узбекским, русским, афганским, турецким, английским. Работал в каком-то НИИ,

пока не закрыли. Самый молодой отслужил в армии, ездит в Россию второй год. Хлопковые плантации в Узбекистане сократили, работы нет. «Чурки» оказались довольно интеллигентными мужиками, бывшими гражданами бывшего СССР, перед которыми Евгении Алексеевне было почему-то неловко за их жалкое положение. Они невольно напоминали ей котят, силой оторванных от кошки.

Когда команда Алика уже заканчивала устанавливать столбы, на дорогу вывалилась шумная пьяная компания. Парни, как водится, громко орали песни и матерились. Но особенно выделялась одна дикого вида девица. Представьте себе встрёпанную молодую девчонку с поцарапанным лицом и чёрным синяком под глазом, в длинном свадебном платье не первой свежести. Похоже, она в нём уже не раз спала и вообще долго носила. А может быть, просто нашла на мусорке — выбросили за ненадобностью. Поравнявшись с узбеками, «невеста» остановилась. Словно обрадовавшись невольным зрителям, она задирала своё белое вуалевое воздушное платье, оголяя грязные ноги, и ступала в расхлябанных пляжных тапках неверной походкой, словно продиралась через болото.

— А пойдём со мной загорать, — махнула рукой парням.

Даже сквозь шоколад загара на щеках знатока иностранных языков проявились красные пятна. Второй плутовато улыбался. Алик не реагировал никак. Все трое промолчали. Взвихривая шлейфом платья клубы пыли, «невеста» поchapала дальше.

— Я уже многое повидала в жизни, — от стыда невольно вырвалось у Евгении Алексеевны, — но такого срама ещё не видывала.

Мужики только посмеивались и молча кивали головами.

А вот трапеза вместе с инославными... Можно, нет? Она думала, ну устроятся тут на столике в кустах, достанут какую-то свою еду. Не обязана ведь кормить. А вдруг у них ничего нет — целый день голодными? Не по-русски это как-то, не по-человечески.

— А вы говядину едите? — вышла на всякий случай спросить. Оказалось, едят. Но скоро и у них пост. Только по их вере постуют дотемна. А ночью Аллах не видит, можно и мясо есть. Просто детская какая-то вера. Наш Бог видит всё и всегда. И постимся мы не из страха, а из любви. Между нами, да, стоял забор, но те и другие явно хотели заглянуть за него, не одного любопытства ради, а чтоб понять, узнать что-то новое в ином народе.

Сготовила картошки, Глеб сорвал огурцов, разогрела тушёнку. Странно — она ещё резала сыр, а мужики уже ввалились в дом, не дожидаясь приглашения. Когда они хозяйски уселись за стол, Евгения Алексеевна, указывая на маленький иконostas в углу, пояснила: вот Спаситель, эта иконочка с пшеничными снопами — образ Богородицы «Спорительница хлебов», особенно почитаемый хлеборобами и огородниками. Тот молодой святой с птицей на руке — святой Трифон, на которого сугубо надеются боящиеся воров. Не сказала ещё про икону «Неопалимая Купина» с надписью снизу «От пожара». Вдруг сама себе представилась суеверной бабкой, чисто потребительски относящейся к святым образам.

— Это ещё мать у вас есть... — оживился Алик.

— Богородица? — обрадовалась хозяйка.

— Слепая, — уточнил он.

— А, это блаженная Матрона, — догадалась Евгения Алексеевна. — Её недавно прославили.

Надо же, подумалось, и свои-то не все знают, а тут... Она не села с ними за стол, не позвала сына, что-то удержало её. В платке и закрытом платье, она, русская

женщина, получается, прислуживала восточным мужчинам. И хотя это несколько смущало «бабюшку» (какая я тебе «бабюшка», с досадой хотелось урезонить почти ровесника Алика), разговоры их были вполне «международными» — дружно жалели о развале СССР, кризисе, падении (и у них) рождаемости и даже о конце света. Как бы попутно мужики просили прописать их и сдавать дачу на лето. А где хозяевам-то жить?..

Встав из-за стола, все трое по-своему поблагодарили своего бога за еду, выказав однако полное равнодушие к хлопотам хозяйки. Этот забор — до небес, подумалось ей.

Когда вечером, расплатившись и горячо возблагодарив Господа за успешное завершение дела, Евгения Алексеевна подвязывала в теплице тяжёлые гроздья помидоров, ей не давала покоя одна мысль. Эти слова Алика: «У нас ничего не закрывают, железных дверей нет, а за воровство — смертная казнь...» И вот они, инославные, со своей детской верой едут к нам, чтобы ставить нам заборы и двери. От своих? От воров и бездомных? И их всё больше. И всё больше заборов. Но ведь за каждого из нас, и за мусульманина Алика, и за того окровавленного бича Христос умирал на кресте. А мы их — «чурками»? А, может, они лучше, чище нас? Умеют работать, чтут свои традиции, не бросают своих детей... Со стыда сгореть за ту «невесту»! Кругом заборы, решётки, двери. Незримые высоченные заборы грехов, разделяющие нас с Богом и друг с другом. Господи, спаси нас всех!

«Век грехов не замолить...»

Весной следующего года исполнится семь лет со дня преставления старейшей прихожанки Иркутского Михаило-Архангельского храма Анны Васильевны Бутаевой. Редко кто удостоивается чести быть похороненным возле храма. Анна Васильевна такой чести удостоилась не столько потому, что проработала здесь уже пенсионеркой около тридцати лет, сколько за её поразительную верность Церкви и благочестие.

Аня

Как, с каких лет человек начинает осознавать себя, запоминать на всю жизнь события?.. А религиозное чувство? Когда оно появляется в ребёнке, растущем в православной семье?

Аня Логинова родилась в Осетии, в городе Владикавказе 7 августа 1902 года. Она была первой из десяти детей домохозяйки Екатерины Ивановны и железнодорожного рабочего Василия Владимировича. И конечно, на её долю выпали все тяготы старшей сестры. Ей исполнилось только четыре года — родители подались на заработки в Китай, в город Харбин. Здесь в Маньчжурии мать водила детей в православный храм, строго соблюдали посты, исповедовались, причащались. И скромная красота церкви всё больше привлекала Аню. Тонкие свечи роняли восковые слёзы, сквозь струящийся над лампадой горячий воздух глядели прямо в душу скорбно-прекрасные глаза Богородицы, и сердце девочки трепетно замирало...

Из воспоминаний Анны Васильевны Бутаевой: «Мама с папой каждый год ездили в Петербург на Причастие к Иоанну Кронштадтскому. Меня два раза брали

с собой, когда мне было три года и пять лет. И батюшка Иоанн приобщал меня Святых Таин».

Из Китая семья переехала в Читу, потом в Иркутск. Здесь Аня училась в женской гимназии, что была неподалёку от величественного кафедрального Казанского собора. У девочки был хороший голос, и с одиннадцати лет она стала петь на клиросе.

Из воспоминаний А.В. Бутаевой: «Ходили мы с родителями в Вознесенский монастырь на поклонение к мощам святителя Иннокентия. И жил там старец Феодор. Спал он в гробу и был прозорлив. Однажды мама привела нас шестерых к нему на благословение. Народу много, стояли на улице, ждали, когда позовёт келейник. Наконец и нас позвали. Все зашли, а последнюю сестру старец Феодор не пускает, говорит матери: «Это не твоё чадо». Мама плачет, уверяет, что это её дочь, но старец так и не благословил её. И только много лет спустя я поняла, почему он так сделал. После революции Евдокия стала партийной и всячески хулила Бога».

Из женской гимназии Аню перевели в девятилетку с педагогическим уклоном. После её окончания послали работать в село Евгеньевка Тулунского района. Два года работала учителем.

Аннеточка

В семнадцать лет Анна вышла замуж. Вернее, её выдала крестная Серафима, познакомила и сосватала в Чите за начальника заставы, горячего и смелого осетина Филиппа Бутаева. Как и положено православным, венчались в церкви. Около десяти лет Анна прожила с мужем на границе. А в 1929 году, когда начались бои в «китайском конфликте» на КВЖД, Филиппа ранили. Повезла его на родину, в Осетию, но, не доезжая до Омска, он умер.

...На недавней свадьбе в нашем храме мы говорили с Анной Васильевной о том, какая светлая, прекрасная может быть жизнь в Божьем мире. Для тех, кто идёт под венец, сохранив чистоту и верность, и собирается жить по Христовым заповедям впредь. «Пусть они проживут вместе так же красиво, как я со своим мужем Филиппом, — говорила она. — Он же меня иначе, чем Аннеточка, не называл, всегда был ласков, внимателен. Теперь такие отношения — большая редкость. Гляжу я, как «собачатся» иные мои родственники, плачу, сердце кровью обливается...»

После смерти Филиппа Анна два года вдовствовала. Вышла за другого, тоже военного — комбрига Михаила Коромщикова. Жили в Хабаровске, муж служил у Блюхера, Анна работала при штабе секретарём.

Из воспоминаний А.В. Бутаевой: «Михаил происходил из дворян, был верующим, мы оба втайне молились дома, соблюдали праздники. В 1938 году нас арестовали: его как врага народа, меня — как его жену. Только через год выпустили из тюрьмы. За месяц до ареста я ходила в Хабаровске в церковь к отцу Илие. Поговорив со мной, он снял с себя серебряный крестик и сказал: «Надень, он спасёт тебя». И правда, год просидев в одиночке, не сошла с ума. А когда меня освободили, в Иркутск не поехала, чтобы не подвергать опасности родных, тогда по подозрению арестовывали родственников, снимали с работы. Меня тоже уволили, и я уехала в Мурманск к знакомой. Она работала в воинской части, муж её был полковником, они помогли мне устроиться на работу. Позже я вернулась в Иркутск.

21 апреля 1945 года умер отец. И в этот же день погиб мой муж: я получила похоронку. Потом узнала, что Михаил просидел в тюрьме до 43-го года. А когда освободили, сразу отправили на фронт к Рокоссовскому, и он прошёл всю войну.

После Победы мне сказали, что умер отец Илия, я поехала в Хабаровск поклониться его могиле. Шесть лет носила батюшкин крестик, пока не сломалась дужка. И до сих пор храню эту святыню, которая помогла мне в жизни, и прошу — положить его по моей кончине в гроб».

Бог не дал Анне детей, но она помогала воспитывать племянника Юрия — сына болящей сестры Александры, у которой муж погиб на фронте. Теперь, согреваясь душой возле многочисленных потомков, они вместе и доживают свой трудный век.

Анна Васильевна

Всё смотрю на Анну Васильевну: маленькая, худенькая, словно бы бесплотная. Скользящий, самоуглубленный взгляд, тёмные, с густой проседью волосы под чёрным платком, подрумяненные солнцем и заостренные постом скулы — строгое, не улыбочное аскетическое лицо. Память её просто поражает. Она помнит не только события многолетней давности — цифры, даты, имена ...

Из воспоминаний А.В. Бутаевой: «Я жила в Иркутске и работала в ОРСе на автобазе ВСЖД старшим бухгалтером. В 62-м году вышла на пенсию, но продолжала работать в пионерском лагере. А в храме Архистратига Михаила надо было заменить партийного бухгалтера. И вот по приглашению настоятеля Владимира Шарунова я пришла в эту церковь 21 ноября 69-го года — в день Архангела Михаила, исповедалась и причастилась. На другой день поехала к владыке Вениамину. Он спросил, кем я буду работать. Я ответила, что бухгалтером, но только временно. Тогда владыка сказал: «Благословляю вас работать навсегда, пока не уволят или до смерти» и подарил мне Библию с его подписью и молитвослов».

Наш храм я посещала ещё с 1960 года и помню почти всех батюшек. Особенно мне запомнился игумен Мартирий, ученик владыки Вениамина. Он прослужил у нас семь лет, был очень внимательный и благодатный. В моей жизни он сыграл особую роль. Я сильно заболела, меня уже кровью рвало, не могла есть, и врачи признавали рак. И вот отец Мартирий сказал: «Не ходи в больницу». А сам позвонил во все храмы с просьбой молиться и обратился с такой же просьбой к своим прихожанам, ушёл в алтарь и несколько часов на коленях молился за меня у престола святого. И что же? Я стала поправляться и вскоре совершенно исцелилась.

В 1963 году умер в алтаре отец Александр. Потом служили отец Пётр Русак, отец Никанор, отец Георгий, отец Исидор служил два месяца, затем его перевели в Черемхово. Позже пришли отец Михаил, отец Василий Романов — сейчас служит в Ельце, часто приезжает в гости. Позже — отец Василий Левицкий, отец Владимир Шарунов — служит в Слюдянке. Отец Григорий, игумен Мартирий, отец Иоанн Андреец, отец Иоанн Фирис, отец Вениамин, отец Иоанн Михайлов, игумен Григорий, отец Василий, отец Пётр Медведь, отец Каллиник. Я и владык всех помню. Владыка Палладий служил девять лет, потом был владыка Вениамин, за ним Владимир, сейчас он в Петербурге — митрополит. Позже — владыка Серапион, владыка Мефодий, владыка Ювеналий, владыка Хризостом, а сейчас владыка Вадим».

6 мая 2000 года в субботу Светлой седмицы архиепископ Иркутский и Ангарский Вадим совершал в нашем храме службу и по окончании её наградил Анну Васильевну Бутаеву медалью преподобного Сергия Радонежского II степени и сказал: «Я желаю вам долгой и долгой вашей удивительной жизни, посвященной Церкви, Богу, людям. Взирая на вас, и мы да научимся этому пути истины, правды, жертвенного служения...»

Раба божия Анна

Наверное, у каждого храма есть что-то своё, особенное, сокровенное. Наш Михаило-Архангельский, утопающий в зелени и цветах, отмечен родником, над которым, по преданию, склонялся сам святитель Иннокентий. И ещё нашу церковь невозможно представить без Анны Васильевны, верной, бессменной служительницы его — рабы Божией Анны. И когда она с девичьей лёгкостью неслышно идёт по старым половицам, считает что-то на микрокалькуляторе в своей маленькой конторке или стелет коврики батюшкам, годящимся ей в правнуки, думаешь: так здесь всегда было и всегда будет... Сколько же силы, ясности ума, любви даёт Господь преданной рабе Своей, и в 98 лет ещё работающей. И о стольком ещё хочется спросить её, пока ещё можно спросить. Но что-то мешает, есть в ней какая-то тайна, громада века немо стоит за её хрупкими плечами, и чувствуешь всю нехватность его событий и собственную беспомощность в тщетном стремлении осмыслить их или хотя бы одну, вот эту, удивительную судьбу.

И всё же, насмелившись, я задаю ещё несколько своих вопросов.

— Анна Васильевна, вы помните расстрел царской семьи?

— Да. Я плакала, и мама плакала. А отец назвал убийц извергами. Ведь можно же было сослать, выслать куда-то, но не расстреливать так бесчеловечно. Ещё помню: царя убили, а народ не возмущался, нет...

— Вы были свидетельницей, как после революции уходила из народа нашего вера...

— Батюшек убивали, закрывали храмы. Люди дома прятали иконы. Вот в году 23-м в Кимильтее баню построили и там молились, даже без священника. Солдаты узнали — всех расстреляли.

В 36–37 годах стало ещё хуже, сильно верующих преследовали. Выгоняли с работы, в тюрьмы сажали. Наташа Евтихеева работала в райисполкоме, её за веру уволили.

Какой в Иркутске был кафедральный собор! Купол так горел золотом, даже с Кайской горы любовались. И вот когда безбожники стали его взрывать, верующие бросились защищать. Настоящая битва была, люди плакали, кричали, на коленях ползали, умоляя... Взорвали, колокол-то упал да 23 человека задавил. Вот как истинно-то веруют!

Я пела на клиросе в Николо-Иннокентьевской церкви и помню, при нас расстреляли батюшку Алексея за то, что разрешил семёновцам поставить пулемёт на колокольню.

Всякого повидала: кто двери из икон сколачивал или горшки образами светлыми покрывал, а мы из Глазково пешком ходили к мощам святителя Иннокентия в Жилкино. В любую погоду, на голодный желудок — идём, чтоб к святыне приложиться...

— Как вы думаете, сегодня народ возвращается к вере предков?

— Ох, нелегко теперь к вере вернуться... Порушенную церковь восстановить легче, чем построить храм в душе человеческой. Вот была нынче в мае—июне сильная засуха. А почему? Бога люди забыли. Раньше ведь тоже огороды были, да какие... Но прежде чем к земле притронуться, читали молитвы, — кропили её святой водой. В праздники землю вообще не трогали, в выходные же обедню отстоят, пирогов настряпают, поедят, тогда уж — за работу. Вот и урожаи были. А теперь как к земле приступают? — с водкой да матерками. Чего же тут ждать? Про меня даже, бывало, говорили: «Она колдунья, поэтому у неё всё хорошо в огороде растёт...»

Традиционный журналистский вопрос о свободном времени в миру срabатывает безотказно: человек, начиная рассказывать о своём хобби, увлекается и лучше раскрывает себя, свой внутренний мир. Заданный же Анне Васильевне вопрос прозвучал нелепо, и всё же она ответила:

— У меня семьдесят лет трудового стажа, в храме я нахожусь целыми днями, а в выходные не знаю, куда себя деть. В общем-то, домой хожу только ночевать. А если учесть, что надо ещё прочитать из Евангелия, Псалтири, правило, акафист, то раньше часу-двух не ложусь.

— Анна Васильевна, какая ваша самая большая забота, о которой болит душа?

— Приготовить себя духовно к смерти. Читать духовную литературу, посещать храм, исследовать свою душу.

— Вы боитесь смерти?

— Нет, не боюсь.

— А мытарства?..

— Что заслужила, то и получу. Век грехов не замолить. По молодости-то и ворожили, и в карты играли, и танцевали, Господи, прости...

— Вы видите смену в нынешней молодёжи, уповаете на неё?

— Да, много теперь молодых в храм ходит, такие есть благоговейные, отрадно глядеть. На неё, на молодёжь православную теперь и надежда, ей с Божьей помощью страну поднимать.

— Какого мнения вы о двадцатом веке?

— Нехороший век, тяжёлый для России. Сколько невзгод, перетряски. А войны: польская, финская, Отечественная, теперь вот Чечня... И самое страшное — обезбоживание народа, нравственное падение.

— Анна Васильевна, как жить в этом мире?

— Надо самим духовно обогащаться и нести христианские сокровища людям: и молодёжи, и пожилым. Надо помочь своим детям увидеть Божий мир глазами православного человека.

Много мне рассказала Анна Васильевна, ещё больше я узнала из её воспоминаний, записанных прихожанином Сергеем Мороковым. Но почему-то всё помнилась и вызывала улыбку сцена, живо описанная героиней моего рассказа:

— Я десять лет не ходила в поликлинику, а тут пришла. Они карточку мою кое-как в архиве нашли, спрашивают:

— Как же это, вам столько лет, а вы не лечитесь? Неужели не болели?

— Болела.

— А кто же вас лечил?

— Царь Небесный мне помогает...

«И сотвори им вечную память...»

Бог не попускает нам искушение
выше силы нашей. В хрустальный
или стеклянный сосуд легко ударяет
мастер, чтобы не разбился, а в серебряный
и медный крепко бьёт; так немощным
лёгкое, а крепким тягчайшее
попускается искушение.

Святитель Тихон Задонский

«Тетевень-тетевень-тетевень» — высоко и нежно распевала птичка. Её трель вливалась в распахнутые двери придела вместе с весенней благодатной свежестью и славилась вечную жизнь, вторя чистым голосам певчих. И хотя на душе было уже покойно и ясно: наконец-то мы отпеваем нашего убиенного в 38-м году дедоньку, при словах «яко уготовася тебе место упокоения...» — слёзы всё же перехватили дыхание. Мне вновь, по-мирскому, представилось то «место упокоения» близ села Пивовариха, где на братских могилах «врагов народа» много лет садили картошку, а ныне выгуливают псов. Я смотрела на трепещущий лепесток свечи, и мне виделось, как они, приговорённые, неловко прыгали с грузовика в снег. Деду моему Фёдору кто-то, наверно, помог, ведь он был хром на одну ногу. Может быть, вернее, мне так хочется, чтобы это был батюшка Павел Крестовников. И вот уже их построили в ряд у свежего мелкого рва, и в темноте ночи сияюще белы их смертные рубахи. И привычно в который-то раз прогремело над лесом, и обагрилось белое, и упали в мёрзлую землю их измученные тела, а бессмертные души вознеслись туда, где нет ни допросов, ни пыток, ни очных ставок, где Один и единственно правый Судия.

Мы стоим на панихиде: моя мать Галина Фёдоровна, урождённая Гора, оставшаяся без отца в четырнадцать лет, мой малолетний сын Федя и я. В нашем Михаило-Архангельском храме отпевают моего деда Фёдора Евтихиевича Гору.

...Давно открыли архивы. Давно собиралась сходить в ФСБ и почитать дедушкино дело. Но всё как-то некогда, всё какие-то дела... А тут и повод приспел: пострадавшим от репрессий — льготы... Вот и собралась в то мрачное и страшное здание, что на улице Литвинова.

Милая, совсем не страшная женщина принесла справку о реабилитации и толстущий том дела с двумя закладками: «от» и «до».

Дело, оказалось, групповое. Двадцать пять человек. «Они являлись членами контрреволюционной церковно-монархической организации, по заданию которой занимались антисоветской деятельностью. А Колбин, Ошаров, Кравец, Концевич, Крестовников, Гладышев, кроме того, занимались шпионажем в пользу японской разведки». Фамилии поделщиков дедушки мне ничего не говорили. Кроме одной — Крестовников. О нём не раз рассказывала моя мать.

«Мы жили в Кимильгее Зиминского района, — вспоминала она, — мне было лет семь. В нашей церкви Николая Чудотворца служил священник Крестовников. Он крестил моего младшего брата и сестру, у него я в последний раз причащалась. Храм был всегда полон народу. В начале тридцатых годов церковь закрыли, а батюшку отправили на принудительные работы в каменоломню. Разлучили с

семьей: матушка и четверо (или пятеро) детишек остались в селе. Батюшке же запрещалось с ними видаться, хотя плитняк, который он колол, был километрах в полутора от Кимильтея. Крестовников (я не помню его имени) вырыл себе землянку и там жил. А бывшие прихожане, и в их числе мой отец Фёдор Евтихиевич, иногда ночью тайком носили ему еду. Батюшка заболел: кашлял, опух от отёков. Это было настоящей пыткой — видеть издали свой дом, разграбленную и закрытую церковь и не сметь прийти в село, увидаться с родными...»

Потом, видимо, вышло временное послабление от властей, и батюшка вместе с семьёй уехал в Зиму, где недолго служил. Уже в 37-м году его вновь арестовали, как и моего деда, и ещё 23 человека.

Я листаю ветхие страницы дела, разбираю рукописные записи. Вот ордер на арест делопроизводителя Кимильтейской средней школы Горы Ф.Е от 15 ноября 1937 года. Вот перечень конфискованных вещей и документов. Справка-характеристика, подписанная председателем сельсовета Шиковым. Вот свидетельские показания, по сути, доносы односельчан Первушина и Корзуна. «Хлеб сдавать не нужно, так как он отправляется за границу», — цитировал слова Горы Степан Корзун. — Говорил также, что колхозы — кабала для крестьян...»

Каждая фраза, каждое слово казались мне булыжниками, летевшими в моего одноногого деда, у которого дома осталось трое детей. Младшей дочери было восемь месяцев. Сотрудница ФСБ сидела напротив меня, и я уже ответила на её вопрос «Зачем знакомитесь с делом?», что хочу знать, как всё это было, и нет, мстить родственникам доносивших не собираюсь (оказывается, случается и такое).

Не успела я прочесть несколько страниц, как час, отведённый мне, промелькнул. И вот, попросив разрешения прийти ещё раз, выхожу «на волю». Так свободно, так легко и буднично выхожу на февральский ветер из проклятого здания иркутской Лубянки.

С удивлением, подозрением, страхом вглядываюсь в лица прохожих. Кто они, чьи дети и внуки? Может, вот эта, вся в норке, молодящаяся старушка — дочь доносчика; или тот рыжий паренёк в джинсах — внук замученного диакона? Кто часто бывает на Центральном рынке, знает, что к контрольным весам там всегда очередь. Обвешивают практически всё и всех.

И вот присматриваешься не к товару, а к лицам продавщиц; в каком меньше этой подлой торгашеской плутоватости? Откуда они, чьи дети те бойкие бабёнки с лживым взглядом?..

Нет, не делились они, люди в иркутской толпе, на своих и врагов. Кто мы, чтобы судить?!

Неужто же та лагерная, тотальная подозрительность, то стремление мгновенно прочесть главное в человеке, от чего зачастую зависела сама жизнь, так въелась, такрослась с нами, потомками жертв и палачей тех трагических смутных лет?

За что страдали и умирали наши совсем ещё недалёкие родные? За то, чтобы яд подозрительности, осуждения, вражды и сегодня отравлял наши души? Слава Богу, вновь открываются храмы, и мы совершенно открыто и безопасно можем ходить на службы, участвовать в таинствах. Но вот смотришь, вроде бы люди, формально, из одного православно-патриотического лагеря, а сколько же здесь взаимного неприятия, недоверия, злобы. И заражённый ими, вдруг озадачиваешься: Т.Т. — хороший честный человек, но невоцерковлённая и поэтому печатается в жёлтой газете, а Н.Н. из Союза российских писателей, но крестившийся в Право-

славие еврей, и стоит рядом с тобой на литургии... Кто друг, кто недруг? Спрашиваешь себя и вдруг ясно осознаешь, что нелеп и тщетен твой суд, и даже душа самых близких твоих для тебя потёмки, и плачешь, понимая, насколько же Господь добрее, милосерднее и непостижимее нас, слабых маловеров. Он, одинаково желающий каждому, приходящему к Нему, спасения.

Так, в смутных, тяжких раздумьях во дни Великого поста я пришла в ФСБ во второй раз. И, Боже милостивый, что ожидало меня здесь!

На допросе 24 февраля 1938 года мой дед признавался, что «был завербован весной 32-го года попом Павлом Крестовниковым в церковно-монархическую организацию. Знаю его с 21-го года, бывал у него дома, оба высказывали контрреволюционные взгляды»... В деле говорилось также о том, что сближение со священником Крестовниковым произошло после похорон двух малолетних детей Горы.

Читать дальше не было сил. Но всё же я просмотрела оставшиеся страницы и обнаружила, что в тот же день, 24 февраля, была проведена очная ставка деда с Павлом Крестовниковым, где они взаимно признаются в сотрудничестве. Узнать, что дед дал показания против своего батюшки и, видимо, друга, было для меня невыносимо. И я, пролистнув том, нашла протокол допроса отца Павла, состоявшегося 20 февраля 1938 года. Здесь, начиная с признания, что «я был завербован архиепископом Василием Виноградовым в 23-м году», батюшка называет многих людей, в том числе и моего деда. Значит, сначала показания дал Крестовников, а потом уже ими «припёрли к стенке» Гору?

Да ничего это не значит! Верно только то, что уже через три дня после очной ставки дедушку расстреляли. Как расстреляли и отца Павла. У него остались сиротами шестеро детей.

Конечно, судьба священника Крестовникова и моего деда была лишь крупицей огромной трагедии, что, по попущению Божию, разыгрывалась в нашей многострадальной стране десятилетиями. Вот, например, что мы читаем в статье историка Ирины Терновой, опубликованной в 1998 году в сборнике «Из истории Иркутской епархии»:

Третья «Ликвидация» так называемой контрреволюционной церковно-монархической организации пришлось на 37–38 годы. На этот раз было репрессировано 50 человек.

Первые аресты начались в июле 1937 года, но они носили одиночный характер. Осень и зима 37-го — время массовых арестов среди иркутского духовенства. В октябре 1937 года было арестовано 11 человек, в ноябре — 5, в декабре — 13. В 1938 году волна массовых арестов пришлось на февраль — 18 человек.

Согласно обвинительному заключению, на этот раз «организацию возглавлял» архиепископ Павел Павловский, приехавший в Иркутск в 1933 году: «Павловским, в соответствии с заданиями, полученными от Московского центра контрреволюционной церковно-монархической организации (митрополита) Сергия Старгородского, была развёрнута работа по вербовке новых кадров и оформился актив контрреволюционной организации в составе: Верномудрова Фёдора, Концевича Михаила, Ильенко Николая, Попова Иннокентия.

Основной задачей контрреволюционной церковно-монархической организации являлось свержение советской власти путём организации вооружённого восстания, при помощи интервентов и восстановления монархии во главе с Кириллом Романовым. Практическое осуществление данных задач проходило по линии:

1. Распространение пораженческих настроений и формирование повстанческих кадров из числа контрреволюционно настроенных религиозников.
2. Развертывание шпионской работы по заданиям японской разведки.
3. Развертывание диверсионно-вредительской деятельности на предприятиях оборонного значения.
4. Систематической антисоветской агитации путем проповедей и популяризации идей монархии».

Данное обвинение было юридически не обосновано, поэтому его рассматривал внесудебный орган — тройка УНКВД по Иркутской области.

Решением «тройки» 49 человек были приговорены к высшей мере наказания расстрелу, в том числе семь человек, обвинявшихся в участии в этой организации в 1933 году.

Репрессиям подверглось духовенство и других городов и сёл Иркутской области: священник церкви города Зима П.С. Крестовников, священник церкви с. Егоровицина А.Ф. Гриценко, священник церкви села Лиственничное А.Д. Иванов, священник церкви села Кудинское Н.И. Днепровский, священник из села Большое Голоустное И.К. Ильенко, священник из Тельмы Н.П. Успенский. Все они были расстреляны.

Так чего же стоят эти чужой рукой записанные взаимные обвинения репрессированных? Сколько я ни вглядывалась в какую-то корявую и жирную роспись деда под каждой страницей, мне казалось, она начертана кровью. И тщетно пыталась представить, что с ним было в страшных застенках в эти 102 дня от его ареста до расстрела. Только мать вспоминала, как оставшийся в живых знакомый её отца инженер Шаркевич рассказывал: истерзанный, обессиленный от долгого стояния на плинтусе (так издевались над заключёнными) Гора упал и пил воду из помойного ведра, из которого уборщица мыла полы. И всё же одна мысль, мысль, сколь нелепая, столь и страшная, засела в голове. Так, если никакой церковно-монархической организации практически не существовало, значит, те 25 расстрелянных были добропорядочными гражданами, одобрявшими советскую власть? И снова душа корёжилась в мучительном тупике. И что-то предостерегало, говорило мне: остановись, довольно, хватит!.. Но моё журналистское, вьедливое, ещё по-советски «принципиальное» сознание бесплодно билось над вопросом: как, с каким сердцем, с каким отношением друг к другу расстались они, батюшка и прихожанин, как встретили смерть?

И ужасаясь тому, что я никогда не узнаю ответа, чувствовала: не могу, не хочу уже больше читать о всестороннем, демократически дозволенном развращении детей наших, видеть всюду эти кучи мусора и изуродованные деревья, слышать о врагах и провокаторах. И, отчаявшись, немощно ишу спасения не в мудрости святителей, а в солнечно-чистой и понятной гриновской Ассоль. Но пристально вглядываясь в самую глубину сердца, всё же верю и знаю: там, на Страшном Суде, мы все узнаем, как и что было. А вы, о ком пишу, сейчас, здесь простите меня, если задела кого-то несправедливым, неосторожным словом.

«Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная».

В конце концов, мне открылась она, спасительная суть: простая житейская истина состояла в том, что верующих многодетных мужиков оторвали от семей и убили.

И не было, не было той ночной поездки в переполненном грузовике, и не ехали, плечом к плечу, рядом батюшка Павел и его прихожанин Фёдор, обмениваясь последними «прости» и шепча молитвы. Их убивали поодиночке. Вот так.

Приведём отрывки из свидетельских показаний из Дела об обнаружении массовых захоронений в районе села Пивовариха Иркутской областной прокуратуры: *«В НКВД был подвал, стены которого были обшиты железом, а на полу были настелены опилки. В этот подвал ночью или рано утром из тюрьмы привозили людей и расстреливали. Расстрел производил один мужчина, вооруженный маленьким пистолетом. Он вызывал людей по списку, приказывал встать на колени и производил выстрел в мозжечок... Так продолжалось в течение ночи, пока трупов не набиралось на две автомашины... Во время расстрела во дворе стоял с включенным двигателем трактор. Люди умирали с криками. Люди кричали: «Да здравствует Сталин!» Другие кричали: «Я не враг народа!» Трупы отвозили в совхоз имени 1-го Мая, на территории которого и производили захоронения по ночам. Сверху приваливали землей, используя при этом трактор».*

(Сборник «Из истории Иркутской епархии», стр. 106).

В 1959 году моя бабушка Пелагея получила справку о реабилитации мужа, свидетельство о смерти, где сообщалось, что он умер от инфаркта в заключении в декабре 1943 года. Ложь! Всюду ложь, как показания рыночных весов, когда торговки с блудливыми глазами взвешивают 700 граммов колбасы, которые может купить на «репрессированную» прибавку к пенсии моя мать.

...Мы стояли на отпевании раба Божьего Фёдора: его дочь, внучка, правнук. Его внук, мой брат, привёз нас всех на машине, но в церковь не вошёл. Узнав, что я ходила в ФСБ, раздражённо заметил: «Столько лет прошло, зачем эту тухлятину ворошить?..» Прости его, Господи! Прости, дед! Слава Богу, брат хоть на свечку денег дал. За тебя, дед. Вы своё дело сделали. Очередь за нами. В эти дни, поминая всех святых, всех мучеников, исповедников и подвижников благочестия Русской Православной Церкви, можем ли назвать себя истинными христианами, готовы ли испить свои чаши страданий? Мы, ежеминутно осуждающие друг друга. Мы, с трудом постящиеся рядом с набитыми едой холодильниками. Мы, убивающие в абортах детей своих...

Прости и укрепи нас всех в вере, милосердный Боже!

«Услышь, о Боже, голос мой...»

Стихи поэтов России

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

Молитва

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

АЛЕКСЕЙ ПЛЕЩЕЕВ

Молитва

О Боже мой, восстанови
Мой падший дух, мой дух унылый:
Я жажду веры и любви,
Для новых битв я жажду силы.

Запуган мраком ночи я,
И в нём я ощупью блуждаю;
Ищу в светильник свой огня,
Но где обрести его, не знаю.

В изнеможенья скорбный час
Простри спасительные руки.

Да упадёт завеса с глаз,
Да прочь идут сомненья муки.

Внезапным светом озарён,
От лжи мой ум да отрешится
И вместе с сердцем да стремится
Постигнуть истины закон.

Услышь, о Боже, голос мой!
Да возлюби всем сердцем брата,
Во тьме затерянной тропой
Пойду я вновь — и без возврата!

АННА АХМАТОВА

Молитва

Дай мне горькие годы недуга,	Так молюсь за твоей литургией
Задыханья, бессонницу, жар,	После стольких томительных дней,
Отыми и ребёнка, и друга	Чтобы туча над тёмной Россией
И таинственный песенный дар —	Стала облаком в славе лучей.

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

Молитва

Господи Боже, склони свои взоры	Мы истомились, во мраке блуждая,
К нам, истомлённым борьбой,	Если мы грешны, прости нас, прости!
Словом Твоим подвигаются горы,	Не искушай нас бесцельным страданьем,
Камни как тающий воск пред Тобой!	Не утомляй непосильной борьбой,
Тьму отделил Ты от яркого света,	Дай возвратиться к Тебе с упованием,
Создал Ты небо, и Небо небес,	Дай нам, о Господи, слиться с Тобой!
Землю, что трепетом жизни согрета,	Имя Твоё непонятно и чудно,
Мир, преисполненный скрытых чудес!	Боже Наш, Отче Наш, полный любви!
Создал Ты Рай — чтоб изгнать нас из Рая.	Боже, нам горько, нам страшно, нам трудно,
Боже, опять нас к себе возврати,	Сжался, о, сжался, мы — дети Твои!

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

Молитва

На голом острове растёт чертополох.
Когда-то старцы жили там — остался вздох.

Их много было на челнѣ... По воле волн
Прибило к берегу не всех — разбился чёлн.

Спросил один чрез много лет: — А сколько нас?
— А сколько б ни было, все тут, — был общий глас.

Их было трое, видит Бог. Всё видит Бог.
Но не умел из них никто считать до трёх.

Молились Богу просто так сквозь дождь и снег:
— Ты в небесех — мы во гресех — помилуй всех!

Но дни летели, годы шли, и на тот свет
Сошли два сивых старика — простыл и след.

Один остался дотлевать, сухой, как трут:
— Они со мной. Они в земле. Они все тут.

Себя забыл он самого. Всё ох да ох.
Всё выдул ветер из него — остался вздох.

Свой вздох он Богу возносил сквозь дождь и снег:
— Ты в небесах — мы во гресех — помилуй всех!

Мир во гресех послал корабль в морскую даль,
Чтоб разогнать свою тоску, свою печаль.

Насела буря на него — не продохнуть,
И он дал течь, и он дал крен и стал тонуть.

Но увидала пара глаз на корабле:
Не то костёр, не то звезда зажглась во мгле.

Солёный волк взревел: — Иду валить норд-ост!
Бывали знаки мудреней, но этот прост.

Пройдя, как смерть, водоворот меж тесных скал,
Прибился к берегу корабль и в бухте стал.

И буря стихла. Поутру шёл дождь и снег,
Морские ухари сошли на голый брег.

Они на гору взобрались — а там сидел
Один оборванный старик и вдаль глядел.

— Ты что здесь делаешь, глупой? — Молюсь за всех. —
И произнёс трикрат свой стих сквозь дождь и снег.

— Не знаешь ты святых молитв, — сказали так.
— Молюсь, как ведаю, — вздохнул глупой простак.

Они молитву «Отче наш» прочли трикрат.
Старик запомнил наизусть. Старик был рад.

Они пошли на корабле в морскую даль,
Чтоб разогнать свою тоску, свою печаль.

Но увидали все, кто был на корабле:
Бежит отшельник по воде, как по земле.

— Остановитесь! — им кричит. — Помилуй Бог,
Молитву вашу я забыл. Совсем стал плох.

— Святой! — вскричали все на корабле. —
Ходить он может по воде, как по земле.

Его молитва, как звезда, в ту ночь зажглась...
— Молись, как прежде! — был таков их общий глас.

Они ушли на корабле в морскую даль,
Чтоб разогнать свою тоску, свою печаль.

На голом острове растёт чертополох.
Когда-то старцы жили там — остался вздох.

Как прежде молится сей вздох сквозь дождь и снег:
— Ты в небесех — мы во гресех — помилуй всех!

АРХИЕПИСКОП ИОАНН (ШАХОВСКОЙ)

Молитва о молитве

Молитву, Боже, подай всем людям.	Мы алчем, жаждем в своей пустыне.
Мы так немудры, а — всех мы судим.	Мы дышим кровью и рабским потом,
В нас нет молитвы и нет виденья,	А смерть за каждым, за поворотом.
Нет удивленья и нет прощенья.	Любовь и веру подай всем людям,
Нас неба мудрость найти не может,	В нас нету меры, но мы не будем
И наша скудость нас мучит, Боже.	Ни жизни сором, ни злом столетий —
Дай из пустыни нам выйти ныне,	Прости нас, Боже, Твои мы дети!

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ

Молитва

Прошу ни славы, ни утех,	Христос, они твои враги!
Прошу Тебя, скорбя за брата,	Они рабы Тельца Златого,
Спаси мою страну от тех,	Ты знаешь Сам, так помоги,
Кто распинал Тебя когда-то.	Ведь Твоего довольно слова...

Молитва

Как ни темна, как ни трудна	Не дай такого, Боже мой,
Жизнь россиян, как ни убога,	Чтоб наша Русь, ругаясь матом,
К Творцу есть просьба лишь одна,	Пошла по миру не с сумой,
Лишь об одном прошу я Бога:	А с самым лучшим автоматом.

ИГОРЬ ШКЛЯРЕВСКИЙ

Молитва

В колодце плавает листва.	Старею! Уронил весло,
Молчит холодная долина.	И лодку понесла стремнина.
С утра один пилю дрова.	Весной рыбачить тяжело.
О боже правый, пошли мне сына.	О боже правый, пошли нам сына.

Снег падает, грустит жена.	Зачем я горблюсь над зерном,
Ласкает сонного телёнка.	зачем я починаю ставню,
Сугробы, скука, тишина.	кому оставлю этот дом?
О боже правый, пошли ребёнка.	Кому я жизнь свою оставлю?

ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ

(МОСКВА)

Молитва

Если б я умел Тебе молиться,	Если б я умел Тебе молиться,
повторял бы только и всего:	я просил бы именем Твоим:
«Господи, минута эта длится,	«Дай минутой этой поделиться,
и не нужно больше ничего!»	словно хлебом, с теми, кто любим!..»

ЛЮБОВЬ ЛАДЕЙЩИКОВА

(ЕКАТЕРИНБУРГ)

Молитва

Молюсь, негодую, страдаю, кричу, —
А после бессильно и горько молчу:
Расстреляно время, распродано...

Злой ветер мою задувает свечу,
Но как я кончины твоей не хочу,
Свеча негасимая, Родина!

Бог ты мой! Не смотри с укоризной
И прости сокрушенье моё:
Ничего нет прекраснее жизни,
Ничего нет страшнее её.

1991–1997

ЛЕВ КОТЮКОВ

(МОСКВА)

Молитва

Горний Храм земная бездна рушит, Сгинул смысл в бессмысленной борьбе. Некого молить за наши души, Господи, тебе.	И душа немеет от страдания, И, страдая, в крик исходит плоть, И за нас в Молчанье Мироздания Молится Господь.
---	--

СЕРГЕЙ ИВАНОВ

(ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД)

Молитва

Здесь, в старой церкви посредине мира,
Впервые в жизни я молиться буду.
Но за кого? Наверное, не знаю,
А, может быть, и знаю, да — неважно:
За всех таких же слабых и смешных.

Потом поставлю свечку на обломок
Заплесневелой старой штукатурки.

Здесь тихо.
Паук плетёт сеть вечности в углу
И ловит мотыльков
 блестящих и непрочных,
Как привиденья, в затхлой темноте
Витающих. И пахнет темнота
Разрытою, разграбленной могилой...

А за стеной
Река уносит прочь древесный хлам,
И облака, и купола с крестами.
А в тростниковой заводи, где лодка
Уснула на приколе, то и дело
Непойманная рыба бьёт хвостом.

Всё это — там.
А здесь так тихо-тихо...
И так темно. Но только отчего
Моя свеча качнулась, и пламя
Вдруг, истончаясь, потянулось ввысь?
Сквозняк, должно быть...

Не оставь меня!

БОРИС КУРОЧКИН

(МОСКВА)

Молитва

Когда туман рассеется над полем,
Увижу ту далёкую черту,
Где вьсь небес

с земным сольётся горем,

Где свет встречается темноту.

Ты всё быстрее и всё короче, время.

Твой взгляд в себя,

как в зеркале свеча,

Ты хоть на миг замри,

людовое племя,

Не торопись и не руби с плеча.

Гляжу в себя и вижу: свет и тени,

Гляжу в тебя, истерзанная Русь,

И опускаюсь молча на колени,

И за тебя, и за детей молюсь.

МАГОМЕД АХМЕДОВ

(ДАГЕСТАН)

Молитва

Порою жизнь черна, как битва.

В ней есть и грязь, и маета.

Но на устах моих молитва,

Как горный белый снег, чиста.

Она, как горная вершина,

Среди ночной ненастной мглы.

Покуда молится мужчина,

Слова его, как снег, чисты.

Склонясь главою поседелой,

Он сердцем с Богом говорит.

Его молитва — лебедь белый —

По небу Господа летит.

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

«Песня журавлиная моя...»

ПОВЕСТЬ

...Тихо отчаливал старый паром, тихо скользил по сомлевшей на солнце белёсой и сонной реке. Глухо; лишь журчала вода за кормой, всплёскивала, лобзая ржавые борта. Стриженные под ноль колхозные призывники протяжно и томительно глядели с парома на уплывающий берег, где белели шиферными крышами избы и амбары села Покровка, где печально замерли отцы и матери, други и подруги... Парни стояли, не шелохнувшись, словно уже стриженные «под-Котовского» и в боевом строю, словно приросли к дощатому настилу, боясь спугнуть ощущение последних судорожных объятий, лёгкий запах девичьих волос, волну дыхания на щеках...

Рядом с призывниками русокосяя и голубоглазая баба в цветастом полушалке, оплывающем на плечи, в цветастом сарафане, отчего похожа на васильковое и ромашковое поле. Среди парней-призывников... среди их любви и печали от недавней разлуки... в далёкое далёко увозил тихий паром чудную бабёнку, сидящую на чемодане. Сонный покой в её лице, щекастом, веснушчатом, в глазах, думно иль бездумно обмерших, безбрежных, безмятежных, как томное, знойное небо; и лишь колыхало пухлые губы блажная улыбка, когда косилась на призывника ...

БАЙБОРОДИН Анатолий Григорьевич родился в 1950 г. в забайкальском селе Сосново-Озёрск. После окончания Иркутского государственного университета занимался журналистикой, литературой, преподавал практическую стилистику русского языка и русскую народную этику на факультете филологии и журналистики ИГУ, работал директором издательства «Иркутский писатель», исполнительным редактором альманаха «Иркутский Кремль». Ныне — главный редактор журнала «Сибирь». Романы, повести, рассказы, фольклорно-этнографические, историко-публицистические, литературно-художественные очерки печатались в научных и литературных журналах Москвы, Новосибирска, Омска, Томска, Барнаула. Автор книг *«Диво»*, *«Не родит сокола сова»*, *«Озёрное чудо»*, *«Деревенский бунт»* и других, изданных в Иркутске и Москве. Составитель книг *«Россия древняя и вечная»*, *«Русский месяцеслов»*, *«Думы о русском с древнейших до нынешних времён»*. Лауреат Большой литературной премии России и премии Святителя Иннокентия Иркутского.

сухой, долговязый, каланча... что, опустив вихрастую голову, печально глядел на русую косу и молча сжимал девичьи ладошки. Убережёт ли косу?.. не расплетёт ли?.. — парень на три года во флот идёт... А дева, что алый цветок, на который и летит мотылёк...

Паромный народ, узрев робкую парочку, утих; затаилась, задумалась и полуденная серебристая река, бережно, абы не расплескать любовь, несущая паром с парнями-призывниками, что томительно глядят на девчонок, оставленных на берегу... А мне, усталому бродяге, развеявшему любовь на шальных городских ветрах, вдруг помянулась скорбная частушка; её пели отчаянные девахи на армейских проводинах.

*Милый в армию поехал,
Не оставил ничего,
Только лёгонький поминочек —
Ребёнок от него...*

Ещё помянулось: топал хмельно и раскачисто по узкому и шаткому мосту, повисшему над закатной речкой; вижу, на мостике темнеют два силуэта, и я, вкрадчиво, шёпотом шёл мимо чужой любви, стараясь не греметь сапогами, но вдруг и не по воле своей замер от тоски по юности, спалённой грехом: «...зачеркнуть бы всю жизнь, да сначала начать...»

На чудную бабоньку, что, теребя русую косу, нет-нет да и гляделась в реку, словно в зеркало, с берега тоскливо взирал мелкий, взъерошенный мужичок; и я, в те дальние восьмидесятые бродячий репортёр, был наслышан про их любовь и разлуку. В деревне же как: у околицы чихнул, посреди поселя «будь здоров» говорят; и ещё, бывало, не успеет синичка воркнуть, а про неё уже как про соловушку поют. Так и про эту забавную супружескую пару изрядно соткалось сплетен...

И полинявшая на солнце дремотная река, и паром с призывниками, и чудная и чуждая бабонька со своим мужиком привиделись, когда вспомнил потешную кинокартину, кою видел в дальние лета; и вся ныне запечатлённая любовная история вышла столь созвучна киношной.

Аграфена Павловна, вдовуха-вековуха, бывшая школьная литераторша, приютившая меня, домысливая и довоображая, поведала... Может, как вдова, шила широки рукава, было б куда класть небывлые слова...

Клавдия Щеглова, в девках Полоротова, родилась и выросла в глухой таёжной деревушке; в городе выучилась на библиотекаря и была послана в село Покровка обращать здешний речной народец в книголюбцев. Чтоб не одни школьники да служащие, но и мужики и парни почитывали книги, грели душу не водкой, по прозвищу «сучок», а повестями Пушкина, Гоголя, Лескова и Шмелёва. Три зимы и три лета библиотекарша, так её звали на селе, жила в светёлке у Аграфены Павловны... та уютилась в запечной каморе... а выйдя замуж, Клавдия уютовалась к мужу в его родовое гнездо. Лет уж пять отжили, правда, чада не нажили, и вдруг мужняя жёнка по уши втрескалась в учителя литературы. И учитель, белокурый, по-отрочески ладный, зорево алел, нервно потирал очки, когда Клавдия, широкая, словно речной паром, покачиваясь на незримых волнах, плыла по библиотеке, и ветром сносило девку к учителю, который вечерами читал толстые журналы без картинок и выписывал в амбарную книгу мудрые мысли.

Долго ли, коротко ли, стали голубки ворковать вечерами, беседовать об искусстве; и однажды учитель, когда остались с глазу на глаз, повелевал Клавдию Моной Лизой кисти художника Леонардо да Винчи. Тут Клавдия и ошалела, хотя

поправила учителя: дескать, на Мону Лизу смахивает доярка Дуся Машанова, а она — толстопятая замоскворецкая купчиха, что сошла с Кустодиевского холста.

И все же учительские речи сладостно встревожили Клавдию ...баба — горшок, что не влей, всё кипит... и, будучи в районном селе, спросила в книжной лавке «Мону Лизу»...

— Разобрали «Мону Лизу», девушка, — развела руками пожилая торговка.

— Разобрали... — печально, но понятливо вздохнула Клавдия и подумала: «Моны Лизы» сроду не залёживаются...» — А «купчихи» Кустодиева есть?..

— «Купчихи»-то есть в заначке... хотя и на «купчих» нынче большой спрос... — ответила торговка, приволокла репродукцию в резной золочённой раме и пояснила: — «Красавица», Кустодиев...

Оглядела Клавдия нагую, обильную красу-русую косу, но постеснялась брать, хотя, пожалев торговку, что волокла из чулана тяжкую картину, и чтобы внести хоть малую лепту в торговую выручку, взяла картину Васнецова, где Иван-царевич, обняв царевну Елену, скачет на Сером Волке сквозь угрюмую, дремучую тайгу. Клавдии померещилось: Иван-царевич похож на школьного учителя, а ежели бы с русой бородкой, то смахивал бы и на красавца-жениха, что перед венчанием в храме держал невесту за бледную, яко свеча, сухонькую ручку, ожидающе глядя на алтарь, откуда явится батюшка. Обручение и венчание Клавдия узрела, словно чудо, в далёком студенчестве, когда вешим ветром занесло деваху в храм, чудом не порушенный в зловещую хрущёвскую «оттепель». Ночами ...спала она теперь порознь с мужем, в горнице, на тахте... а ино и посередь дня блазнилось грешной: она и учитель замерли пред святым аналоем и ждут, когда батюшка нанижет золотые кольца на их персты и возложит венцы на их счастливые головушки...

* * *

Когда сосны алели в закатном зареве, покровский народец видел: чудная парочка ...баран да ярочка... за околицей бродят, а может, и блудят; а бобылка божилась, что Кланька по давнишней дружбе поведала о роковой страсти: мол, однажды не удержалась и поцеловала учителя в губы, а парень испуганно шатнулся: «Что Вы творите, Клавдия Ивановна?! Я же Вас люблю платонически...» «Это чо, через плетень?..» — заржали бы деревенские мужики, словно жеребцы застоялые.

Саня Щеглов, муж Клавдии, знатный деревенский плотник, как и водится у мужей, последний проведаль о том, что баба его хвостом вертит; и когда лоб зачесался ...видно, рога режутся... поинтересовался:

— Ну, что, Полоротова... — в сердцах Саня обзывал бабу девичьей фамилией, — на мужиков потянуло?! Романов начиталась, прекраса-кобыла савраса?!

Клавдия, в отличие от иных библиотекарей, любила читать; в избе, бывало, ни убору, ни прибору, мужик голодный, а баба посиживает с книгой возле окна, и на Санино ворчание ухом не ведёт. Махнёт Саня рукой, напылит фартук и самолично жарит, парит, а надо, так и бельишко постирает в машинке. Проведав о сём, Санины родичи осудили невестку: мать, жалеючи сына, плакала, отец велел чаще поколачивать Кланьку, а баба Ксюша горько пожалела, что присушила девку малиновым вареньем, над коим шептала любовную присушку. И до умопомрачения начиталась Клавдия любовных историй, коими избы-читальни кишмя кишели, и даже осилила куртуазный роман о рыцаре Тристане и принцессе Изольде, отчего легко пал на душу и роковой шекспировский роман, после которого сельская

книгочея иногда печально и певуче шептала: «...нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте...», при сём вздыхала, как вздыхают коровы, тоскливо пережёвывая сухую солому, поминая летнее разноцветье-разнотравье, где кружил породистый бычок.

...Канет четверть века, и, поминая сладостные страдания, Клавдия, детная баба, услышит потеху, поведенную здешним батюшкой, отцом Евгением, гостившим в итальянском городе Верона, что ославился любострастием Ромео Монтеки и Джульетты Капулетти.

...Туристы, коли без Бога и царя в пустозвонной башке, оказавшись подле статуи ...собакушка, кошурка, дойная корова, скаковой жеребец... загадав желание, исподтишка ли, откровенно ли, потрут где нос, где хвост; в Вероне же, пробившись к статуе Джульетты, трут её бронзовую грудь, тьмою рук вышарканную до серебристого блеска, при сём с пеной на губах бормочут заклинания; и благо... благо, что рядом нет Ромео, а то и Ромео бы потёрли...

Волновалась Клавдия, читая любострастные романы, а уж как дошла до блудных сказов Ивана Бунина, то и вовсе ошалела от блажных мечтаний, правда, всякий раз краснела, словно юная гимназистка, когда писатель откровенно живописал тёмный, мимоходный блуд, что и смертный грех, и походил бы на грубые звериные случки, кабы не столь нежный стиль изложения.

Блуждая в любовных историях, воображая себя Изольдой, Джульеттой, бедной Лизой, тургеневской девицей, бунинской Русей либо иной дамой сердца, воспетой любострастными певцами, Клавдия пыталась вообразить Тристаном или иным рыцарем своего приземистого, косолапого мужа, но выходило горько и смешно: Саня — рыцарь?.. кого смешить?! И теперь, слушая школьного учителя ...вот рыцарь сердца!.. Клавдия гадала: каким шалым ветром занесло её, высокую, статную, с институтским «поплавком»¹, в жёны к недомерку Сане Щеглову?.. Вроде, полюбила плотника за его любовь и думала, через год понравится...

Прознав бабьи шалости, Саня решил сор из свежесрубленной избы не выносить, а под лавку копить; мыслил укрыть бабий грех, а Бог ему два простит, но в деревне на виду даже помыслы, обросшие домыслами; в деревне добрая слава лежнем лежит, худая как ветер летит. С другого края села приметилила баба Ксюша, не то молодуху осрамить, не то супругов примирить, но Саня не пустил старуху даже в ограду. И отца, с которым плотничал, осадил, когда тот завёл было речь о Клавдии...

Мужнин грех за порогом живёт, а жена грех в избу несёт, вот жизнь избяная и пошла кувырком: если и раньше изба неделями не знала убору и прибору ...Клавдия вечерами читала романы, лёжа на диване... если изба и раньше не славилась красными углами и печёными пирогами, то ныне и вовсе обеспризорилась. Верно молвлено, бабьи умы разоряют дома... Саня, любя как душу, решил потрясти бабу как грушу: подпив для храбрости, кинулся было на Клавдию с кулаками, но, будучи на голову ниже и вполовину уже, словно башкой о скалу ударился и откатился. Но ...бил дед жабу, грозясь на бабу: Саня в сердцах саданул стаканом по зеркалу, где маячила его злая багровая рожа.

Порешил было учителя за хохол да об стол: нагрянул, когда паренёк, заломив русую головушку, обморочно запахнув глаза телячьими ресницами, токовал посреди избы, словно тетеря посреди ельника:

¹«Поплавок» — нагрудный значок, говорящий о высшем образовании владельца.

*Я помню чудное мгновение,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...*

В сие чудное мгновение и явился хмельной и злой Саня.

— Воркуете, блудодеи?! — прохрипел плотник и, хотя от горшка полвершка, чёрной тучей пошёл на учителя, но тот, не ведая страха, лишь поправил очки в тонкой, золотистой оправе и возмущённо спросил:

— Блудодеи?..

— А кто же вы?! Кто она, ежели при живом-то муже...

— Да как Вы смеете такое говорить?!

Бесстрашие учителя смутило Саню, сбило боевой азарт, а учитель пуще наседа:

— Да как Вы могли такое подумать о Клавдии Ивановне?! Как Вы могли целомудренную женщину повинить в таком страшном грехе?! Нет, вы недостойны своей жены!.. Вы же варвар... Я на месте Клавдии Ивановны покинул бы такого самодура и уехал бы из вашего дикого села...

* * *

Вскоре литератор укатил из дикого села в умный город; поступил в аспирантуру и поселился в аспирантском общежитии; а Клавдия, истосковавшись по учителю, рванула в Иркутск на поиски любви. Полетела птица-синица за тридевять земель, за сине море-окиян, в тридесято царство, бусурманско государство, где берега кисельные, реки молочные. Саня, скрипя зубами, смирился, хотя стонала и плакала душа, о чём мужик и мне печалился, когда, уютившись на плешивом бревне, пили мы однажды приторно-сладкий портвейн «Три семёрки» и глядели в потаённо тёмную, мятежно спящую реку, устало вздыхающую и бормочущую спросонья.

По-деревенски несправный ...плотницкая бригада детские ясли рубила... ершистый мужичок, словно высоко спиленный скорбный пень, долго торчал на берегу, глядя на уплывающий паром любви; и слёзы туманили взгляд, и вольный речной ветер трепал полы его клетчатой рубахи навывпуск. Пять лет прожили, хотя дитя и не нажили, но любовь его не полиняла, не изнасилась, разве что, упрятавшись поглубже, стала несуетливой и невыпяченной. Суетливой и смешной она стала потом, от слепого отчаянья.

А на тихом пароме, похрипев прокуренной глоткой, откашлявшись, запел незримый мужик, и потянул песнь неожиданно ясным, распевным голосом, и над маревной рекой, над становым левым берегом со скалистым крутояром и правым берегом с пойменными лугами и кочкастым калтусом широко и вольно закружилась русская песнь:

*Ты лети от Волги до Урала,
Песня журавлиная моя...
Какая ж песня без баяна?
Какая ж зорька без росы?
Какая Марья без Ивана?
Какая Волга без Руси?*

С улыбкой помянула Клавдия: сумерничают, бывало, на крыльце, и Саня, отмашисто играя на гармонии, оглашает двор и черёмуховый палисад журавлиной

песней, а допев, обнимет суженицу, отведёт от уха русую прядь-завлекалочку и прошепчет: «Песня журавлиная моя...»

Но, воистину, счастье без ума — дырявая сума. Деревенские мужики и бабы, что постаивали на речном яру, дивились дураку, когда Саня провожал срамную жену к другому и даже чемодан волок до парома. Посмешили народ Саня с Кланей: мужики зубоскалили, сплётенные бабы мыли косточки непутёвой семейке, благочестивые бабы жалостливо вздыхали, сварливые старухи плевали, глядя как Щегловы по витой козьей тропе спускаются с крутояра к речному парому, а богомольные старухи осеняли крестом их души: прости, Господи, не ведают, что творят...

Горькая тишь повисла над речным яром. Это какое же странное сердце у мужика, коли провожал жену к другому, коли во имя любви, а может, неясной, как «бегущая по волнам», грешной блажи, поступился своей намоленной любовью, и даже мужицким чувством собственности?! «Лишь бы ты, Кланя, счастлива была... Тогда и я буду счастлив...» — Саня, словами не облачённо, в душе убеждал лобастого учителя: хоть мы и лапотные простецы, пропахшие дётчем и потом, а тоже можем любить и нежно, и свято. Могла же Клавдия, усевшись на бережку и глядя в лениво текущую речку, блажить о чём-то, что не испробовать на вкус, — не хариус же копчёный, что не учуять и на ощупь — не из сельской же лавки; и любовь светилась от блажной бабы, застывшей в улыбочивом любовании миром и ожидании «чего-то такого» неясного, но красивого...

А на пароме иссякла, испелась «журавлиная» песнь, и ...соль на Санину рану... довоенный певчий Вадим Козин завёл отчаянно печальное:

*Веселья час и боль разлуки
Готов делить с тобой всегда,
Давай пожмём друг другу руки —
И в дальний путь на долгие года...*

* * *

Скользил паром по затаённой реке, и Клавдия, уютившись на чемодане, вглядывалась в берег, где остался Саня, и томительно долгой, причальной волной нахлынули воспоминания...

Клавдия в душевном укреме гордилась, что полгода дружили, и лишь потом поцеловались; да разве и поцеловались?! Уличил Саня момент: закат на речке провожали, и зазноба, сидя на лысом бревне, блаженно укрыла глаза пушистыми белёсыми ресницами, тут Саня торопливо и поцеловал. И отпрянул испуганно: рука тяжёлая, даст по шее, с бревна слетишь.

Полгода парень, изнывая от нежности, пытаясь поцеловать, провожал Клаву до Аграфены Павловны, пожилой и одинокой учительницы, в избе которой приезжая библиотечарша снимала угол; полгода парень после кино и танцев отшивал деревенских ухарей, что волками рыскали, коршунами кружили вокруг библиотечарши. Вроде, не из красоты ...полноватая, мешковатая, конопатая, вроде ржаной каравай... а влекло парней; бывало, глянет синё и ласково, смущённо улыбнётся, и блазнится дуралею: однако, паря, глаз на меня положила и, вроде, тревожно дышит, когда я в библиотеку вхожу... Но ухари боялись Саню: хотя и метр с кепкой, вроде, щелчком зашибёшь, да вот беда, коли с отроческих лет топором машет, то и по башке махнёт, долго не очухаешься. Да к сему ещё и пограничник, приём-

ми владеет, на арапа да голыми руками не возмёшь; вот парни, позарившись на библиотечаршу, повздыхав, и отступались. Побаивались и Клаву: вроде, на обличку и простоватая, а другой раз из книжки такое загнёт, на кривой кобыле не объедешь. К сему Кланы, вроде, лишь Саню и привечала, хотя и венца не обещала.

Полгода плотник вечерами торчал в библиотеке, пас Клаву; сперва листал журналы с картинками, нет-нет да и со вздохом косясь на библиотечаря в короткой юбке, и та однажды усмехнулась: «Что ты, Саня, всё «Мурзилку» да «Крокодил» листаешь?! Взял бы книжку добрую да почитал...» «Можно и почитать, ежели добрую-то книгу, — согласился парень, — а то я читал лишь книжку про деда Фишку...» «Георгий Марков сочинил...» — пояснила Клава и, ласково глянув в Санины глаза, так улыбнулась, что у парня голова пошла кругом. С той поры Саня журналы полистает, а как приспеет время запирасть избу-читальню, возьмёт книгу под запись; и на другой день сдаст и другую просит. Клава пригрозила: «Буду содержание спрашивать, потом выдавать...» Пореже стал ходить, лишь, когда прочтёт хоть бегло, наискось, чтобы промямлить, о чём речь в книге.

Позже, когда мы посиживали с плотником на берегу, тот смехом поминал: «У меня кореш в парикмахершу влюбился, и волосы кажно утро поливал из лейки, чтоб шибче росли. Малость отрастут, бежит стричься... Я кореша спрашиваю: «А ежели бы влюбился в Люську-медсестру, кажин день бы штаны спускал, чтоб она тебе в стегно укол ставила?.. А коли влюбился бы в Аду ...самогоном из-под полы торгует... дак и спился бы на пару с Адой...» А не ведал я, братка, что и сам вяпаюсь, буду книги читать. Зимой, когда работы мало, дак денно и ночью... А меня же за литературу из школы исключали. Ага... Учительша ...вредная баба... пристала с ножом к горлу: перескажи про любовь Андрия к полячке. Помнишь «Тараса Бульбу»?.. Вот училка: перескажи да перескажи... Ага, буду я пересказывать, как сучка с кобелем снюхались... А та упёрлась: перескажи да перескажи, иначе на второй год оставлю, — она у нас классная была. И довела меня до белого каления: веришь, хрестоматию швырнул в лицо... Исключили бы, да мать все школьные пороги оббила, ноги до колен стёрла; и директоршу просила, и училку умоляла... Директорша сжалилась, на второй год оставила... С тех пор, братка, возненавидел я литературу, глаз б на её не глядели... А тут на тебе, читаю книжку за книжкой... В мастерских мужики, коли работы нету, в домино играют, «козла» забивают, либо исподтишка выпивают, а я с книжкой сижу. Смеются, холеры: мол, книгочей, уж в доску зачитался, весь исчитался, да как бы не зачитался... Вот, братка, любовь до чего довела — книги читал. Дак и привадился, и теперь на сон грядущий почитываю. Шукшина Василия люблю... Читал?.. Ловко там Шукшин про плотника завернул: помнишь, тот гостил у сына с невесткой, а те смотрели телевизор, а в телевизоре артист ...плотника играл... топор по-дурацки держит; видно, сроду в руках не держал, а вроде, матёрый плотник. Ага... Короче, сосновый кряж чешет... Кого там чешет!.. измывается над бедной древесиной... и над ремеслом плотничьим... И враньё же выходит... А плотник шибко не любил враньё, снял сапог и зафитилил в телевизор, брызги полетели...»

Да, почитывал Саня книжечки, а ночами, когда добрые люди спят, сочинял стихи ...вот до чего Клава парня довела, палил по девке куплетами дуплетом... и даже избранный стих мне поведал, когда мы вечерали на речном яру, замороженно следя за теплоходом, что тихо сплавлялся по реке.

*Я не ждал и не гадал,
Что, бродя полями,
От любви безответной
Зарыдаю с журавлями...*

*Упаду в траву
У речной излучи.
Неужели, Клава, нам
Светит лишь разлука?..*

*Журавли летят высоко,
Долог их полёт,
Клава рядом, видит око,
Ну, а зуб неймёт...*

Я сроду не сочинял стихов возлюбленным, не вымучивал куплеты, но, ёрник смолоду, скоморошничал: «О Муза моя!.. Муза Абрамовна!.. Посвящаю Вам своё бессмертное творение: «Ветка сирени упала на грудь, милая Муза ... Даша, Маша, Саша, Глаша... меня не забудь...»

Начитавшись до одури, беспрокло пытаюсь овладеть крепостью ... так Саня в сердцах обозвал неприступную библиотекаршу... парень бился, колотился, Покров прошёл, а всё не женился; и порешил отступить. Да и батя, тоже пожизненный плотник, ворчал, когда за ужином с устатку пригубили по стакану красного вина:

— Саня, запрягай дровню, иши себе ровню. Ты, паря, на кого заришься?! Ты на кого заришься, аршин с шапкой? Кланька ж тебя на голову выше, а уж про ширь и говорить некого. Заспит ишо спросонья, как малого титёшника... Куда тебе, куль с костями!.. бегашь, бренчишь... А вроде, жорный: жор нападёт, дак и пол-барана зараз уметёшь. Но, видно, не в коня овёс... А потом, Кланька же, Саня, образованная, а у тебя, паря, грамотёшки кот наплакал, семь классов да два колледора... Да и то в шарашке²... Кланька в избе-читальне заправляет, а ты же, паря, однако, и «Муму» до конца не дочитал... Оно, конечно, не будь грамотен, а будь памятен... Но это, паря, раньше, а теперичи же без грамоты и шагу не ступи...

Тут встряла и Санина мать, нравом тихая, за малый рост, прозванная Махоней:

— А потом она же, Саня, приезжа, мы же путём не знаем, какой у девки характер...

— Во-во, — согласился отец, — может, в поле ветер, в заде дым... Деды же говорили: не заламывай рябину не вызревшу; не сватай девку не вызнавши... Жениться не напасть, да как бы после не пропасть... Вон старшой женился, а теперичи чо говорит?.. а то говорит: лишь после женитьбы, тятя, я понял, что такое счастье, но... было уже поздно... Купил дуду на свою беду: стал дуть — слёзы идуть... Так что, Саня, брава Маша, да не наша. Отступись, паря...

— Не переживай, сына, — мать уже всхлипывала, обиженно поджимала губы и часто, жалобно моргала от нахлынувших слёз, — не переживай, суженая и на печи найдёт...

— Найдё-от... — кивнул отец и вспомнил, — я твою мамку на печи и нашарил. За трубу, махоня, закатилась, едва клюкой выгреб...

Мать потаённо улыбнулась, вроде, помолодела лицом, и ласково глянула на отца.

²Шарашка — так дразнили ШРМ (школа рабочей молодёжи).

А баба Ксюша, бойкая старуха, вместе с дедом Фомой доживающая век у сына, печалась за горького внука, что беспрокло сох на корню, сухостойно звенел на речном ветру; и однажды, когда сын с невесткой отлучились из дома, а дед возле окна чинил ветхие ичиги³, старуха поманила внука в запечный куток:

— Надо, внучек, присушить девку. Да... От, Шура, крынка с малиновым вареньем; счас мы её заговорим, а ты, Шура, опосля Кланьке подсунешь: мол, гостинец от бабы Ксюши. Она чаю-то с вареньцем попьёт, у ей душа огнём и запалится. Ага... Ладно, я буду сказывать, а ты втори за мной... — И баба Ксюша забормотала древнюю присушку: — Во имя Отца и Сына, и Святого Духа!.. — старуха обметнулась мелким крестом, глядя на божницу. — Ты не молчи, как дундук; ты повторяй, повторяй, раз девку хошь завлечь!.. Стану я, раб Божий Александр, благословясь, пойду, перекрестись, из избы дверями, из двора воротами, выйду в чистое поле; в чистом поле стоит изба, в избе из угла в угол лежит доска, на доске лежит тоска. Я той тоске, раб Божий Александр, велю: поди тоска, навались на красную девицу, в ясные очи, в чёрные брови, в ретивое сердце, в кровь горячую по мне, рабе Божию Александру... Вот, Шура, и вся присуха. А теперичи ляг опочишься, ни о чём не кручинься...

Дед Фома в сердцах воткнул крючок в сыромять, перекрестился и сухо сплюнул:

— Тьфу!.. С ума сдурела!.. Погладил бы тебя мутовкой⁴ по дурной башке, дак мутовку жалко, обломишь... Ты кого, старуха, наговаривашь?! Ты какого ляда⁵ с присухой лезешь?! Крешшонная, поди, а беса тешишь... По-божески, по-русски, дак посвататься бы... Вот возьмём да и пойдём, сосватам девку...

Саня вообразил, как воскресным летним вечером, побрившись, наодеколонившись и нарядившись, потащатся они с дедом Фомой сватать девку, как деревенские посмеются вслед, как Аграфена Павловна, у которой Клава квартировала, по-учительски сурово обзовёт их пережитками феодализма и вытурит взашей. Вообразив неминуемый позор, Саня досадливо отмахнулся от старика:

— Кого-то выдумывашь, дед... курам на смех. Свататься... Кто теперь сватается?! Сиди уж, без тебя обойдусь...

— Ага, обойдёшься... — опять досадливо сплюнул дед Фома. — Ноги до колен сшоркашь и ничо не выходишь. Ему как доброму, а он ишо и шеперится...

— Ладно, дед, успокойся, не гони пургу...

Баба Ксюша вышла хитрее деда Фомы: завернула в избу-читальню... эдак раньше старуха звала библиотеку... где исподтишка и сунула избачке заговорённую малину, а Клава при встрече со старухой похвалила варенье: до чего же сладкое, язык проглотить.

А Саня справно посещал библиотеку... Возвращая очередную книгу, онемевший от любви, твердил: «Не-е, Клава, я не отступлюсь... А пойдёшь под венец, век буду на руках таскать и пылинки сдувать; слова поперёк не скажу, ничем не попрекну...» Парень видел радость супружеской жизни лишь в дарении, а какое бы счастье привалило, коли и суженая бы молилась: стану богоданному ноги мыть и омытки пить, побреду за милым хоть на край света, не посетую на холод и голод, лишь бы в жёны взял. Но Кланя ничего не обещала, и малиновое варенье не присушило девку к Сане.

³Ичиги — мягкие сапоги из сыромятной кожи.

⁴Мутовка — нечто подобное деревянной лопатке для взбивания масла, для замеса теста.

⁵Ляд (луд) — бес.

Но, как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло... Уж и руки опустились... Клава о ту пору с улыбочкой косилась на кудрявого и бравого приезжего баяниста... уж и собирался Саня махнуть рукой на Кланю, поискать ровню, чтоб запрячь в дровни, уж и в деревне, глядя на печального Саню, сочувственно посмеивались: дескать, прошла любовь, завяли помидоры, но ошибались суесловы.

Излился малиновым соком месяц жатвы, взошёл месяц пылающих зорь; и хотя бабье лето, от Семёна-летопроводца и до Воздвиженья Креста дарящее тихое остатнее тепло, выдалось погожим, осень кралась в леса и луга: вечерами в пойме реки клубились белые туманы, утрами на засыпающих белёсых травах серебрилась паутина, леса укрылись лоскутным рядом... а лоскуты малиновые, жёлтые, бурые, алые, багровые... и всё реже в цветастых лесах слышался птичий грай. Плыли к югу гуси, лебеди, утки и журавли; а на ночь глядя сияли в инее стареющие травы, и селяне, помня, что Семён лето провожает, а бабье обряжает, что август — припасиха, запасались на зиму лешевой закуской — грибами, ягодами.

И вот клубные, библиотечные работники и работницы, лёгкие на подъём и на ногу, в Семёнов день, что в изножье бабьего лета, собрались по рыжики и грузди; ладили в сосновые боры, что в пяти вёрстах от деревни. Старухи, сторожащие село в тени черёмуховых палисадов, охраняющие сельские нравы, сварливо поджимали иссохшие губы, прищуристо глядели на весело и гомонливо топающих посреди улицы грибников: на двух парней с заплочными берестяными горбовиками, на девок, наряженных, накрашенных, с тальниковыми корзинами. Бравый парень... клубный гармонист, признали бабки... проходя мимо, манерно, с отмахом руки поклонился старухам: «Здравствуйте, девушки...» «Девушки» опешили, а потом старуха побойчее рассудила: «Однако, ихни домочадцы уже и кадушки⁶ замочили... грузди-рыжики солить, — завалят грибами... А погляжу на их, дак, однако, не грибы, а ползуниху-ягоду пошли сшибать...» Ползуниху брать, сшибать — по-деревенски означало: миловаться, целоваться; ежели в супружестве — ладно, а ежели круг ракитова куста венчались — блудят. Старухи утихли, задумались: в грибной ватаге четыре безмужних девки и два парня холостых; ладно, Саня — смирный до девок, по Кланьке сохнет, а вот приезжий баянист... прости Господи... этому волю дай, всех подряд огулят, сотона!..

Шли грибники просёлочной дорогой сквозь несжатые ржаные поля, сквозь берёзовые гривы и пели, горланили, вышучивая друг друга; и лишь Саня, приبلудный среди культурного люда, мрачно помалкивал, зло косясь на баяниста, что увивался возле Клавы. Источивши, истомивши душу, Саня рванул вперёд...

Грибники же, миновав покосные луга, дошли до пустующей заимки, с невольной грустью осмотрели кондово рубленные, обветшавшие стайки, баню, само зимовьё, завозню с телегой, саями, вилами, граблями и прочим инвентарём, со сгнившими пряслами скотного двора. От заимки же в пологую сопку вздымался матёрый сосняк, куда, закусив домашней стряпней, и кинулись заядлые грибники. Уговорились о времени встречи и разбрелись во сосновом бору, переключаясь, изредка встречаясь, и коли в азартную грибную страду время катится с крутой горки, то и не заметили, как усталое солнышко склонило голову к закатной сопке.

Саня, набивая рыжиками и сырыми груздями заплочную берестяную котомку, сперва пасса поблизости от Клавы, помня, что вокруг девы коршун кружит; пом-

⁶Кадушка (кадка) — невысокая деревянная бочка для засолки рыбы, капусты, грибов, для хранения брусники зимой. Перед использованием кадушки замачивают в горячей воде, чтобы дерево разбухло и закрылись щели.

ня, что однажды баянист со своей сударушкой бродили по сосновым сопкам, где, ясно море, не грибы шукали, а ползунихи брали, и Саня, что о ту пору тоже промышлял лешевы харчи, своими одичавшими глазами видел: где гармонист с занобой прошёл — сплошные лёжки, и покров до сырой земли изрыт, словно дикий кабан бороздил рылом. Липучий парень, наглый, уж и стыдили-совестили бабы и девки, а тому хоть плюй в глаза — всё божья роса. Стыд не дым, глаза не выест.

Так что, решил Саня, за баянистом глаз да глаз нужен, и ух остро ...у кобеля вечный гон... а перво-наперво, Клаву из вида не выпускать, но вскоре одолел парня грибной азарт, и если по первости высматривал рыжие семейки под кряжистыми соснами, на усеянных хвоей лысых взгорках, то потом оказалось, что рыжики, старые и малые ...хоть литовкой коси... высыпали по краю густого соснового подростка, выбегая на овсяное поле и просёлочную дорогу. Когда напластал грибов в котомку по самое горло, когда уже спустился с хребта на песчаный просёлок, чтобы брести к заимке, вдруг услышал далёкий-далёкий ...казалось, плачущий... Клавин голос: «Са-а-аш-а-а!.. Са-а-аш-а-а!.. Са-а-аша-а-а!..» Кинув грибную котомку, парень бросился в хребет; а через малое время высмотрел: неподалёку катится с хребта баянист; буром прёт, напролом сквозь заросли багульника, будто озверевший кабан, и тревожно заныла Санина душа в лихом предчувствии... Зло взяло, хотел было кинуться за баянистом, но, поразмыслив, махнул рукой.

Отчаянно откликаясь, кружил Саня, метался и вправо, и влево ...Клавин голос слабел, терялся, потом вновь оживал в сосновом бору... и, наконец, по вялой, рваной нити голоса парень вышел на горемычную... Откинулась на забородатевшую сизо-голубым мхом сухую валежину, от боли стиснула зубы, подвернула гачу зелёных штанов, стянула походный башмак и, болезненно морщась и жмурясь, растирала вспухшую, багрово-лиловую стопу...

Со слов девушки ...а говорила Клава сбивчиво, сквозь слёзы... Саня доспел: гармонист напугал... По первости, видя, что наглый баянист пасёт её, помня его алчные взгляды, от коих холодела душа, Клава испуганно держалась возле подружки и корила себя дурёху, что улыбалась шалому парню. Но грибная страда увлекла, Клава забыла о подружке, а когда очнулась, оцепенела: явившись вдруг и рядом, словно из грибной хвои и мха, надвигался баянист, ласково ворковал с блуждающей улыбкой на пухлых губах, и вот уже, раскорячившись, ухватил за плечи и, жарко бормоча в шею, стиснул... Клава смутно помнила, как заби-лась, словно глухарка в силках, как вдруг яростно вцепилась когтями в багровое лицо, а потом, когда парень с криком отступил, кинулась бежать сломя голову. И блазнилось: загнанное сердце, готовое вырваться из груди, столь громко стучало, что эхо вторило в затаённом сосняке; и чудилось, позади трещат сучки, слышится одышливое дыхание, хотя баянист, не солоно хлебавши, плюнул девушке вслед, замесив плевок на забористой матюжке, и повалил с хребта.

А Клава, убегая, вскоре и подвернула левую ногу ...угодила ступня меж вспученных сосновых корней, утаённых бурой хвоей... упала и вольно ли, невольно ли Саню и крикнула. Испуганно окликала и потом, когда, вползши на сухую валежину, стянув рыжий бродяжий башмак, потирала полымем горящую стопу. Тут парень и надыбал бедалажную...

Слушал её Саня, и глаза зло узились, зубы скрипели: «Убью гада...»; а потом, пав на колени перед девой, бережно взяв её жаркую стопу, оглядел опухшую лодыжку, и когда Клава, укрыв плачущие глаза, стиснув зубы, застонала, её боль томительно вошла в парня...

А в небесной синеве ...над их бедовыми головушками... плыли журавли; курлыкали, ворожа погожее бабье лето, и молодые, забыв боль, вслушались в курлыканье, гадая, что сулит им песня журавлиная: любовь иль разлуку...

Очнувшись, Саня задумался, как лечить девку... «Помочиться бы на тряпку да той тряпкой ногу обмотать, а сверху сухой тряпкой затянуть...», но постеснялся сказать и вспомнил, что мелькали вдоль просёлка листья мать-и-мачехи: от ушибов и вывихов — первое средство.

Коли девка и ступить не могла на правую ногу, то, опершись на парня, пыталась скакать на здоровой ноге, но куда ускачешь, коли на пути валежины, чушачий багульник и топкий мох?! Взвалив на горбушку, чудом одолев нахлынувшее волнение, Саня поволок охромевшую Клаву и, мелкий перед породной девкой, смахивал на муравья, влекущего груз вдвое больше себя. Когда выбившись из сил, запыхавшись, парень отдыхал, невольно, чтоб не упала, бережно обнимал Клаву, объятая высмотрела подруга и, скатившись с хребта на пустую заимку, смехом оповестила девок: мол, девчи, Саньку с Кланькой можно не ждать — обнимаются...

У дороги усадил Саня деву на сухой взгорок, распластал сатиновую рубаху на ленты и, облепив лодыжку листьями мать-и-мачехи, туго замотал и опять взвалил деву на горбушку, словно крапивный куль, набитый... ох, не сеном; ну, да своя ноша не в тягость.

Хвалились жёнки бабьим летом на Семён-день, а того бабы не ведали, что на дворе сентябрь, что весна да осень на пегой кобыле рысят, — погода переменчива: хоть и усталое, старчески вялое, но светило же солнце, а вдруг из-за хребта грянули тучи серыми волками, затмили свет, и заморосил, а затем полил как из ведра студёный дождь. А журавли пели погожее бабье лето... И когда Саня с Кланей, одетые по-летнему в суконные куртёшки, дотащились до брошенной заимки, то уже промокли до нитки, и так озябли, что зуб на зуб не попадал. Чтобы переждать дождь, мало-мало обсохнуть, завернули в зимовье, рубленное в кондовую лапу, наспех и на смех, с разнобойно торчащими трещиноватыми торцами. Уже который год пустует зимовье... обезлюдела заимка... но чудом выжили двери, окошко, а в самом зимовье чудом сбереглись нары, лавки, стол и кирпичная печь.

Лишь вошли в избу, сквозь окошки нагретую солнечным светом, Клава, которую бил озноб, невольно прижалась к Сане, тут и закружилась у парня голова... но Бог миловал, не согрешили до венца, вернее, до штампа в паспортах. Вскоре дождь стих, и тугой верховик разметал тучи, бабье солнышко осветило заимку, сосновую хребтину, овсяное поле, и Саня опять взвалил деву на спину, поволок до села, да так... под венец и приволок.

* * *

Сболтано ради красного словца — «под венец»; в жизни же вышло так: вырядился Саня в чёрный пиджак и нейлоновую рубаху, а Кланя в белоснежное подвенечное платье с чужого плеча, но без фаты, и попёрлись молодые в сельсовет, обходя лужи и коровьи лепёхи, кланяясь любознательным старухам. Брели мимо Покровской церкви, где вместо куполов сиротливо и печально шатались на ветру чахлые берёзки и осинки, плакали под морозящими осенними дождями. А дед Фома со слезами поминал, как отроком пономарил в сем храме, в честь коего и повеличено село — Покровка; поминал старый пономарь, как сбредались боголюбцы-богомольцы с ближних деревень на престольный праздник — на Покров

Царицы Небесной, и Божественная литургия вершилась громогласным и сладкопевным крестным ходом. Дед Фома чтит народную власть: «Не ломали бы церкви, не гнобили народишко крещонный, не трогали б царя, Помазанника Божиего, — цены б не было нонешней власти...»

Возле сельсовета дерзкие мальцы-огольцы осмеляли молодых:

*Жених и невеста
поехали по тестю.
Тестю упало —
невеста пропала!..*

Саня, присев, кышкнул ребятишек, и те, вспорхнув воробушками, полетели вдоль по улице. А в сельсовете председатель, весёлый мужичок с лихими, дожелта прокуренными усами удивлённо оглядел пару ...паренёк по плечу рослой девахе со спелой косой... и подмигнул Сане: дескать, и как ты, малый, умудрился эдакую каланчу отхватить?! Управишься ли?.. Хотя, ежели сам аршин с малахаем, да жена махоня, вы кого наплодите?.. котят?.. А так оно и порода соблюдётся... Саня, ухватив лукавый мужичий взгляд, нахмурился, и председатель, не пытая рискованную судьбу, отмашисто шлёпнул печатью в паспорта, кудревато расписался и поздравил новоженей.

На свадьбе, что пела и плясала в ограде подле раскидистой белой черёмухи, Саня, широко разваливая гармонь, играл, дед Фома подыгрывал на берёзовых ложках, отец же лихо выводил староказачью песнь:

*...А ей парень отвечал:
— Будь моей невестой.
Верно Богом суждено
Жить нам с тобой вместе.
Вот как три денька пройдёт,
И рука с рукою,
В храм нас Божий поведут,
Милая, с тобою.
И поставят с тобой в ряд
Пред святым наложом,
Мы услышим в первый раз
Знаменье бывшее.
В руки кольца нам дадут,
Свечи со цветами,
На головушки несут
Венцы со крестами.
...И нам причастье дадут
Чашу золотую.
Я тебя, моя любовь,
Трижды поцелую...*

Невесте пало на душу песенное венчание, и Клава исподтишка вздыхала, что их свадьба без венчания и даже без серебряных колец, не говоря уж про золотые. Щегловы и сваты их, что прикатали из дремучей деревушки, смогли разориться лишь на свадебное застолье да тихие подарки новоженям.

Разочарованная сельсоветским бракованием, как смехом говаривали в селе, вспоминала Клава церковное венчание, кое сподобилась узреть в московское гостевание, когда чудным и чуждым воскресным ветром занесло её, безбожную студентку, в белокаменный храм, дивом не закрытый властями, по синие купола утаённый сосновыми лапами и берёзовыми гривами от дерзких безбожников.

О Боге, что в книгах уничиженно писался с прописной буквы, Клава ведала по рассказу «Медный крестик» из школьной хрестоматии и по ходовой повести «Чудотворная», где сочинитель⁷ намалевал православных чёрным дёгтем, словно ворота сельской блудни; а из церковной жизни комсомолка знала лишь расхожие присловья: «кого ты бубнишь, как пономарь?!», «поп, толоконный лоб», «не गया бы ты, поп, за дешевизной».

Казалось, и буйные ветра не заметут в храм её, пусть не богохульную, равнодушную к вере, но Клава любила каменное и деревянное благолепие церквей; любила, любовалась ...лепота!.. и слышала сквозь века ангельское пение с древнего клироса, колокольный звон и лязг мечей... Позже из ветхих книг, пахнущих ладаном и древней пылью монашеских келий, и даже из кинокартин про ранешнюю жизнь. Клава вызрела красоту церковных обрядов, и в душе пробудился пока ещё чуть слышный интерес ко Христу Богу. Но в церковь ходить робела ...комсомолка же... да и богомольный народец, что ...казалось ей... воровато шмыгал с паперти в церковный притвор, сплошь тупой и дряхлый, а коль помоложе, то калека либо столь невзрачный, что Бабу Ягу и Кося Бессмертного мог бы играть без грима. Клаве думалось: эдаким тошнотворно пахнущим тленом и плесенью могильных склепов, эдаким убогим отвержам, что выплеснул мир на обочину, лишь в церквях и утешение, а Клава мечтала о великих комсомольских стройках, о палатках посреди сибирской тайги, о песнях под гитарный звон и сполохи костра, о голубых городах, где юноши и девушки — дети Солнца, дети орлиного племени; мечтала Клава и о возлюбленном, видела его в мятежных девичьих снах: высокий, русоволосый и голубоглазый — лирик либо физик, а случалось, являлись в сновидениях и бородачи — охотоведы, геологи, полярники и прочий бродячий люд, по уши заросший мхом.

Гуляя по Москве, Клава обошла бы храм, лишь бегло глянув ...в столице столь музеев, куда любознательной провинциалке хотелось заглянуть, а ещё Красная площадь и мавзолей Ленина... но возле храма случилось чудо: из сверкающей чёрной «Волги» вышел жених, открыл другую дверцу и подал руку невесте. Клава смекнула: молодые, судя по свадебным нарядам, прикатили венчаться; и тут чудной и чудный ветер заметнул деву в храм вслед за женихом и невестой.

В дремотном мираже оплывали свечи на подсвечниках и поминальном ка-

⁷Противохристианская повесть, написанная в годы хрущёвских гонений на церковь. Деревенский парнишка нашёл чудотворную икону, которая считалась бесследно утерянной во время послереволюционных гонений на церковь. Злые православные тут же принялись заганять парнишку в церковь ремнём и подзатыльниками, а он, как и положено юному пионеру, изо всех сил упирается. На подмогу ему приходит добрая атеистка, коммунистка и просто добрая бабушка — учительница из его школы. В советское время повесть постоянно переиздавалась огромными тиражами и широко, настойчиво пропагандировалась, особенно среди школьников. Для младших классов печатался отрывок из повести — «Медный крестик». В 1960 г. по повести был снят художественный фильм «Чудотворная», также активно использовавшийся в борьбе против религии. Позднее автор переработал повесть в пьесу под названием «Без креста», которая широко ставилась по всей стране; лишь в театре «Современник» пьеса имела более 800 спектаклей.

нуне; а усталый лампадный свет мерцал на иконах, отчего святые лики теплели и оживали. Божественная литургия уже свершилась, но возле амвона и алтаря, утаённого иконостасом, ещё паслись прихожане, целовали иконы с молитвой на устах. Серый и сутулый паренёк ...похоже, пономарь... выставил посередь храма аналой, напоминающий Клаве институтскую кафедру и конторку, за которой до-сельные писатели сочиняли авантюрные и любово-страстные романы; от святого же аналая пономарь раскатал ко-вровую дорожку, по сей мягкой, вроде хвойной тропе с минуты на минуту утицами поплывут венчаемые.

В притворе, где Клава опасливо жалась к белокаменной, сводчатой стене, молодые и поджидали батюшку: жених в чёрном костюме с искрой, в снежной рубашке с кружевным жабо ...подумалось: попович, поди, семинарист... и невеста в подвенечном платье до пят, фате и перчатках по локти ...поповна, поди, в попадьи метит... Клава удивилась: парень — девья сухота: иконоликий, синеокий и русо-боро-дый, словно Алёша Попович на коне съехал с холста, а девка — серенькая мышь, похожая на христарадницу, что слёзно канючат гроши на паперти. Ох, неровни жених и невеста; а вот она, с отрочества дебелая, столь браво бы гляделась подле жениха... Изрядно лет канет в испаханную лодками и катерами, усталую реку, прежде чем Клавдия доспеет: видный паренёк избрал невзрачную деваху для смирения, чтобы жить не из похоти, а во славу Божию, как речено у святого Игнатия Богоносца, — прежде, яко брат и сестра во Христе, а потом уж супружески, да и ради заселения державы христолюбивыми чадами. Коли ангельский чин ...иноческий постриг... не вместили в душу, то решили семью строить, словно до-мовой храм, а семья — образ сокровенного союза Христа с Церковью, где муж есмь образ Христа, а жена есмь образ Церкви. О сём и проповедовал батюшка...

Рядом с молодыми с напускной степенностью постаивали свидетели Божьего венца — парень с девкой, опоясанные белыми лентами, а за свидетелями — наряд-ные родичи, други и подруги венчаемых. И сродники, и ближние, и жених с не-вестой — все сладостно томились в предчувствии чуда, едва сдерживая волнение... Но вот молодые уже шествовали по ко-вровой тропе ко святому аналою, где их поджидали икона Божией Матери со Христом, Благая Весть и две витые восковые свечи. На исходе ко-вровой дорожки пономарь загодя постелил сероватый льняной рушник, где гладью цветасто и любовно вышиты листья, травы и цветы, голубь с голубицей, несущие в клювах обручальное кольцо; а по краям рушника слова: «Господи, благослови!» и «Совет да любовь!» Пред святым аналоем ...воистину, пред Царём Небесным и Царицей Небесной... дьякон ввёл подвенечных на руш-ник, и началось обручение и венчание.

Клаву подивил священник, что явился из алтаря с крестом на престольном и Святым Писанием... В разночинных и дворянских книгах, что институтка читала запоем, попы — гривастые, аки жеребцы, от чревоугодия пузатые, похожие на самовары, от возлияний багровые, а нынче возле иконостаса махал дымящим ка-дилом священник без поповского брюха, бледный, сухой и высокий.

От венчания Клаве запомнилось чудо: когда батюшка обручал и крепил узы Божиим венцом, лица жениха и невесты на её глазах посветлели и обратились в иконные лики, словно цветы, что после ночной тьмы раскрываются встреч утренняя зарю. Глядя на венчание отпахнутыми и обмершими глазами, дева за-памятовала, что она — безбожница, как и вся советская молодёжь, и не то что венчаться ей, комсомолке, а и в храм-то ступать зазорно; упаси Бог, подружки уви-дят, растреплют по институту, а ежели комсорг прознает — прощай диплом. Обо

всём на свете дева забыла, дивясь обручальному венчальному чуду; мало того, и сама возмечтала укрыть венцом русые косы.

* * *

Нынче же на своей певучей свадьбе посреди двора Щегловых Клава с потаёнными слезами поминала величавое церковное обручение и венчание, что исподтишка подсмотрела в городском храме...

Когда свадьба отпела, отплясала, угомонилась и синеватые сумерки пали с небес на таёжное село, жених и невеста, пугаясь грядущей ночи, сидели за опустевшим столом, глядя, как жарко горят звёзды, как луна призрачной птицей умостилась на черёмуховый куст. Клава, помянув и венчание в храме, что узрела в студенческие лета, и песню, лихо сыгранную и отпетую её женихом, прошептала:

— А может нам, Саша, обвенчаться?..

— Круг ракитова куста?

— Нет, в церкви...

Саня загорелся, и на другой день, когда в застолье сидели лишь близкие родичи, спросил о венчании у бабы Ксюши, и богомольная старуха пояснила:

— Которые невенчанные, те в блюде живут...

— Ежели расписаны, дак не в блюде, — перечил сын, без венца наплодивший трёх девчат, пятерых ребят, а посередь и Саню.

Старуха не слушала сына, толковала внуку святую правду:

— Вот оно бы, Шура, и ладно Божиим венцом-то укрыться... Дак надо же сперва креститься... А крестятся, ежели в Бога верят, в душу бессмертную, в рай и ад...

Дед Фома при царе-батюшке справно учился в церковно-приходской школе и отроком пономарил в здешнем Никольском храме, а посему церковно выразился:

— В Кормчей книге речено: «...[жених и невеста] да умеют исповедание веры, сиречь: Верую во единого Бога, и Молитву Господню, сие есть: Отче наш; и иже с ними Богородице Дево и десятословие...» Так вот, без веры венчаться не попрёшь, во грех будет; без веры, как поганые, — круг купальского костра...

Но простодушные Саня и Кланы верили в безбожный рай на земле; бормотуха, так дразнили радио, с пелёнок внушала, сулила малым чадушкам: «Нынешнее поколение детей будет жить при коммунизме». Оно бы и ладно пожить в земном раю, но и обвенчаться бы не худо — и красиво ...со свечами так... и крепко, на всю супружескую жизнь...

* * *

Катился паром с горбатой реки и на дощатой хребтине вёз Клавдию к учителю ...втемяшился же в душу... но баба, мигая от приступающих слёз, глядела на родного мужика, что неприкаянно маячил на брошенном берегу ...потешный, чудной, печальный... и чудилось, жалобно просит Саня: «Клава, а споём-ка нашу...» и запекает:

*Ты лети от Волги до Урала,
Песня журавлиная моя...*

Кажется Клавдии, тяжко Саня поёт, одышливо и срывисто, сквозь плач, а как, бывало, легко и вольно пел звёздными вечерами, бережно и нежно подыгрывая на гармошке, когда уходили в заокольную рощу, где на поляне жалась к берёзам

заветная лавочка. А то, бывало, усаживались на крыльце подле раскидистой черёмухи... Что отграднее мужику, ладно и азартно откосившему на утренней и вечерней заре, в бане отпарившему, смывшему пот и дорожную пыль, закружиться в песне, словно на речных волнах. Подпевала Клавдия, и дивилась семейному ладу обмершая над кустом черёмухи, румяная луна, что плыла от реки, где любовалась ликом в сверкающе чёрном, как дёготь, призрачном зеркале.

А бывало, на пылающем закате возвращался плотник и любовался избой: дородная, подстать Клавдии, златовенцовая, глазастая, изукрашенная резными карнизами, причелинами и полотенцами; своими руками рубленная, а словно самоотийно выросшая на отшибе села у заокольного березняка. А узрит Саня в распахнутом окне читающую либо мечтающую Клаву, так с рыси в галоп и ударится...

Глядя с паром на млелую полуденную реку, устало бредущую к морю-океану, Клавдия вдруг увидела: Саня, в белой навывпуск посконной рубахе, уместившись на верхнем венце, вырубал гнёзда для стропилин, крепил стропила и обрешётку под грядущую крышу... коли в мошне забренчит, то даже из кровельного железа... и Клавдия, вынося мужу крынку молока и горбушку ржаного хлеба, любовалась плотником: сияло солнце за его спиной, отчего лицо иконно светилось.

...Чалился паром к пристани, топорно рубленной, промытой и добела выгоревшей на палящем солнце, а Клавдия, щурясь, всё вглядывалась в деревенский берег, где остался Саня... Вот потёрся паром о причал, отпустил новобранцев, гулевой люд, да и наладился обратно...

Когда паром вернулся к деревенскому берегу, Саня... а мужик так и сидел на лысом бревне... вдруг высмотрел Клавдию, замахал руками и весело покатился к старому причалу. Встретил, принял чемодан, и пошли милые, солнцем палимые...

Волок Саня чемодан от реки в крутой яр, следом по тропе, словно утица по реке, плыла Клавдия, и, глядя на потешную семейку, мужики посмеивались: «Помирились Саня с Кланей...», бабы глаза пучили в диве, а старухи крестились: «Дай, Боже, Сане и Клане ладом жить, детей плодить...»

Вилась тропа в песчанике среди сухих трав и сиреневых цветочков чабреца, голосили чайки над речной отмелью, и Саня без усталости молотил языком, поминая книгу, что всколыхнула его душу. Клавдия с улыбкой отвечала книгочею... И вдруг Саня кинул чемодан прямо в заросли чабреца:

— Нет, ты, Клава, погоди!.. ты погоди!.. При чем здесь Онегин?!.. Шатун же, бич, без царя в голове, в поле ветер, сзади дым... Нынче бы ему за тунеядство статью впаляли. Лодырь же и без профессии... болтается, как навоз в проруби... Не-е-е, будь моя воля, я бы Пушкину сказал: «Александр Сергеевич, ты хошь и великий лирик, а насчёт заголовка маху дал, обмишурился... Какой «Евгений Онегин»?! «Татьяна Ларина» — вот как надо было роман назвать...

— Тебя рядом не было... — засмеялась Клавдия, — подсказал бы Пушкину...

— А что, и подсказал бы... Я — из народа, а Пушкин, хоть не из народа, а любил народ. Оттого и великим-то стал, что народ полюбил, в мужика, поди, хотел обратиться, вроде Толстого... Вот и послушал бы... Слушал же Арину Родионовну, бабу деревенскую, в стихах воспевал... Помнишь, Клава, писатель в клубе выступал?..

— Махонький, вроде тебя...

— Клава... — Саня обижался, когда ему напоминали, что он приземистый. — Клава, запомни, ум от роста не зависит. Ты вот большая выросла...

— Не обижайся, Саня, я же любя.

— Я не обижаюсь, я даже горжусь: все великие были приземисты, вроде меня — Пушкин, Лермонтов... И на лицо невзрачные.

Кланя засмеялась, а Саня подхватил чемодан, и потешная парочка побрела дальше по извилистой тропе.

— Ладно, сбила меня с толку... О чём я говорил?

— Про писателя... про пушкинскую няню...

— Во, во, про писателя... А писатель в клубе говорил: ежели бы певичка Сукачёва... — Саня помянул имя лохматой и бесноватой эстрадной дивы, что не вылазила из телевизора, ревела днём и ночью, тряся рыжими патлами, — ежели бы у Пушкина вместо Арины Родионовны в няньках жила Сукачёва Алла, то из Пушкина вырос бы Дантес. О как!.. Но я не о том... я говорю, что Пушкину бы роман назвать «Татьяна Ларина»: Татьяна — главный герой. А что Онегин?! Баламут... Ещё и Ленского почто-то завалил... И для народа — иностранец... А Татьяна, хошь и барыня, а будто из крестьян...

— «...Но я другому отдана и буду век ему верна...» — вспомнила Клавдия со вздохом.

— Во, во...

— А давай, Саня, обвенчаемся...

Саня поставил чемодан — дело серьёзное, на ходу не обмозгуешь, надо постоять либо присесть, коли в ногах правды нету. Саня и присел на чемодан, задумался:

— А что, махнём в город и обвенчаемся... Но сперва же креститься надо... — вспомнил Саня слова бабы Ксюши и добавил в уме: «А это ж надо в Бога верить, в рай и ад... А космонавты в занебесье летали и Бога не видали...»

* * *

Саня с Кланей наплодили пятерых чад, мал мала меньше, сплошной горох, погребли дедичей и отичей, бабок и матерей и, затепля свечи у поминального кануна, молились, чтобы Господь упокоил души усопших раб Своих; молились и о своём житье-бытье, что осело на мель: ржаво тосковал без заделья Санин бриткий плотницкий топор, а Кланя в библиотеке уже год не видела зарплату, открывая читальню изредка, по привычке, и семья о семи душ спасалась от голода и холода тем, что держала двух дойных коров, трёх бычков да трёх коней, что вольно паслись в заокольной степи. Клавдия, крестьянского кореня, но в учении и библиотечной жизни раскрестьянившись, снова принаравливалась к скотному двору, и даже коров доить училась на пару с мужем... От зари до зари, не разгибая поясицы, чертомелила семья Щегловых: косили сено, садили, копали картоху, растили скот, продавали молоко да мясо попутно с картошкой, и на выручку со скрипом выживали. Хотя и грех жаловаться, не голодали: мясо, масло, молоко — своё, в подполье картошка под половицы, в погребе — бочка квашеной капусты и бочонок с брусницей и лешевой едой — с груздями и рыжиками; но мало же накормить чад, их же треба одеть, обути и выучить...

С едкими бабьими слезами, с мужичьими стонами, хохотом жёлтого дьявола рухнула народная власть, что ладилась по Божиим заповедям, но, увы, без Бога, и супостаты, ошалевшие от алчности, ограбили страну до нитки; и Россия, христарадница, из толчеи, томящей дух, ушла в храм, ибо голодным, холодным прос-тецам дана была лишь одна утеха — вера, что по любви к Вышнему и ближнему,

по скорбям Христа ради одарит Господь покаянных спасением и вечным блаженством. В церкви паслась и вся по тем временам многочадливая семья Щегловых; там и Саня с Кланей обвенчались... оно, вроде, и запоздало, но всё же лучше, чем никогда.

Махнули бы в губернский город Иркутск, и возложили бы им брачные венцы аж в Знаменском соборе, где владыка служит, но ехать далеко, да и автобусные билеты кусаются... Обручились и обвенчались Щегловы в сосновой Никольской церквушке, кою молодой батюшка и Саня с напарником срубили за два лета, а владыка освятил в честь Николы Угодника. Батюшка же уговорил Саню послужить сперва алтарником, а вскоре и пономарём...

Помнится, сперва оглядели старый храм, где давно уж сбили крест, где вокруг ржавого купола слезливо жались друг к другу тощие берёзки и осинки, где кирпичные стены уже дышали на ладан, и поняли: не осилить; и тогда решили рубить деревянную церковь на скалистом речном берегу, для чего и пошли по миру с протянутой рукой...

В девьи лета вещим ветром занесённая в городской храм, созерцая обручение и венчание, Клава смутно, в подсознании догадывалась лишь о избранных смыслах таинства, очевидных и ясных, а уж что из божественных книг звучало под куполом, студентка слыхом не слыхивала, ведом не ведала, редкие слова угадывая в церковнославянской вязи. Но таинство даже не запомнилось, втемяшилось в память, ибо ещё не случалось в Клавиной заплечной жизни впечатления ярче ... ярче лишь солнце... и пала на душу блажь повенчаться с грядущим мужем, лишь бы походил на высокого, русобородого жениха, главу коего на её глазах Господь украсил золотым венцом.

* * *

Увы, не надыбал Клаву на печи русобородый, высокий, синеокий; судьба свела и свила с плотником Щегловым, похожим на ершистого подростка; и метельным закатом столетия, будучи уже чадородливой бабой, Клавдия обручилась и обвенчалась в сельской церкви, а затем, посильно воцерковленная, осмыслила чин.

Жених и невеста ...так смеха ради Саня с Кланей величали себя... накануне исповедались и причастились на Божественной литургии, а после полудня ласково завернули в рушник, расшитый алыми райскими птицами, икону Божией Матери со Спасом, что досталась Щегловым от бабы Ксюши, Царствие ей Небесное. А потом стеснительно наряжались для обручения и венчания...

Клавдия — лебедь-птица, вывела детей вереницу, пятерых погодок, и нынче с улыбкой вспоминала, как в избе жениха и невесту облепили ребятишки; дивились, глядя, как родители, нарядившись, надушившись, встали перед шифоньерным зеркалом: отец в чёрном пиджаке поверх белой сорочки с коробисто торчащим накрахмаленным воротничком, невеста в светло-зелёном платье, с алой косынкой на шее и с белой — поверх кос, уложенных старомодным венком. Клавдия, оглядев в зеркале себя, похожую на копну свежескошенного сена, и богоданного Саню, ростом ей по плечи, засмеялась: привиделась ей старинная картина, где Пушкин с Гончаровой вздымаются по ковровой лестнице и так же отражаются в зеркале. Хотя против Гончаровой Клавдия баба бабой, да и Саня на Пушкина мало похож: Пушкин — барин, а Саня смахивал на малорослого, заполошного, худородного мужичка.

У церкви, золотисто сияющей среди сосен и лиственей, жениха и невесту поджидали други, подруги и дьякон, худенький, вихрастый паренёк, который принял от молодых икону бабы Ксюши, бережно завёрнутую в рушник, и прямо на паперти бойко растолковал обручальный и венчальный чин, а затем и ввёл во храм Божий. И тут же явился отец Евгений — медвежалый, смуглый мужик в чёрной скуфейке, похожей на богатырский шолом, в чёрном подряснике, на чреслах широкий ремень с медной бляхой; шёл, смачно скрипя башмаками, шёл раскочист, словно борец по ковру, — воистину, воин Христов, духовник воителей, окормлявший горемычных русских солдат на Кавказе. Батюшка и возглашал при богослужении, как полковой священник на плацу: от гласа иерейского лампадный огонёк колыбался, яко от страха Божия; при эдаком иерейском голошении поневоле вонмешь горним глаголам.

«...По Божественной литургии, священнику стоящу в святылици, предстоят хотящие спрягаться пред святыми дверьми: муж убо одесную, жена же ошуюю. Лежат же на десней стране святыя трапезы перстни их два, златый и серебряный, серебряный убо уклоняся к десным, златый же к левым, близ друг друга. Священник же назнаменует главы новоневестных трижды, и дает им свеци возжженны, и введ я внутрь храма, кадит крестовидно, и глаголется от диакон...» Обручальный зачин из поповского Требника речен по-церковнославянски ради словесной лепоты, но, дабы не сморить книгочая, поведеам чин обыденной речью...

Вот батюшка, облачившись в епитрахиль и фелонь, явился из алтаря чрез царские врата, возложил на святой аналой золочёный крест и Евангелие в кожаном переплёте с золочёными застёжками. Позже богомольная подружка растолмачивала Клавдии: ежели в чине крест с Распятием Спаса и Благая Весть, сиречь Евангелие, стало быть обручает вовсе и не батюшка, а Сам!.. — тут подружка обмирала, округлив глаза: — Сам Царь Небесный, незримый плотскими очами; батюшка же глаголет то, что Царь вложил в души святых отцов, что грамотеи и запечатлели с их бледных, иссохших уст.

Коли Саня с Кланей в сельсовете расписаны, коли изрядно отжили и чад нажили, то и обвенчаться бы им без обручения, но Саня, церковный пономарь и плотник, срубивший храм с батюшкой и прихожанами, возжелал, чтобы полным чином. Абы в душах жарко и ярко светилась любовь к Вышнему и ближнему, батюшка, крестообразно и трижды благословив, вручил Сане и Клане горящие свечи, а дьякон ...сухой, но горластый паренёк... зычно спросил:

— Благослови, Владыко!..

Батюшка сотворил молитвенный зачин:

— Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков...

И взмолился дьякон в мирной ектенье:

— Миром Господу помолимся... О рабе Божиим Александре и рабе Божией Клавдии, ныне обручающихся друг другу, и о спасении их, Господу помолимся...

И незримый хор всякий раз голосил с клироса, устроенного на балконе, словно воспевали ангелы под куполом:

— Господи, помилуй!..

— О еже податися им чадом в приятие рода, и всем яже ко спасению прощением, Господу помолимся...

«Оно, может, с чадами и погодить?.. — спросила Клавдия, глядя на лик Матери Божией. — Этих бы пятерых одеть и обуть, выучить да в люди вывести... — невеста и себе боялась сознаться, что и полгода не канет, как и шестой попросится

в мир. — Время-то какое: не живём, а со слезами выживаем. Хотя и грех плакаться... Опять же, и ребятишки в радость...» Легки на помине, тут же и привиделись детишки: белобрысые, стриженные «под горшок», молятся возле алтаря, склонив головушки, словно подсолнушки; а неподалёку, бывало, крестят лбы и пятеро иерейских чад, на обличку, правда, смуглые, вроде здешних гуранов⁸.

Когда батюшка пел о чадородии, Саня вздохнул: бывшие напарники, плотники и столяры при встрече посмеивались: «Эдак ты, паря, и колхоз настрогаешь...» И тут же, некстати разулыбавшись, Саня помянул байку, что поведал батюшка. Некий сельский житель пришёл к приходскому священнику и плачется: «Отче, пять лет с женой живу, и ни плода, ни живота...» «Не унывай, чадо, ибо уныние есть грех, — утешил батюшка. — А поезжай-ка, овче, в город да в храме святого Сергия Радонежского поставь самую большую свечу перед образом святых Кирилла и Марии Радонежских да и помолись им о даровании чад». И так случилось, что батюшку перевели в другой приход, и, вернувшись через десять лет, он услышал, что у того мужа уже девять детей. Заинтересовался батюшка, и когда пришёл в дом, где обитала многочисленная семья, то старший сын известил: «Папки и мамки дома нету...» «И где же они?..» — «Мамка в больнице, десятого рожает, а отец поехал в городскую церковь свечу задувать...»

А дьякон и дальше пел ектенью, и после всякого прошения взывал к Богу: «Господу помолимся...», и венчаемые в душе вторили ему: «Господу помолимся...»

— О еже низпослаться им любви совершенней, мирней, и помощи... О еже сохраниться им в единомыслии и твердей вере... О еже благословиться им в непорочном жителстве... Яко да Господь Бог наш дарует им брак честен, и ложе нескверное...

После дьякона и батюшка возгласил молитву:

— Боже вечный... благословивый Исаака и Ревекку... Сам благослови и рабы Твоя сия, Александра и Клавдию, наставляя на всякое дело благое!.. Господи Боже наш, от язык предобручивый Церковь деву чистую, благослови обручение сие, и соедини, и сохрани рабы Твоя сия в мире и единомыслии...

Меж тем дьякон взошёл в алтарь и на серебрястом блюде принёс обручальные кольца, что досель обретали Божию благодать на святом престоле. По чину жениху бы кольцо солнечно золотое: муж для жены — солнце, а невесте бы кольцо серебрясто лунное: жена для мужа — луна, но золотые и серебряные кольца Щегловым не по карману, где блоха мечется на аркане, а посему в ход пошли кольца самодельные, вырезанные из меди, но мелом и голяшкой от валенка так надраенные Саней, что от золотых не отличишь. Санин дружок, что смастерил кольца, внутри колец исхитрился выгравировать имена: в согласии с древним благочестием на кольцо, что нежнее, для Клавдии, выскреб «Саня», а на том, что матёрее, для Сани, начертал «Кланя».

Батюшка кольцом трижды запечатлел крест на Санином лбу и огласил:

— Обручается раб Божий Александр рабе Божией Клавдии, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь!

После чего и окольцевал жениха, а затем кольцом трижды начертал крест и на лбу побледневшей невесты:

— Обручается раба Божия Клавдия рабу Божию Александру...

Возложив перстни на десницы обручающихся, трижды их поменяв с руки жениха на руку невесты и наоборот, священник напомнил реченное в Святом Писании:

⁸Гураны — русские забайкальцы и прибайкальцы, в некоем колене помешанные с бурятами либо тунгусами.

— Господи Боже наш, отроку патриарха Авраама сшествовавший в средоречии, посылая уневестити господину его Исааку жену, и ходатайством водоношения обручить Ревекку открывый. Сам благослови обручение рабов Твоих, сего Александра, и сея Клавдию, и утверди еже у них глаголанное слово: утверди еже от Тебе святым соединением... Перстнем дадеся власть Иосифу во Египте; перстнем прославися Даниил во стране Вавилонстей; перстнем явися истина Фамары; перстнем Отец наш Небесный щедр быст на Сына Своего: дадите бо, глаголет, перстень на десницу Его, и заклавшие тельца упитанного, ядше возвеселимся...

Саня и Клания враз, словно единой головой, вспомнили о том, что сосед ...у Сани рука не подымалась на доморощенную овцу... заколол тельца упитанного, и сейчас свеженина, сваренная в чугунном казане, томится в русской печи; всем гостям хватит, когда под черёмухой накроют стол, когда зарыдает и заликует Санина гармонь.

А пока дьякон возглашал ектенью: молился за Великого Господина и отца нашего Святейшего Патриарха Алексия II, за богохранимую страну Российскую, за властей и воинство её, за всех христиан и...

— Ещё молимся о рабах Божих Александра и Клавдию, обручающихся друг другу...

Клирошане трижды поклонно отголосили:

— Господи, помилуй!..

«Аще убо хотят в тожде время венчаться, входят во храм со свечами возжженными, предыдущу священнику с кадильницею, и поюще псалом...»

* * *

Мирной ектеньей скрепилось обручение, и грянуло венчание: с горящими свечами замерли жених с невестой у святого аналая, где батюшка, бряцая кадильницей, откуда дымом клубился сладчайший ладан, пел псалом царя Давида, а клирошане, припеваючи, славили Бога:

— Блажени вси боящиися Господа...

— Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе..

Из Давидова псалма в разум невесты, а по жизни уже детной бабы, запали царские словеса: «Жена твоя яко лоза плодovitа, во странах дому твоего... Сынове твои яко новосаждения маслична, окрест трапезы твоя...» Душу былой книгочеи и книгохранительницы до нервной дрожи потрясала горняя мудрость божественных творений; мало того, Клавдию умиляли до слёз даже вычитанные или услышанные на литургии церковнославянские местоимения и союзные слова, вроде, *аз, есмь, паче, паки, наипаче, иже, еже, еси, аще, се, несть, зело, лепо, мя...*; и в речи бывшего советского библиотекаря рухнула словесная дамба, и в речь вольно влились ходовые библейские обороты: вроде *притча во языцех, за други своя, на сон грядущий, ничтоже сумняшеся, глас вопиющего в пустыне, возвращается ветер на круги своя, метать бисер перед свиньями, устами младенца глаголет истина...* Клавдию дивило, что у Сани, хотя и случалось, прислуживал батюшке в алтаре, речь как была деревенской, так деревенской и осталась; и Клавдию иногда потешало, как муж деревенским поговором толковал про любовь Онегина к Татьяне, а ныне толкует Библию.

Сотрясением души и рассудка стало для Сани Святое Благовествование от Марка, где евангелист глаголит: «Когда наступила суббота, Он начал учить в си-

нагоге; и многие слышавшие с изумлением говорили: откуда у Него это? что за премудрость дана Ему, и как такие чудеса совершаются руками Его? Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли, между нами, Его сестры? И соблазнялись о Нем. Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем». Возликовал пожизненный плотник, когда уяснил, что и сам Иисус Христос в земном житии тоже был плотник; и возмнил мужик: де и ремесло плотническое свято, святей хлебобобного. Ведала Клавдия: «Жена да убоится мужа», но перечила Сане: мол, Христос речет крестьянским говором...

Клавдия по юности, подвывая, читала Пушкина и Тютчева, Ахматову и Цветаеву, теперь привадила вслух, с былым подвывом читать псалмы, восхищаясь живописными образами; а иногда, слыша незримые звончатые гусли, пела, услаждаясь царской речью: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе, но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и ночь. И будет яко древо, насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не опадет, и вся, елика аще творит, успеет. Не тако нечестивии, не тако, но яко прах, егоже возмечает ветер от лица земли. Сего ради не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешницы в совет праведных. Яко весть Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет...»

Из женщины с вузовским дипломом обратившись в деревенскую бабу ...нет худа без добра... Клавдия и Христа в Его земном житие причисляла к сословию крестьян ...правда, Саня, потомственный плотник, горделиво уточнял: из ремесленных крестьян, из плотников... а крестьяне, как она вычитала у сельского писателя, будучи *«от креста»* и *«Христа»* — выражали земные и небесные мысли не мертвецки учёным языком, но образным и притчевым, а образы, как Иисус Христос в поучениях и заповедях, брали из крестьянской и природной жизни: *«Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает, и в огонь вметаемо...»*; *«Его же Лопата в руке Его, и отеребит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, плевелы же сожжёт огнем неугасающим»*; *«Се изыде сеятель, да сеет... И сеющу, однаво падоша при пути, и приидоша птицы и позобаша ея; другая же падоша на каменных, иде же не имаху земли мнози, и абие прозябоша, не имаху глубины земли. Солнце же взсиявши, привянувши: и не имаху корения, изсохша. Другая же падоша в тернии, и възиде терние, и подави их. Другая же падоша на земли доброй, и даяху плод...»*

Вдохновенно, прихватывая ночи, отрывая очередное чадо от молочных сощов, Клавдия лет за пять осилила Псалтырь, а ранее Святое Писание, и в их горнем сиянии помещичья литература, которой служила верно и азартно, вдруг показалась пустобайной, а то и порочной, воспевающей страсти земные, что даны князем тьмы на погибель душ. Уныло оглядывая книжные полки в родной библиотеке, Клавдия ныне жалела лес, что нещадно пластали на книжную бумагу, но для души всё же оставила книги избранных писателей, про кои могла воскликнуть по-пушкински: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...», «...и милость к падшим призывал...» и веленью божию, о муза, будь послушна...» К сему книгочелюбная страсть, а с нею и былые туманные мечтания сгинули в истовой материнской жалости к чадам, ибо жалью жив человек...

Когда две глухие двери, сшитые из гладко струганных сосновых досок, утаивали детские голоса, когда ночной тишью опускались с небес сокровенные вечера, когда слетала с души пыль, скопленная за день, и душа посвечивала ласково и

тихо, Саня с Кланей сумерничали в горнице; посиживали рядом, говорили ладом, судили-рядили о семейных заботах-хлопотах, и всё впереди виделось ясно и заманчиво.

Вот и нынче, уgomонив и уложив архаровцев, так Саня обзывал старших ребят, что вольничали, сморив меньших сказками про Ванюшу-дурачка и заунывными песнями, Клавдия погасила свет в одной и другой ребячьей каморе и на цыпочках прошла в горницу. Саня с книжкой посиживал за круглым столом, крытым серой льняной скатертью, над книгочеём низко нависал розовый абажур с кистями; но лишь Клавдия появилась в горнице, Саня тут же, бросив книжку, обнял жену, тесня её к обширной супружеской койке с резными спинками.

— Успокойся, Саня. Давай почитаем...

Саня, с нарочитой печалью вздохнув, упал на стул и опять открыл книгу, а читал мужик книгу не простую — Ветхий Завет, чтобы вызнать про христиан, что праведно жили и до Христа. Клавдия принесла из кухни творожные и брусничные шаньги и курильский чай — жили скудно: пили травяные чаи, ели всё, что рождала огородинка и окрестная тайга; и под чай слово за слово размечтались: вроде махнут в озёрное село к родителям Клавдии, сдадут ребятишек на руки деду с бабушкой, отпихнут лёгкую кедровую лодку от мостков, с которых бабы воду берут, угребут на другой берег озера, потом через камышовый пролив войдут в соседнее озеро, пересекут на гребях и разобьют табор на диком берегу, где под таёжным хребтом пряталась родная деревушка Полоротовых, где нынче лишь бугорки, заросшие дикой малиной. И, словно новожени в медовый месяц, порыбачат с тремя ночевками, а перво-наперво, Саня ...плотник же... из лиственничных жердей, прошлым летом ошкуренных и уложенных на высокие сушилки, срубят поклонный крест, вкопает на крутом и голом яру, обложив валунами, дабы издали зрели рыбаки: се жили люди крещёные, жили по-божески, по-русски и улеглись навечно: упокой, Господи, души усопших раб Твоих, и всех православных христиан, и прости им вся согрешения вольная и невольная, и даруй им Царствие Небесное.

Раньше Саня с Кланей стеснялись вслух бормотать Боговы слова; молились молча, наособицу и повинными взглядами каялись друг перед другом, и прощали, и потаёнными вздохами благодарили Спаса, что не развёл их памятным утром, когда плыл паром по реке миражным облаком и «журавлиная песнь» кружилась над речными серебристыми струями.

А венчание меж тем продолжалось, и батюшка, семинарский отличник, помнящий назубок изрядно из Писания и Предания, любомудрый и краснопевный, ведая, что Клавдия начитанна, а Саня, пономарь, уже вдосталь наслушался иерейских проповедей, поучал не столь жениха и невесту, сколь свидетелей таинства, дабы благодать таинства излилась елеем и на всех боголюбцев, а их собралось изрядно, — в кои-то веки в селе венчание.

— Венчание есмь христианское таинство, в коем жених и невеста пред Богом дают посул о супружеской верности, и венец их Богом благословляется... *«Любовь супружеская есть любовь, Богом благословенная»*, — поучал святитель Феофан Затворник. Дабы ваш союз был достойным отображением таинственного союза Иисуса Христа с Церковью вы, Александр и Клавдия, ныне обретающие венец, должны плоть подчинить духу... Венцы брачные — се вериги подвижничества, венцы победы над чувственностью... Любовь... Нынешняя популярная культура — литература, кино, телешоу — что воистину от князя тьмы и смерти, до поганого блуда опустила понятие любви, а Любовь — имя Бога... С крещением и

облачением Древней Руси во Христа русские уже не поклонялись блудным бесам, но осознали Любовь, яко имя Бога — *Бог-Любовь, Бог-Слово*, — и образ Бога на земле, ибо в христианском воззрении любовь — любовь к Богу и ближнему и ничто иное. Бог сотворил всё по любви, ибо Сам Бог есть Любовь. *«Где любовь, там Бог, там всё доброе»*, — поучал святой праведный Иоанн Кронштадтский. А святой любомудр Иоанн Лествичник так мыслил о любви: *«Любовь — дар не мира сего, ибо это имя Самого Бога. Поэтому она неизреченна»*. Божественно воспел любовь святой апостола Павел: *«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и гору переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы. Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится... Любовь никогда не перестает, хотя пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится... А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше»*.

У православных, принявших Божий венец, любовь в брачных отношениях — любовь и небесная, и земная, и брак был стойким и счастливым, если в браке полюбовно уживались три начала: православно-христианское, домостроительное и чувственное. Се значит, что для жены богоданный муж, Богом данный, есть и возлюбленный брат во Христе, и отец семейства, а уж потом мужчина во плоти. Для мужа богоданная жена, Богом данная, есть и возлюбленная сестра во Христе, и мать семейства, а уж потом женщина во плоти. Брак, венчанный на небесах Господом Богом, был радостен и крепок, коль зиждился на крепких братско-сестринских отношениях во Христе, если жена попалась домовитая, смиренная, живущая по заповедям Христовым, во страхе Божиим, если муж — работающий, яснодушный во Господи, жалостливый, но и кремнистый духом православным, за коим жена, яко за каменной стеной — *за мужика завалюсь, и беса не боюсь*. Божественный брак в православной семье не шатался и без чувственного начала, и даже без отцовско-материнского, но крепко держался на одной лишь братско-сестринской любви во Христе. И супруги, поминая свои отношения, не говорили: любил и любила, а *жалел и жалела...* Традиционные русские понимали *любовь* в смысле *любовь к Богу и ближнему*, а у супругов друг для друга была припасена жаль. Вопреки жестоковым романтикам, изъеденным мирской гордыней, полагающим, что жалость унизительна. После любви к Богу жалость к ближнему превыше всех иных душевных свойств... Недаром, и поговорка в русском народе жила: *человек жалью живёт...* Муж перед Богом ответит и за свои грехи, и за грехи жены, но за сие, как говорил апостол Павел ефесянам, «...жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос Глава Церкви, и Он же Спаситель Тела (*Тела Церкви*). Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем».

Изреченные апостольские поучения, иерей, прищурив глаза, глядя в Санину душу, спросил: — Имаши ли, Александр, произволение благое и непринужденное, и крепкую мысль, пояти себе в жену сию, Клавдию, юже zde пред тобою видиши?

Саня, хотя и от случая к случаю пономарил в храме, когда плотницкий топор бездельничал на верстаке, хотя кое-что и смекал в Божественной литургии и таинствах, ныне вдруг замешкался и лишь кивнул головой. И тут уже услышал грозное повеление отца Евгения:

- Глаголь, Саня: «Имам, честный отче»!
- Имам, имам, честный отче.
- Не обещался ли еси иной невесте?
- Реки, Саня: «Не обещахся, честный отче».
- Не обещахся, честный отче.

Какие обещания?! Помнится, Саня горбатился на клятого буржуя, пахал ... прости Господи!.. на воровском лесоповале и, бывало, уже на третий день так затоскует по Клавдии, что бензопила из рук валится, кус хлеба, словно ворованный, поперёк горла топорщится. Хотя, что уж греха таить, случалось, и любовался на бравых девок, и даже блудные помыслы, случалось, палили грешную душу, но Саня тут же воображал Клавдию, что в бабах пуще расцвела, тем и спасался; но ежели и Клавдия не выручала из беды, настойчиво шептал «Господи, помилуй!.. Господи, помилуй!.. Господи, помилуй!..», и шептал так плотно, что меж словами и малого зазора не оставалось, куда бы скользнул помысел; и завершал мольбу лишь тогда, когда гасло любовострастное пламя и молитвенный ветер развеивал жаркий пепел. Но, бывало, прибежит с лесоповала, стиснет Клавдию в объятьях, шепчет: мол, так истосковался по тебе, любимая, что и белый свет не мил, а жена возьми, да и спроси: «Ты, Саня, по мне истосковался? или... Ты кого любишь-то, скажи, меня или мои бока?..» Саня охолонётся, отпрянет, почешет в затылке: «Я, Клания, люблю твою ласковую душу... — Клания благодарно улыбнётся, а Саня хитро добавит: — С боками вместе...» «Тьфу, на тебя, срамец... — проворчит, бывало, Клавдия. — Остынь, ребятишки кругом...»

Воззрившись на невесту, отец Евгений спросил и её, глаголя:

— Имаши ли произволение благое и непринужденное, и твердую мысль, пояти себе в мужа сего Александра, его же пред тобою zde видиши?

Клавдия с улыбкой глянула на Саню ...словно знойным полуднем холодный дождь сквозь солнце окатил созревшего мужика... и кивнула:

- Имам, честный отче.
- Не обещалася ли еси иному мужу?
- Не обещахся, честный отче.

Кому обещаться, коли, не успев оглянуться, обросла ребятишками и к мужу приросла?! По молодости, вскоре после женитьбы, влюбилась в учителя, так теперь стыдно и поминать.

В ектенью великой, что последовала, дьякон помолился за венчаемых:

— О рабех Божиих, Александре и Клавдии, ныне сочетавающихся друг другу в брака общение, и о спасении их, Господу помолимся.

— Господи, помилуй!.. — воспели ангелы трубящие.

— О еже благословитися браку сему, якоже в Кане Галилейстей, Господу помолимся...

На брачном пиру в Кане Галилейской, помянулось Сане читаное, кончилось веселящее душу питье, и жених с невестой ожидал позор; тогда Иисус Христос обратил в дивное вино шесть каменных водоносов полных воды, и гость удивлённо сказал жениху: «Всяк человек прежде доброе вино полагает, а когда упьются, тогда худшее; ты же соблюл доброе вино доселе...» Пир в Кане Галилейской Сане явился в память потому, что венчанных ожидало свадебное застолье, а самогона тот всего литр выгнал... Саня, пивший редко, но метко ...случалось, и лёжа покачивало... пивший и с ненавистью к пойлу, а во хмелю дурной, дал церковный обет, зарёкся ...пока на год... даже в рот спиртное не брать, и дружков подбивал к

зароку. «В Кане-то, поди, пили вино виноградное, сок, едва забродивший, — прикинул Саня, — а у нас бывает ...бывает, чего уж греха таить... бывает самогона, ужрутся и как собаки раздерутся...» К церковному обету Саню толкнул стыд: совместно было ...убил бы себя, гада!.. когда пьяненький видел испуганные ребячьи глаза, слёзный взгляд Клавдии и скорбные очи иконных ликов...

А батюшка меж тем усердно молился за венчаемых; Клавдия, коя от церковнославянских глаголов могла умилённо прослезиться, слушала молитву, от улады опушая глаза ковыльными ресницами.

— Боже Пречистый, и всяя твари Содетелю, ребро праотца Адама за Твое человеколюбие в жену преобразивый и благословивый я, и рекий: раститесь и множитесь, и обладайте землею, и обою ею един уд показавый сопряжением. Сего бо ради оставит человек отца своего и мать, и прилепится жене своей, и буде та два в плоть едину, и яже Бог спряже, человек да не разлучает... Сам, Владыко Пресвятый, приими моление нас, рабов Твоих, яко же тамо, изде пришед невидимым Твоим предстательством, благослови брак сей, и подаждь рабом Твоим сим...

Батюшка, давнишний друг Щегловых, едва не опростоволосился, едва не поименовал жениха и невесту, как обвыклось село: Саня и Кланы, но спохватился и рек:

— ...и подаждь рабом Твоим сим, Александру и Клавдии, живот мирен, долгоденствие, целомудрие, друг ко другу любовь в союзе мира, семя долгожизненное, о чадах благодать, неувядаемый славы венец... Сподоби я видети чада чадов, ложе ею ненаветно соблюди, и даждь има отросы Небесныя свыше, и от туказ емнаго; исполни дома их пшеницы, вина и елеа и всякия благодости... Помяни, Господи Боже наш, раба Твоего, Александра, и рабу Твою, Клавдию, и благослови я. Даждь им плод чрева, добродение, единомыслие душ и телес; возвыси я яко кедры ливанския, яко лозу благородзную...

Клавдии польстило, что брак её с рабом Божиим Саней в молитвословии сопоставили со святыми браками Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Иосифа и Осенефы, Иакима и Анны — родителей Царицы Небесной, Захария и Елисаветы, родивших святого Иоанна Предтечу. Если не по грехам нашим милостив Господь, — загадала Клавдия, — и она сподобится Царствия Небесного, то, может, среди вечно зелёных райских садов, среди радужных райских цветов и сладкозвучных райских птиц, встретится она со святыми жёнами, поговорит... и особо хотелось свидеться с Елизаветой и Анной...

Позади мирная ектенья и молитвы иерейские о даровании Сане и Клане целомудренной любви, чадородия, земного плодородия, пшеницы, вина и елея. О пшенице и вине понятно, а для чего в хозяйстве елей, венчаемые не доспели... А уж батюшка, принимая от дьякона золочёные венцы, поочерёдно, крестообразно осеняя ими жениха и невесту, дал поцеловать венцы и возложил их на главы венчаемых. Саня с Кланей, украшенные сияющие венцами, почуяли себя царём и царицей, что перебиваются с хлеба на квас.

— Венчается раб Божий Александр рабе Божией Клавдии во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь!.. Венчается раба Божия Клавдия рабу Божию Александру во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь!.. Господи Боже наш, славою и честию венчай я...

Позже, когда Саня, сложив руки для благословения, подошёл к отцу Евгению, батюшка и пояснил венцы:

— Возложением царских венцов возгласил я вам, чада, честь и славу человеку, яко царю творения; и вы, брат и сестра, отныне и довеку царь и царица. Но венцы сии могут быть и мученическими венцами; а перво-наперво, се венцы Царствия

Божиего, а узкую и тернистую тропу в рай откроет вам ваша богоугодная и благочестивая семейная жизнь...

И вновь молитвы за жениха и невесту, сугубая ектеня, и, наконец, дьякон принёс из алтаря медную чашу с церковным кагором. В память о чуде в Кане Галилейской, когда Господь обратил воду в вино, и во имя общей судьбы с общими радостями и скорбями трижды пригубили Саня с Кланей из общей чаши. После сего батюшка соединил правые руки жениха и невесты, укрыл сцепленные персты епитрахилью и под тропари, ангельски ликующие под куполом, а словно в поднебесье, трижды обвёл новобрачных вокруг святого аналая. Сняв венцы с мужа и жены, благопожелал:

— Возвеличися женише якоже Авраам, и благословися якоже Исаак, и умножися якоже Иаков, ходяй в мире, и делаяй в правде заповеди Божия!.. И ты, невесто, возвеличися якоже Сарра, и возвеселися якоже Ревекка, и умножися якоже Рахиль. Веселящихся о своем муже, хранящи пределы закона: зане тако благоволи Бог!..

Помолившись, отец Евгения поочерёдно обнял венчанных:

— Вы, Саня и Кланя, уж десять лет пьёте из единой чаши, полной радостей и горестей, отныне же Царь Небесный и Царица Небесная стали попечителями вашего супружества, и по любви вашей к Вышнему и ближнему, по смирению и молитвенному покаянию, по упованию на Бога, на Матерь Божию и всех святых ниспошлутся вам блага земные и небесные.

После сего батюшка подвёл новобрачных к царским вратам, где жених поцеловал икону Спасителя, а невеста — образ Божьей Матери; затем по древлеотческому свычаю Саня и Кланя приложились к иконам святых Космы и Дамиана, и мучеников Гурия, Самона и Авива, святых благоверных князя Петра, в иночестве Давида, и княгини Февронии, в иночестве Евфросинии, муромских чудотворцев. А напоследок облобызали иконы небесных покровителей, скорых помощников и молитвенников о их душах: Саня — образ святого благоверного великого князя Александра Невского, а Кланя — образ святой Клавдии Римской. Поначалу Щегловы стеснялась прилюдно целовать иконы, падать ниц пред святыми ликами; батюшка углядел и в проповеди сказал: «Если мы будем стесняться любви к Богу, то и Бог постесняется нас любить...»

— Иже в Кане Галилейстей, — на прощание прочёл батюшка отпуст, — пришествием Своим честен брак показавый, Христос, истинный Бог наш, молитвами Пречистыя Своея Матере, святых славных и всехвальных Апостол, святых боговенчанных царей и равноапостолов, Константина и Елены, святого великомученика Прокопия, и всех святых, помилует и спасет нас, яко благ и человеколюбец...

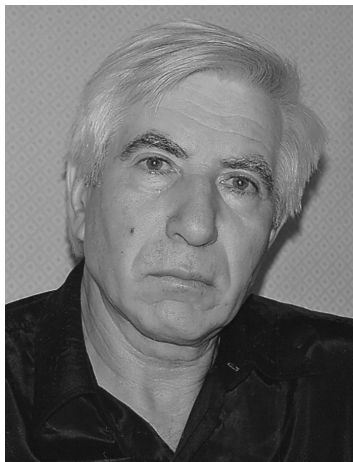
От соснового Никольского храма до избы рукой подать, и Саня с Кланей шествовали, как и десять лет назад в сельсовет, родной приречной улицей; шли мимо изветшавших изб, сгинувших в черёмуховой чащобе, мимо новодельных теремов, где за железными заборами таились здешние торгаши, где гремели цепями и хрипло лаiali псы; шли, обходя лужи и свежо парящий коровий навоз, шли, чинно клянясь старикам и старухам, что на лавочках грели зябнувшие кости, копили тепло на зиму и прищуристо всматривались в бабье лето, журавлиным клином, с печальным курлыканием уплывающее в небеса. Саня вспомнил: и лет десять назад млело растекалось по земле томное бабье лето, прощались с Русью журавли, а он подволакивал охромевшую Клаву, обмирая от счастья. Так добрались и до сельсовета, где председатель с чапаевскими пламенными усами, между шутками-прибаутками бракосочетал их; а теперь добрались и до храма Божия, обрели венцы Господни. Нынче после заутрени, после бракосочетания и венчания журавлиная песнь для Сани и Клани — песнь херувимская, что ласково и властно влекла их души в ясно-синие, осенние небеса.

ПОЭЗИЯ

К 70-летию со дня рождения

ВАСИЛИЙ ЗАБЕЛЛО

Пока живу...

* * *

Что считал родным когда-то,
Нынче стало незнакомым,
Пропылили дни-солдаты
С громкой песней мимо дома.

И растаяли в просторах
Голубых и необъятных...

Но остались в птичьих хорах
Звуки песен непонятных.

Но осталась жизни прелесть —
Мне по звукам, как по вехам,
Вслед за песнями, что пелись,
В невозвратное уехать.

ЗАБЕЛЛО Василий Константинович родился в 1947 г. в селе Утулик. После окончания школы и службы на Тихоокеанском флоте работал на Байкальском целлюлозно-бумажном комбинате. Первая поэтическая публикация — во флотской газете «Тихоокеанская вахта». В 1979 г. удостоился диплома Иркутской областной конференции «Молодость. Творчество. Современность». Стихи публиковались в областных и столичных журналах. Автор шести книг поэзии и прозы. Член Союза писателей России. Лауреат премии Губернатора Иркутской области и премии имени Святителя Иннокентия Иркутского. Живёт в городе Байкальске.

Пока живу

Пока живу... Господь зачем-то держит
Меня на грешной песенной земле.
Бездомник я, и странствиями брежу,
Копаясь в исторической золе.

Всё повторится и со мной, и с теми,
Которые лишь Богу и нужны.
Иду себе, почёсывая темя,
И думаю: дожить бы до весны.

Улыбки женщин больше не тревожат,
Хотя красавиц много на Руси.
Я не монах, но вздрагиваю кожей —
От искушений, Боже, упаси.

Покаемся, помолимся, и снова
Я обращусь к Всевышнему с мольбой.
И, ко всему безжалостно готовый,
Продолжу путь, начертанный судьбой!

Воспоминание

Вспомнил я родимую сторонку,
Заводи в тенистых берегах,
Вспомнил ясноглазую девчонку,
Ситцевое платьице в цветах.

Звуки отдалённые баяна...
Тихо волны лижут берега.
И стоит у тополя Светлана,
Смотрит на заречные стога.

Летний вечер быстро угасает.
В тальнике смолкает птичий гам.
Золотые локоны свисают,
Ручейками льются по рукам.

И стою я рядышком безусый,
За спиной всего — семнадцать лет,
С милою девчонкой светло-русой
И с кульком дешёвеньких конфет.

Ильин день

Плач смородины красной
По краям пустырей.
Взор доверчиво-ясный
Из девических дней.

Нежный говор беседки
И зарю твоих кос
Мне напомнили ветки
Надмогильных берёз.

Потускневшее фото...
Травы сочные в рост...
Дикий гул самолёта
Сотрясает погост.

Сколько выцвело вёсен
Без тебя за окном...
Наша лодка без вёсел
Догнивает вверх дном.

* * *

Брату Владимиру

Жизнь — как песня весёлая,
А порою — унылая...
Были в ней новосёлами,
Стали в ней старожилками.

Уж над нашими избами,
Над таёжным селением

С диким воплем и свистами
Дуют ветры осенние.

В эту пору отчаянней
Годы прежние снятся.
Жизнь — как песня случайная...
Дай покрепче обняться!

Берёзовка

Памяти деревни

Не шумит Берёзовка, не ропщет
При покосных, пашенных делёжках.
Там один старик — живые мощи,
Улыбаясь, трогает серёжки.

По седому морю иван-чая
Он плывёт к погосту за деревней,
Издали берёзу примечает
Над его оплаканной царевной.

Холмик дорогой в траве отыщет
Да о смерти Господа помолит.

Словно кошка, верный пепелищу,
Городской не выдержал неволи.

Постоит, потрогает серёжки
И назад — по морю иван-чая
До своей горюнушки-сторожки,
Каждую букашку привечая.

В полотняной выцветшей одежке
Вдоль глухих, забытых насмерть ставен
Он идёт начертанной дорожкой,
А пройдёт — Берёзовки не станет.

* * *

В глуши великой у Байкала
Томит природа красотой.
Как будто я живу сначала
И не обуздан суетой.

Взойдут ли звёзды над хребтами,
Иль солнце новое взойдёт —

Всё бесконечными веками
В молчанье кружится, плывёт.

И отражаясь в тихих водах,
Загадку древности храня,
Молчит таинственно природа
И дела нет ей до меня.

Русь

...И дух её побед, и поля грусть,
И журавли над замершим привольем...
Коль русский ты, в тебе былая Русь
Живёт и отражается невольно.

Течёт на всенародное гумно
Её зерно янтарным урожаем...
Так небо, ничего не отражая,
В озёрах отражается само.

Святой Лука Крымский

...Возьмите иго Моё на себя...

Евангелие от Матфея

Он выбрал крест и скальпель
В безбожное то время,
По зёрнышку, по каплям
Ронял благое семя.

Платил скорбящей данью
За ту любовь и милость,
Он полюбил страданья —
Душа Его светилась.

И отступала темень,
Он иго нёс Христово.
И возрастало семя
Из той Любви терновой.

Один росток привился
В Чите, что за Байкалом.
И храм зазолотился,
Да так, что места мало.

Идёт под крест с поклоном
Народ, что сердцем верит,
И колокольным звоном
Вновь путь Россия мерит!

Покаянное

О. Анатолию

Знамя багряное свет затмевало,
Ликом с прищуром всюду зияло.

Вето — на Веру, и храмы — в руины!
Жгут октяблями мне душу рябины.

Вихри кровавые Русью кружили,
Радую бесов, страстями мы жили.

Хлебом единым ли тайно спасались?
Только без Веры мы всё ж не остались.

Нам собирать благодатное жито
Лет окаянных без Бога прожитых.

Звон колокольный плывёт, растекаясь.
Спросит ли батюшка: «Каешься?»
— Каюсь!

Проповедники

О. Евгению

До чего же простые умы...
И откуда там зауми взяться?
От весла, топора и сумы
Он призвал их за Ним подвизаться.

И они без раздумья пошли,
Светом истины души встревожить,

Мрак и зло многогрешной земли
Источить и любовь приумножить.

Так вершат они пастырский труд.
Опираясь на посох терновый,
Всё идут по земле и идут
Проповедники Веры Христовой.

* * *

Торчат стволы, объединенные палом,
Но путника не трогает печаль.
На месте пепелища в блеске алом
Цветёт, благоухает иван-чай.

И вновь стогами разродилось поле.
И вновь зовёт дорожная верста.
Диктует жизнь свои закон и волю.
Я покидаю вас, мои места.

Пойду куда? За чем? И сам не знаю.
Русь велика, не считано дорог.

И всё же возвращенье загадаю —
Монетку закопаю под порог.

И где земля отыщется такая,
Не страшно на которой умирать,
И перед смертью, руки простирая,
Захочешь вдруг её поцеловать...

Простите все, кого в пути обидел...
Забросит ветер семя невзначай,
Я к вам вернусь черёмухой в обитель
Иль обернусь, как пепел, в иван-чай.

Старая школа

Степаниде Андреевне

...Калитка останавливает взгляд.
Там тополя тенистые шумят.
И утопают в зелени густой
Крыльцо высокое и дом пустой.

Там свеж и вымыт выбеленный класс.
Там снова детство поджидает нас.
Войдёшь в него — и вдруг замрёт душа,
И эхом отзовется каждый шаг.
Далёкая и светлая страна!
Учительница встанет у окна
И скажет, взгляды чуткие ловя:
«На память мы посадим тополя».

И застучат лопаты и кирки,
И встанут вокруг школы топольки.

Учительница первая моя,
Возможно, не узнаете меня.
Я помню Вас изящной, озорной.
Вы солнышко вносили за собой.

Пусть Вы состарились. И даже не вчера.
Давно ушли со школьного двора.
Но с той поры до наших взрослых дум
Летит печальный тополинный шум.
И утопают в зелени густой
Крыльцо высокое и дом пустой.

Речка Снежная

Выпускникам школы пос. Выдрино

Катится речка Снежная Вольно, широко, плавно. Кончилась жизнь безмятежная, И началась заглавная.	Катится речка Снежная, О вечном своём рокошет. Что, оглянувшись, с нежностью Вспомнить душа захочет?
Школьные двери настежь — Двигай во все пределы... Вышли и Ольги, и Нasti, Свет удивляя белый.	Мы не кукушкины дети — Школе придём поклониться, И понесём по свету Добрые светлые лица.
Густо черёмуха крошит, Белит откосы, поляны. Выйдут Алёны, Алёши, Марьи зайдут, Иваны.	К выбранной цели однажды Будем идти прилежно... Божья искра есть в каждом... Речка ты наша, Снежная!

Слюдянский вокзал

Японский халат длиннополый, Кожанки, шанхайки, тряпки... Торгуют китайцы, монголы — Скуластые лица гладки.	Глядели угрюмо, устало Бойцы военного срока. И к ним ребятня не за жвачкой, За горстью крупы с котелками... И, если случалась удача, Стремглав разлеталась к мамам.
И тут же отчалят на запад, Махнут до Москвы и дальше... Востока свирепый запах Несут к ярославским башням.	От первой вещающей склянки До рупоров говорящих Вращаются судьбы Слюдянки Меж прошлым и настоящим.
Экспрессов шальные прогоны... Секущие полночь светы... Гудящие улы — перроны... Вот рой налетел — и нету...	Ах, бисер светящихся окон В полных байкальских водах. Хотел бы уехать далёко, Да отошли мои годы.
Но помнит Слюдянка составы, Гонимые смертным роком.	

* * *

Железные заснежены вагоны... Угрюмые молчат проводники. Впадают в грусть пустынные перроны... Короткое пожатие руки...	Ушёл твой поезд, скрылся в ночи лунной, И я побрёл с поникшей головой. Не пожилой, но далеко не юный, Навстречу неизвестности самой.
И разошлись навеки наши тени: Твоя нырнула в тамбурный пролом, А тень моя в прожекторном свеченье Качалась ещё долго за столбом.	И думал я о встречах, о разлуках, О том, что уходило навсегда. А за спиной в колёсных перестуках За поездами мчались поезда.

Осенний романс

Отдалённые крики гусей
Да у прясла поникший подсолнух.
И несёт говорливый ручей
Отшумевшие листья черёмух.

Я за листьями с грустью слежу,
Вспоминая о пройденном годе,
И от прошлого вдаль ухожу
Точно так же, как лето уходит.

Был ухабист, обрывист мой путь,
Отторженьем любви был отмечен...
Всё же ты про меня не забудь
В тот медовый божественный вечер.

Отлетевшие светлые дни,
Грозные байкальские ночи,
Значит, были и правда они,
Если сердце забыться не хочет.

Неотвратной прошла полосой
Между нами разлука-дорога...
Вот и осень подкралась лисой,
Неотступно стоит у порога.

А за ней, первопутком дразня,
Зазвенит ярым гоном округа...
Как живётся тебе без меня?
Доброе слово помянем друг друга.

Предложение

Слаще мёда, слаще лести
Твои жаркие уста...
Путь судьбы продолжим вместе
До могильного креста!

Помолясь, затеплим свечи
На грядущие года.

От меня ты грубой речи
Не услышишь никогда.

Что к сему ещё приложить?
Мой карман пустой пока.
Если это не тревожит,
Вот тебе моя рука!

* * *

Затянулось прощанье моё
На земле.
Скоро осень закончит балы.
А любовь, как цветок
На гранитной скале, —
Лепестки от мороза
Белы.

Удивителен мир,
Удивительна жизнь
В побеждающей силе любви.
Ты сильнее закрепишь,
До весны выдержишь,
Доживи, мой цветок,
Доживи!

Всё, что было с тобой,
То случилось со мной
На бугристых дорогах судьбы.
То ли птицы поют,
Нарушая покой,
То ли голос
Прощальной трубы.

Но чем больше потерь,
Тем настойчивей жизнь
Манит нас отголоском любви...
Ты сильнее закрепишь,
До весны выдержишь,
Доживи, мой цветок,
Доживи!

* * *

Анатолию Горбунову

И мы, любившие когда-то,
Уходим молча без возврата
От наших солнечных долин,
Где клевера цветут и тмин.

И только крохали на плёсах
Напоминают нам о вёснах,
О том, что прошлое грядёт...
Но нас оно не позовёт.

В лицо медвяный веет ветер...
Как жаль, что многих уж не встретим,
С кем начинали торный путь
И вот кончаем как-нибудь.

То предначертанное свыше...
В затылок нам другие дышат:
«Эгей! С дороги уходи...»
Но мы, как прежде, впереди.

И наши милые поляны,
Их медуничный цвет духмяный,
Что заповедано хранить,
До гроба нам не разлюбить.

И будет с кем-то, как и с нами:
И та ж любовь, и тот же пламень
До самой утренней зари
Кричать и рваться изнутри.

Светлые дни

Альберту Гурулёву

Мы вместе любили с тобою
Осенние светлые дни,
Ленивые волны прибоя,
В селенье таёжном огни.

Там теплилась жизнь человека
Задолго до наших путей.
Тайга нам — и память, и лекарь.
Спасенье от вздорных идей.

Измерит и силы, и дали,
К порогу вернёт и к ветле...

Не всё мы ещё отстрадали
На строгой байкальской земле.

Сегодня морозистый вечер,
И падают листья, крутятся,
У каждого путь есть конечный,
Есть смертная с Родиной связь.

За это в подарок судьбою
Даются нам светлые дни,
Закатные волны прибоя,
В селенье таёжном огни.

Весеннее

Станиславу Китайскому

Вскрылись проточные воды.
Вот и тепла дождались.
Здравствуй, пора ледохода!
Здравствуй, зовущая жизнь!

Вспомню дороги, скитанья,
Вспомню тревожные дни.
Разноголосицей стайной
В сердце стучатся они.

Пахнет берёзовой смолкой.
Дни домоседства прошли.
То запоют, то замолкнут
В стане лесном журавли.

Речка уносит омёты,
Чей-то оттаявший след.
Только всё жду я чего-то
От наступающих лет.

Выйду, пойду по-над плёсом,
Там, где пробилась трава.
Стали ясней мои вёсны.
Стала светлей голова.

Снова под небом весенним
Верю, хоть громом убей,
В силу святых обновлений
Родины строгой моей!

ПРОТОИЕРЕЙ ЕВГЕНИЙ СТАРЦЕВ

НАСТОЯТЕЛЬ МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКОЙ (ХАРЛАМПИЕВСКОЙ) ЦЕРКВИ

По стезе святителя Иннокентия, апостола Сибири и Америки

Два крестных хода в Русскую Америку

Крестный ход первый

Крестными ходами христиане ходят давно. Всем известна традиция крестного хода на Пасху, на Богоявление. Сейчас почти забыто древнее шествие в Константинополе, где в этот день, до завоевания города турками, ежегодно с крестным ходом из Императорского дворца в храм Святой Софии выносился хранившийся во дворце Крест Иисуса Христа (части этого Креста, вложенные в его полное изображение), но крестный ход — это всегда торжественное молитвенное шествие.

Протоиерей о. Евгений (Евгений Николаевич Старцев) — настоятель Харлампиевского храма Иркутской епархии Русской Православной Церкви, главный редактор альманаха «Иркутский Кремль» и детского журнала «Звонница» — родился в 1962 году в городе Улан-Удэ, окончил Восточно-Сибирский Технический Институт, обучался в духовной семинарии г. Тобольска. В 1998 г. рукоположен в сан иерея. С 1998 г. по 2006 г. при Читинской и Забайкальской епархии, занимался восстановлением церквей, служил настоятелем в приходах: Свято-Троицкий, Свято-Одигитриевский, Свято-Успенский г. Улан-Удэ, Свято-Никольский с. Турунтаево, Свято-Георгиевский пос. Сосновый Бор, Свято-Богоявленский с. Ильинка, Свято-Никольский с. Троицкое. Автор научных трудов и статей по истории Русской Православной Церкви; издатель серии книг «Храмы Иркутска», а так же русской православно-исторической, историко-этнографической литературы

Наш крестный ход, посвящённый святителю Иннокентию, митрополиту Московскому и Коломенскому, по благословению архиепископа Иркутского и Ангарского Вадима, задумывался как большое путешествие по местам его служения. Необъятные просторы Сибири и Америки, окормляемые его архипастырским попечением, говорят нам о поистине вселенском масштабе его личности.

Напомню, будущий митрополит Московский, в миру Иван Евсеевич Попов, затем Вениаминов, родился 26 августа 1797 года, в день празднования Владимирской иконы Божией Матери, в небогатой семье Евсевия Попова, пономаря Ильинской церкви в сибирском селе Ангинском. При крещении ребёнка нарекли Иоанном. Ване было шесть лет, когда умер отец. Мать осталась одна с четырьмя детьми, и Ваню взял к себе брат отца, диакон Димитрий, служивший в том же Ильинском храме.

В семь лет Ваня стал чтецом. Впервые он стал читать на службе на Рождественской литургии, и первыми его словами были: «Прокимен, глас осьмый: Вся земля да поклонится Тебе, и поет Тебе, да поет же имени Твоему, Вышний». Ни сам маленький чтец, ни люди, бывшие в церкви, не могли тогда предположить, что вся дальнейшая жизнь мальчика будет освящена этими пророческими словами. Толковое чтение маленького Вани понравилось прихожанам, но особенно утешена была мать: ободренная успехами сына, она мечтала определить его пономарем на место отца, чтобы иметь опору себе и остальным детям. Но для этого нужно было идти учиться, и в 1806 году Иван поступил в Иркутскую семинарию.

В суровых условиях семинарской жизни воспитывался будущий великий архипастырь. Вспоминая свою школьную жизнь, Иван Попов говорил впоследствии: «Учился я хорошо, но чистого ржаного хлеба (без мякин) до выхода из семинарии не пробовал». Учебные классы помещались в тех же комнатах, где жили, ели и спали воспитанники. В этой-то семинарии пришлось прожить мальчику-сироте Ивану Попову больше 11 лет; здесь-то раннее сиротство и отсутствие семейной обстановки отразились на его характере. В семинарии он был крайне необщителен со своими товарищами, и не только не разделял их игр, но и мало вступал с ними в разговор. За свою отчуждённость он долго подвергался насмешкам и оскорблениям со стороны товарищей, пока своими дарованиями и деятельностью не привлёк их к себе. Рослый, полный, молчаливый, строго задумчивый, в толстой казённой рубаше, без галстука и жилета, часто даже с открытою широкою грудью, в неподпоясанном казённом халате, Иван Попов резко выделялся от своих сверстников и невольно обращал на себя особое внимание. Притом он и учился отлично. После каждого ежемесячного собрания, или, выражаясь нынешним языком, училищного совета, у него всегда стояла отметка: *eleganter, egregie, eximie* (т. е. прекрасно, превосходно, отлично).

В 1817 году И. Вениаминов ранее чем за год до окончания курсов вступил в брак с девицею, священническою дочерью, Екатериной Ивановной, и в том же 1817 году, 13 мая, был посвящён во диаконы Градо-Иркутской Благовещенской церкви, и всё-таки продолжал учиться, и учился по-прежнему хорошо. Эта женитьба изменила предполагаемый дальнейший ход событий в его жизни. В сане диакона Иоанну Вениаминову пришлось прослужить, несмотря на его первое студенчество, 4 года за неимением свободного священнического места при Благовещенской церкви, и уже только 18 мая 1821 года он был рукоположен во священника, на место умершего при сей церкви священника.

В этой церкви отец Иоанн Вениаминов прослужил только 2 года, но и в это краткое своё священническое служение успел он заслужить любовь и уважение, как пастырь добрый.

Но отцу Иоанну Вениаминову Промысл Божий готовил другую ниву для возделывания. В начале 1823 года преосвященный Михаил II получил указ Священного Синода, что в колонию Российско-Американской компании, на о. Уналашку, послать священника. «Виднее всего, — пишет отец Вениаминов, — оказалась воля Божия о мне при перемещении моем из Иркутска в Уналашку, то есть в Америку. Когда выходец из Америки (некто Иван Крюков, живший с алеутами 40 лет) стал рассказывать об усердии алеутов к молитве и слушанию слова Божия (что без сомнения я слушал от него не однажды), то (да будет благословенно имя Господне!) я вдруг, можно сказать, весь загорелся желанием ехать к таким людям. Живо помню и теперь, как я мучился нетерпением, ожидая минуты объявить мое желание преосвященному, — и он, точно, удивился этому, но сказал только: «Посмотрим». Долгие годы служения в Америке ждали будущего святителя.

Протоиерей Евгений Старцев на яхте «Святитель Иннокентий» в океане

Наш крестный ход в память святителя Иннокентия Вениаминова начался 23 июня 2011 года в день Всех святых, в земле Российской просиявших, в селе Анга, откуда он родом. Отправились мы туда за благословением святителя. Где, как ни на его малой родине испрашивать его. Неисповедимы пути Господни... — всякий раз дивятся паломники, проходя по маленькому, в прошлом даже и не волостному, и не уездному, тихому селу, пристально вглядываясь в обычную сибирскую избу, где родился и жил в отрочестве светоч Русской Православной Церкви.

В поездку с нами собрались участники будущего похода, благодетели и

просто близкие нам люди. Погода нас побаловала. Было очень тепло и солнечно, и после молебна довелось даже искупаться в речке с тем же названием, что и село. Родина святителя нам по-сыновьи близка, и мы, благодушно помолившись, на следующий день отправились в Петропавловск-Камчатский.

Петропавловск-Камчатский — один из самых старых городов на Дальнем Востоке. Первыми из Московского царства сюда добрались казаки в 1697 году. Казаки в Авачинской губе, рядом с камчадалским селением Аушин, что на берегу уникальной Авачинской бухты Тихого океана, zaloжили лабазы для хранения ясака и основали острог. Авачинская бухта удобна для судоходства, для организации жизни моряков, для тех, кто связан с морем. Через 43 года, по составленным ранее картам Камчатской земли, сюда прибыла на двух пакетботах 17 октября 1740 года Вторая Камчатская экспедиция 1733–1743 годов под руководством Витуса Беринга и Алексея Чирикова. Название Петропавловский острог получил от имён кораблей-пакетботов «Святой апостол Пётр» и «Святой апостол Павел». Сейчас в Петропавловске-Камчатском проживает не более 350 тысяч человек, а по всей Камчатке около 550 тысяч.

Город нас встретил весьма приветливо. Отправленное накануне письмо нашим правящим архиереем владыкой Вадимом епископу Артемию, новому архи-

ерею Петропавловскому и Камчатскому, предупредило наш приезд. Мы были радушно приняты, и молитвами владык всё пошло с «бакштагом», т. е. с попутным ветром. Везде, где мы были, нас встречали верующие люди, везде нам были рады.

Благословляя, провожал нас владыка Артемий прямо на пирсе. Спустившись на корабль, он удивился, что яхта очень небольшая. С новым названием «Свяитель Иннокентий» океанская крейсерская учебно-спортивная, 3,5 тонны водоизмещением, с очень хорошим парусным вооружением, способная идти со скоростью свыше 10 узлов, она стояла у стенки пирса среди больших судов, привлекая к себе общее внимание красотой своих корабельных форм.

И вот в ночь на 1 июля мы вышли из порта и прошли ворота Авачинской бухты. Проходя их, мы тут же встретились с первым испытанием в виде небольшого циклона. Ветер с дождём, шторм до 5 баллов были уже в первую ночь. Надо сказать, что испытание морем оказалось довольно серьёзным. Из шести членов экипажа трое человек не имели опыта морских путешествий — это я, мой сын Дмитрий и телеоператор Роман Рютин. Ещё один из членов экипажа Роман Марьянович Мороз — весьма опытный полярный путешественник, предприниматель, член Русского географического общества. Капитан, Анатолий Иванович Иванцов, также взял с собой старшего помощника Рафаила Борисовича Сулейманова, татарина по национальности, родом из Астрахани.

Капитан, много раз ходивший на яхте на Командоры и на острова Русской Америки, сразу нас предупредил, что Рафаил пойдёт с нами, поскольку у него в нас как в мореходах нет никакой уверенности. Более 40 лет проходивший в морях, из них последние 10 лет капитаном дальнего плавания, Сулейманов оказался среди нас самым опытным мореплавателем. На яхте же он был только старшим помощником. Морская иерархия подразумевает абсолютное послушание, что, кстати говоря, по духу довольно близко к церковной жизни. Надо сказать, что Рафаил Борисович, кроме того что был замечательным учителем морскому делу, оказался ещё и очень интересным собеседником. Он задавал нам очень много разных вопросов, стараясь исследовать наше духовное мировоззрение. Как человеку начитанному и обладающему пытливым умом, ему было интересно оказаться в одной лодке с христианами, ещё и со священником. Было много споров, бесед, но обратить его в православие нам так и не удалось. За время похода у нас с ним сложились настолько тёплые отношения, что когда мы уже пришли в Петропавловск и три дня были там, ожидая самолёта в Иркутск, всё никак не могли расстаться. Он всё время к нам приезжал, везде возил, всегда был с нами.

Целью нашего похода в нынешнем году были Командоры. Командорские острова — это архипелаг, состоящий из двух больших островов, Беринга и Медного, и двух маленьких: Арий Камень и Топорков, расположен в юго-западной части Берингова моря Тихого океана в 350 милях к северо-западу от Петропавловска-Камчатского. Острова названы в честь открывшего их в 1741 году мореплавателя командора Витуса Беринга. Длина острова Беринга 85 км, ширина в северной части 32 км, на юге и в средней части около 11 км. Остров Медный тянется узкой полоской от 3 до 6,5 км шириной, на 48 км в длину.

Среди многочисленных визитов на Командорские острова своею значимостью выделяется один — в 1842 году волею случая остров Беринга посетил Иннокентий Вениаминов, уже будучи в сане епископа. Но прежде чем говорить о самом визите, следует вспомнить хронологию предшествующих событий. Летом 1839 года отец Иоанн был принят в Петербурге обер-прокурором Святейшего Синода гра-

фом Протасовым и представил ему «Обозрение православной церкви в Российских поселениях в Америке, с своим мнением об улучшении состояния оной». Иоанн предлагал учредить на территории Русской Америки постоянную миссию и настаивал на расширении властных полномочий благочинного. Но Синод был на летних вакансиях, и иерей отправился в Москву к митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету. Владыка принял близко к сердцу старания миссионера, и 25 декабря после Божественной литургии возвел Иоанна в сан протоиерея. Вскоре у Филарета «возникла мысль об учреждении в Сибири новой отдельной от Иркутской епархии III класса» (до сего момента все территории Русской Америки входили в состав Иркутской епархии). В её состав должны были войти Камчатка и Охотск, а также Курильские и Алеутские острова. 30 апреля 1840 года Синод вынес определение об образовании постоянной миссии в Северной Америке и учреждении благочиннического ведомства над местным духовенством. После известия о кончине любимой супруги Иоанн больше не мог отказываться от высшего церковного служения, и 29 ноября 1840 года был пострижен в монашество с именем Иннокентий в честь святителя Иннокентия (Кульчицкого), а на следующий день был возведён в сан архимандрита. 1 декабря того же года состоялась аудиенция Иннокентия у императора Николая I, который утвердил постановление Синода от 29 ноября об учреждении отдельной Камчатской епархии. Из трёх лиц, удостоиваемых Синодом занять новую епископскую кафедру, император, не раздумывая, избрал «американского пришельца», и 13 декабря состоялось наречение, а 15 декабря архимандрит Иннокентий был рукоположен во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского. События развивались так стремительно и решения были настолько единодушны, что невольно приходит мысль о воле свыше.

В 1842–1843 годах преосвященный Иннокентий совершал поездку по своей необъятной епархии, охватывавшей побережья двух материков. В мае 1842 года он вышел из Ново-Архангельска на галиоте «Мореход» и направился на Камчатку, взяв в сопровождающие священника Иакова Нецветова. Судно уже миновало о. Беринга, когда погода переменилась, и свежий встречный ветер заставил галиот повернуть вспять. Заход на остров не противоречил планам плавания, и к вечеру 9 августа «Мореход» приблизился к берегу. Его Преосвященство присутствовал на всех богослужениях, проводимых Нецветовым. После литургии 12 августа Вениаминов сам лично отслужил благодарственный молебен и гимн святого Амвросия в благополучное завершение морского плавания; а затем обратился к жителям с проповедью о христианской жизни, почтении к Господу нашему Иисусу Христу, любви Бога-Отца и значимости Духа Святого. В скором времени он перевёл свою проповедь на алеутский язык. Известно, что две копии на андреевском диалекте были определены для постоянного пользования в часовню на острове Амле, где Нецветов регулярно читал их после Божественной литургии.

Отстроенные из подручных средств часовенки были маленькими и очень тесными. В таких домах было сложно проводить богослужения и невозможно исповедовать в один день всех желающих. Поэтому по распоряжению Нецветова к лету 1840 года дом на о. Беринга был увеличен и перестроен. Статус этого строения не совсем понятен: сам Нецветов называл его то «молельным домом» (1840), то часовней (1842). Можно предположить, что во время прибытия епископа дом был освящен во часовню. Вероятно, описание именно этого здания приводится (предположительно) в Клировой ведомости Атхинского отдела за 1851 год: часовня «зданием деревянная, построенная из выкидного леса, с потолком покры-

та травой, по внутренности длина всей часовни 12 аршин и ширина 6 аршин, имеет при себе паперть ветхая. Имеет алтарь отделенный иконостасом, в олтаре Престол и жертвенник в малой мере, в иконостасе образа живописныя, из утвари имеется только Евангелие на Алеутском языке, также и прочия к Богослужению необходимые вещи...»

Часовня острова Медного, если верить всё тем же ведомостям 1851 и 1856 годов, была перестроена (едва ли выстроена заново) «усердием жителей сего острова» в 1847 году и также находилась на иждивении Российско-Американской компании. Часовня была освящена «во имя Преображения Христова» до 1851 года. Не исключено, что это произошло летом 1847-го. Часовня простояла без малого четверть века и была заменена на настоящую церковь — по свидетельству Сулковского, посетившего Командоры на клипере «Стрелок» в 1882 году, первая церковь на острове была отстроена американской компанией «Гутчинсон, Кооль и Ко» в 1871 году, строительство обошлось в сумму около 4 тыс. долл.

По определению Священного Синода от 17 февраля 1887 года за № 25 на Командорских островах был образован самостоятельный приход с причтом из священника и псаломщика. Строительство новых церквей было намечено на следующий год: «...весною в 1888 г. начнется постройка новой церкви на о. Беринга, для постройки лес около половины доставлен из Америки (Сан-Франциско), а остальное будет доставлено весною» (ведомость 1887 г.).

Однако из-за недостатка финансирования процесс затянулся. Таким образом, строительство Николо-Иннокентиевской церкви, финансируемое отчасти государственной казной, но главным образом за счёт пожертвований прихожан, было полностью завершено не раньше 1893 года. Здание церкви стояло на том же месте, что и бывшая часовня, — на берегу океана, на территории, примыкающей к современному мемориальному комплексу. В 1892 году в память Витуса Беринга офицерами шхуны «Алеут» и служащими острова в ограде церкви был поставлен небольшой железный крест, обнесённый простой якорной цепью, там он стоит и по сей день, хотя сама церковь сгорела 5 февраля 1985 года, уже будучи сельским клубом. Спасо-Преображенская церковь на о. Медном была построена по тому же проекту, что и Николо-Иннокентиевская, но несколько позже. Она была разобрана на дрова в зиму 1940–1941 годов.

Условия на яхте «Святитель Иннокентий», отправившейся в крестный ход, довольно суровые. Спальные места для пятерых членов экипажа не вмещают шестого члена экспедиции. Обязательное послушание для каждого — несение вахты, поэтому пассажиров на яхте нет. Каждый управляет кораблём в отведённое ему время, меняет паруса, готовит пищу для экипажа.

Но самое грустное, что есть на море, это штиль. Был он и в нашем походе: одни сутки по пути на Командоры и одни — обратно. Почти абсолютная тишина, полное бездвиженье, хлопающие, как простыни, паруса. И в это время наступает такое странное расслабление в теле, уме... И такое состояние, что не знаешь, что думать и что делать. В это время тут же начинает жаловаться на жизнь наш капитан, скорбно посвистывать, «задувая ветер». Когда это перестаёт помогать, он достаёт бутылку рома и выливает содержимое в море, «уговаривая Нептуна». И вот когда на обратном пути после очередного штиля он вылил, наконец, весь свой капитанский ром, тут же ночью поднялся шторм. И мы размышляли потом: то ли много он вылил этого рома, то ли мало. Ветер был серьёзный — до 15–17 м/с, и трепало нас почти сутки. Пришедший с юго-запада встречный сделал наше воз-

вращение довольно трудным. Волны были большими, и всё происходящее было интересно. Я должен сказать, было не страшно, страха нет до той поры, пока человек не оказывается вне действия. Если ты не на вахте, то лучше спать, потому что 4 часа вахты и ещё 4 часа подвахты отбирают много сил. Лучше оставить эти 4 часа на сон, тем более, что тебя никто не имеет права будить, кроме команды капитана «Общий аврал». Праздномыслие, безумная качка, удары корабля о волны, как о бетонную стену, могут навлечь думы о разном... «Что же будет с Родиной и с нами?» А когда ты стоишь на вахте, держишь управление кораблём — это становится самым главным. Чувства переполняют... Приходит на ум молитва... И, естественно, ты весь промокший... Вода, кстати сказать, не очень холодная, по сравнению с нашей родной — байкальской. Когда температура воздуха и воды 10–12 °С, это довольно комфортно, по крайней мере, это не ледяная студёность, к которой мы вряд ли когда-нибудь привыкнем на Байкале. Ну а шторм — это ещё и обретение определённого жизненного опыта.

Кстати говоря, наш старпом, который однажды попал в тайфун, потерял свой корабль. Он ходил в экипаже с опытным капитаном на знаменитой деревянной двенадцатиметровой яхте «Авача», которая совершила оверкиль во время шторма, т. е. её перевернуло килем по курсу. Выйдя с Гавайских островов в Петропавловск, корабль попал в сильнейший тайфун. И после кораблекрушения, когда у них сломалась мачта и лодка дала течь, они потеряли ход. На сигнал «SOS» прилетели американские спасатели, был брошен спасательный плот, а затем за ними пришёл контейнеровоз, который увёз команду обратно в Сан-Франциско. Надо сказать, что всё это происходило в 400 милях от Петропавловска-Камчатского. Все остались живы, слава Богу. Рафаил Борисович часто во время наших бесед с иронией вспоминал обстоятельства того кораблекрушения.

Важно понять, что яхта, с которой связано любое путешествие, становится очень близкой, дорогой — может быть, даже дороже, чем собственная квартира. В какой-то момент она кажется одушевлённой. Яхта, на которой нам пришлось идти по океану, ни разу нас ни в чём не подвела. Она очень красивая, даже грациозная, и у неё прекрасные ходовые качества. Морскую часть нашего путешествия не знаю даже с чем сравнить. Это особые впечатления, особая часть прожитой жизни. Неудивительно, что когда проходит время и мы оказываемся на берегу, море вновь начинает влечь к себе.

Однажды примерно сутки мы не ели и не пили, так как не могли себе этого позволить. Корабль шёл с большим креном, то левым галсом, то правым, по очереди подставляя свои борта встречному ветру. Вспомнился нам тогда случай, приключившийся со святителем во время его плавания в 1842 году к острову Еловый. Известен рассказ о нём дочери преосвященного Екатерины Ивановны Петелиной, сопровождавшей отца своему в том плаваньи, когда в течение многих дней в шторм без пищи и питья святителя Иннокентия со спутниками бросало по морю и уже казалось не оставалось надежды ко спасению. И лишь молитвами преосвященного они были спасены. Он сам писал позже: «В сильную бурю, 28 дней лавировали в виду острова Елового. Все были в опасности от недостатка воды. Я сказал в уме: «Если ты, отец Герман, угодил Господу, то пусть переменится ветер». И точно, — не прошло и четверти часа, сделался попутный ветерок. Вскоре, на могиле старца я служил панихиду. Ничего не видел».

Позже нам станет понятно, почему морские путешествия так интересны и романтичны. Наверное, в том числе потому, что ощущаешь свою совлечённость

стихиям ветра и воды. Я не знаю, как море воспринимается на больших кораблях, авианосцах... Когда же ты в океане под парусом на небольшом корабле в команде близких тебе людей, море воспринимается по-особому.

Если говорить о самих Командорских островах, то они просто удивительны. Само название заставляет их относить к разряду уникальных мест.

Остров Беринга назван так потому, что к нему пристал великий русский путешественник Витус Беринг в 1741 году, случайно обнаружив его в океане во время Второй Камчатской экспедиции. Нам довелось побывать на его могиле и могилах его отважных соратников, на месте, где они высадились после долгого изнурительного пути. Отслужили панихиду, помолились. Вообще, мы старались служить панихиды везде, где была возможность. Там покоятся православные люди, в том числе первый благоустроитель Михаило-Архангельского Харлампиевского храма иркутский купец Емельян Югов.

Второй остров — Медный — назван, очевидно, так потому, что содержит в своих недрах огромное количество меди. Оттого всё вокруг зелёное — от растительности до цвета камней. И даже вода в ручьях кажется зеленоватой. Естественно, медь на острове не добывается, поскольку всё это территория природного заповедника. Правда, попытка одного из предпринимателей, как говорит народное предание, была. Один предприимчивый человек отлил некогда 3 фальшивых царских рубля из меди острова и за это получил 25 лет каторги. Он-то хотел продемонстрировать, что на этом острове есть возможность извлекать что-то полезное, но всё закончилось так, как часто у нас бывает.

Растительность на островах весьма своеобразная и соответствует больше тундре. Неудивительно поэтому полное отсутствие там деревьев и пышного разнотравья. Командорские острова, со своей большой удалённостью от материка, с вечными туманами, которые их покрывают, в сочетании с морем, завораживающи и торжественны.

Люди, живущие там, уже не чувствуют себя в полной изолированности благодаря цивилизации, добравшейся и до них. Встречали они нас очень тепло. Иеромонах Феодор, которого благословил владыка Артемий встретить на Командорах нашу экспедицию, прилетел туда самолётом и с волнением ждал нас на берегу с местными жителями. Когда я выходил на берег, то мне казалось, что могу смутить встречавших своей неровной поступью. Два дня морской болезни, которая выключила меня из рабочего состояния, отсутствие привычки длительных морских путешествий заставляли вновь привыкать к земной тверди. Подходили мы к островам в густом тумане, который обычен для Командор, но который весьма опасен для мореплавателей. Обнаружили мы себя рядом с островом с помощью GPS-навигатора, обычной морской карты и сотового телефона по весьма условным береговым ориентирам.

Святитель Иннокентий не оставлял нас в нашем путешествии. Его частица была в иконе на борту, а образа святителей Николая Чудотворца и Германа Аляскинского дополняли наш иконостас. Хочу сказать, что иногда приходилось нам усердствовать в молитве. Так, на два раза были прочитаны и Псалтирь, и Евангелие. Недаром говорят в народе: «Кто в море не хаживал, тот Богу не маливался».

После трёх с половиной суток пути встречали нас на берегу с хлебом и солью. Отец Феодор в полном облачении, община вместе с главой администрации Светланой Васильевной Арнацкой стояли на берегу, высматривая нас в непроглядном тумане. Мы не ожидали такой тёплой встречи, потому были очень тронуты. Вме-

сте, с песнопениями, торжественно, мы прошли крестным ходом до многоквартирного жилого дома, где располагается домовый храм в честь Святителя Николая. Он представляет собой большую комнату, приспособленную для богослужений. Тут же отслужили литургию. Меня поразило, что абсолютно весь приход поёт во время службы. Это очень умирительно, потому что это пение искренне верующих людей, которые, кстати, напомнили мне первых прихожан в моём первом сельском приходе в далёком родовом сибирском селе.

Женщину, которая нас любезно взяла на постой, зовут Ольга Петровна Кузнецова. Приняла она нас как родных, перестирала просоленные океаном в шторм наши вещи, кормила и сопровождала в прогулках по острову, всюду представляя как самых дорогих гостей. Известно, что бывают на приходах эдакие мамки-старосты, которые обо всех всё знают и которые одновременно самые уважаемые, однако и самые взыскательные к прихожанам люди. Сын Ольги Петровны — Андрей, — оставив свои дела, целый день возил нас по всему острову, показывал лежбище котиков, живописные бухты, особенную командорскую тундру — дорогие каждому командорцу природные красоты. Там же в посёлке Никольском мы посетили весьма хороший музей, где нас встречали удивительно добрые люди — русские и алеуты.

Две ночи сна без качки и вахт восстановили наши силы, придали бодрости и желание идти дальше. Наутро мы покинули этот гостеприимный остров, и некоторые, провожая нас, плакали. Родственность душ проявилась между нами очень быстро. Вероятно потому, что мы просто православные люди. Светлана Васильевна же вручила нам знаки «Почётный гость острова».

Приезд на Командоры Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла осенью 2010 года придал жизни на островах какой-то новый импульс, привлёк к Командорам особое внимание, о них чаще стали говорить по телевидению, и люди стали как-то оживать. Теперь будущее командорцев, хочется надеяться, изменится к лучшему. В ближайшее время на острове по благословению патриарха должен быть построен храм с домом для священника и воскресной школой. Радостно за командорцев. Хотя ещё некоторое время назад они были в полной прострации, как будто их высадили там и забыли.

На острове Беринга нам удалось найти место, где, как мы полагаем, Емельян Югов закончил свои дни. Это место — Старая гавань — самое удобное и некогда единственное для стоянки предпринимателей на всём острове. Неподальку расположено лежбище котиков, сивучей и когда-то жившей на островах коровы Стеллера — уникального животного, ныне уже, к сожалению, исчезнувшего. Огромные пляжи, заполненные этими зверями, привлекали к себе русских добытчиков, которые часто в своей безумной корысти не думали о последствиях для этих ценнейших животных. Как и теперь, плавали эти звери за своей добычей очень далеко к берегам Камчатки и возвращались сюда, чтобы вывести потомство.

Полюбовавшись на морских котиков и сивучей, мы морем пришли в бухту Командор. Важно отметить, что Беринг со своей командой случайно был прибит морским приливом к этому месту. Не имея карт, не зная, что их ждёт, команда пакетбота «Святой Петр», обессиленная в морском путешествии, высадилась на необитаемом острове. Многие погибли, не пережив зиму. Те же, кто остался, набрались сил, построили корабль и на следующий год достигли берегов Камчатки. Было понятно, что Божьим промыслом они оказались именно в этом месте. Умерло их 31 человек, все там и похоронены, но останки нашли совсем недавно — в 1991 году.

Такое чувство, что все эти далёкие события происходили совсем недавно. Мало что изменилось с той поры: ничего не построилось, речка, как бежала, так и бежит, лишь надгробия и кресты недавние. Мы отслужили панихиду, погрузились на корабль и пошли дальше.

Одной из наших важнейших задач была установка креста на острове Медный. Дело в том, что остров Медный совсем недавно был населённым. Одно из поселений — село Преображенское — находилось на северо-западе острова в очень живописной бухте. Когда мы подходили к ней в 5 часов утра и смотрели на величественные, торжественные скалы на входе в бухту, мы не сомневались, что это одно из красивейших мест на Земле. Я не знаю, с чем можно сравнить эти впечатления. Представьте себе две огромные скалы на входе в бухту высотой в несколько десятков метров, узкий проход и за спиной дыхание океана. Интересно, что именно в этой бухте, как нигде на Командорах, большое количество водорослей, многометровый слой морской капусты. Из-за неё невозможно так просто встать на якорь, что довольно небезопасно.

Когда мы высадились, то увидели, что жители оставили свои дома совсем недавно. Последними уходили оттуда пограничники в 2005 году. Но до той поры там было село, с историей почти в 200 лет, жившее полнокровной жизнью. Одна из тех жительниц, кто в числе последних уходил из этого села, с великой скорбью рассказывала нам о том, как это происходило и какой замечательной жизнью они там жили. Ещё в 1970 году она родила там сына, который вместе с ней теперь живёт на острове Беринга. Люди жили в Преображенском долго и довольно неплохо. Об этом свидетельствуют надгробия из редкого мрамора на старом погосте.

Владыка Артемий благословил нас поставить крест на месте, где стояла церковь в честь праздника Преображения Господня. Его изготовили в посёлке Никольский. Место для установки мы определили по старым фотографиям села. Скоро после раскопок обнаружили фундамент и даже крышечку от лампадки. Закрепить крест можно было только камнями, которые пришлось носить с берега моря. Теперь, красивый, трёхметровый, возвышающийся над Голгофой из прибрежных камней, он будет напоминать всем, кто придёт сюда, об истинной истории этого оставленного людьми села. Находясь там, понимаешь, что земля эта наша. Здесь люди жили и рожали детей, трудились и радовались жизни, первыми встречали солнце на самом востоке Русской империи. Жаль, но русские ушли из этих мест.

При возвращении на корабль нас неожиданно понесло в океан. Был отлив. Он нёс нас мимо корабля. И едва ли не последними усилиями нам удалось причалить к борту «Святителя Иннокентия», успев воспользоваться, возможно, единственным моментом. Роман Марьянович Мороз, весьма искушённый в такого рода случаях, был в смятении от происшедшего. Он, единственный из нас, кто находился в резиновой лодке, по-настоящему понимал серьёзность нашего положения.

Наконец, мы покинули этот замечательный остров, бухту, село, крест... Подумалось ещё, что это идеальное место для монашеского скита и, может быть, там когда-нибудь затеплится искренняя христианская молитва. Уходя, мы с грустью понимали, что, скорее всего, оставляем эти острова навсегда...

Две недели морского путешествия навсегда останутся в нашей памяти. И почти физическое ощущение огромности нашей родины с ещё большей теплотой и тревогой заставляют относиться к ней и её судьбе. Спасение же и возрождение наше всегда начинается с торжества Духа.

Дорогие мои! Хочу сказать вам, что наш крестный ход не может совершаться

без водительства Божьего. По молитвам святителя Иннокентия он должен иметь продолжение. Думаю, участие в нём будет иметь серьёзные последствия для всех нас.

Всех Вас благодарю за молитвы! Особенно гостеприимных камчадалов и командорцев.

Благодетелей благодарю за то, что поддержали наше общее дело!

И пусть Господь благословит нас на новые крестные ходы.

Святителю отче наш Иннокентие, моли Бога о нас!

Крестный ход второй

Протоиерей Евгений Старцев и паломники

История освоения Аляски, где мы побывали с крестным ходом, неразрывно связана с деятельностью русских людей: мореплавателей, промышленников, купцов, казаков и, конечно, православного духовенства: просветители-миссионеры, исследователи природы, нравов и быта здешних народов. Одной из самых выдающихся личностей, отправившихся в далёкое путешествие в неизведанные земли, был святитель Иннокентий (Вениаминов) — апостол Сибири и Америки. В память о

сем великом православном христианине, о его подвижнической деятельности мы и совершили крестный ход по Тихому океану, по островам и побережью Русской Америки.

Крестный ход памяти Святителя Иннокентия был задуман давно, лет пять назад. Когда мы стали вспоминать нашего великого земляка, уроженца села Анга, что под Качугом, когда умозрительно представили масштабы его трудов во славу Божию, во благо ближних, когда глянули на карту огромной Российской Империи и означили земли, где трудился святитель Иннокентий, то представилась немыслимая территория, включившая в себя по площади целые континенты, такие, например, как Европа или Австралия. Это картографическое исследование привело нас к мысли: а почему бы не оказаться в тех местах, где во славу Божию трудился святитель Иннокентий? А святой был великий труженик на духовном поприще, ибо изначально ведал речение святителя Иннокентия, епископа Иркутского, в честь коего и был духовно именован: «Послушайте, любимцы... Яко же человеку на одной ноге нельзя идти, ниже птице об одном крыле летати. Тако и человеку о единой вере без добрых дел не получить спасения...» Да и в Новом Завете сказано: «Тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Иаков 2:26).

Когда маршрут сформировался, стали готовиться к походу. Взяли благословение у владыки Вадима, и начались чудеса. Первое из них состояло в том, что мы, не имея за душой ни рубля, не имея ни корабля, ни навыков мореходного дела, вдруг получили помощь благодетелей. Был приобретён корабль, нашлись и море-

ходы, которые знают эти широты, и члены команды, которые стали для нас близкими и дорогими людьми. Господь подал нам всё, что необходимо было для сего путешествия. Мы не коммерсанты, никакой прибыли из наших дел не извлекаем; дело церкви посвящено только православному просвещению народа для спасения души в будущей вечной жизни. Интересно, что когда я приехал домой, у меня в кармане остался лишь один доллар. То есть Господь дал ровно столь, сколь необходимо для крестного хода. И лишний раз можно убедиться: есть Божие благословение, есть радение к делу, кое Господь благословляет, получишь ровно столько, сколько необходимо. Коль есть Господне благословение, трудись и не печалься о воздаянии. Сказано же в Святом Писании: «Воззрите на птиц небесных: яко не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Не вы ли паче лучше их есть? И о одежде что печетесь; смотрите лилии полевые, яко растут: не трудятся, не прядут: глаголю же вам, яко ни Соломон во всей славе своей не облачался, яко одна из них (*Мф. 6:26, 28–29*).

Наш поход был большим крестным ходом, ибо совершался во имя святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, и проходил с молебнами и молитвами. И, конечно, без святынь в крестные ходы не отправляются, но — с крестами, иконами Спаса, Царицы Небесной и святых, со Священным Писанием и Священным Преданием, с Псалтырями и Молитвословами. Мы взяли с собой, кроме помянутого, икону святителя Иннокентия с мощевиком — её специально написали к нашему крестному ходу. Но в мощевике — не мощи святителя Иннокентия (Вениаминова), а мощи святителя Иннокентия Иркутского. У нас в епархии пока нет частичек мощей Святителя Иннокентия (Вениаминова).

Владыка благословил мощи святителя Иннокентия Иркутского, коего величают всея Сибири чудотворцем, но известен он далеко за пределами наших краёв. В нынешнем году мне довелось бывать в Австралии с мощами Святителя Иннокентия Иркутского, и там во всех православных храмах есть его иконы. Это можно объяснить тем, что большинство храмов обустраивались людьми, жившими до переселения за океан в Забайкалье, кто приобщён был к вере в сибирских пределах. Отправляясь в эмиграцию, они брали с собой святыни, забирали целые иконостасы и уходили с ними сначала в Монголию, Китай, а оттуда уже переправлялись в Австралию. Надо было видеть, какое умиление вызывала рака с мощами Святителя Иннокентия Иркутского у православных людей, отстоящих, наверное, в четвёртом или пятом поколении от тех, кто когда-то проживал в России. Храмы были полными, приходилось совершать по четыре-пять молебнов в день в разных храмах Австралии.

Стало понятно, что в великом расселении русских по всему миру есть и великий духовный смысл: православное просвещение блуждающих во тьме. Несмотря на то, что русским переселенцам, в силу обстоятельств, пришлось покинуть Америку, духовное значение их пребывания там также было велико, и плоды их деятельности время не истребило.

Крестный ход начался в Петропавловске-Камчатском, где ждало нас парусное судно «Святитель Иннокентий», где для выхода в море создались благоприятные условия. Согласно цели нашего похода мы должны были оказаться сначала на острове Уналашка, потом — на Кадьяке, а потом на — Ситке. Это три центра Русской Америки, которые для нас представляют главный интерес, потому что с них начиналось освоение великих просторов русскими людьми 250 лет назад.

Путешествие было непростым и нелёгким: случалась погода штилевая, когда

паруса обвисали и яхта замирала; случалась погода штормовая, когда яхту кидало, как щепку на огромных волнах. Молились, терпели и верили: «И волос с головы вашей не пропадёт, — терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21:18,19.) Нам пришлось пройти много миль морем, почти такое же расстояние, как от Иркутска до Москвы по суше. Как говорил наш старпом Рафаил: «Было всё, и было интересно».

С Божией помощью благополучно пережив тяготы морского путешествия, пришли на Уналашку — на остров, где святитель Иннокентий начинал своё православное служение в американских пределах. В 1825 году его хлопотами на Уналашке был возведён храм Вознесения Господня — благолепнейшая церковь, где службы проходят по сей день, хотя население острова давно не православное, за исключением коренных жителей. Рядом с храмом расположено старое кладбище; здесь можно видеть известные нам фамилии: Черепановы, Тютюковы.

После Уналашки — Кадьяк, большой и живописный остров, где живёт около 16 тысяч человек. В самом городе — около 9 тысяч, а в сёлах, по всему острову — остальное население.

Россия давно ушла из Русской Америки. Но на Кадьяке есть музей Александра Андреевича Баранова — купца, выдающегося деятеля освоения Америки. Нигде в России вы не найдёте такого музея. С каким вниманием и тщательностью жители Русской Америки сохраняют всё, что относится к истории России!

Расположились мы в Духовной семинарии Американской Автономной Церкви, которая действует уже не первый год на острове Кадьяк. В Русской Америке, на Аляске нет приходов Русской Православной Церкви и Русской Православной Церкви за Рубежом; есть лишь приходы Автономной Американской Православной Церкви, а также приходы Болгарской и Сербской Церквей.

Семинаристы Американской Автономной Церкви нас тепло встретили и разместили в своих покоях в семинарии, но настоящим откровением для меня стала встреча со студентами, учащимися и духовенством Болгарской духовной академии имени Святителя Иннокентия. Мы о ней ничего не знали, когда отправлялись на Аляску, то ли потому что они находятся в другой юрисдикции, то ли по какой иной причине. Но самое сильное впечатление из всего нашего путешествия произвела именно эта община молодых людей, которых собрал вокруг себя отец Паисий.

Отец Паисий — личность, заслуживающая отдельного рассказа. Сам о себе он говорил мало, но о нём много говорили его ученики. Оказывается, отец Паисий — американец с итальянскими корнями. В своё время, состоя в церкви евангелистов, принял участие в проповедническом движении, которое включало в себя около двух тысяч молодых людей. Они шли в самые проблемные районы Америки, в самые сложные и опасные в социальном смысле, не имея в карманах ни доллара, не имея никаких полномочий. Они шли как апостолы, просвещавшие варваров.

Это движение началось в Америке 15 лет назад. И что самое примечательное, из двух тысяч проповедников тысяча стали православными проповедниками. Они искали веру, искали правду, росли духовно. Отец Паисий стал православным священником. Сначала я недоумевал: почему он пришёл не в Русскую Православную Церковь, а в Болгарскую? Но потом для меня это стало не важным: какая, в конце концов, разница. Он состоит в православной церкви — и это самое главное.

Потом отец Паисий уехал на Аляску из своей любимой тёплой Калифорнии и организовал там Академию, которая является школой для тех молодых людей, которые должны изменить свою жизнь через веру, через любовь к Богу и, в конце концов, спастись для жизни вечной.

Когда я сподобился служить молебен у мощей святого Германа Аляскинского, которые покоятся в Воскресенском соборе Американской Церкви, ко мне подошёл отец Паисий, положил голову на плечо и сказал: «Святая Русь». Потом он спросил: мог бы я помолиться у них ночью? Я ответил согласием, ибо для того сюда и прибыл. После воскресной службы мы отправились в Академию, основанную отцом Паисием. Я увидел большой дом, где встретил юношей и девушек. «Это студенты?» — спросил я. «Да, студенты», — ответил отец Паисий. «А где профессура?» — «А профессура в Академии — Господь Бог».

Надо было видеть тех молодых людей, которые с радостью служили нам, когда мы сидели за столом, с таким вдохновением пели во время ночного богослужения, с такой ревностью обустраивали свой храм и своё место жизни, где поселился дух православного братства. Я почувствовал, что это близкие люди, хотя молятся на английском языке, мне мало понятном. Я почувствовал, что Православие — это не только Русская Православная Церковь, но это Вселенская Церковь, которая вбирает в себя людей, пришедших к Богу на разных континентах, в разных странах.

Позже мы поехали на остров Еловый, где некогда подвизался преподобный Герман Аляскинский. Остров произвёл на нас сильное впечатление своей первозданной природной красотой. Нас сопровождали люди, которые никогда не были в России, но мечтают побывать. Встреча с православными Аляски для меня стала рубежной в путешествии, ибо Православие открылось в ином свете, не таким, каким оно было при святителе Иннокентии. Но стало понятно, что его молитвами, его незримым присутствием освящены эти места, эти люди Аляски. Не случайно, своим покровителем они считают Святителя Иннокентия, апостола Сибири и Аляски.

Рядом с Еловым — ещё один небольшой остров, на котором нам удалось побывать. Это остров, который выкупили три монахини, составляющие его население. Настоятельница своеобразного монастыря — мать Глафира. Живут монахини не единым скитом, но уединённо, в чём видят сокровенный молитвенный смысл. Их келии расположены в разных местах, от одной до другой идти около часу по лесу. В самых суровых условиях, в одиночестве эти люди творят молитвы. Сказано же в Святом Писании: «Когда молишься, войди в клеть твою, и затворив двери твои, помолися Отцу Твоему втайне: и Отец Твой, видя втайне, воздаст тебе въяве» (*Мф. 6:6*). Они — американцы, по юрисдикции принадлежат к Сербской Православной Церкви. Монахини тепло встретили нас, угощали чаем, копчёной рыбой, которую получают от монахов, живущих напротив, на острове Еловом, — в монастыре, где всего четверо насельников, тоже из Сербской Православной Церкви. Монахини живут в тишине и природной красоте. Глядя на них, понимаешь, что вера жива, что Господь посещает сердца верных ему и утешает их, и даёт обязательно возможность для духовного подвига. О подобных речено Иисусом Христом: «Дерзай, дочь! Вера твоя спасла тебя» (*Мф. 22*).

Последний остров, который мы посетили, был остров Ситка, или остров Баранова. Прибытие на Ситку — завершающая часть крестного хода — показало, как мало мы, русские, знаем историю Русской Америки и совсем не дорожим ею. Почему нужно знать о Русской Америке, почему нужно бывать в ней? Потому что мы должны через Америку посмотреть на себя самих, на свою культуру, на свою историю, на свой язык, на своё будущее. Потому что в самой Америке, которая глобализирует весь мир, которая под себя подстраивает культуры государств от Африки до Латинской Америки, есть земли, где американский народ глобализа-

ции не поддаётся. Я говорю об Аляске. И спасает их от губительной глобализации Православие, которое уже несколько веков живёт на островах Аляски.

На острове Ситка побывал я в храме Михаила Архангела, что для меня было особенно значительно, ибо и я служу в Михаило-Архангельском храме, но в городе Иркутске. Также на Ситке есть ещё одно святое место — Бишопхаус, в переводе с английского — Дом епископа. Это дом, где святитель Иннокентий провёл около восьми лет своей жизни. Это дом, который он обустроивал, который имеет на втором этаже домовый храм и в котором он жил, когда святительствовал на кафедре в Ситке. Внутренний интерьер дома американцами тщательно восстановлен. По скромности быта, аскетической обстановке дома легко можно сделать вывод о молитвенно созерцательном отношении к жизни святителя Иннокентия. Из окна дома виден океан. Его рабочий кабинет производит сильное впечатление: лишь стол, жёсткий стул, карта и иконы на стенах, больше ничего. Такие же, примерно, спальня и библиотека. Удивительно там находиться, осознавать, что в этих стенах, на этом острове духовно трудился тот, кто когда-то ходил по улицам Иркутска, а позже, уехав в чужие далёкие земли, населённые варварами-язычниками, просветил те земли светом Христовой веры. Святитель Иннокентий — великий русский, хотя и предельно скромный, который в самых тяжких природных условиях, переживая и холод и голод, смертельные опасности, подвижнически, героически трудился для спасения ближних и во славу Отечества. И хотя нет там русских сегодня, каждый из предметов, имеющих даже косвенное отношение к его имени, тщательно сохраняется и бережётся. Нам, русским, в науку.

Много чего в Русской Америке хотелось бы ещё посетить, но времени и возможностей для этого не доставало. Мне не удалось побывать в Форте Росс, но в Сан-Франциско Господь сподобил меня на следующий день после Преображения послужить в Соборе во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» у мощей Святителя Иоанна Шанхайского. Это другая часть истории России, истории совсем недавней, это отголоски великой смуты начала двадцатого века, которая до сих пор царит в умах русских людей. Но от смуты спасает лишь святость, подобная святости человека, чьи нетленные мощи почивают в самом американском городе Америки — городе Сан-Франциско. Но Церковь, которая вновь стала для нас общим домом, — Зарубежная Церковь и Русская Православная Церковь, объединившись, позволили мне служить у мощей Святителя Иоанна Шанхайского. Мощи его нетленны, руки его лежат открытыми, и их неповреждённость производит сильное впечатление.

В Сан-Франциско мне удалось повстречаться с разными интересными людьми. Мы встретились с руководителями Аляскинского университета, где с большим интересом восприняли мои предложения о сотрудничестве, высказанные от имени Иркутского государственного университета и Центра, который создан при университете и нашем храме. Американцам интересно знать, чем занимаются русские, какова у них жизнь, какова природа. Им было важно, что русские пришли на небольшом корабле и вдруг предлагают сотрудничество с целым Университетом.

Теперь мы размышляем о новом путешествии в Русскую Америку. Думается, что это открытие Америки может быть уже не только моим, но — многих русских людей. Русские должны вернуться на свою землю и порадоваться тому, что имеют возможность помолиться в тех местах, где явился подвиг православного духовенства и подвиги русских служивых, торговых и промысловых людей.

Когда смотришь на подробную карту Америки и видишь, что многие реки, отмели, мысы, заливы имеют русские названия, понимаешь, каких героических трудов для русского народа стоило приобретение этих земель. Русские оттуда уехали, а креолы, алеуты, тлинкиты, колоши остались и помнят нас. Когда приезжаешь к ним и они понимают, что ты русский, для них ты — Святая Русь.

Очень важно русским сегодня понять себя, понять, какое государство нам нужно строить, какой должна быть Церковь, какими должны быть мы с вами. Мне бы хотелось, чтобы мы, в силу перспективных взглядов на своё будущее, помнили о наших предках, о нашей истории и не забывали, что Отечество наше, любимое и дорогое, нуждается в нашей заботе, ежедневном труде, молитве. Чтобы семьи наши стали малыми церквями, чтобы русский народ вернулся к тем корням и истокам, от которых ещё совсем недавно с такой ревностью отказывался. И самое важное: церковь должна заниматься христианским просвещением верующих во Христа и неверующих; и это — поле духовной деятельности не только священников, которые призваны к тому долгом службы, но и мирян, прихожан православных храмов. «Итак да будет вам известно, что спасение Божие послано язычникам: они и услышат» (*Деян. 28:28*). Чтобы мы с любовью относились к церквям, ибо для прихожан храм — небо на земле, где можно начать новую жизнь во имя Божие, ради своего спасения для жизни вечной.

ИВАН ГОНЧАРОВ

Русские миссионеры

Очерк из книги «Фрегат «Паллада»

...Но довольно похищать из моей памятной дорожной книжки о виденном на пути с моря до Якутска: при свидании мне нечего будет вам показать. Воротимся в самый Якутск.

Я познакомился почти со всеми членами здешнего общества, и служащими и торгующими, и неслужащими и неторгующими: все они с большим участием расспрашивали о моих странствованиях и выслушивали с живым любопытством мои рассказы. Но кто бы ожидал, что в их скромной и, по-видимому, неподвижной жизни было не меньше движения и трудов, нежели во всяких путешествиях? Я узнал, что жизнь их не неподвижная, не сонная, что она нисколько не похожа на обыкновенную провинциальную жизнь; что в сумме здешней деятельности таится масса подвигов, о которых громко кричали и печатали бы в других местах, а у нас, из скромности, молчат. Только в якутском областном архиве хранятся материалы, драгоценные для будущего историка Якутской области. Некоторые занимаются здесь и в Иркутске разбором старых рукописей и, конечно, издадут свои труды в свет. Но эти труды касаются прошедшего; подвиги нынешних деятелей так же скромно, без треска и шума, внесутся в реестры официального хранилища, и долго еще до имен их не дойдет очередь в истории.

ГОНЧАРОВ Иван Андреевич (1812–1891), русский писатель и литературный критик. Член-корреспондент Петербургской академии наук по разряду русского языка и словесности, действительный статский советник. Автор знаменитых романов «Обломов» и «Обрыв», пьесы «Обыкновенная история» и других произведений. В течение двух с половиной лет Гончаров был в кругосветном путешествии (1852–1855), где написал цикл путевых очерков «Фрегат «Паллада».

Упомяну прежде о наших миссионерах. Здесь их, в Якутске, два: священники Хитров и Запольский. Знаете, что они делают? Десять лет живут они в Якутске и из них трех лет не прожили на месте, при семействах. Они постоянно разъезжают по якутам, тунгусам и другим племенам: к одним, крещеным, ездят для треб, к другим для обращения.

«Где же вы бывали?» — спрашивал я одного из них. «В разных местах, — сказал он, — и к северу, и к югу, за тысячу верст, за полторы, за три». — «Кто ж живет в тех местах, например к северу?» — «Не живет никто, а кочуют якуты, тунгусы, чукчи. Ездят по этим дорогам верхом, большею частью на одних и тех же лошадях или на оленях. По колымскому и другим пустынным трактам есть, пожалуй, и станции, но какие расстояния между ними: верст по четыреста, небольшие — всего по двести верст!»

«Двести верст — небольшая станция! Где ж останавливаются? где ночуют?» — спрашивал я. «В иных местах есть поварни», — говорят мне.

При этом слове, конечно, представится вам и повар, пожалуй, в воображении запахнет бифтексом, котлетами...

«Поварня, — говорят мне, — пустая, необитаемая юрта с одним искусственным отверстием наверху и со множеством природных щелей в стенах, с очагом посредине — и только». Следовательно, это quasi-поварня.

...На днях священник Запольский получил поручение ехать на юг, по радиусу тысячи в полторы верст или и больше: тут еще никто не измерял расстояний; это новое место. Он едет разведать, кто там живет, или, лучше сказать, живет ли там кто-нибудь, и если живет, то исповедует ли какую-нибудь религию, какую именно и т. п. — словом, узнать всё, что касается до его обязанностей.

«Как же вы в новое место поедете? — спросил я, — на чем? чем будете питаться? где останавливаться? По этой дороге, вероятно, поварен нет...» — «Да, трудно; но ведь это только в первый раз, — возразил он, — а во второй уж легче».

А он в первый раз и едет, значит, надеется ехать и во второй, может быть, и в третий. «Можно разведать, — продолжал он, — есть ли жители по пути или по сторонам, и уговориться с ними о доставке на будущее время оленей...» — «А далеко ли могут доставлять оленей?» — спросил я. «Да хоть из-за шести или семисот верст, и то доставят. Что вы удивляетесь? — прибавил он, — ведь я не первый: там, верно, кто-нибудь бывал: в Сибири нет места, где бы не были русские». Замечательные слова! «Долго ли вы там думаете пробыть?» — спросил я. «Летом, полагаю, я вернусь». Летом, а теперь октябрь!

Вы видите, что здесь в религиозном отношении делается то же самое, что уже сделано для алеутов. Не нужно напоминать вам имя архипастыря, который много лет подвизался на пользу подвластных нам американских племен, обращая их в христианскую веру. Вам известен он как автор книги «Записки об уналашкинском отделе Алеутских островов», издание 1840 г. протоиерея (ныне Камчатского, Алеутского и Курильского архиепископа Иннокентия) Вениаминова. Автор в предисловии скромно называет записки материалами для будущей истории наших американских колоний; но прочтя эти материалы, не пожелаешь никакой другой истории молодого и малоизвестного края. Нет недостатка ни в полноте, ни в отчетливости по всем частям знания: этнографии, географии, топографии, натуральной истории; но всего более обращено внимание на состояние церкви между обращенными, успехам которой он так много, долго и ревностно содействовал. Книга

эта еще замечательна тем, что написана прекрасным, легким и живым языком. Кроме того, отцом Вениаминовым переложено на алеутский язык Евангелие, им же изданы алеутский и алеутско-кадьякский буквари, с присовокуплением на том и на другом языках заповедей, Символа веры, молитвы Господней, всedневных молитв, потом счета и цифр. То же самое, кажется, если не ошибаюсь, сделано и для колош.

Если хотите подробнее знать о состоянии православной церкви в Российской Америке, то прочтите изданную, под заглавием этим, в 1840 году брошюру протоиерея И. Вениаминова. Теперь он, то есть преосвященный Иннокентий, подвизается здесь на более обширном поприще, начальствуя паствой двухсот тысяч якутов, несколько тысяч тунгусов и других племен, раскиданных на пространстве тысяч трех верст в длину и в ширину области. Под его руководством перелагается евангельское слово на их скудное, не имеющее права гражданства между нашими языками, наречие. Я случайно был в комитете, который собирается в тишине архипастырской кельи, занимаясь переводом Евангелия. Все духовные лица здесь знают якутский язык. Перевод вчерне уже окончен. Когда я был в комитете, там занимались окончательным пересмотром Евангелия от Матфея. Сличались греческий, славянский и русский тексты с переводом на якутский язык. Каждое слово и выражение строго взвешивалось и проверялось всеми членами.

Почтенных отцов нередко затруднял недостаток слов в якутском языке для выражения многих не только нравственных, но и вещественных понятий, за неимением самых предметов. Например, у якутов нет слова *плод*, потому что не существует понятия. Под здешним небом не родится ни одного плода, даже дикого яблока: нечего было и назвать этим именем. Есть рябина, брусника, дикая смородина, или, по-здешнему, кислица, морошка — но то ягоды. Сами якуты, затрудняясь с названием многих занесенных русскими предметов, называют их русскими именами, которые и вошли навсегда в состав якутского языка. Так хлеб они и называют хлеб, потому что русские научили их есть хлеб, и много других, подобных тому. Так поступал преосвященный Иннокентий при переложении Евангелия на алеутский язык, так поступают перелагатели Священного Писания и на якутский язык. Впрочем, так же было поступлено и с славянским переложением Евангелия с греческого языка.

Один из миссионеров, именно священник Хитров, занимается, между прочим, составлением грамматики якутского языка для руководства при обучении якутов грамоте. Она уже кончена. Вы видите, какое дело замышляется здесь. Я слышал, что все планы и труды здешнего духовного начальства уже одобрены правительством. Кроме якутского языка Евангелие окончено переводом на тунгусский язык, который, говорят, сходен с манчжурским, как якутский с татарским. Составлена, как я слышал, и грамматика тунгусского языка, всё духовными лицами. А один из здешних медиков составил тунгусско-русский словарь из нескольких тысяч слов. Так как у тунгусов нет грамоты и, следовательно, грамотных людей, то духовное начальство здешнее, для опыта, намерено разослать пока письменные копии с перевода Евангелия в кочевья тунгусов, чтоб наши священники, знающие тунгусский язык, чтением перевода распространяли между ними предварительно и постепенно истины веры и приготавливали их таким образом к более основательному познанию Священного Писания, в ожидании, когда распространится между ними знание грамоты и когда можно будет снабдить их печатным переводом...

При этом письме я приложу для вашего любопытства образец этих трудов: молитву Господню на якутском, тунгусском и колошенском языках, которая сооб-

щена мне здесь. Что значат трудности английского выговора в сравнении с этими звуками, в произношении которых участвуют не только горло, язык, зубы, щеки, но и брови, и складки лба, и даже, кажется, волосы! А какая грамматика! то падеж впереди имени, то притяжательное местоимение слито с именем и т. п. И всё это преодолено!

Я забыл сказать, что для якутской грамоты приняты русские буквы с незначительным изменением некоторых из них посредством особых знаков, чтобы пополнить недостаток в нашем языке звуков, частью гортанных, частью носовых. Но вы, вероятно, знаете это из книги г-на Бетлинка, изданной в С.-Петербурге: «Ueber die jakutische Sprache», если нет, то загляните в нее из любопытства. Это большой филологический труд, но труд начальный, который должен послужить только материалом для будущих основательных изысканий о якутском языке. В этой книге формы якутского языка изложены сравнительно с монгольским и другими азиатскими наречиями. Сам г-н Бетлинк в книге своей не берет на себя основательного знания этого языка и ссылается на другие авторитеты. Для письменной грамоты алеутов и тунгусов приняты тоже русские буквы, за неимением никакой письменности на тех наречиях...

ГРИГОРИЙ СМЕКАЛОВ

В краю, прославленном святителем Иннокентием

ОЧЕРК

1. Крест на берегу

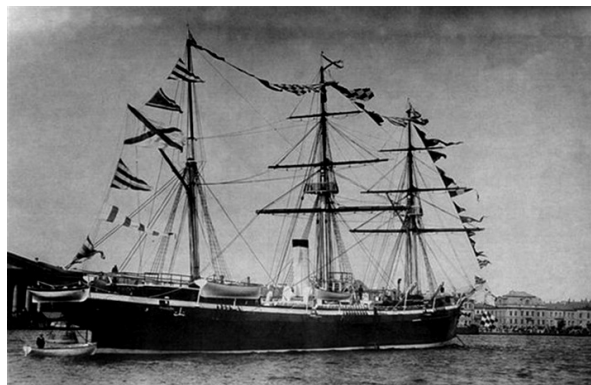
Мореходов отделяют от
смерти лишь дюймы
корабельной обшивки.
Флотская поговорка

На высоком крутом, открытом ветрам и взорам морском берегу рядом со старинным сахалинским постом Дуэ возвышается скромный деревянный православный крест. Мореплавателям он служит как ориентиром, так и напоминанием об опасностях, которые таит в себе полная романтики морская профессия.

Любителям русской маринистики хорошо известен рассказ основоположника этого жанра Константина Михайловича Станюковича «Ужасный день» из его «Морских рассказов», увидевший свет в 1893 году. По знакомым географическим названиям и описанным событиям безошибочно угадываются страницы сахалинской истории. Но действующего в рассказе военного четырёхпушечного клипера «Ястреба» сахалинские моря не помнят. Да и кораблекрушений в ноябрьских водах близ поста Дуэ в 60-е годы XIX века современники не отмечали. Может быть, события в рассказе полностью выдумка автора?

В послужном списке воспитанника Морского корпуса Станюковича значится — служба на клипере «Гайдамак» и дальний поход. Клипер «Гайдамак» хорошо известен в сахалинской истории.

Клипер строился по русским чертежам на английских верфях Питчера и был спущен на воду в 1860 году. Наблюдение за постройкой судна вёл агент по заказам Морского министерства Алексей Алексеевич Пешуров, ставший первым его командиром. Имея хорошее по тем временам водоизмещение — 1094 тонны, при длине 65 метров, корабль развивал скорость до 13 узлов. Он имел полное парусное вооружение и паровую машину в 250 лошадиных сил. Экипаж клипера состоял из 154 человек.

Клипер «Гайдамак». 1860 г.

Забегая вперёд, заметим, что семь орудий «Гайдамака» за его 26-летнюю жизнь никогда не стреляли в людей. Им довелось лишь салютовать в портах всех континентов. (Кстати, пушки «Гайдамака» салютовали в 1875 году по случаю подъёма русского флага на острове Сахалин.)

Сразу же после постройки корабль был направлен на Дальний Восток в распоряжение командира первой самостоятельной Тихоокеанской эскадры И.Ф. Лихачёва. 29 декабря 1860 года клипер снялся с якоря в местечке Гринхайс в устье реки Темзы и лёг курсом на Английский канал. Миновав Атлантику и Индийский океан, в июне 1861 года корабль приступил к несению службы по охране российского Дальнего Востока. 22 августа 1861 года клипер вышел из Николаевска с приказом доставить в Петропавловск архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского Иннокентия. По пути корабль завернул в пост Дуэ для заправки углём. Достаточно трудная, но обычная в те времена, погрузка в условиях открытого рейда спустя шесть дней была успешно завершена. Корабль готовился сняться с якоря, но погода вдруг резко ухудшилась. Ветер быстро достиг силы шторма, с моря пошла большая зыбь.

Командир, конечно, знал, что при западных ветрах залив Дуэ опасен в шторм, но понадеялся на прочность якоря. Это решение оказалось ошибочным. В самый разгар шторма лопнул якорный канат. Тут же был отдан второй якорь. Трос вытравили до 45 саженьей, но и это не спасло корабль. Послышался скрежет корпуса о грунт, и при первых же ударах о прибрежные камни были потеряны гребной винт и руль, в корпусе образовалась течь. У Пещурова оставался только один выход — выброситься на берег с помощью парусов, и он им воспользовался.

Итак, в ночь на 29 августа 1861 года корабль потерпел крушение на рейде поста Дуэ. Стало быть, молодой мичман Станюкович находился на его борту и описал крушение «Гайдамака», изменив название клипера. Интересно, под каким персонажем он вывел себя? Может быть, «новоиспечённый» мичман Нырклов? На клипере «Гайдамак» в тот «ужасный день» находились, кроме Станюковича, ещё два человека, оставивших заметный след в истории Сахалина, да и, пожалуй, Дальнего Востока. Трудно узнать в описании отца Спиридония из рассказа Станюковича хорошо известного нам священника Симеона Казанского, но именно он оставил нам более полные данные о крушении у Дуйского берега. То, что Станюкович вывел в своём рассказе священника, честно говоря, не вызывающего симпатии, на мой взгляд, объясняется тем, что молодой литератор к тому времени был подвержен идеям «нигилизма», распространявшимся и на институт религии. С другой стороны, это всего лишь литературная метафора, усиливающая гнетущее впечатление ожидания страшного конца.

О Симеоне Казанском достаточно много написано как о человеке с твёрдым и решительным характером, самоотверженном и много сделавшем для России и Сахалина. Достаточно прочитать характеристику, данную ему А.П.Чеховым: «Почти всё время поп Семен (Симеон) проводил в пустыне, передвигаясь от одной

группы к другой на собаках и оленях, а летом по морю на парусной лодке или пешком, через тайгу; он замерзал, заносило его снегом, захватывали по дороге болезни, донимали комары и медведи, опрокидывались на быстрых реках лодки и приходилось купаться в холодной воде; но всё это он переносил с необыкновенной лёгкостью, пустыню называл любезной и не жаловался, что ему тяжело живётся».

*Остатки пирса св. Дуэ и поклонный крест
Свт. Иннокентия Московскому. 1997 г.*

Другой, ещё более известный пассажир «Гайдамака», вообще ускользнул от писательского взора К.М. Станюковича, а жаль. Может быть, благополучный исход кораблекрушения для команды и самого писателя зависел от этого неординарного человека.

В августе 1861 года на клипере «Гайдамак» из Николаевска на Камчатку направлялся преосвященный Иннокентий (Вениаминов) — первый епископ Камчатский, Курильский и Алеутский, будущий Апостол Америки и Сибири, митрополит Московский и Коломенский.

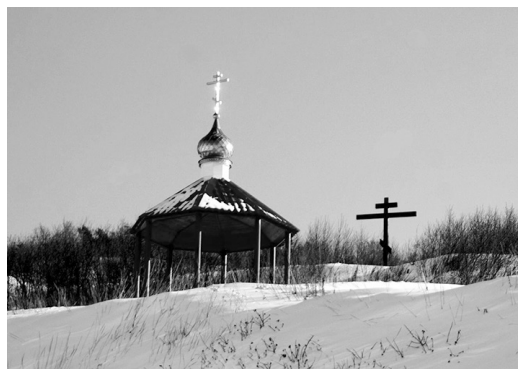
В 1977 году Русская Православная Церковь причислила к лику святых отца Иннокентия как Великого миссионера. Впрочем, этот человек достоин отдельного исследования, и мы к нему ещё не раз обратимся. А пока вернёмся к 29 августа 1861 года и предоставим слово очевидцу Симеону Казанскому: «Сделалась страшная буря; судно наше перебрасывало из стороны в сторону, смятение было полное, все ждали смерти; один преосвященный Иннокентий был в полном спокойствии. Во время сильной качки я случайно очутился против дверей каюты, где был владыка; и вдруг дверь эта сама собою от тряски и качки отворилась; я подумал, что владыка ее отворил, чтобы позвать кого-либо, и я взошел к нему и поражен был такой картиною: среди общего смятения, треска судна и стука волны, преосвященный Иннокентий спокойно стоял перед образом на коленях и горячо молился и читал себе отходную; но когда он увидел меня, сделал такое выражение глаз, что я невольно смутился и весь был потрясен, тут же догадался, что я ему помешал, и опрометью вышел от него, затворив дверь. По окончании же молитвы владыка с невозмутимым спокойствием вышел на палубу и давал уже советы капитану судна. Наконец всё стихло и кончилось, благодарение Богу, только разбитием судна. Преосвященный Иннокентий, по выходе на берег, отслужил благодарственный Господу Богу молебен с коленопреклонением...»

В посту Дуэ архиепископ Иннокентий пробыл несколько дней, пока не прибыл на Сахалин командующий Тихоокеанской эскадры И.Ф. Лихачёв, с которым он отправился в Японию, а затем на Камчатку.

Думается, что мастерство капитана судна сыграло не последнюю роль в спасении экипажа, однако история кораблекрушений насчитывает единицы случаев столь счастливого исхода. Поэтому на высоком сахалинском берегу по праву стоит скромный православный крест в память об избавлении российских моряков от страшной опасности и пребывании в наших краях замечательного Подвижника

и Миссионера, причисленного к лику святых Православной Церковью преосвященного Иннокентия (Вениаминова).

А что же с «Гайдамаком»? По сути дела, это было настоящее кораблекрушение. В таких случаях обычно моряки снимали с судна всё самое ценное, оставляя у берега корпус погибшего корабля как символ победы стихии. Но не таков был командир клипера. Он задумал спасти корабль. Сделать это до зимы не представлялось возможным из-за отсутствия подручных

Православная часовня, установленная в 2011 г. За нею поклонный крест. Место спасения команды клипера «Гайдамак»

средств, и экипаж «Гайдамака» остался зимовать в Дуэ, чтобы весной возобновить спасательные работы.

Вначале с клипера сняли всё тяжелое, после чего удалось подтянуть корабль к самому берегу. Затем моряки образовали вокруг клипера нечто вроде сухого дока, чтобы весной при ледоходе предохранить корпус от дополнительных повреждений. Всю зиму, несмотря на морозы и метели, продолжались работы, был найден потерянный винт с рулём, по льду в море через проруби заброшены два якоря. Оставалось дожидаться чистой воды.

29 мая 1862 года на рейд Дуэ прибыли корвет «Калевала», транспорт «Японец» и пароход-корвет «Америка», с которых на «Гайдамак» были заведены мощные буксиры. Только со второй попытки во время зыби и прилива клипер удалось снять с мели. Сама по себе операция по спасению «Гайдамака» не имела равных. Впервые в морской практике было спасено судно, выброшенное штормом на берег и получившее при этом значительные повреждения. После ремонта в Шанхае «Гайдамак» ещё почти четверть века служил России. А в 1875 году клипер салютовал по случаю подъёма российского флага над Сахалином! Исключён из списков флота корабль был лишь в 1886 году.

2. Сподвижник Святителя Иннокентия

Выдающийся просветитель народов Аляски и российского Дальнего Востока Иоанн Вениаминов (в миру Иван Евсеевич Попов), Свт. Иннокентий, Апостол Америки (1797–1879) — исследователь этнографии алеутов и тлинкитов, учёный и писатель, миссионер, священник Уналашкинской церкви (1824–1834), протоиерей в Ново-Архангельске (Ситха) (1834–1838), епископ Камчатский, Курильский и Алеутский (1840–1850), архиепископ (1850–1867), митрополит Московский и Коломенский (1868–1879) — внёс огромный, неоценимый вклад в освоение и развитие далёких окраин Российской империи. Его имя по праву вписано золотыми буквами в историю Православной церкви.

В тени этой, безусловно, яркой и выдающейся личности свершали свои миссионерские подвиги сподвижники и ученики Святителя. К сожалению, очень мало материалов, рассказывающих об их жизни. Об одном из сподвижников апостола Америки Якове Нецветове я впервые прочитал в 1999 году в публикации известного летописца Российско-Американской компании (РАК), сахалинского историка В.О. Шубина. Будучи в 2006 году на Аляске, я убедился в подлинном восхищении и поклонении жителей северного штата перед личностью православного миссионера. Думается, что его подвиги на островных землях будут интересны широкому кругу читателей. Ведь Святитель Иннокентий не был бы тем, кем он является, если бы не продолжили его святое дело ученики.

В 1804 году в русском селении на острове Святого Георгия в архипелаге Прибыловых островов в семье байдарщика Российско-Американской компании Егора Васильевича Нецветова и его жены-алеутки, коренной жительницы острова Атка Марии, родился первенец Яков. Детство и юность Якова и его младших братьев и сестры проходили в годы деятельности первой Кодьякской православной миссии. Из десяти монахов Валаамского монастыря, входящих в эту миссию, три впоследствии были канонизированы Православной церковью. Их монашеский и миссионерский подвиг не мог не повлиять на дальнейшее решение Якова.

*Стилизированный двуглавый орёл в аэропорту
г. Кодьяк, штат Аляска*

Отец Якова, будучи грамотным человеком, старался дать детям домашнее воспитание. Юношам, проживающим на открытом ветрам и штормам вулканическом острове посреди океана, казалось, жизненный путь был предопределён. Братья Нецветовы становятся работниками РАК. Один — навигатором, другой — кораблестроителем. Но старшему Якову жизненный путь был определён отцом — быть священником. И в этом Промысл Божий. Вспомните роль старшего сына в русских

семьях. Отец делился с церковью самым дорогим.

Известно из документов, что РАК проявляла большую заботу о детях своих работников. Молодых креолов посылали учиться в Ново-Архангельск и даже в Санкт-Петербург. Но в 1824 году Нецветовы кардинально меняют свою жизнь и переезжают в Иркутск, где Яков поступает в духовную семинарию.

Через год, не прекращая учёбы в семинарии, он становится протодьяконом в церкви Св. Епифания в Иркутске, а в 1826 году заканчивает учёбу. Получает аттестат по теологии и истории церкви и переводится на службу дьяконом в Иркутский собор Св. Петра.

По-видимому, рекомендованный своим духовным наставником, архиепископом Иркутским Михаилом, Яков Нецветов становится единственным кандидатом на вакантное место приходского священника аткинской церкви на Алеутах, на родине своей матери. 4 марта 1828 года, получив сан, молодой священник готовится к отъезду. Вместе с ним на Аляску отбыла и молодая жена из русских Анна, четырёхлетний сын, отец и сестра.

Огромная территория, контролируемая РАК, делилась, как сказали бы сейчас, по производственному принципу на промысловые отделы. В каждом был управляющий и необходимые для самостоятельного управления структуры. Таким отделом и являлся с 1823 года Аткинский, куда прибыла семья Нецветовых.

Селение состояло из нескольких земляных юрт, в которых жили алеуты, и только дома правителя отдела, священника и недостроенная церковь были сооружены из строевого леса, завезённого из Ситхи. Помимо занятия промыслом, местные жители разводили домашний скот.

За короткое время Я. Нецветов организовал в посёлке школу, которая первое время существовала под патронатом РАК. И учащиеся, преимущественно алеуты и

Новый Валаам, о. Еловый, штат Аляска

креолы, учились частично за счёт компании. При школе впервые были заведены огороды и построена теплица. Позднее школа стала чисто церковно-приходской.

За годы служения на о. Атка отец Яков перевёл на местный диалект алеутского языка все основополагающие православные книги и большое количество светских статей религиозного содержания и первым проводил службы на языке коренных жителей архипелага. Он начал составление русско-алеутского словаря, чем способствовал распространению русского языка среди алеутов. В свободное время отец Яков занимался изготовлением чучел зверей и птиц для музеев естественно-научного профиля Санкт-Петербурга и Москвы.

В начале 30-х годов кандидатуру отца Якова рассматривали в Ситхе в качестве замены И. Вениаминова (в случае его отъезда из Русской Америки), но на островах Нецветова нечем было заменить, и всё осталось по-прежнему.

Отец Яков был дружен с Иннокентием Вениаминовым, с которым познакомился ещё во время учёбы в Иркутской семинарии. Их связывало не только общее служение. Отец Яков причащал жену Вениаминова в бытность его за пределами Русской Америки и провожал её в последний путь. Нецветов продолжил миссионерские труды Вениаминова среди индейцев атапасков и юпик.

Вскоре отец Яков похоронил и свою жену Аннушку, и отца. Могилы Нецветовых до сих пор сохраняются на православном кладбище Ситхи.

А что же о Курильской миссии отца Якова? Как известно, сначала в 1828 году правительство Российской империи пошло навстречу пожеланиям РАК и образовало Курильский отряд в составе компании. В 1832 году отряд был преобразован в Курильский отдел со всеми вытекающими из этого положения условиями. Это было очень важное решение и для компании, и для курильцев, и для отца Якова.

Дело в том, что до этих пор на Курилы имело виды не только Камчатское начальство, собирающее различные подати в казну, но и священники Камчатской большерецкой церкви, которые более или менее регулярно со времён монаха Ивана Козыревского посещали Северные Курилы для исполнения христианских треб. Узнав об изменении статуса островной гряды, Иркутская духовная консистория в ответ на свой запрос получила разъяснение в марте 1833 года от Главного управления РАК:

...Курильские острова, по состоянию оных в ведомстве компании на колониальных правах, должны и по духовной части быть приписаны к одному из колониальных приходов, из которых Атхинский (так в тексте. — Г.С.) есть ближайший к помянутым островам.

А потому правление и просит консисторию причислить оные к приходу Атхинской Николаевской церкви, с таковою со своей стороны обязанностью, что для исправления христианских треб каждогодно будет приезжать на Курильские острова священник.

Соответственное распоряжение о посылке на Курилы священника получил и Главный правитель российских колоний в Америке барон Ф.П. Врангель. 2 января 1836 года архиепископ Иркутский Иннокентий дал согласие на причисление Курильских островов к Аткинскому приходу, тем самым связав на долгие годы судьбу отца Якова с Курилами.

Всего, по мнению сахалинского историка В.О. Шубина, Нецветов побывал на Курилах четыре раза. Первая, ознакомительная, поездка состоялась в июне 1834 года. Хотя плавание длилось до августа, но из-за штормов и густых туманов удалось кратко посетить только компанейские селения на Шумшу, Симушире и Урупe.

Пока шла разгрузка припасов и погрузка промыслов минувшего года, отец Яков встречался с прихожанами. Причём на Шумшу и Симушире жили, преимущественно, выходцы с Алеутских островов, среди которых у молодого священника было много знакомых. Именно тогда впервые была высказана просьба алеутов иметь на островах небольшую церковь и постоянного священника. Учитывая, что для РАК распространение православия на островах дело далеко не первостепенное, курильцы выразили желание взять на себя все финансовые расходы по этому делу.

Однако прошло ещё несколько лет, прежде чем отец Яков во второй раз попал на Курилы. В мае 1838 года галиот «Мореход» под командованием корпуса флотских штурманов прапорщика А.А. Хализова доставил священника на Северные Курилы. К этому походу Яков Нецветов готовился тщательно. Он имел с собой походную церковь — молитвенную палатку и все нужные церковные вещи: складной иконостас, кадило, лампаду подвесную, настольную кадильницу, священные книги, крестильный ящик и, конечно, церковное облачение. Отца Якова в этой поездке сопровождали дьячок и ученик аткинской школы в качестве пономаря.

26 июня на курильской байдаре переехали в бухту Майроппу на Шумшу, где располагалось компанейское селение. Быстро с помощью местных жителей (алеутов и айнов, для которых приезд священника было долгожданным и радостным событием) поставили молитвенную палатку и начали богослужение.

Позже были собраны сведения о родившихся и умерших после первого посещения (за 4 года). Были составлены списки всех жителей с показанием возраста.

30 июня умерла от простуды малолетняя дочь айнского тойона Филиппа Сторожева Акулина. 3 июля, после отпевания, её погребли на местном кладбище при селении.

Третий поход на Курилы отец Яков совершил в июне 1839 года. Предварительно по распоряжению главного правителя колоний И.А. Купреянова из ранее припасённого строевого леса (американская сосна) был изготовлен сруб часовни в Ситхе. Потом он был разобран и погружён для транспортировки на Курилы.

В 1839 году отцу Якову удалось только доставить материал на Курилы и разгрузить его в бухте Майроппу.

И только на следующий 1840 год во время своего последнего четвёртого пребывания на Курилах отец Яков при активной помощи алеутов и айнов собрал часовню и

торжественно освятил её в присутствии жителей Шумшу и Парамушира. Примечателен тот факт, что местными жителями были собраны значительные суммы пожертвования от продажи пушнины на немалую по тем временам сумму — 4135 рублей. На них позже были приобретены иконы и прочая утварь для часовни на о. Шумшу.

Вдохновлённые курильские прихожане обратились с просьбой к колониальному ведомству выделить средства для строительства новой курильской церкви и прислать постоянного священника, пообещав жертвовать на эти цели ежегодно 600 рублей. Но Главным управлением колоний их просьба была отклонена по причине малочисленности местного населения.

Просветитель народов Аляски
о. Яков Нецветов

Получившие от отца Якова представление о пути спасения, православные курильцы уже не забывали своего духовного наставника и его проповедей. В 1858 году, к сожалению, неизвестный нам миссионер «вторично был послан к курильцам». В своём донесении почти через 20 лет после Нецветова миссионер пишет: «Последнюю зиму я провел на острове Парамушире. Со мною на одном побережье зимовал с несколькими курильскими семействами, курильский тоен, старец весьма почтенный и кроткий, знающий русскую грамоту и очень усердный к службе церковной. Во все время моего пребывания он не пропустил ни одной службы церковной. В дни великих праздников, когда не было холодно и не было бурных метелей, у нас совершались литургии в полотняной церковной палатке, которая для защиты от ветра в свое время устанавливается между нанесенными снеговыми стенами, а снежный пол в церкви всегда устилался чистыми травяными церерами, или зелеными кедровыми ветками. Другие же церковные службы, по непрерывным затруднениям от зимнего времени, постоянно происходили в моей поместительной юрте».

Построенная отцом Яковом на Курилах часовня является самым ярким событием в истории миссионерства этого отдалённого края. Простояла она довольно долго. Имеются документальные сведения о её работе до 1877 года (года фактической передачи Курил Японии). И когда в 1884 году японское правительство насильственным способом переместило северокурильских айнов на южный о. Шикотан, айны взяли с собой самое ценное, в том числе православные иконы из часовни. Позднее эти иконы украсили православную церковь на Шикотане. Айны Курил до конца своих дней оставались православными. В этом итог подвижнической миссии ученика и последователя Святителя Иннокентия отца Якова Нецветова.

Яков Нецветов умер в 1864 году в Ново-Архангельске и похоронен на русском православном кладбище. Могила его сохраняется и поныне, являясь местом паломничества. Надгробным памятником является каменная копия православного храма для индейцев тлинкитов в Ситхе, а над ним деревянная часовня с православным крестом, освященная епископом Аляскинским.

Священник Яков Нецветов причислен к лику святых Православной церковью в Америке в 1994 году.

3. Утраченная реликвия

Скромно, если не считать исторических чтений, состоявшихся в СахГУ в марте 2005 года, прошёл очередной юбилей путешествия на Восток Его Императорского Высочества наследника престола и великого князя Николая Александровича в 1890–1891 годах. А ведь в истории русского Дальнего Востока событие это было весьма знаковым. Впервые государь (пусть и будущий, он взойдёт на престол через три года) посетил восточные окраины своей державы, ознакомился с положением дел на местах, наметил мероприятия, в перспективе должны привести к экономическому и политическому расцвету «задворков империи». И после цесаревича, и в наши дни не часто радовали посещениями Дальний Восток первые люди государства.

Это был далеко не развлекательный морской круиз, столь модный ныне у «новых» русских. Программа поездки наследника российского престола обсуждалась несколько месяцев и ставила перед собой следующие цели:

1. Поклонение святым местам.
2. Образовательная — приобретение 22-летним цесаревичем опыта и знаний, необходимых для служения царю и Отечеству.
3. Ознакомительная, во время плавания:
 - на военно-морском судне с условиями военно-морской службы;
 - с государствами, которые Его Императорское Высочество ещё не посещал.
4. Показать военную мощь России.
5. Осмотр всех казачьих войск, по званию атамана.
6. Изучение на месте важного вопроса об устройстве сплошного рельсового пути в Сибири для облегчения снабжения европейской части России, с этой щедрой, одаренной природой окраиной, считающейся по неисчерпаемым богатствам, заключающимся в её недрах, золотым дном.
7. Совершение во Владивостоке по воле Государя Императора Александра III закладки за счет казны Уссурийского участка Великого Сибирского рельсового пути.
8. Заселение страны вглубь, как одна из основных задач первостепенной важности.

Как видно из поставленных перед цесаревичем целей, поездку правильной было бы назвать рабочей, и она сделала бы честь любому дипломатическому представительству. Перед нами не стоит задача в этой статье дать оценку результатам поездки наследника престола. Тем, кто интересуется, мы рекомендуем ознакомиться с материалами уже упомянутых исторических чтений. Нас же в поездке цесаревича интересует так называемый «инцидент в Оцу».

Благополучно ознакомившись с Грецией, Египтом, Индией и Китаем, в апреле 1891 года наследник престола прибывает в японский порт Нагасаки. У России и Японии к этому времени уже сложились определенные дипломатические отношения. Япония после 1868 года отказалась от политики «самоизоляции». Порт Нагасаки по обоюдному решению двух стран являлся зимней базой Тихоокеанского флота России. На японские острова несли ценности русской культуры и православия дипломаты и священники. Такие, например, как архиепископ Японский Николай (Касаткин), ставший впоследствии апостолом православной церкви в Японии.

Но зарождающейся японской буржуазии были необходимы рынки сбыта товаров, дешёвое сырьё и рабочая сила. Дух самурайства подпитывали лёгкие победы в Китае и Корее. В таких условиях происходило знакомство Николая Александровича с Японией.

29 апреля 1891 года в японском городе Оцу, префектура Сига, произошёл неприятный инцидент, едва не стоивший цесаревичу жизни. Во время прогулки японский полицейский по имени Цуда Сандзо (по одной из версий — религиозный фанатик, по другой — сумасшедший ревнивец) нанёс ему внезапный удар мечом в голову. «Не успели мы отъехать двухсот шагов, — описывает потом Николай это происшествие в письме матери, — как вдруг на середину улицы бросается японский полицейский, держа саблю обеими руками, ударяет меня сзади по голове! Я крикнул ему по-русски: что тебе? И сделал прыжок через моего джинрикшу. Обернувшись, я увидел, что он бежит на меня с еще раз поднятой саблей, я со всех ног бросился по улице, придавив рану на голове рукой». Второго удара не последовало — сопровождавший наследника греческий принц Георгий свалил полицейского бамбуковой тростью наземь.

Весть об этом моментально разнеслась по свету, сделав небольшой городок на берегу озера Бива известным всему миру. Сколько подобных инцидентов застав-

ляли мировую историю делать крутые повороты, чаще всего трагические. «Инцидент в Оцу, — пишет профессор университета Окаяма Ясудо Коити, — обеспокоил японское правительство по двум причинам. Первая состояла в том, что наша страна в результате более чем 20-летних усилий стала, наконец, правовым конституционным государством, завоевала доверие своих граждан и за рубежом. Именно в это время начались переговоры о пересмотре неравноправных договоров Японии с великими державами в Старом и Новом Свете. Случившееся в Оцу могло существенно поколебать международное доверие к нашей стране. И действительно, начавшиеся переговоры были приостановлены.

Вторая, самая существенная, причина заключалась в том, что покушение на царевича могло осложнить отношение Японии с нашим великим соседом — Россией. Ведь Цуда был полицейским из охраны, в этом усматривался недосмотр японского правительства».

Князь Ухтомский, сопровождавший наследника престола, в своих путевых заметках свидетельствует следующее: «Инцидент длился 15 или 20 секунд. Русский посланец Шевич, который прибежал посмотреть на негодя-преступника, сказал, что никогда не забудет зверского выражения лица Цуда. «Я — самурай», — сказал Цуда, скаля зубы. Глубокая неукротимая ненависть пылала в его глазах, пока он смотрел на Шевича».

В книге Осатаке Такеси рассказывается, как раненый, сопровождаемый принцем Такехито, «сел на стульчик в расположенной поблизости мануфактурной лавке, одолжив у принца Такехито носовой платок, вытер кровь, после чего лейб-медик оказал ему срочную помощь. Сохраняя полную невозмутимость, наследник закурил папиросу и сказал принцу Такехито, что такое пустяковое происшествие несколько не омрачило радость в связи с добрыми чувствами, которые проявил к нему японский народ».

Люди, лично знавшие Николая II, свидетельствовали о том, что он никогда не гневался и был сдержанным человеком. Сказалось монаршее воспитание.

В «Хронике императора Мэйдзи» сказано: «Уклонившись от осмотра японского врача, Николай вызвал корабельного доктора с русского военного судна, стоявшего в Кобе, который оказал ему помощь. По свидетельству этого врача, наследник получил две резаные раны на правом виске: одна из них длиной 9 см, достигает надкостницы, а другая, идущая наискось, длиной 7 см, достигает кости и отщепила кусочек кости толщиной с бумажный лист. Кроме того, наблюдается кровотечение из сосудов височной и затылочной артерии».

Далее в этой хронике говорится, когда об инциденте было объявлено, страну охватил ужас. Вокруг негодовали, выражали сочувствие цесаревичу. Японский император с семьёй лично принесли свои извинения. На его имя пришло более тысячи телеграмм со всех концов Японии с выражением сожаления. В Россию весть пришла по телеграфу в тот же день. Императрица, как рассказывали, упала в обморок. Потрясённый император Александр III писал сыну: «От всей души благодарим Господа, милый мой Ники, за Его великую милость, что Он сохранил тебя нам на радость и утешение. До сих пор еще не верится, что это была правда, что действительно ты был ранен, что все это не сон, не отвратительный кошмар. Я воображаю отчаяние Микадо (императора) и всех сановников японских, как жаль для них и все приготовления и празднества — всё пропало и ни к чему, но Бог с ними со всеми. Радуюсь и счастлив, что благодаря всему этому ты можешь начать обратное путешествие скорее и раньше, дай Бог, вернешься к нам».

Александр III приказал прервать путешествие и возвратиться в Россию, что цесаревич и сделал, выполняя волю отца. Исследователи, читавшие дневники Николая II, отмечают, что ежегодно он вспоминал это событие 29 апреля (по старому стилю). Последний раз запись об Оцу он сделал 29 апреля 1916 года в день 25-летия инцидента. Причем тон его записей в дневнике и до и после Русско-японской войны был одинаков. Никогда император ни словом не обмолвился, что питает неприязнь к напавшему на него Цуда Сандзо или презирает японцев. Каждый год служились благодарственные молебны в память о спасении.

Японцы, в свою очередь, о случившемся воздвигли в Оцу часовню, в которой поместили бинты со следами крови Николая II. Говорят, эти бинты сохраняются и по сей день.

Но вернёмся во Владивосток, первым встречающим наследника престола на родине. К радости встречающих примешивается чувство тревоги — здоров ли цесаревич, насколько тяжелы раны? С появлением молодцеватой фигуры Николая по толпе прокатывается облегчённый вздох радости. Среди встречающих находился и наш земляк — первый архитектор Сахалина Иван Аполлонович Чарушин.

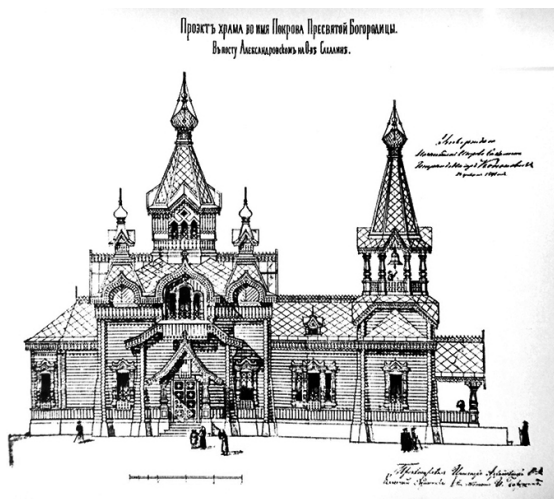
И. Чарушин с дочерью Катей на Сахалине. 1892 г.

В свои неполные 28 лет Чарушин к указанному времени успел свершить многое. Будучи сыном купца из Вятки (г. Киров), Иван Аполлонович к 1888 году, благодаря недюжинному таланту, окончил Петербургскую академию художеств. Его проекты были замечены и отмечены начальством. В 1889 году за проект здания Петербургской городской Думы Чарушин получает звание классного архитектора-художника 2-й степени. Одновременно он участвует с профессором А.Н. Померанцевым в работе над проектом Верхних торговых рядов на Красной площади (ныне ГУМ). Летом 1890 года за проект здания Посольского дома Чарушин получает звание архитектора-художника 1-й степени. Перед юношей открывалась блестящая столичная перспектива. Но...

Трудно сейчас, через столько лет, определить причину, приведшую архитектора в пост Александровский на о. Сахалине. Родственники Чарушина считали, что это необходимость отработки академических денежных пособий. Может быть, родство с известным революционером-народником Николаем Чарушиным, отбывающим наказание на каторге на Каре, подсказало начальству мысль отправить неблагонадежного зодчего на Сахалин. Нам бы хотелось думать, что молодой архитектор хотел самостоятельной работы, где он мог бы себя проявить. Так или иначе, в октябре 1890 года Чарушин, получив назначение от Министерства внутренних дел на должность инженера-архитектора при начальнике острова, оказывается на Сахалине.

Работы главному архитектору Сахалина было — хоть отбавляй. Наблюдение за казёнными постройками, их ремонт, строительство новых зданий, составление

планов поселений, содержание улиц, строительство дорог и т. д. Квалифицированных кадров нет, только каторжане. Материалов нет никаких, а заказы везли из Одессы почти год. Но это не пугало молодого архитектора. Чарушин приступает к главному своему детищу — строительству Покровского храма в посту Александровский. Старая церковь сгорела в ноябре 1890 года. У Ивана Аполлоновича всё получается. Он сам находит в окрестностях Александровска и нужные породы деревьев на материал, и залежи известняка и мергеля (глины). Построил первый на Сахалине кирпичный завод с машинным производством.

Проект Свято-Покровского храма в посту Александровском И. Чарушина

Приамурский генерал-губернатор барон А.Н. Корф, которому предстояла организация встречи наследника во Владивостоке, командирует талантливого зодчего из поста Александровского в приморский центр. Чарушин не только участвует в создании архитектурских проектов, но и организует самостоятельную выставку работ сахалинских каторжников в здании городской Думы. К сожалению, нам сегодня не известны шедевры, представленные на выставке. Известно только, что наследнику престола выставка очень понравилась. А Иван Аполлонович

получил лично из рук цесаревича часы с вензелем и изображением имени Николая.

Встреча с цесаревичем и рассказ о происшествии в Оцу глубоко взволновали Чарушина. Именно тогда сахалинский архитектор задумал проект часовни, посвященный этим событиям. По возвращению из Владивостока он тотчас же взялся за возведение первой на Сахалине кирпичной постройки. (Помните у А.П. Чехова — «на Сахалине нет ни одной каменной постройки»?) Место было избрано не случайное — начало главной улицы поста — Николаевской (ныне ул. Советская), фасадом к рейду, на откосе, недалеко от строящейся Покровской церкви.

Храм и каменная часовня без алтаря «в память избавления Его Императорского Величества Государя императора Николая Александровича от угрожающей опасности, во время путешествия по Японии в бытность наследником» были построены примерно в одно время, в 1893 году, и составляли единый ансамбль. «Из местного камня и кирпича, с чугунной решеткой и украшениями местной литейки, заканчивается золоченым куполом и производит своими архитектурными линиями византийского стиля крайне эстетическое впечатление», — писал о часовне Чарушина современник. Часовня действительно восхищала сахалинцев своей красотой и изяществом. С 1894 года ежегодно 29 апреля из Александровской Покровской церкви совершался в эту часовню крестный ход и служился благодарственный молебен.

С приходом советской власти часовня, на которой были написаны слова «Господи храни государя...» и которая являлась единственной в своем роде релик-

Часовня Чарушина. 20-е годы прошлого века

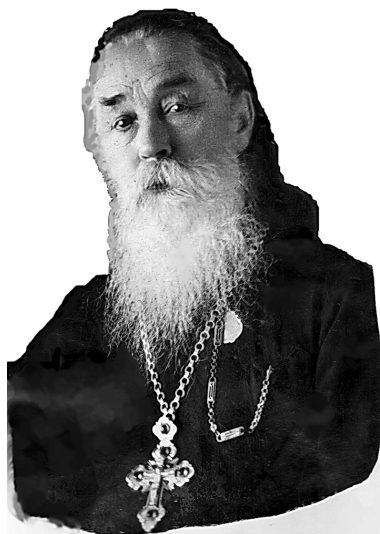
вией далёкого от нас события, была варварски разрушена.

В мае 2003 года Владивосток вернул из небытия, после стольких лет забвения, «Николаевские ворота». Благодаря Александру Ермолаеву и группе его единомышленников Триумфальная арка цесаревича появилась на свет первая и пока единственная в России, как покаяние за Екатеринбургскую трагедию, оборвавшую жизнь последнего российского императора и членов его семьи.

И сегодня, в преддверии «царских дней», отмечаемых православием и русскими патриотами, уже не так фантастично звучит призыв предводителя Сахалинского Дворянского Собрания О.Г. Петрулевич восстановить для потомков уникальное произведение архитектурного зодчества — часовню И.А. Чарушина в г. Александровске-Сахалинском как исторический факт.

Фото из архива автора

Православное миссионерство среди бурят острова Ольхон

*Протоиерей Николай Пономарёв,
настоятель Крестовоздвиженского
храма г. Иркутска в 40–50-х гг.*

В августе 2014 года исполнилось ровно сто лет с момента принятия решения об открытии на острове Ольхон православного миссионерского стана. Это событие подробно описал иркутский священник отец Николай Пономарёв в обстоятельном очерке.

Отец Николай привлекался церковным руководством Иркутской губернии, епархиальным управлением, к ревизионным поездкам по Иркутской епархии, сопровождал иркутских архиереев. В 1913–1914 годах он сопутствовал в поездках Киренского епископа Евгения (Зернова)¹. Они проехали по Иркутской губернии более 7000 верст. При этом отец Николай Пономарев не только документировал важные события, но и проявил себя как талантливый публицист.

Обладал редким талантом, даром журналиста. В своих путевых заметках отец Николай весьма обстоятельно даёт всестороннее описа-

ние географических характеристик посещаемого района, природных условий, быта местных жителей, обычаев коренных жителей-инородцев, их повседневной жизни. Точно и тонко отмечал особенное в традициях. Его материалы представляют большую ценность как источник исторической, культуроведческой и краеведческой информации.

Работа священника «Краткий очерк о. Ольхона» построена в определенной логике. В начале автор дает географическую характеристику острова: размеры территории, описание природы, погоды. Подчеркивает: «По бытовым и географическим условиям остров Ольхон представляет немало интересного и особенного, по сравнению с другими захолустными и отдаленными уголками обширной Иркутской губернии». Читателю становится ясно, что за столетие природа острова в основном сохранилась. А вот условия быта жителей Ольхона несравненно преобразились.

В 1914 году на острове проживало два бурятских рода: —1-й и 2-й Абызаевские, «имеющие 22 улуса, с населением мужского пола — 307 человек, женского

¹Митрополит Евгений (в миру Семён Алексеевич Зернов, 1877–1937). В 1906 г. о. Евгений рукоположен в сан архимандрита и получил назначение на должность ректора Иркутской духовной семинарии, исполнял обязанности настоятеля Иркутского Вознесенского монастыря. В 1913 г. хиротонисан в викарного епископа Киренского. С 1914 г. девять лет возглавлял кафедру Благовещенской епархии. В 1923 г. владыка Евгений (Зернов) был рукоположен в сан архиепископа.

Харизматическая личность, отец Евгений инициировал создание в Иркутске церковно-археологического общества, избран его председателем, член Восточно-Сибирского отдела Императорского Географического общества, Миссионерского комитета и Братства святителя Иннокентия, председатель епархиального училищного совета. Расстрелян в 1937 г. в Карагандинском лагере. В 2000 г. Архиерейским собором Русской православной церкви митрополит Евгений (Зернов) канонизирован по чину священномученика.

Епископ Киренский Евгений (в миру Семён Алексеевич Зернов, 1877–1937)

пола — 344 человека, из них 96 детей школьного возраста. Кроме бурятского населения, на Ольхоне жили русские — учитель местного министерского одноклассного училища и заведующий маяком «Кобылья голова». Других русских жителей на Ольхоне нет». Главное занятие жителей Ольхона — промысел рыбы и нерпы. Скотоводство служило только подспорьем. Из пушных зверей водятся лисица, белка; есть волки, изюбры, но в таком малом количестве, что ольхонцы промыслом их почти не занимались. «Хлебопашеством занимались очень немногие, огородничеством — никто. Достаточный для существования способ рыболовства отодвигает на второй план земледелие, к тому же против земледелия восстают бурятские шаманы, уверяя инородцев, что такое занятие — грех. Прежде, по рассказам бурят, некоторые из них пробовали заниматься земле-

делием и довольно удачно. Появившаяся эпидемия тифа, от которой умерло много бурят, дала шаманам повод говорить, что это бог послал в наказание за то, что они стали рыть землю. После этого инородцы, имевшие пашни, забросили их, и вновь пахать никто не осмеливался».

Ольхонский учитель освоил опыт огородничества и выращивал овощи, особенно картофель. Автор даёт прогноз: «рано или поздно ольхонцам придется, в силу необходимости, взяться за плуг и борону: рыбная ловля в Малом море за последнее время падает, уменьшается и промысел нерпы. Население Ольхона страшно бедствует и частично переходит уже к земледелию, но, по бедности, оно не может пока в достаточной степени оборудовать свои поля нужными орудиями и семенами. Здесь безотлагательно нужна правительственная помощь в снабжении населения земледельческими орудиями и, хотя бы на первое время, полевыми семенами. Тогда, уверенно можно сказать, хлебопашество привилось бы значительно быстрее, и в значительной мере культивировало бы дикую природу Ольхона и самый быт его обитателей.

Жилища бурят поражают своей нечистотой; о мытье полов нет помину, до терпимой опрятности еще очень далеко... Только некоторые, побогаче, имеющие большее общение с русскими, начинают несколько вводить элементарные правила чистоты и опрятности, однако, платье и белье носят до тех пор, пока оно от ветхости не придет в полную негодность; тогда покупают материал и шьют новое. О банях не имеют понятия. Зная, что русские брезгуют есть или пить из грязной посуды, буряты, подавая пищу или питье русскому гостю, вытирают, но только... своим грязным платьем, нередко подолами юбки, и пальцами... Рассказывают, что в 1891 году, когда на Ольхоне ведали холеру, местной администрацией было приказано инородцам жилища содержать в чистоте. К медицинской помощи они прибегают редко, да и что может здесь сделать медицина, когда условия жизни инородцев идут совершенно вразрез с самыми элементарными правилами гигиены. Фельдшер находится от дальних улусов верст за 200 и, при обширности своего района и многочисленности населения, может бывать здесь самое большее один раз в году».

Автор уделяет медицинскому аспекту особое внимание. «Особенно страшную болезнью является проказа. Появилась она среди ольхонских бурят с незапамятных времен и прежде существовала в сильной степени. Буряты очень ее боятся и называют му-иби-шен (худая болезнь). Заболевшего проказой выселяют в отдельную юрту, вдали от улуса, а чтобы не мог выйти оттуда, двери заколачивают. Ничем его не лечат, и только через окошко подают ему жалкие пищу и дрова. Положение больного поистине ужасное...

Один миссионер, служивший когда-то в Еланцинском стане и посещавший о. Ольхон, сообщает два случая посещения им юрт прокаженных. «Больной-христианин, уже год, как сидел в юрте и ни разу его не навещали родственники. Около юрты нанесло громадные сугробы снега и никто не дал лопатки, даже простой доски, разгрести снег: до того их боязнь заразиться.

С помощью представителя от христиан удалось кое-как расчистить снег, и мы вошли в юрту. Юрта летняя, в некоторых местах большие щели, замазанные глиной. В середине очаг, на котором горит два-три полена. Атмосфера прямо невозможная, да оно и понятно, так как больному приходится тут же отправлять естественные надобности. А бывает иногда, что у такого несчастного выйдут дрова и пища, и он должен ждать, пока ему подадут их. Родственники же, зная, что ему не поправиться, не всегда аккуратно снабжают прокаженного топливом и провизией. Другой прокаженный, которого мне пришлось увидеть, был заключен уже три года. Он жил в старой избе, в которой вместо печи был небольшой камин. Три года никто не навещал его, больного; родные и знакомые пришли в ужас, когда я выразил намерение посетить его. Больной был весь в ранах и струпьях, так что действительно было ужасно смотреть на него. И вот таких-то больных, от которых буряты стараются как можно скорее отделаться, приходится навещать миссионеру».

В 1914 г. проказа на Ольхоне почти прекратилась; только в Вуртушкинском улусе проживало двое детей, пораженных этою болезнью, которых «поселили в отдельной юрте со своей слепой бабушкой, она за ними и ухаживала. Медицинской помощи им никакой не оказывали, да и, как ни странно, ее по настоящее время на Ольхоне нет».

Касаясь религиозной жизни бурят-шаманистов, отец Николай вполне объективно оценивает её. «По вере насельники Ольхона шаманисты. Религиозная жизнь их очень своеобразна и оригинальна, представляет немало интересного в отношении обрядов, празднеств и совершителей языческих молений. Религиозные нужды бурят-язычников удовлетворяет шаман. Он умиливляет злых духов молениями и жертвоприношениями, но особенными правами и преимуществами среди инородцев не пользуется: больных не лечит, как ламы, и лекарств никаких не имеет. Не пользуется уважением и как жрец, и нередко случается, что после моления и жертвоприношения они во время обильной попойки не постесняются поколотить своего шамана².

Всякое исполнение религиозного обряда шаманами требует непременно материальных расходов от инородцев, они должны платить им деньги, давать баранов и т. п. Материально бедные, они очень редко прибегают к совершению общественных и частных молений по шаманскому обряду, благодаря чему и шаманы их вместе с ними бедствуют и ламы посещают их редко...»

²Шаманы могли занимать очень высокое социальное положение, а у бурят шаманы были даже первыми политическими лидерами.

Шаманизм запрещал всякую грамотность. Письменность отсутствовала. Из рода в род передавались лишь устные предания и фольклор. Буддисты Монголии и Забайкалья опирались на развитую письменную культуру, использовали образцы искусства Китая, Тибета. Шаманизм не нашёл отражения в письменных памятниках, поэтому не сохранились подробности ни одной церемонии, сведения о пантеоне богов туманны. Отец Николай приводит описание традиций, ставших ему известными. «Шаманы, обыкновенно, бывают наследственны, но могут быть и другого рода. К исполнению обязанностей они приготавливаются с малых лет, присутствуют при языческих молениях и жертвоприношениях, а перед поставлением в шаманы удаляются на несколько дней в лес, бегают здесь голодные, лазят по деревьям до одичания. Потом избираемый является в улус, где собираются 2–3 шамана и народ, но в самый дом поставляемый не входит.

Шаманы приносят жертвы, а посвящаемый ползает на берегу и кричит молитвы и заклинания; затем его приводят, окуривают вереском и богородской травой, и он приносит первую жертву, как шаман. Этим обряд поставления оканчивается, и начинается повальное пьянство. Особенного костюма ольхонский шаман не имеет; носит обычную одежду бурята; во время совершения моления привязывает лишь к своей косичке (тонкой, длинной) разноцветные лоскутки и иногда при молении употребляет музыкальный инструмент, наподобие губной гармони; дома же имеет ящик, в котором навешаны колокольчики и ленточки. Перед этим ящиком шаман ежемесячно совершает моление, в присутствии своих соулусников, для очищения своих грехов, так как в течение месяца, проводя обычную жизнь, он мог где-нибудь и чем-нибудь оскверниться».

При совершении моления над больными шаманы всегда гадают — сжигают баранью лопатку и по ней узнают, какого духа нужно умиловать, какую жертвою и какой шаман может умиловать. О бараньей лопатке существует на месте такое предание: когда люди расселялись по всей земле и образовались разные народы, то Бог повелел от каждого народа по одному человеку явиться к нему за получением закона; в числе других явился и бурят. Получивши писанный закон, бурят отправился от Бога; на пути его застигла ночь; он отыскал стог сена, положил в стог закон, а сам уснул. Ночью к этому зароду (стогу) пришло стадо баранов, и бараны стали есть сено, вместе с сеном и закон. Проснувшись, бурят не нашел закона и решил, что его съели бараны. Поэтому шаманы теперь и смотрят на баранью лопатку, предполагая, что на ней отображён данный Богом писанный закон...

По верованию ольхонских бурят, в древние времена обитателям Ольхона монголам и китайцам покровительствовали: Бурхан-Гэгэн (Гыгэн), а на острове постоянно пребывал Багду-Гэгэн. С переселением монголов и китайцев с Ольхона на Забайкальскую сторону, переселился туда и покровитель Их-Гэгэн. Вместо монголов на о. Ольхон переселились лесные буряты, и в покровительство им бог Иеьгэ-малан послал сына своего Ямсарана, который имел местопребывание в шаманской пещере, почитаемой священной. На поклонение пребывающему в ней Ямсарану приезжали инородцы из Забайкалья и Иркутского уезда. У Ямсарана есть сын Ихэ-шубун (большая птица, или орел), который исполняет волю отца своего Ямсарана и «от него зависит благосостояние всего Ольхона, поэтому ольхонцы считают его близким к ним богом и приносят ему умиловительные жертвы на всяком месте».

Праздники инородцев, в большинстве, никакими языческими обрядами не сопровождаются, а выражаются почти исключительно гуляниями: ходят буряты

из юрты в юрту и пьют тарасун, пока не истощатся все сделанные к празднику запасы этого зелья. Гости вначале принимаются радушно, а по мере истощения хмельных запасов, радость хозяев сокращается, и «в конце надоедливых гостей уже честью просят к выходу».

Большими особенностями обставлено языческое совершение браков, погребений и молебствий. Браки у Ольхонских бурят совершаются так: по заключении договора о калыме, «который выражается суммой 500–700 рублей и 17–25 головами ражного скота», и по уплате части калыма делается свадьба. Накануне венчания (отец Николай называет обряд сочетания браком привычно — «венчание») у невесты бывает девичник, куда приезжает жених со своими родственниками, и бывает гуляние на всю ночь, выражающееся, разумеется, в повальном пьянстве. Утром жених и родственники его уезжают домой. Невесту одевают в лучшие одежды и украшения, дают ей приданое, тюфяк («потник»), одеяло, подушку и ящик, в который отец кладет 1/2 пуда мяса и несколько платков (хадаки) для подарков.

«Из родственников и соседей собирается поезд, и вот, отправляются в улус жениха. Не доезжая версту или две до улуса, делается остановка, чтобы на невесту одеть «дыгылей»³ — верхнюю кожаную одежду с украшениями (эта одежда переходит у бурят из рода в род и сохраняется очень долгое время). Нам показывали «дыгылей», хранящийся 100 лет».

В улусе жениха невесте приготавливалась отдельная юрта, куда она и приезжает со своим приданым и родственниками, а отец невесты заезжает к свату. Начиналось «са-соли» (брызганье)⁴. Ставится на стол 2-3 бутылки с водкой, омуль и хлеб. Из числа присутствующих выбирается почтенный человек и начинается моление, набранный читает молитвы святому «Орголэ убугун», потом брызгает вино вверх и на огонь; то же самое продельвается и у жениха, а потом идёт гуляние и пьянство до восхода солнца, когда начинается собственно сочетание браком.

Невесту приводят в юрту жениха, у дверей юрты раскладывается огонь (костёр) и ставится в большом корыте варёная конская и овечья головы и часть мяса. Невеста проходит в юрту и стоит вместе с народом. Ей подают чашку с топлёным салом; им она обливает огонь три раза; если сало горит хорошо, то невеста будет счастлива. Свёкор после этого даёт ей несколько кусков нетопленого конского сала «арбин»⁵, а сам садится на порядочном расстоянии от невесты с открытой пазухой. Она берёт три куса сала и бросает свёкру в пазуху; если попадёт хотя бы один кусок, невеста будет счастлива; бросание повторяется три раза. Потом свёкор наполняет ганзу (трубку) табаком и подаёт невесте, делая в то же время ей подарок деньгами в 3, 5, 10 рублей, делают подарки деньгами и все родственники свёкра, а невеста всех отдаривает платками.

После этого невеста, поклонившись свёкру, выходит из юрты к костру, тут её встречает жених, и в присутствии почётного родственника они обмениваются

³Дэгэл — традиционное бурятское женское платье, обычно из шёлка.

⁴Спиртное, а именно молочная водка (Архи), используется с незапамятных времён как угощение для духов (онгонов, хозяев местности и т. д.), которые при жизни употребляли спиртное. Архи считается сакральной белой пищей, как и вся пища, производимая на основе молока.

⁵Арбин (арьбин, далан) — жир из шейной части лошади (загривка), который в бурятской и калмыцкой кухне коптят, получая лакомое блюдо. Особенно рекомендуется употреблять в холодное время года. Как закуска очень хороша. Далан используется, в отличие от арбина, не с прямыми кулинарными целями, а лишь при торжественных жертвоприношениях духам, т. е. как типичное ритуальное блюдо, стал употребляться в ритуальном обряде только в середине XIX в., когда заменил жертвоприношение целым жеребёнком (Кулинарный словарь В.В. Похлебкина, 2002).

кольцами три раза, кланяются Онгону Хата и Алтата также три раза, и невеста уходит в свою юрту. Этим и заканчивается обряд «венчания», после чего опять начинается гуляние, иногда довольно продолжительное. По окончании свадебных гуляний родственники невесты уезжают домой и увозят с собою невесту. Она остаётся в доме своих родителей до тех пор, пока за неё не выплатят весь калым. По уплате калыма невесту привозят к жениху и тут оставляют её навсегда. При этом никаких обрядностей не совершается, а бывает только улусное гуляние. Шаманы при венчании никакой роли не выполняют, а если и бывают, то только в качестве гостя.

Умерших ольхонские буряты в землю не погребают, а сжигают на костре. При сожжении закалывается лошадь, которая везла умершего. Шаман при погребении не присутствует, и никаких молений не совершается. После всего бывают поминки. Если кто-то не желает быть сожжённым, то делает завешание о погребении его в землю, и завешание это бурятами исполняется. Православные буряты все погребаются по христианскому обряду на особо отведённых для того кладбищах.

Отец Николай заметил, что антагонизма между крещёными и некрещёными бурятами не замечается, кроме разве мелких случаев по мотивам личного характера. К православному священнику ольхонцы относятся с уважением и почтительностью, обращаются нередко за советами и стараются, при случае, присутствовать при христианском богослужении. Крещёные посещают богослужение при всяком приезде миссионера.

Бурятская семья

К ламам ольхонские инородцы не расположены; при посещении ими острова буряты обращаются к ним разве только за медицинской помощью или с просьбами поворожить об украденном имуществе. По убежденно бурят ламы являются к ним исключительно с целями материальной наживы; отсюда, насколько удалось подметить, отношение к ламам со

стороны многих ольхонских бурят недоброжелательное, злобное, часто граничащее с ненавистью.

Луч Христовой веры проникал на остров весьма медленно, несмотря на то, что Ольхон с 1648 года находился под властью русских. Просвещение инородцев и их св. крещение началось в 40-х годах 19-го столетия ближайшими к Ольхону священниками Косостепского прихода. В 1868 году архиепископ Иркутский Парфений (Попов) предположил открыть миссионерский стан при Ольхонской Степной думе, близ северо-восточного берега Байкала. Миссионерский стан в Ольхонском ведомстве был действительно необходим: «6.000 инородцев, неведущих Бога истинного, блуждали во тьме язычества, боготворили «священный» Байкал и его мертвые утесы». Желание архиепископа Парфения нашло живой отклик в сердцах благотворителей. «Верхоленский купец Михаил Аггеевич Сапожников строит и благолепно украшает храм в улусе Еланцинском в честь Покрова Божией Матери. 24 января 1871 года храм освящается архиепископом Парфением. Тот же

благотворитель устроил в Еланцах миссионерскую школу для бурятских детей. В течение 44 лет со времени освящения храма наибольшее число обращенных к вере Христовой было из окрестных улусов вблизи стана, а чем дальше от храма, тем закоснелость языческая была очевиднее, огрубелость сильнее, проблески веры ограниченнее», — пишет отец Николай.

В 1873 году, по мысли начальника миссии Преосвященного Мелетия, возникает вопрос о постройке молитвенного дома с алтарём в Кутульском улусе, в 12 верстах от Байкала, ближе к Ольхону. Основание было положено, но, по бедности инородцев, было отложено на неопределённое время. Только почти через 20 лет молитвенный дом в Кутульском улусе, по желанию самих инородцев Кутульского и Еланцинского ведомств, был построен и освящён преосвященным Агафангелом (Преображенский, викарный епископ), в ознаменование проезда наследника цесаревича Николая Александровича через Сибирь.

«К этому времени луч света Христова пал уже на самый Ольхон, мрак язычества понемногу редел и рассеивался. Созрел вопрос о постройке молитвенного дома на самом Ольхоне». По предложению архиепископа Вениамина (Благодравова), инородцы 1-го и 2-го Абызаевского рода, живущие на Ольхоне крещеные и некрещеные буряты, 3 февраля 1893 года, в память проезда наследника цесаревича Николая Александровича, пожертвовали в улусе Семисосенном здание вместе с землею для предполагаемого молитвенного дома. При помощи благотворителей храм был закончен в 1897 году и в конце этого года освящен Преосвященным Начальником миссии епископом Евсевием (Никольским). На средства жертвователей-бурят для освящённого молитвенного дома приобретены были: сосуд с прибором, напрестольное евангелие, святой крест и полное священническое облачение. По этому поводу отец Николай восклицает в свойственном ему возвышенном стиле: «Слава Богу! Возшло над Ольхоном ясное солнышко и стало посылать свои благотельно-живительные лучи на каменисто-языческую почву, согревать ее любовью веры Христовой, орошать живительным дождем благодати Божией... 17 лет этот живой благовеститель будит сердца обитателей этих каменных утесов и зовет их к Богу Неведомому для них, греет их любовью Христовою в созидание Церкви Божией».

Торжественное освящение молитвенного дома произвело на обитателей острова сильное, долго неизгладимое впечатление. Почти все они в первый раз видели благолепное убранство храма, торжественное архиерейское богослужение в сослужении с шестью священниками, в первый раз слышали «умилительное, душу захватывающее, пение архиерейского хора». В первый раз улус Семь Сосен принимал столь высокого гостя, не одна сотня крещеных и некрещеных бурят собрались на это торжество.

Кроткое обращение Архипастыря к ним, его внимательность, простота и доступность оставили глубокий след в сердцах этих загорбелых язычников. Особенно они были довольны тем, что в день отъезда Архипастыря полил сильный дождь, а затем был обильный лов рыбы. «Ваш Архирей молился, и Бог дал дождя. Видно Бог его любит», говорили буряты и крещеные, и некрещеные, благодарные Архирею за его молитвы.

30 июня 1914 года Ольхон встречал второго святителя церкви Иркутской, преемника «проповедника веры во языцех монгольских», Преосвященного Владыку Евгения (С.А. Зернов, викарный епископ), епископа Приамурского и Благовещенского. По обозрении приходов и миссионерских станов Верхоленского уезда, Вла-

дыка прибыл к Малому морю Байкала. По отлогому спуску горы видны были буряты и бурятки в пёстрых костюмах, в разных местах разбросаны их арбы, горело несколько костров, около которых сидевшие кругом буряты беспрестанно тянули свои «ганзы». На берегу моря тесно прижались несколько избушек — это лавочки русских торговцев, приезжающих сюда на время ярмарки. Она уже началась. Через Малое море виднелся величественный Ольхон. Совершив для собравшихся на ярмарку моленное пение, свита Владыки, и все сопровождавшие его должностные лица отплыли на Ольхон в 10 часов вечера в большой лодке.

Автор так описывает плавание. «Буряты дружно работали в восемь весел, унося нас в море к улусу Семисосенному. Вечер был тихий и теплый; поверхность моря зеркальная. После перенесенной тряски в тележных экипажах, мы теперь чувствовали полный отдых, дивная обстановка Байкала приводила нас положительно в восторг... Вот мы в открытом море. Темнеет. Слегка поднимается ветер. Сарма, зарябила поверхность моря и легкие волны ударяли о борт нашей ладьи... Вот маяк Кобылья голова, среди наступившей ночи огонек его как-то особенно манил к себе... Сарма начинала дуть сильнее, холодный, пронизывающий ветер заставил нас укутываться в теплые одежды. Ладья двигалась очень медленно. Наконец, стало совсем темно. Сажени пути казались верстами: велико было наше томление, и желание скорее выбраться на берег и укрыться в теплом и сухом помещении. Владыка, надевши на себя весь запас теплой одежды, и сверху дождевик, сидя около мачты, терпеливо переносил непогоду. Сознание долга пред насельниками Ольхона было в нем очень велико. Дождь лил вовсю. И только во 2-м часу ночи мы увидели, наконец, на берегу черные живые точки: это буряты около Семисосенного поджидали нас, чтобы доставить в улус. Подплывая к берегу мы, осенив себя крестным знаменем, запели тропари св. Николаю и Иннокентию. Что-то особенное было в этой минуте: дикие, дикие скалы в полночный час, по своему, с шумом и воем встречали святителя Божия. Минута была величественная, торжественная».

Буряты встретили приехавших приветливо, на лошадях доставили в улус, где гостеприимно были встречены учителем местного училища И.В. Беловым. Он дал приют в своей школе. С трудом гости отогрелись и обсохли.

«1-го июля, несмотря на ненастную погоду, в улусе было необычайное оживление; инородцы нетерпеливо ждали выхода Владыки, собравшись в таком количестве, что молитвенный дом не мог их вместить. В 9 час. Владыка вошел в храм. Миссионер стана священник о. Геннадий Вдовин встретил Владыку со св. крестом и приветствовал краткой речью. В ней он подчеркнул, что пятитысячное население Ольхонского края, разбросанное небольшими улусами среди Байкальских гор, нуждается в помощи, прежде всего, медицинской, необходимо преодолеть страшную бедность, население вымирает».

Со стороны Забайкалья проникает влияние буддизма. «Ламство» хотя и не прививается, но всё-таки наводит сомнение в вере и высасывает последние соки бедного люда, с другой стороны, шаманство, как вера отцов, требует немалых материальных расходов. «Видя обнищавшее население ради удовлетворения религиозных нужд души, невольно скажешь словами бурят — «пойдем в ту веру, которая дешевле». Такою верою, по взгляду бурят, является вера православная. Одно отрадное явление в Ольхонском крае — это школы, откуда разносится истинное учение и обличается невежество шаманства». Оратор подчеркнул: «В настоящее время среди инородцев Ольхонского края в религиозном отношении настало ка-

кое-то таинственное затишье, все ожидают чего-то особенного, высшего. Сегодня время благоприятное. Призови, Владыка, сам своим мощным святительским словом не ведающих Бога в лоно Христа».

После о. миссионера к Владыке обратился местный инородческий писарь С. Брянских, от лица инородцев приветствовал Архипастыря. Он подчеркнул: «К распространению православия и его поддержанию нашими наставниками-миссионерами мы имеем острую нужду. Ведь отдаленные улусы разбросаны на территории от 25 до 260 верст. Эта острая нужда может быть устранена по ходатайству и благословию Вашего Преосвященства. Без православной миссии население может легко поддаться влиянию учению ламаизма... Знанием русской грамоты и русского языка буряты очень дорожат. Для этого они устраивают школы, и недалеко то будущее, когда все население будет грамотно, и с этим рука об руку, при близости православной миссии, может идти успешное распространение нашей православной св. веры... Не коснулось нашего края, при усиленном влиянии проезжих лам, их учение. Нет отступивших от православия крещеных инородцев. При посещении города Иркутска, и даже по обету, шаманисты идут на поклонение мощам св. Иннокентия Иркутского Чудотворца. Это яркий пример неотдаленности их от православия».

Предполагают, что шаманисты далеки от православной веры. Тем не менее, местные жители охотно пожертвовали свои деньги на постройку Еланцинского, Кутульского, а потом и Семисосенного храмов. Приобрели икону Святителя Николая, столь чтимого шаманистами. Она поставлена, согласно желанию жертвователей, около шаманской пещеры, считающейся священной как у шаманистов, так и ламаитов.

По совершении молебна св. Николаю с акафистом св. Иннокентию, Владыка, через переводчика отца. Махочкеева, вёл с инородцами беседу о спасении через Иисуса Христа, убеждал веровать в Него и святых Его, разъяснял смысл христианского учения, сравнивая новую веру с шаманизмом. Щадя недостаточно развитое понимание и подготовку слушателей, Владыка использовал простые примеры из их повседневной жизни. Обращённые к внутреннему миру человека, его смысловым, духовным ориентирам, слова миссионера служили проводником, способом движения к необходимой истине, помогали пережить людям радость личного открытия истины. Благословение Владыки получали все: и крещёные и некрещёные; крещёным он раздавал крестики, Евангелия, образки св. Иннокентия. Иконки св. Иннокентия просили и многие из некрещёных.

Бурятская семья в праздничной одежде

Несмотря на ненастную погоду, в улусе чувствовался праздник; все были разнаряжены, особенно бурятки, все были довольны и веселы... Вечером, когда немного стих дождь, Владыка, обойдя улус, побывал на близлежащей скале. На самой вершине, густо окутанной туманом, совершил панихиду по «нечаянно погибшим» здесь в 1903 году. Тогда сарма разбила баржу о скалу, и 185 человек погибли. В расщелинах прибрежных скал находили после

бури много трупов, среди них женщин, зачоченевших с грудными детьми, всех погребли здесь. Безмолвным свидетелем былой катастрофы стал большой деревянный крест.

На третий день пребывания на Ольхоне гости на лошадях отправились к священному для бурят Шаманскому камню, он рядом с улусом Хужир. Преодолеть 19 верст было не просто. Дороги не было, лишь узкая тропинка позволяла ездить только верхом, колёса телеги перескакивали с камня на камень и отчаянно били необычных посетителей. С трудом добрались до улуса Хужир. Скала Шаманский камень находилась от него в 4 верстах. Выражая особый почёт высокому гостю, лихо скачущие на больших конях вестовые буряты встретили его версты за две до улуса. Обычно безжизненный улус копошился, как муравейник. Мужчины-буряты сбежались в одно место, бурятки боязливо прятались, с затаённым страхом смотрели сквозь щели заборов на прибывших гостей. В пустой новой избе была приготовлена приёмная квартира; пол посыпан красноватым песком, иконы не было, дом принадлежал буряту-язычнику. Когда Владыка вошел, изба наполнилась народом, бурятки кое-как решились подойти к окнам.

В продолжительной беседе через переводчика Владыка изложил историю Богооткровенной религии и призывал веровать в Господа Иисуса Христа и чтить святых его. Вместе с этим указал на неосновательность и ненужность для спасения шаманских обрядов и верований. Слушать переводчика жителям было не просто. Русские принесли новые понятия, смысл которых необходимо истолковывать, разъяснять. Оратор не был уверен, что его понимают правильно, но продолжал говорить: о Едином Неведомом Боге, о благодати, о возможности освободиться от множества предрассудков, сопровождающих жизнь бурят, ведь православие открывает новую свободу от языческих суеверий.

Миссионер не боится непонимания слушателей. История сохранила для нас великолепный пример. В своё время апостол Павел проповедовал среди жителей Афин, которые поклонялись множеству статуй богов. Изображения богов были чужды проповеднику-еврею. Но он обнаружил жертвенник, на котором не было статуи, только надпись «Неведомому Богу», и апостол назвал афинян «особо набожными». Боясь обидеть какого-нибудь из множества богов, они построили жертвенник безымянному богу. В мире религиозного плюрализма афиняне (как и буряты) все знают всё, но не находят главного. Миссионер апостол Павел нашёл повод для беседы: «Вот этого Бога, Которого Вы, не зная, чтите, я возвещу Вам». Любой народ, любая замкнутая группа внутри него требуют особого подхода, терпения, внимания. Нельзя допускать эмоционального отторжения и ложного благочестивого раздражения. Все моральные достоинства непременно присутствуют, пусть и в малом количестве, у любого народа, во Христе находят полноту и завершение.

Епископ Евгений уверял местных жителей: «Мы не хотим мешать Вам жить, не затрагиваем Вашу гордыню. Но раз Вы хотите слушать, мы будем говорить». Слушатели-буряты с трудом вслушивались в речь необычного миссионера, быстро уставали, поочередно выходили один за другим и, выкурив трубочку, отдохнувши на улице, возвращались. Вновь с интересом слушали беседу Владыки. В целом она оставила заметное, сильное впечатление. Ведь разговор шёл о совпадающей и устойчивой системе ценностей, которой люди дорожили. С другой стороны, буряты ссылались на веру своих предков, нарушить которую они не решаются, боясь мщения со стороны злых духов. Среди слушателей были два шамана, один, сравнительно молодой, а другой — Харамун Номхонов — старик, главный из всех шаманов Ольхона. В собеседование они не вступали, но слушали весьма внимательно.

Неожиданно Владыка предложил бурятам поплыть вместе с ним к Шаманскому камню. Они встретили это предложение с недоумением, стали отказываться. По верованию бурят, на нём живёт бог и таинственные духи, поэтому камень священный. Простые буряты старались не тревожить духов, поселившихся здесь. Далеко объезжали это место, стараясь не шуметь, обвязывали копыта лошадей ветошью. Женщины не могли появляться рядом со святым для шаманистов местом. Но Владыка был настойчив. Мужчины столпились около своего писаря Брянских, которому очень доверяют. Он русский, давно живёт среди бурят, прекрасно владеет их языком, отлично знает их быт и пользуется расположением и доверием. Посоветовались и, нарушив прадедовскую традицию, буряты выразили согласие, преодолели страх перед таинственными силами камня. Особенно же важно было то, что вместе со всеми поехали оба шамана. «Отправились к берегу, сели в лодку. В настроении бурят заметна некоторая внутренняя подавленность, но изменить слову не хотели. Нерешительно вошли они в лодку, и восемь из них сели в весла. Море было спокойно».

Отец Николай так описывает события: «Расстояние в 4 версты проплыли, сравнительно, скоро. Вскоре после отплытия нашего стал слегка дуть ветер и, по мере приближения к камню, он усиливался, лодку начинало качать. На лицах бурят чувствовалась легкая тревога. Когда же до камня оставалось всего около полуверсты, ветер разошелся настолько, что волны вздымались до сажени; лодка, как щепка, то опускалась вниз, то поднималась на гребень волны. Буряты, заметно переживали страх и, несомненно, были убеждены в гневе духов, не желавших пустить к себе посетителей, но грести не переставали. Разговор их был крайне тревожный, они думали, что духи потопят всех в море. Подплывая к камню, мы громогласно запели тропарь Св. Николаю, тропарь и кондак Св. Иннокентию. Момент был высоко религиозный. Думаю, что он тронул и наших спутников».

На берегу, возле скалы, была заранее построена деревянная часовня в честь Св. Николая и водружён его образ, писанный маслом. «С некоторым страхом вышли буряты на берег и нерешительно последовали за всеми к часовне около камня. Начался молебен. Видя, что православные ставят пред образами свечи, пожелали и они принести свою жертву «русскому Богу». Владыка бесплатно роздал им свечи, с которыми они стояли все время молебна, молясь по-своему, сложив руки ладонями, то поднимали, то опускали их. После молебна охотно лобызали образ Св. Николая».

«Владыка пожелал осмотреть бурятскую святыню, побывать на вершинах скал и спуститься в священную пещеру (промоина в трещине скалы, где временами бывают только ламы для принесения умиловительных жертв). Подавляя в себе внутренней страх пред таинственными силами камня, неотступно за Владыкой, стали взбираться на священную скалу и буряты, перелезая с утеса на утес, а затем с каким-то особенным трепетом спустились в священную пещеру, пугливо озираясь по сторонам. Здесь мы нашли предметы шаманского культа: медные изображения богов, медные пластинки в виде ножиц, полинялые платки с бурятскими изречениями... Взяли на память. Заметно повеселели наши спутники, когда вышли здоровыми и невредимыми из этого «страшного обиталища злых духов».

Настроение бурят настолько изменилось после только что пережитого страха, что они привольно устроились над священной пещерой и с наслаждением закурили трубки. А Владыка стал подниматься на вторую скалу, выходящую в море. Буряты смело, смеясь, взобрались на другую скалу, обрывом спускающуюся в море, далеко небезопасную для посетителей. На вершине её был водружен большой деревянный крест с надписью: «Сей крест поставлен во имя Ильи-пророка рыбопромышленником Григорием Телешевым». Буряты-шаманисты окончательно

но преодолели свой страх перед таинственными силами духов шаманского камня. Они вместе со своим главным шаманом Харамуном Номхоновым молились св. Николаю, были в пещере шаманского камня, к которому прежде каждый из них боялся даже приблизиться.

«Когда буряты вернулись со скалы невредимыми, они были неизъяснимо радостны и веселы, шутили, смеялись, и, уже спокойные, вместе с нами, в присутствии Владыки, пили чай. После краткой беседы, Владыка, указав бурятам, что часовня здесь во имя Св. Николая, предложил им самый камень вместо шаманского именовать на будущее время «Камнем св. Николая», на что они искренно охотно согласились».

В часовне была оставлена надпись: «3 июля 1914 г. после молебного пения святителю и чудотворцу Николаю, совершенного Начальником Иркутской Православной миссии Епископом Киренским Евгением, икона св. Николая была поставлена в сей часовне... Да обратит св. Николай сердца бурят-шаманистов ко Христу, всех нас Спасителю».

Весьма радостные возвращались буряты в свой улус. После этой встречи они стали ловить рыбу около священного камня без боязни злых духов. От избытка благодарного сердца они поднесли Владыке в дар заколотого барана. Он благодарил их и возвратил, прося от его имени передать жертву кому-либо из беднейших в улусе. При прощании буряты обещали сделать день 3-го июля годовым праздником, непременно вместе с о. миссионером посещать «Камень св. Николая» и служить в часовне молебен. Владыка благословил их на это святое дело, убежденно наставляя скорее оставить шаманские заблуждения и сделаться истинными сынами Христа Спасителя.

Весть о посещении шаманского камня православными быстро разнеслась между инородцами не только Верхоленского уезда, но и Балаганского, и даже Тункинского края, произведя среди них недоумение и некоторый переполох. Они сказали, что языческим хозяевам-божествам Ямсарану и Ихэ-шубуну посещение Шаманского камня епископом и водружение им иконы было нежелательно. Они всеми силами старались противодействовать, послали ветер и сильные волны, чтобы не допустить туда «русского бога св. Николая» и Ихэ-лаба (большого священника-архиерея). Они видели, что Ихэ-шубун сидел на большом дереве шаманского леса и наблюдал за плывущими. Когда же Ихэ-шубун увидел, что лодка преодолела все препятствия и стала приближаться к священному месту, то, видя свое бессилие, полетел на Забайкальскую сторону. «Русский Бог, — говорят буряты, — сильнее бурятского и прогнал его за Байкал». Доказательством является то, что после совершённого Владыкой молебна и водружения иконы, ветер затих, море совершенно успокоилось, и обратный путь был совершён при ясной приятной погоде и полном спокойствии моря.

Возвращение на материк автор описывает так: «...Под вечер мы проплыли спокойно, но, когда стали приближаться к струе, где обыкновенно дует сарма, её дуновение, предательски ласкающее, стало осязательно чувствоваться. Когда же попали в самую струю ветра, почувствовалась качка, причем волны били в борт, угрожая опрокинуть нашу небольшую ладью. Раздавались голоса, чтобы вернуться и переждать до утра, особенно когда мы заметили волнение наших привычных гребцов. Владыка молчал, он как будто говорил всем нам, волновавшимся в страхе: «маловеры, зачем сомневаетесь?» Гребень струи скоро перевалили, и к полночи благополучно добрались до материка, немало пережив за эту ночь. Сарма завывала до утра».

Посещение Ольхона глубоко убедило Владыку Евгения в безотлагательной необходимости открытия самостоятельного миссионерского стана на Ольхоне, в дополнение стана Еланцинского, разбросанного на 300 верст. Миссионер Елан-

цинского стана был лишён возможности с успехом вести дело миссии, вследствие многочисленности населения и неудобных дорог. В состав нового стана вошли все улусы, расположенные на о. Ольхоне и расположенные по берегу Малого моря, от Сарминского до Покойницкого мыса. Всего 383 двора с населением 904 душ мужского пола и 830 — женского. А именно: 1-го Абызаевского рода — улус Нурсюр, Буртукшинский, Халзанский, Хадайский, Семисосенский, Идибинский, Шибэтовский, Елгинский, Улан-Харганинский, Заглейский; 2-го Абызаевского рода — Хонхоевский, Сыргатинский, Хужирский, Харанцинский, Харадаевский, Бубейский, Халагайсгай, Нюргунский, Сасинский, Усек, Хобой; 1-го Чернорудского рода — Хужир-Нугуйский, Зугдук, 1-й Заминский, 2-й Заминский, Хылтыгейский, Покойницкий; Хенхедоровского рода — Больше-Онгурунский и Мало-Онгурунский.

В жалованье причту назначены: священнику — 800 руб., псаломщику — 300 руб. в год и 100 руб. разъездных. Отопление храма и причтовых помещений, содержание караула при церкви принимается за счёт Миссионерского Комитета. По ходатайству Комитета на постройку дома миссионеру отпущено Советом Православного Миссионерского Общества 2 500 руб.

Владыка Евгений уехал из Иркутска. Его ходатайство воплощал в жизнь новый начальник миссии, Преосвященный Зосима (Сидоровский). В 1914 году назначение причта Ольхонского стана задерживалось из-за задержки официального утверждения штата от Святейшего Синода.

Миссионерское служение в азиатской среде, и ранее, и в наше время, всегда, проходило очень сложно. Миссионеру-христианину приходится действовать в области пересечения культур, в мирах, весьма далёких в своих духовных и социальных основах. К личности миссионера предъявлялись высокие и разнообразные требования: глубокое проникновение в культуру иноплеменников, убеждённость и искренняя вера. В среде иноверцев он чужак, фанатик, активно покусавшийся на базовые традиционные ценности народа, и вместе с тем — сакральная личность. Это «другой», который должен стать «своим». Среди соотечественников он часто расценивается как слуга, чужак, маргинал, «чувствующий своё бремя», решившийся на рискованное служение, имеющее мало перспектив, обычно не приносящее дохода. Но Бог избирает таких людей на служение по Своему желанию. Ибо *«благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих»* (1Кор.1: 21). Он должен в совершенстве владеть двумя языками: родным и языком местных жителей, иногда в разнообразии диалектов. Необходимо быть оратором, через слово способным организовать диалог культур, уметь говорить с миром обывателей, обращаясь к сложившемуся общему религиозному опыту. При этом общаться доступно, ведь апостол Павел предупреждает об увлечении *«философию... по стихиям мира»* (Кол.2: 8). Особое, сложное отношение возникает к миссионеру, выходцу из местной культурной среды, он рассматривается как «агент влияния». Тем не менее, такие подвижники существовали всегда. Сегодня миссионерская деятельность осуществляется немногочисленными священниками, которые порой недостаточно разделяют миссионерскую и проповедническую функции в своём служении. При реализации миссионерской функции требуется особый подход, ведь необходимо решать различающиеся задачи. Деятельность миссионера в среде прибайкальских бурят принесла свои плоды, но сложные исторические перипетии в нашей стране частично стерли их влияние: буряты по-прежнему традиционно уважают духов, кормят их «брызганием», «бурханят». Наряду с христианскими обычаями почитаются переплетающиеся буддистские и шаманские традиции.

ГЕННАДИЙ ГАЙДА

Поэт Пётр Реутский

Глава из книги «Классическая лира»

*Умереть не страшно —
Страшно не родиться...*

*Что за ветер в степи молдаванской!
Как поёт под ногами земля!
И легко мне с душою цыганской
Кочевать, никого не любя!*

*Звону дальнему тихо я внемлю
У Днестра на зелёном лугу.
И Российскую горькую землю
Узнаю я на том берегу.*

*А когда засыпают берёзы
И поля затихают ко сну,
О, как сладко, как больно сквозь слёзы
Хоть взглянуть на родную страну!..*

1925

22 мая 2004 года мы проводили в последний путь поэта Петра Реутского. За последние 10–12 лет такое ощущение, что мы потеряли небывало много писателей, художников, композиторов, актёров... Любая утрата сегодня воспринимается особо остро и трагично, потому что складывается ощущение, может быть, оно не верно, но оно между тем складывается, что уходит человек, служивший культуре, литературе, поэзии, а на смену ему появляется целая орава деятелей так называемой, неверно называемой, ложно называемой массовой культуры, точнее, массовой антикультуры. Уходит художник, и как бы небольшой участок этой линии обороны культуры оказывается обнажённым, и воспринимаешь утрату знакомого тебе или близкого человека не как личную, а как утрату немногочисленной армии культуры. Уход поэта заставляет нас вспомнить о том, что поэт — это не профессия, это не квалификация, не ремесло. Для того чтобы стать поэтом, мало даже таланта, нужно быть отмеченным призванием. Это призванность свыше, это избранность Провидения. Но избранность — это не привилегия и не исключительные возможности — это крест. И как об этом ни сложно говорить, но не бывает поэта без серьёзной трагедии, несчастья, горя в детстве или отрочестве. Пётр Иванович был отмечен свыше, и эта трагедия ему в детстве была подарена Господом.

Большая семья Петра Ивановича, дружная казачья семья стала жертвой геноцида, который осуществлялся против нашего народа, и, может быть, самой страшной формы этого геноцида — раскулачивания.

Как об этом пишет сам Пётр Реутский: «13 лет ссылки за то, что мы были кулаками, 5 лет тюрьмы и ещё 12 лет ссылки в Якутию — получилось 25 лет ссылки и 5 лет тюрьмы. 30 лет я обращался к людям «Гражданин начальник».

Но что-то помогло ему и там выстоять. Уже в лагере Пётр Иванович начал писать стихи, и они в лагерной газете изредка печатались. И, слава Богу, что и среди политических, и, как ни странно, даже среди уголовников нашлись люди, которые заметили его дарование, оценили, поддерживали, направляли его.

Пётр Реутский вспоминал: «Были среди заключенных просто удивительные люди! Например, Василий Михайлович Синюшкин. Он просто заменил мне отца на долгие годы: сначала в тюрьме, а потом в лагерях. Он был профессиональный вор, у него срок был больше ста лет, потому что он всё время делал побеги. За побеги ему добавляли, добавляли... Он прежде всего сказал мне: «Петро, ты не должен воровать, это не твоё дело, ты должен писать. Для нас, для таких же людей, вот как здесь в лагере. Ты должен писать, потому что другим это не дано». И я вот свято выполняю его наказ, пишу о тех людях, с которыми я вместе просидел».

Выйдя из лагеря, Реутский смог как человек выстоять, он не сломался, хотя многое было упущено: в образовании, вообще в жизни. Но он смог получить литературное образование, смог заниматься, посвятить себя литературному труду, стал членом Союза писателей, был одним из известнейших и одним из любимейших поэтов в нашем крае. Мне помнится один случай: в 70-х годах мы с Василием Козловым были взяты Петром Ивановичем в творческую поездку. Далеко не все писатели старшего поколения отличались подобной демократичностью. Ехали мы выступать в Черемхово, и вот, помню, по дороге Пётр Иванович в своём плащике прилёг на полку и, по-детски подогнув ноги, подняв воротник, заснул. Шедшие по поезду контролёры приняли его за безбилетника и прошли мимо. Став членом Союза писателей, известным поэтом, Пётр Иванович остался тем же мальчишкой, который в лагере, уловив момент, мог заснуть где угодно. Не было в нём чиновничества, он сохранил в себе того мальчишку-лагерника, того мальчишку-ссылного. Спаситель говорил: «Будьте как дети!» И это, думаю, для поэта чрезвычайно важно. Важно сохранить себя не только как поэта, а как личность, сохранить своё существо первоначальное, не обремениться регалиями, мундиром, спесью. Я думаю, очень важно сохранить и своё сословное достоинство, сословную память, и Пётр Иванович сохранял это и в советское время, а это было очень непросто. Я помню, в той же черемховской поездке Пётр Иванович, обратившись к нам с Василием Козловым, желторотым поэтам, сказал: «Я вот сейчас покажу вам, как нужно читать!» Мы молодые были, глупые. Мы не поняли, что хотел нам сказать Пётр Иванович. Мы конечно переглянулись, поулыбались. Пётр Иванович вышел на сцену, а был он небольшого роста, щупленький, голос был высокий. И вот он на пределе голосовых связок этим высоким, порой срывающимся голосом стал читать свою неопубликованную, знаменитую в кругах писателей иркутских поэму «Чёрная сотня». Это о белой «Чёрной сотне», которая идёт на последний жертвенный бой, зная, что она погибнет в бою, но приносит эту жертву во славу Отечества. Да, читать эту поэму в те времена со сцены, если не смелость, то решительность нужно было иметь. Потому что в каждой аудитории был осведомитель или партийный чиновник, и могли «по головке не погладить». Не поняли мы тогда

Петра Ивановича! Мы-то думали, что он нам преподаёт урок чтецкого мастерства, урок декламации, поэтому, переглянувшись, улыбнулись, а Пётр Иванович сказал нам: «Так нужно читать!» Всё это нужно было понимать: «Так нужно писать!» И он кричал! Выкрикивал в зал эти строки, голос срывался! В нём кричала боль растерзанного народа, протест против разделённости на «красных» и «белых», против лжи, идеализирующей комиссаров в пыльных шлемах и очерняющей других. И он как мог протестовал! Не поняли мы тогда Петра Ивановича, но вот эти его слова: «Вот как надо читать! Я вам сейчас покажу» — они запомнились мне, я вспоминал их через десять лет, через двадцать, вот сейчас вспоминаю через тридцать лет. И испытываю чувство благодарности. Вот так, на пределе правды, на пределе боли нужно и писать, и читать. Не было конформизма в этом человеке, а ведь конформизм в советское время и сегодня становится чуть ли не нормой.

В деревне

*Пойду пешком к родному дому,
Там больше года ждут меня.
Нырну, как маленький, в солому,
И буду спать два первых дня.*

*И кочек нет, а мне всё кочки,
Тумана нет, а мне туман.
Напьюсь воды из ржавой бочки
И закачаюсь, как бурьян.*

*Неслышно мать подсядет с крынкой,
Поплачет: «Горюшко моё,
А молоко у нас не с рынка,
Как говорят, у нас своё».*

*В родной деревне нет мне места,
Не потому, что дрянь дела,
Что моя бывшая невеста
Недавно двойню родила.*

*«А кто же, мама, сено косит?
Я нынче снова опоздал.
Мать помолчит и тихо спросит:
«Ну, что там нового создал?»*

*Нет! Кто-то там сказал так метко,
И это точно про меня:
Ты, как отрубленная ветка,
Ты, как уздечка без коня.*

*Я щей поем, пойду с литовкой,
Ещё обкосы есть пока.
Мальцом ходил когда-то ловко,
Но вот уже не та рука.*

*Мать соберёт меня в дорогу,
Спечёт любимый мой омлет.
«Что, отошёл? Ну, слава Богу»
И даст мне денег на билет.*

Литература, как не любят в этом признаваться даже сами литераторы, без лукавства, это учительство. Это учительство, особая форма учительства, и никуда от этого не деться и не отвертеться, то есть нужно это принимать, или этим делом не заниматься. Пётр Иванович был действительно учитель, но чуждый дидактике, наставительности, суесловия. Пётр Иванович был учитель-поэт. Я помню, в этой же поездке, в городе Черемхово, поздно вечером мы шли по грязной после дождя улице с покосившимися халупками, и в такой, знаете, напряженной и тревожной темноте (город Черемхово всегда занимал «хорошее» место по уголовной преступности). Помню, Василий Козлов обогнал нас, шёл чуть впереди, а Пётр Иванович взял меня под руку и спросил: «А ты спортом занимаешься?» Я говорю: «Нет!» Он говорит: «И не занимайся, если хочешь что-то написать, никогда не занимайся спортом!» Я, честно признаться, не понял, но из уважения к Петру Ивановичу кивнул (а к нему мы испытывали уважительную нежность. Я думаю, большинство литераторов, особенно молодых, за глаза называли его

«Дядя Петя») ... Я тогда не понял его слов, а потом раздумывал над ними. Через год вернулся к ним. Я-то думал об этом так, что человек, занимающийся спортом, физически ловкий, у него появляется самоуверенность, безразличие к окружающим, снисходительность. То есть его обуревают смертельное нравственное здоровье. Но вот сегодня, уже зная то, что я знаю, то что мы все знаем, видим, что происходит в культуре, я понял, что Пётр Иванович прозревал большее. Да не прозревал! Ему открылось — и он мне сказал. Это и есть поэт — не он говорит, через него говорят. Сегодня эти слова Петра Ивановича понимаю следующим образом: если творческий человек вступает в соревнования, в борьбу с кем-то, борется за премии, места, за признание и прочее, он перестаёт быть творческим человеком, потому что спорт, соревновательность, соперничество противоречат искусству.

И ещё один мне хочется вспомнить блистательный рыцарский урок Петра Ивановича. Шестидесятые, семидесятые годы. Эстрадное стихотворчество вытесняло поэзию, потому что поэзия пробуждает в человеке человеческое, пробуждает достоинство, не только личностное, но и национальное. Поэзия — это высочайшее проявление языка. Язык — это квинтэссенция духа нации. Я помню, в 70-е годы Евтушенко со сцены в Ангарске говорил: «Пушкин не был ни в одной стране, у Пушкина были сложные отношения с властями, а я побывал, — и называл какую-то космическую цифру, — больше чем в восьмидесяти странах». В этом был очевидный смысл — Пушкин ни разу не побывал, а Евтушенко... Ни Рубцов, ни Тряпкин, ни Владимир Соколов, ни Чухонцев — эти люди и квартир-то не имели, а этот человек ездил. Тут ничего анализировать уже не нужно. Но мы, дурачки, клевали на эту наживку, на эту фальшивку! Бегали вокруг, и не только мы — известные, умные, образованные литераторы и старше нас крутились вокруг Евтушенко.

Помню, я сам бегал на эти концерты. На одном из них, в иркутском цирке, цирк здесь, надо сказать, очень уместен, Евтушенко заметил Петра Ивановича, подошёл к нему, сказал: «Здравствуй, Петя!» Но то, что сказал Евтушенке Петя, я перевести не могу, это блистательный ответ, но он не печатный, и руки Евтушенко он не подал. Наверное, внешне это выглядело смешно: тощий верзила, да ещё манерный, театральный Евтушенко и невысокий Реутский. Провинциальный Реутский не подаёт руки популярному гиганту! В городе об этом говорили, посмеиваясь. Мало того, один местный поэт, молодой, который любит общаться с известностями, позже, уже вечером привёл Евтушенко к дому Петра Ивановича на Карла Маркса, 38. Окно было низко. Этот услужливый поэт постучал и попросил: «Позовите Петра Ивановича». Пётр Иванович подошёл, и услужливый поэт сказал: «Я пришёл с Женей Евтушенко». И Пётр Иванович, называя Женю Евтушенко вновь на «вы» произнёс ту замечательную фразу, заканчивающуюся словом на три буквы! В те времена это казалось жестом излишне театральным. Сегодня, когда сущность этих людей раскрылась, а ведь Евтушенко был в числе тех людей, которые подписали письмо, призывающее к открытому кровавому геноциду народа уже в 90-е годы XX века, призывали «раздавить гадину», я понимаю, что Пётр Иванович был мудрее и прозорливее всех нас, суесящихся, роящихся, бегающих, читающих книжки, рукоплещущих на этих вечерах эстрадной поэзии. Он видел на десятилетие вперёд. Пётр Иванович видел то, что было под маской тридцать лет назад, а мы поняли это только недавно. Это был блистательный урок! Мы этого урока тогда оказались недостойны...

Настоящее

Галине Алексеевне

*Мне кажется, что я родился взрослым,
И памяти не веря, как врагу,
Пытаюсь тщетно разобраться в прошлом,
Я ведь и в настоящем не могу.*

*Но что считают люди настоящим?
Мне трудно разобраться — я ленив.
Пред настоящим, выше нас стоящим,
Стоим, коленья робко преклонив.*

*Пред ним нельзя быть сильным или рослым,
И на него не глянешь с высоты.
Пока ты жив, ты вечный царь над прошлым,
Но кто, скажи, пред настоящим ты?*

*Мы к прошлому по всякому вопросу
Торопимся, чтоб истину черпнуть.
Но может настоящее без спросу
Всё прошлое твоё перечеркнуть,*

*Всё, что берёг, выращивал и нежил,
Что в трудный час, как Бога призовёшь.
А кажется, что ты и в прошлом не жил,
И в настоящем тоже не живёшь.*

*Ты как бы остановишься на точке,
Которая начало всех начал.
Нет ни друзей, нет ни жены, ни дочери,
И нет того, что сам ты означал.*

*Как нет ни отправлений, ни причала,
А ты стоишь, о лучших днях скорбя,
И мига ждёшь, чтоб всё начать сначала...
Но прошлое не признаёт тебя.*

Эти стихи посвящены Г.А. Глазковой, его жене.

На кладбище мне подумалось: у Петра Ивановича есть стихотворение, которое не стыдно у раскрытого гроба прочитать, которое не стыдно прочитать и у разверстой могилы. Есть стихи, которые способны выдержать прямой взгляд самой смерти. И вот, подумав об этом, я испытал большое чувство неловкости. А у кого ещё из нас, пишущих стихи, лучше-хуже, больше-меньше издающихся, найдётся такое стихотворение, которое твои друзья или близкие смогут прочитать над твоим раскрытым гробом, не устыдившись. И это очень жёсткий, но не жестокий, один из истинных критериев творчества. И у Петра Ивановича такое стихотворение есть. Эти стихи над гробом Петра Ивановича прозвучали, и я думаю, они

должны прозвучать и в сорок дней, и в полгода, и в год его памяти, и их можно повторять и повторять. Настоящие стихи, как хорошая музыка, — они неисчерпаемы, их можно слушать и слушать бесконечно. Причём автору хватило чувства вкуса и меры назвать эти стихи очень деликатно и просто «Осень».

Осень

*Умереть не страшно,
Страшно не родиться.
Под рябиной рясной
Белый пар клубится.
Зеленеет оземь,
И, как налитые,
Шлёпаются оземь
Яблоки тугие.
С проводов, с деревьев
Шлёпаются капли,
Плачут за деревней
Вымокшие цапли.
Пастухи отару гонят
По-над Доном.
Я живу на пару
С одиноким домом.
Дом не дом — избушка,
Где будильник тикал...
Здесь вот мать-старушка
Отходила тихо.
Так же шли туманы
Пеленою белой.
Опустел без мамы
Дом осиротелый.*

*Зябко и беззвёздно,
Страшно выйти в сени.
Поздно, слишком поздно,
Матерей мы ценим.
Что же мне не спится?
Печь трещит под боком,
Страшно мне напиться
В доме одиноком.
Надо мне, чтоб в двери
Тихо постучали.
Пусть никто не верит,
Будто я печален.
Просто иногда мне
Хочется поплакать.
На дороге дальней
Слякоть, слякоть, слякоть.
Тихо над рекою
Крячет уток стая.
Жизнь люблю такую,
Есть она какая,
Доброй, бесшабашной,
Что кому годится.
Жизнь прожить не страшно,
Страшно не родиться.*

ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ

«Движение вечное...»

О СТИХАХ ИРКУТСКОГО ПОЭТА ВАСИЛИЯ ЗАБЕЛЛО

Творчество каждого художника объединено своей особенной внутренней темой, как будто заданной свыше только ему одному. Вдохновлённый собственным трудом, художник чаще всего не осознаёт её, не формулирует заранее в обычной знаковой системе. Но в результате глубинного акта творчества, в котором задействована созидаящая душа, проходя через сердце, внутреннее становится явным, и заданная тема прорастает в произведениях, должных по законам творчества обновить жизнь. Тому свидетельство стихотворение, которое вынесено на обложку книги избранных стихов Василия Константиновича Забелло, коренного сибиряка, живущего всю жизнь на берегу Байкала. Эти строки можно назвать эпиграфом ко всему творчеству мастера. В них звучат близкие поэту темы, связанные с осознанием не только законов мироздания, законов земного бытия, но и духовно-нравственных взаимодействий. В системе этих взаимосвязанных законов он рассматривает и собственную жизнь, и жизнь Родины, и своего великого родного края.

*Движенье вечное снегов...
Движенье вечное ветров...
Движенье вечное воды....
Движенье вечное звезды...*

*Душа, покоя не ищи,
В часы невзгоды не ропщи!
Вбирай падение снегов,
Порывы хлёсткие ветров,
Потоки шумные воды,
Мерцанье синее звезды,
Но будь же, всё вбирая, ты
Движеньем вечной доброты!*

Если, преодолев зримую увлекательность метафорического ряда, рассмотреть это стихотворение на глубинном, смысловом его уровне, то можно сказать, что в нём выведена формула вечного движения. Поэт, не будучи богословом, правильно понимает и отражает движение как существенную сторону творения, созданного Творцом. Движение от сотворения мира присуще всему в этом мире, но невечный человек не удовлетворяется его свойствами, мечтает о движении вечном, так как видит его прообразы в реальных стихиях и в космических явлениях. Действительно, силы природы проявляются повсюду, кажется, везде человека окружает вечное движение: смена дня и ночи, смена времён года, приливы и отливы — всё это наводит на мысль о возможности создания вечного двигателя, подобного природному. Раньше находились смельчаки, пытавшиеся раскрыть тайну вечного движения, не понимавшие, что оно не существует в тех формах, в которых они его искали. И только закон сохранения энергии, законы термодинамики убедили человечество, что на уровне материального мира эта древняя мечта недостижима.

Василий Забелло, очевидно, тоже находится под очарованием природных стихий, но свои попытки создания подобной системы, не отвергая движения на пути познания окружающего мира, выносит в нематериальную область человеческого бытия, в область духовную, где, действительно, только и может быть достигнуто «движение вечной доброты». И сегодня это понимание, это отраженное в поэтических произведениях удивление красотой мира, очень ценно, ведь современный человек потерял способность по-настоящему удивляться и, как следствие, потерял способность что-либо дивное изобретать. Поэтому, наверное, и перевелись романтики как в науке, так в литературе. Хотя в достаточном приближении Василия Забелло можно назвать современным поэтом-романтиком. Правда, его романтизм, на первый взгляд, не подходит под определение, данное этому литературному течению Виктором Гюго, который рассматривал романтизм, прежде всего, с его «воинствующей стороны». И, действительно, воинственный, бунтарский дух присущ русской классике периода романтизма, но присущ он и творчеству современного поэта Василия Забелло, увлечённого этим духом и романтической верой в победу доброты. Художник остро чувствует нарушение нравственных законов и пытается противостоять нравственному искажению и современной действительности, и современного человека, создавая своей поэзией теорию возможного этому противостояния.

Его теория опирается на незыблемые, созданные Богом законы бытия, где только и возможно «движение вечной доброты», что то же — красоты. Мир (как категория трансцендентно-имманентная) в поэзии Василия Забелло обладает духовными, нравственными законами, но он существует в зримом пространстве и протяжён во времени, он физически реален и от сотворения прекрасен.

*На берегу глухом Байкала
Я у костра сижу один.
И жемчуга крутого вала
К ногам швыряет баргузин.
То там, то здесь лежат колоды
В оплывах гальки и песка.
Как раздражение природы
В груди звериная тоска.
Не так ли пращур-курыканин
От ветра суживал свой взгляд?*

*Волна окатывает камни —
Тысячелетия гремят.
Охвачен гибельным пространством,
В огне смятенных чувств и дум
Пред сим божественным убранством
Не так ли плакал Аввакум?
Мы в городах поодичали
Среди бетона и машин.
В миру не высказать печали
И потому я здесь один.*

В этом стихотворении присутствуют все основные темы романтического произведения: преклонение пред богоданной красотой мира, тема смерти и беспощадного, всё умертвляющего времени, хозяйничающего в гибельном пространстве, тема смятения чувств и дум, тема трудно осуществляемого в шумном современном мире одиночества, необходимого для изъяснения печали. Печаль — свойство верующей души, осознающей своё несовершенство, невозможность постижения бытия во всей его целостности и Божиего замысла о мире. Но поэт всё-таки пытается познать этот замысел о мире и о человеке. Как разъясняет философ, «познать что-то — значит, сделать это что-то «своим», то есть имманентным своему сознанию»¹. Именно такой механизм познания мира отражён в творчестве Василия Забелло. Поэт, ощущая и называя своими и леса, и небеса, сливается с лирическим героем, так что не имеет смысла их разделять.

¹Захаров В. Д. Чудо как религиозно-философская проблема // Христианство и наука : сб. докл. М., 2003. С. 183.

Нелёгко путь такого познания, предполагающего бежать от мира, от общества, что свойственно художнику-романтику. Однако Василий Забелло не убегает от мира, но борется с искажающим его злом, и только на время передышки остаётся один, чтобы поплакаться пред любимым Байкалом и родительскими могилами. И это два важных направления его творчества. Художник не только восхищается красотой великого русского озера, представляющего собой огромный, непознанный мир. Ему оно кажется древним ковчегом, в котором до поры до времени сокрыты таинственные, пока ещё непонятные человеку, но, бесспорно, живительные силы. Байкалу и природе, его окружающей, без которой не может быть и самого водного чуда природы, поэт посвящает лучшие строки. Можно много цитировать, но запоминаются более всего стихи, в которых Василий Забелло выражает свою неусыпную тревогу о будущем Байкала, используемого не одно десятилетие безжалостными предпринимателями в корыстных интересах, чем поставлена под угрозу жизнь и красота уникального озера. Романтичная душа поэта, верящая в победу добрых сил, не источает в ярости грома и молнии, но плачет вместе с прибрежными чайками, журавлями и другими птицами, которых очень много и в реальном, и в поэтическом мире художника.

*Поредели таёжные чащи
И сурово, и грозно молчат.
Только в огненном небе знобяще
Серебристые птицы кричат.*

Действительно, от проникновенности этих строк знобит, так убедительно, посредством образов природы, поэт выражает свою боль. Он призывает себе в помощь могучую природную силу грозных деревьев-великанов и серебристых птиц, и таёжных лосей, и даже местных собак. Все они, кажется, тоньше, чем человек, чувствуют гармонию природы и защищают от зла своё бытие в ней. Мир животных всегда в местных сказаниях занимал особое место. Во многих древних сибирских сказках сказывалось, что человек силён только в союзе с природой, с животным миром. Отзвуки фольклорных сюжетов и образов являются теми вкраплениями в фундамент поэтической крепости Василия Забелло, которые делают её более устойчивой и к непогодам, и к осадам.

Да поэт и сам умело стоит за жизнь Байкала. Измученный в нравственной битве, он не собирается покидать родимый край, хоть в юности и манили его, но теперь не привлекают города — духовные пустыни; в соответствии с традициями романтизма художник осуждает развращающее влияние цивилизации.

*Корявый лес... Зубцы замишлых скал...
Ползут дымы спрессованно, горбато.
Во мгле маячит призрак комбината...
День опустил свой колокол в Байкал.
Померкла жизнь без песни голубой.
И каждый дом пропах вином и хлоркой,
И вожак трясут насущной коркой
И благости сулят наперебой.
Я стал чужим на отчем берегу.
Но не уплыть мне чайкою на льдине,
Я не смогу быть жителем пустыни,
Слепой Байкал я видеть не могу.*

Духовно-нравственная борьба — вот та категория, которой определяются и жизнь, и поступки, и мысли поэта, подводящие его к глубоким раздумьям о своём поколении, о поколении отцов, о крестьянской доле, а в целом, о судьбе России. Но это не нравоучительные отстранённые размышления, в результате которых легко найти виновников всех бед. Поэт таковых не ищет, но жизнь Отечества исследует в нравственных критериях в пределах микрокосма своей жизни, в которой, как в капле воды, отражаются и бездны, и выси, существуют сильнейшие взаимодействия. Одно из них — кровные, родственные силы. Слова *отец* и *мать* часто встречаются в поэтических текстах Василия Забелло. Иногда как бы вскользь по ходу повествования вспоминает он о родителях. Иногда целиком посвящает стихотворение памяти отца или матери, которые были простыми тружениками, на долю их выпали и разрухи, и войны.

*Припомню вдруг, откуда родом,
Что до отца подать рукой.
Кривой домишко с огородом
Стоит, как прежде, над рекой.*

Здесь поэт чутко избегает ошибки многих собратьев по литературному цеху — рассказывая о родных, он не сосредоточивается на частном, как будто помнит слова Герцена о том, что «частная жизнь, не знающая ничего за порогом своего дома, как бы она ни устроилась, бедна»². Жизнь родителей поэта богата даже в ветхом домике, ведь поэт такой её видит и изображает неотделимой от жизни страны, от потока истории. Во многих стихах образы родителей становятся символами, помогающими поэту в оценке праведности собственной жизни. Наиболее откровенно и проникновенно звучат стихи, где автор, уподобляя себя «блудному сыну», с библейской покаянностью выносит свою исповедь к духовно-зорким очам отца.

*— Что, сынок?.. Видать, душа поспела,
Встань лицом к спасительному лику.
Промотался, дел дурных наделав,
По стране непраздной и великой...
Слишком поздно нынче созрееваем.
Слишком рано устаём для дела...
Знать бы мне, что выведет кривая
Сквозь мытарства к отчему пределу.*

В этой картине мы не только видим момент покаяния сына пред отцом, но слышим покаянные слова, присутствуем при душевном осмыслении жизни героем стихотворения. Он не получает традиционного для романтического персонажа прощения, потому что не прощает себя сам, и это возвышает исследования поэта, выводящие его творчество в обстоятельствах бытия к духовному реализму. От непощения нет разочарования, но есть высокая вера в правду жизни, которую невозможно осмыслить без исторических и кровных, родственных взаимосвязей. Поэтому, рассказывая о своих предках, о себе, поэт не забывает и о своих сыновьях, предостерегает их от собственных ошибок, главной из которых считает то, что слишком поздно встал «лицом к спасительному лику».

Для того чтобы показать процесс обращения «к спасительному лику», а этот процесс не может быть одномоментным, имеет длительность во времени, поэт

²Герцен А.И. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 2. М.: АН СССР, 1954. С. 52.

находит очень выразительный образ «поспевающей души», т. е. духовного роста, становления в вере. К необходимости веры поэт приходит незаметно, даже как будто легко. Его душа «поспевает» от соприкосновения с красотой мира, в котором он живёт, с красотой народного языка, древними оборотами поэт богато украшает свой поэтический лексикон. Наполнение души происходит через чувство любви к женщине. Но нелегко, с потерями и прозрениями, даётся художнику весь этот опыт. Для того чтобы понять смысл красоты, нужно было увидеть её хрупкость, распад в смерти, а именно, пережить трагедию жестокой охоты на медведя.

*Так вот она, сокрытая натура,
дремавшая в глуби его очей.
Пред ним лежали сало, желчь и шкура,
а попросту сказать: семьсот рублей.
Я огляделся вдруг: кружились горы,
необозримо высились хребты.
Ведь я пришёл сюда жестоким вором,
губителем древнейшей красоты.*

Через эту жертву герою стала открываться красота как объективная ипостась. Стремление к её восстановлению приводит к осознанию на собственном трагическом опыте коренной, достаточно полно разработанной в русской литературе идеи спасения мира через красоту, через любовь и милосердие, через восстановление образа Божия в себе.

Стихи поэта о любви чувственны, многие сюжетны, но содержащие высокое чувство, отражающие искренний восторг поэта пред внешней и душевной женской красотой, они тоже выходят на символический уровень.

<i>...А жизнь как в снежной замяти, Летишь снежинкой в ней. Ну, что придёт из памяти По веренице дней?</i>	<i>Одно лишь – как за пряслами Встречались мы с тобой... А дальше всё неясное И всё не про любовь.</i>
--	--

И нет сомнения в том, что всё ясно там — где любовь, а где и ясно, и любовь, там — Бог.

А там, где Бог, — там искание правды, там пример жертвенного служения, там творческий смысл евангельской любви, там путь спасения. И это понимает художник, повторяя материнские слова.

*...Но жизнь текла... И главным самым
В ней был лишь тот из детства свет...
— Сынок, — благословляла мама, —
Нам без Христа спасенья нет.*

В стихах Василия Забелло, проникнутых православной верой, сходятся и художественно разрешаются многие трудные вопросы русской жизни и русской веры, которые невозможно, как правильно понимает художник, понять, не взглянув в прошлое, не обратившись к истории Отечества.

*Давно душа мятущаяся просит
Божественной глубокой тишины,
Как на крылах, меня она уносит
К святым осколкам русской старины.*

И эта тяга оправдана, ведь, как говорил в «Выбранных местах...» Николай Васильевич Гоголь, «сам Бог строил в России незримо руками государей». А значит, история промыслительна. Вследствие собирания «осколков русской старины», к которым поэт относит и драгоценные элементы Божественного чина литургии, и традиционные церковные праздники, появляются стихи, требующие для своего постижения не рационального способа познания мира, а веры. Религиозные стихи Василия Забелло раскрывают особенности духовного развития нашего века и свидетельствуют о высоком историческом уровне в смысле преемственности и закономерности литературного процесса.

*Распахнулись врата в скитский храм небольшой,
Богомольцы пошли, отпуская поклоны...
Вместе с ними и я с покаянной душой,
Всё мирское отринув, молюсь на иконы.
В суете безоглядной я тратил года,
Благо, вышел на свет к алтарю и приходу...
А вокруг всё росли и росли города,
Но тянулась душа к просмолённому своду.*

Сколько векторов движения в этом маленьком поэтическом отрывке. Здесь всё в движении: и растущие города, и распахивающиеся врата, и идущие богомольцы, и душа, тянущаяся к просмолённому своду. Но главным в этом сгустке движений является поэт, идущий к алтарю, к Богу. А ещё он идёт к своему сыну, трагически погибшему послушнику Свято-Духовского скита в Почаевской лавре — Сергию.

<i>...Утренняя чистая пороша</i>	<i>Про тебя ни слухом и ни духом...</i>
<i>Побелила пустынь, монастырь.</i>	<i>Хоть бы голубь с вестью залетел...</i>
<i>Рано ты, сыночек мой хороший,</i>	<i>Та земля да будет тебе пухом,</i>
<i>Приумножил древние кресты.</i>	<i>И высок молитвенный удел.</i>

Не слышим мы трагического отчаяния из уст поэта, глубоко в душе оплакивающего безвременную кончину старшего сына. Не слышим потому, что есть вера:

*Божья Матерь приглубит,
Верил всякий час...
Ты теперь в небесной глуби
Помолись о нас.*

Взирая на «высокий молитвенный удел», вглядываясь в «небесную глубь», поэт в своём творческом стремлении, в выстраивании своей жизни идёт по направлению к этим высотам. И это единственный путь, не имеющий завершения, — путь возрастания к Богу. Только на этом пути может быть осуществлено невечным человеком так чаемое вечное движение. Ведь, как говорил преподобный Максим Исповедник, «единственное твёрдое определение... тварной природы — течь, а не стоять». В своей совокупности стихи Василия Забелло подтверждают воззрение преподобного Максима Исповедника, сформулированное в современных терминах протоиереем Александром Геронимусом о том, что само по себе движение может быть только к Богу, так как на уровне воплощения творение не пребывает в Боге от вечности, но имеет начало и конец и движется во времени и пребывает в пространстве³. Для

³Геронимус А. прот. Православное богословие и пути фундаментальной науки // Христианство и наука : сб. докл. М., 2003. С. 220.

поэта любовь, красота, доброта являются необходимыми условиями этого движения и пребывания в пространстве. Своей верующей душой он чувствует, что только любовь даёт возможность человеку преодолеть свойства тварного естества путём восхождения во славу Божию. Художник не богословствуя, не мудрствуя, легко называет этот трудный путь «движением вечной доброты», отмечая его вехи. А вехи те известные, древние, те же, что были у предков, у родителей, у всего православного русского люда.

— *Это исповедь:*

*Зажгу свечу исповедальную,
Под образами засвечу.
Грехи и ближние, и дальние
Прости мне, Боже, прошепчу.*

— *Это причастие:*

*Мне бы к храму да к причастию
Свят-дорожку проложить,
Чтобы в Боге тихо, счастливо
На земле ещё пожить.*

— *Это молитва:*

*Не покидай меня, молитва,
К нетленной радости зови.
Идёт невидимая битва
Во имя Света и Любви.*

.....
*Не все исполнены обеты
По укрощению страстей.
Не все акафисты пропеты
В тиши молитвенных ночей.
Да будет в радость это время —
Христу молитвою служить...
О, дай, Господь, ещё нам время
Для очищения души.*

Мольба о молитве, переходящая с единственного числа «мне» на множественное «нам», свидетельствует о том, что поэт не видит свой путь в одиночестве, без своего народа, без Родины, без Церкви. И поэтому, как о своём, личном, искренне молится художник о России, запрокинув голову к небу:

<i>Косяк летящих журавлей</i>	<i>Припасть к нему, скорей припасть!</i>
<i>Над горизонтом уходящим,</i>	<i>Питать растраченные силы...</i>
<i>И в звоне солнечных лучей</i>	<i>Привет, Божественная власть,</i>
<i>Ручей, прохладою звенящий.</i>	<i>Не оставляй моей России!</i>

Россия для поэта — то пространство, которое изначально пребывает в Боге. Потому здесь так трудно. Потому здесь каждый человек — соавтор Книги бытия. И поэтическое творчество Василия Забелло можно рассматривать как одну из её светлых страниц.

ВАСИЛИЙ КОЗЛОВ

«...Я лиру посвятил народу своему...»

Памяти поэта и просветителя Геннадия Гайды

На снимке слева направо: Василий Козлов,
Геннадий Гайда, Иван Козлов

Геннадий Михайлович Гайда был редким ценителем поэзии, читателем, которому мало было самому насладиться красотой слога, отточенностью и многогранностью мысли, ему важно было непременно поделиться с собеседником радостью первооткрывателя. Для многих он стал законодателем и воспитателем поэтического вкуса: друзья, знакомые, случайные встречные, с кем сводила его жизнь на нешироких иркутских улицах, помнят эту его особенность.

Со временем он стал проводить публичные беседы о русской

поэзии. Мне кажется, он боялся одиночества, сам не осознавая этого, ему постоянно нужен был собеседник, оппонент и, может быть, поэтому он пригласил участвовать в этих разговорах меня. Почти всегда мы выступали вдвоём. Стихи, как правило, выбирал он, иногда предлагал темы, которые я должен был развить, но как человек увлекающийся, он мог забыть обо мне, оставляя мало времени, но он был моим другом, я не обижался, только иногда весело высказывал ему за многоговорение, да и какие могли быть претензии, когда я сам становился слушателем, частью аудитории и с интересом и вниманием следил, как он раскручивает блестящий серпантин импровизации. Это не было сухим начётничеством, подробным перечислением фактов биографии сочинителя, иллюстрированной стихами. Это было страстное повествование, это был моноспектакль, недаром после службы на флоте он хотел поступать в театральное училище, и, наверное, стал бы видным актёром.

Его панорамный взгляд охватывал русскую поэзию с древнейших до наших дней. И не только поэзию, все пласты литературной, культурной и духовной деятельности. Да и темы бесед не ограничивались поэзией, но поэзия всегда оставалась действующим лицом, средоточием, о чём бы ни шла речь, об экологии, социальных вопросах, политике и т. д. Я даже осмелюсь сказать, что поэзия имела для него больший смысл, чем сама жизнь. И, может быть, только к глубокой зрелости акценты изменились. Но это не отменяет его непреходящей влюблённости в искусство, возвышение вымысла и отражения до непреодолимой высоты.

Он мог подготовить выступление на любую тему. Когда работал в Гражданской обороне, обыкновенный сухой инструктаж, беседу в производственной аудитории, о действиях в случае чрезвычайной ситуации он оживлял литературными примерами и поэтическими вставками, не уходя при этом от темы. Когда однажды в «СибАтоме» была выставка охотничьих трофеев известного охотника и путешественника Николая Васильевича Тере-

щенко, он подготовил и произнёс на открытии выставки блистательное слово об истории этой традиции со времён средневековых рыцарей до наших дней. Недавно, в Тулуне, на презентации книги Н.В. Терещенко «Тулунская охота» я узнал, что, оказывается, Николай Васильевич записал, сохранил и иногда прослушивает то выступление Г.М. Гайды, удивляясь его глубине и точности. А ведь это было в 90-е годы прошлого века... На вечере литературной пародии в Доме литераторов он мог произнести основательный доклад о смысле и цели этого литературного жанра. Множество тем им было разработано на исторические, экологические, литературоведческие и иные темы.

На протяжении многих лет он проводил литературные вечера в библиотеке ТЭЦ-2, директором которой была Тамара Петровна Панова. Это, пожалуй, единственная библиотека в городе, где на протяжении десятилетий регулярно проводились литературные встречи, где непременным ведущим был Геннадий Михайлович.

Он всегда тщательно готовился к выступлению, привлекал множество авторов, источников, умел создать в аудитории атмосферу творчества, спора, живости общения. Скучны, однообразны и неинтересны сегодня выступления писателей и на творческих встречах, и на тематических и юбилейных вечерах: каждый предсказуем, редко свежая мысль, о живости и страстности тоже говорить не приходится, всё больше о себе любимом и неподражаемом. Все бегут, в спешке некогда останавливаться, некогда подумать, тем более подготовиться к выступлению.

Многие помнят организованный и проведённый Геннадием Михайловичем в Доме литераторов вечер, посвящённый 100-летию со дня рождения Михаила Исаковского, автора текстов многих песен, ставших поистине народными. Но ему мало было просто провести вечер, отметить круглую дату, он пригласил студентов музыкального училища, молодых талантливых людей, они участвовали в вечере как исполнители, но его цель была и просветительской — ввести ребят в мир поэзии Исаковского, которой без этого вечера они бы не узнали, может быть, никогда, помочь им приобщиться и полюбить русскую песню, пребывающую сегодня в забвении.

Геннадий Михайлович был человеком крайних и резких взглядов, не всегда объективных, часто шокирующих слушателя, но это были его взгляды, его свобода, и посмею утверждать: в иркутском литературном сообществе не было человека более искреннего, более яркого, более трепетно любившего искусство, чем он.

Со временем эта деятельность удачно воплотилась в цикле телевизионных передач «Классическая лира», в которой участвовали Виктор Бронштейн и аз грешный. Но движителем, сердцем и душой этих разговоров о поэзии был, конечно же, Геннадий Михайлович. Какой бы темы он ни касался, всегда говорил страстно, оживлял эпоху, в которой творил тот или иной поэт, освещал тончайшие грани творчества, он продумывал направление беседы, определял стихи, которые нужно прочесть.

Запись каждой передачи длилась три-четыре часа, а передача вмещалась в двадцать минут. И редактор, и режиссёр, «две Марии», как мы их называли, Аристова и Филатова, и операторы, да и все участники действия заслушивались монологами Геннадия Михайловича, который блистал искусством «прямой разумной речи». Около двадцати бесед прозвучало по иркутскому телевидению, некоторые из них повторялись на московских каналах, в частности, на канале «Культура» о творчестве Николая Рубцова, Михаила Лермонтова, Юрия Кузнецова, Александра Вертинского, Анатолия Передреева, Фёдора Тютчева, Николая Заболоцкого, были тематические: «Великая война», «Великий тыл», «Зимние этюды», «Пасхальные стихи», «Рождество Христово» и др.

Когда возникла мысль перевести слово звучащее на бумагу¹ и издать книгу, не удалось найти полных записей на телевидении, они были стёрты в памяти компьютера, остались только диски передач, и, конечно же, они не передают во всём великолепии и широте того,

¹Хочу поблагодарить Ксению Горскую, Галину Набокову, Анну Зайкову и Наталью Камышову за кропотливый труд, перевод на бумагу текстов телевизионных передач, без их помощи дальнейшая работа была бы невозможна. При подготовке расшифрованного текста к печати были произведены небольшие сокращения и уточнения, связанные с характером разговорной речи, что не привело даже к малейшему искажению мысли.

что было сказано, что импровизировалось и рождалось по ходу записи того или иного сюжета. Но и в урезанном виде они интересны читателю и ценителю поэзии и сегодня. Я думаю, что Геннадий Михайлович не стал бы издавать свои тексты сам, потому что они предназначались для живой беседы, где необходимо общение, глаза слушателя, его живой и непосредственный отзыв, несогласие, удивление, восторг, соучастие.

Он редко писал прозаические тексты, чаще это были информации в газету о литературных встречах писателей, когда он работал в Бюро пропаганды художественной литературы (была такая серьёзная организация в советское время), деловые письма. Единственная статья, написанная им, посвящена творчеству Юрия Кузнецова, которого он считал величайшим поэтом второй половины двадцатого века.

То, что он делал, было незаурядным и единственным явлением в современном нам литературном пространстве. Он вообще не думал о себе, о своём творчестве, всё его естество было подчинено служению поэзии в жизни и искусстве, и наш долг — сохранить то немногое возможное, что материализовалось на бумаге и в звуке.

Если бы меня спросили, как можно обозначить жизнь Геннадия Михайловича Гайды двумя словами, я бы сказал: «Забвение себя». Он не рекламировал себя, как это сегодня принято повсеместно в творческой среде, держался обособленно от писательской организации, он был в ряду лучших иркутских поэтов, а издал первую книгу в пятьдесят лет, когда некоторые швыдкие ровесники напечатали по полтора десятка посредственных книг. Когда его приглашали в какую-нибудь аудиторию почитать свои стихи, он обязательно говорил: а можно я приду с разговором о Юрии Кузнецове? Или называл какого-то другого поэта. Но первым непременно Юрия Поликарповича. Русская поэзия была для него вечным праздником.

Перед самой кончиной, когда он уже ослаб и к себе на четвёртый этаж поднимался тяжело, останавливаясь и отдыхая на каждой лестничной площадке, мы сидели у него в тесной кухонке, пили чай, разговаривали. Это был наш последний разговор. Трудный. Долгий. Казалось, не последний. Когда я уходил, уже в прихожей, сказал:

— Пусть никто не читает стихов ни на кладбище, ни на моих поминках.

Я пообещал. Но я не до конца догадывался, почему он об этом просил. И только сейчас, занимаясь подготовкой к изданию его книги, понял. Размышляя о стихах Петра Реутского, он говорит: «На кладбище мне подумалось: у Петра Ивановича есть стихотворение, которое не стыдно у раскрытого гроба прочитать, которое не стыдно прочитать и у разверстой могилы. Есть стихи, которые способны выдержать прямой взгляд самой смерти. И вот, подумав об этом, я испытал большое чувство неловкости. А у кого ещё из нас, пишущих стихи, лучше-хуже, больше-меньше издающихся, найдётся такое стихотворение, которое твои друзья или близкие смогут прочитать над твоим раскрытым гробом, не устыдившись. И это очень жёсткий, но не жестокий, один из истинных критериев творчества».

Он говорит о величии акта смерти и акта творчества, а в том нашем последнем разговоре он думал о тех, кто может быть по неведению, по неразумению, готовы читать стихи хоть в пьяном застолье, хоть над телом усопшего.

Для него не существовало быта в общепринятом смысле, он не смог создать нормальную семью. Неустроенность окружала его, но и, казалось, устраивала его. Его обычное состояние — в пути, в самолёте, в командировках, — без движения он впадал в уныние и мог днями не выходить из дома, не открывать стучащим и звонящим в дверь, оставаясь наедине с собой и любимыми поэтами. Он избавил своих родственников от необходимости делить наследство, оставив после себя одежду, уместившуюся на вешалке в прихожей да три пары башмаков, которые ему были подарены, и ещё, как он сам сказал в стихотворении о мыслителе Григории Сковороде: «И остались от поэта — книга, посох и сума».

Геннадий Михайлович был сильным человеком. Понимая, что жить осталось недолго, по старому русскому обычаю он заказал по своему рисунку себе на могилу крест. Восьмиконечный. Православный. Деревянный. Сам занёс его в квартиру. Крест стоял в прихожей, смущая многих приходивших к нему в последние месяцы жизни.

Он обладал деятельной памятью. Всё, что было связано с историей Иркутска, а точнее

сказать, с несправедливостью по отношению к нашей истории, было его неустанной заботой. Ему хотелось, чтобы все достойные имена, составившие славу и гордость Иркутска, были запечатлены в названиях улиц, в мемориальных досках, в памятных знаках и монументальной скульптуре. И когда появилась такая возможность, при поддержке и меценатстве В.В. Бронштейна он осуществил многое из задуманного. Появление памятника драматургу Александру Вампилову не обошлось без его участия. Он отыскал в Москве знаменитого скульптора Михаила Переяславца и убедил его в необходимости данной работы.

Он мечтал о восстановлении памятника императору Александру Третьему, мы с ним представляли инициативную группу горожан на заседании Иркутской городской Думы, когда рассматривался этот вопрос. Дума, не долго думая, проголосовала за сохранение «шпиля» на набережной Ангары. Но памятник всё же был восстановлен к 100-летию прибытия первого поезда в Иркутск. Затем была черед мемориальных досок иркутским купцам И.С. Хаминovu на здании бывшей второй хаминовской гимназии, Д.М. Кузнецу, советскому конструктору вертолётov М.Л. Милю и конечно же представителям литературного мира, жизнью, судьбою своею или случаем связанным с нашей землёй, — Константину Седых, Алексею Звереву, на здании школы, в которой он учительствовал, Геннадию Машкину; адмиралу Г.И. Невельскому на ограде Крестовоздвиженской церкви в 2008 году, когда Геннадий Михайлович уже доживал последние дни, но нашёл в себе силы завершить это дело. Была сделана мемориальная доска художнику Ю.И. Селивёрстову, но, пока не установлена.

Его волновала не только история Иркутска. Было написано письмо в администрацию г. Братска с предложением увековечить память работавшего на строительстве Братской ГЭС, одного из лучших поэтов XX века Анатолия Передреева. Замечу, что название «Классическая лира» для телевизионной программы было взято Геннадием Гайдой из стихотворения Анатолия Передреева «Поэту».

Он организовал подготовку к установке мемориальной доски в Тайшете заключённо-му Тайшетлага Анатолию Жигулину. Но по болезни своей не смог поехать на установку и попросил меня, давая рекомендации по переговорам с местным начальством и руководством железной дороги. Дело, как он и предполагал, оказалось непростым, и только благодаря его советам удалось его завершить. На здании железнодорожного вокзала станции Тайшет увековечена память о выдающемся русском поэте. В селе Усть-Куда, дом, где родился удивительный писатель Алексей Васильевич Зверев, так же отмечен памятным знаком. Мемориальная доска установлена и в Тулуне знаменитому в своё время писателю Павлу Нилину, лауреату Государственной премии СССР; драматургу Александру Вампилову в 2007 году к 70-летию со дня рождения в г. Черемхово, на здании родильного дома.

Он предлагал увековечить память одного из наиболее значительных танцовщиков XX века Рудольфа Нуриева, который родился в поезде, недалеко от Иркутска, а также одного из лучших поэтов русской эмиграции Валерия Перелешина, родившегося в Иркутске. Подчас даже формальная связь той или иной знаменитой личности с Иркутском была для него значимой.

На доме, где он жил, укреплен мемориальная доска. Серый мрамор. Обычные слова. И четыре строки из его стихотворения. Краткие. Как человеческая жизнь во времени.

Он считал, что для ушедшего православного человека молитвенная память превыше всего, но для живущих материальные свидетельства жизни на земле тоже имеют важное значение.

Он готовился к смерти как христианин. Исповедался и причастился. Умирал тяжело. Хоронили его в день праздника Преображения Господня 19 августа 2008 года. Завершение человеком земной жизни и есть его преображение из земного тленного образа в образ вечности.

В Михаило-Архангельском² храме отпевание совершил протоиерей Каллиник Подлосинский.

²Удивительное совпадение, Геннадий Михайлович Гайда родился 21 ноября, в этот день в православных храмах празднуется собор архистратига Михаила и прочих сил небесных.

ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ

Света источник

О ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ХУДОЖНИКА ФИЛИППА МОСКВИТИНА

От редакции: *Москвитин Филипп Александрович, известный русский художник, родился 20 декабря 1974 г. в Иркутске в семье художника. Юношей Филипп Москвитин поступил в Московскую среднюю художественную школу им. В.И. Сурикова (МСХШ). Образование продолжил в Российской Академии живописи, ваяния и зодчества (РАЖВиЗ), которую окончил в 1998 г. В 2001 г. Москвитин окончил аспирантуру под руководством академика И. Глазунова. Состоит в Московском союзе художников(2003), Союзе художников России (2007), Творческом союзе художников России (1999), член-корреспондент Академии Российской Словесности (2012). Филипп Москвитин имеет десять лет педагогического стажа, из них семь лет он преподавал иконопись, композицию иконы и иконописный рисунок в Православном Университете Святого Апостола Иоанна Богослова, занимал долж-*

ность доцента факультета церковно-исторической живописи. Выпускники мастерской Филиппа Москвитина стали востребованными иконописцами, состоят в творческих союзах.

Художник создаёт тематические циклы картин, посвящённых историческому событию или выдающейся личности. В его обширной галерее, названной «Святые и великие люди России», портреты духовных лиц, русских государей, великих учёных, философов, писателей и знаменитых наших современников. Особое место в ней занимают портреты русских патриархов и митрополитов, от митрополита Илариона Киевского до патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Особое место в творчестве Филиппа Москвитина занимает темперная каноническая иконопись, им воссозданы несколько иконостасов, художник-иконописец продолжает создавать образы для монастырей и храмов России. Написанные им иконы, в том числе образы Новомучеников Российских, находятся во многих храмах России.

С 1992 г. художник участвует в союзных, российских и международных выставках, открывает новые персональные выставки, показывая разные направления и жанры своего творчества. С 2001 г. провёл более двадцати персональных выставок в центральных залах России. В частности, в Москве (музей храма Христа Спасителя), в Санкт-Петербурге (Александров-Невская лавра), в Екатеринбурге (Музей изобразительных искусств), в залах Московского Союза художников, в Союзе писателей России, в Российском фонде культуры и на других престижных площадках нашей страны. Картины Филиппа Москвитина находятся в собраниях музеев, в частных коллекциях России и за рубежом.

О физических свойствах света человечество, кажется, знает всё. И то, что он является одновременно и волной, и частицей, и то, что в пределах видимости распространяется прямолинейно, что обладает спектром, и многое другое. Однако свет остается чудом, во все времена заставляет трепетать душу, восхищает разум, пытающийся проникнуть в глубину этого непостижимого явления, возникшего по Божию Слову. Основным способом познания света, который, кроме видимых физических проявлений, имеет мистическую, всеобъемлющую значимость и поэтому, наверное, издревле метафорически отождествляется с миром сущего, со всем «белым светом», по сей день для человека остаётся вера. Только верой святитель Василий Великий прозрел и отразил в «Шестодневе» процесс возникновения света на Земле. «Первое Божие Слово создало природу света, разогнало тьму, рассеяло уныние... Явилось небо, покрытое дотоле тьмою; открылась красота его в такой мере, в какой ещё и ныне свидетельствуют о ней взоры... И эфир стал приятнее при свете; воды сделались светлее, не только принимая в себя лучи, но и испуская их от себя через отражение света, потому что вода во все стороны отбрасывала отблески...»¹

Так в мир вошла красота, к постижению, отражению и приумножению которой более всего всегда стремились творческие души, предчувствующие скрытую, духовную природу света, присутствующего в каждом настоящем произведении искусства. Например, Анна Ахматова, поэтически изображая архитектурное великолепие дворца в Летнем саду, «где все перламутром и яшмой горит», добавляет: «но света источник таинственно скрыт». Объективность художественного образа, характеризующегося субъективным авторским выражением, очень убедительно выявляется в стихотворении Фёдора Тютчева «Фонтан». Речь в нём идёт об обыкновенном фонтане, о периодическом непреложном законе его существования. Но у Тютчева это не просто метафорическое отражение зрительного восприятия явления, само явление представлено как метафора бытия, где существует «закон непостижимый», который «луч, упорно преломляя, свергает в брызгах с высоты». Скорее по наитию, по исконному ощущению света, нежели в соответствии с осмыслением физических законов, Тютчев использует здесь понятие луч. Если луч — значит свет, если свет — значит небо, высота. Хотя именно законами теории излучения полнее всего и можно описать этот процесс. Известно, что свет становится видимым, только если он отражается от препятствия, от границы раздела двух сред. Об этом образно говорится и в приведенной цитате Василия Великого. Поэтому в космосе света нет. Но на земле, рассветным утром, даже когда ещё не взошло солнце, мы видим его первые лучи на облаках за счёт отражения от атмосферы. Да, в нашем зримом материальном мире солнце — первичный источник. Но есть мир невидимый, но от того не менее реальный, — духовный, в котором Источником света является Бог. И в этом мире существует разделение «сред», а душа является и естественной отражающей преградой, и вторичным источником, источающим свет духовный, свет веры.

Мир пронизан Божественным светом, падающим на каждую человеческую душу. Но, если можно так сказать, коэффициент отражения—поглощения у всех душ разный. И это более всего заметно на примере творческих личностей и их художественных произведений. Если рассмотреть возможные отражающие свойства человеческой души, то очевидной становится ценностная иерархия художественных явлений. Душу художника, слепую, невосприимчивую к Божественному свету, можно представить аналогичной плотной среде, где после преломления происходит полное внутреннее поглощение, как в «чёрной дыре», попадая в которую свет не отражается, не возвращается. В результате может получиться «Чёрный квадрат» Малевича. Даже попытки изображения света, как, например, у Кандинского, приводят к свету оккультному, ожесточающему сердце, оставляющему произведение в отрицательном квадранте условных осей координат бытия, так как искажают образ бытия, не соответствуют Божию замыслу. Если же душа художника проникновенна, посредством внутреннего духовного очищения просветлена, то она глу-

¹Творения Василия Великого, архиепископа Кессарии Каппадокийския. М., 1991. С. 34.

боко воспринимает Божественный Свет и преображённый щедро возвращает в мир в виде истинных художественных образов и произведений, которыми так богата русская живопись, непостижимая без Православия. Существует, кажется, и промежуточный вариант взаимодействия, который можно физически представить в виде биений вдоль границы раздела «сред», происходящих, когда художественный образ не обращён к небу, когда он создаётся не духом, а разумом и пробивается в освещённый квадрант за счёт гениального своего воплощения, как, например, «Джоконда» Леонардо да Винчи. Таким образом, если считать, что творчество художника определяется способностью восприятия и отображения Божественных энергий, то оно может характеризоваться условной мерой — «критическим углом отражения», и есть возможность рассматривать это творчество в определённых границах и закономерностях. Конечно же, это условная, приближенная оценка, ведь в любом художественном произведении, как и в самом творческом даре, заложена непостижимая рациональным способом тайна, благодать, умножающая выразительность произведения искусства и его светоносную силу.

Через всё творчество современного московского живописца Филиппа Москвитина проходит тема света — света природного и света духовного, которые неделимы. Это творчество на фоне массового современного искусства, не отражающего подлинную глубину человеческого существования, уводящего в мир мнимостей, выделяется особой нравственной красотой, просветлённым прикосновением к глубинам человеческого духа, связью с сокровенными сущностями. Талантливому художнику причисляют к московской школе живописи, которая считается традиционно реалистической, сюжетно-тематической, исторически тяготеет к военно-патриотическим темам, славится жанровыми и пейзажными картинами. В этих традициях Филипп Москвитин говорит своим художественным языком, находит и живописно воплощает своё новое слово, которое черпает из вечностных, неизблемых основ бытия. При всём многообразии художественно-выразительных средств, при неизменном реалистическом отображении картины мира художник не сворачивает с единственного, выбранного ещё с детства и продолженного в годы обучения в Российской Академии живописи, ваяния и зодчества пути — пути истинной православной традиции, которая не сужает творческие рамки, а, наоборот, даёт возможность глубоко исследовать самые разнообразные, неожиданные темы и сюжеты средствами живописи, графики и даже мозаики.

Живописные интересы Филиппа Москвитина в первом приближении можно разделить по нескольким жанрам — исторические полотна, портреты, пейзажи и высший уровень — иконы. Однако это деление достаточно условно. Благодаря врождённой художественной одарённости, духовной проницательности, живописному мастерству, ощущению настоящего времени художнику легко даётся совмещение нескольких направлений. Жанрово-тематическое взаимопроникновение-обогащение поднимает это творчество на духовный уровень, но не отрывает от реального мира, от сегодняшнего времени, в котором, как никогда, ожесточилась борьба за само понятие жизни в физической и духовной её ипостасях. Одним из победных символов этой непримиримой борьбы является строгий, торжественный портрет Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, написанный художником в 1998 году в качестве дипломной работы. Запоминающееся произведение тогда ещё совсем молодого художника удивляет не только зрелостью мастерства, глубокой выразительностью образа архипастыря, но усиливающимся с течением времени, с каждым годом духовным значением масштабного полотна, постепенно приобретающего особую надвременную ценность. Конечно же, это в первую очередь связано с личностью самого митрополита Иоанна, ему по Божию Промыслу были даны особые духовные силы, необходимые в новые смутные времена, в которые нам всем выпало жить, когда вновь было попущено зло, когда опять встал вопрос о самом существовании России. Митрополит Иоанн совершил зримый святительский подвиг, который выражался не только в том, что при нём произошёл значительный рост числа верующих и прихожан в Петербургской епархии, началось возвращение народа в свой исконный духовный дом — Русскую Православную Церковь. Выдающийся подвиг Владыки — его духовное творчество, где

митрополит Иоанн разработал целостную, исторически обоснованную идеологию русского национально-религиозного возрождения.

Филипп Москвитин находит убедительное художественное решение, разрабатывает новые живописные приёмы для создания образа православного пастыря. По сути, изображая его в облачении света, он уподобляет его самому мощнейшему источнику любви, источнику света духовного. Усиливается это ощущение благодаря симметрично выверенной композиции картины, в которой Владыка с жезлом в руке изображён в полный рост на амвоне Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры. За ним — Царские Врата, над ним простираются золотые лучи, символизирующие схождение благодати Святого Духа. Владыка облачён в саккос, украшенный византийским орнаментом. Цвет одеяния нельзя однозначно назвать золотым, это более глубокий, сложный цвет света, того чудесного света, которому не нужна антитеза тьмы. Он приближается к нематериальному, невещественному свету, в изображении которого совершенствовались многие иконописцы Святой Руси. Но Филипп Москвитин не увлекается их достижениями, а находит свои приёмы. Создавая образ земного человека, нашего современника, он не использует чистых, ослепительных цветов, световых пробелов. Чудо излучения света ему удаётся создать в приближении к традициям умеренной московской иконописной школы. Он использует приёмы, близкие к технике плавя, создающие эффект разлития света с тончайшими переходами близких, тёплых оттенков, перемежающихся прозрачными тенями. Не открытый контраст, а спокойное равномерное сияние охватывает выразительное лицо Владыки с простыми русскими чертами. Это лицо, излучающее мудрость и нравственную силу, портретно в соответствии с принципом духовного понимания художественного документализма, а в целом портрет являет запоминающийся, живописно достоверный, психологически сложный, зрительно объёмный образ выдающегося деятеля Русской Православной Церкви.

Как говорит сам художник, «больше всего радует точно найденный образ, найти его, передать эту радость зрителю — вот моя задача». Но для достижения цели мало одного желания, нужно мастерство, нужна школа, дающая умение решать поставленные задачи. Очевидно, не только русской живописной традицией определяются индивидуальные особенности творчества художника, который учился у Ильи Глазунова и, кроме Александра Иванова, русских импрессионистов, называет в числе своих любимых художников Диего Веласкеса, представителя строгой испанской живописи. Кажется, что может быть общего с последним? Но при внимательном рассмотрении творчества Филиппа Москвитина и при обращении к художественным особенностям великого испанца параллели выявляются. В первую очередь это мировоззренческая близость. В своих портретах, соблюдая классический канон парадной портретной композиции, требующей сдержанности, отчуждённости, внешнего достоинства, Веласкес умел передавать внутренний мир человека с поразительной многогранностью. Серьёзно и беспристрастно он раскрывал сложность человеческого характера, его индивидуальность, видя и воссоздавая её в нерасторжимой слитности многообразных качеств, будь то придворный вельможа, иерарх церкви или человек из народа. В том же направлении работает и Филипп Москвитин, которому тоже интересны в первую очередь личности аскетические, внешне сдержанные, но духовно богатые. Он часто обращается к лицам духовного звания, портретов которых много в его обширной галерее. Особо обращает на себя внимание погрудный портрет Святейшего Патриарха всея Руси Алексия II (2002). На портрете, решённом в немногозвучной вишнево-золотой цветовой гамме, Патриарх предстаёт перед нами в праздничном пасхальном облачении, с патриаршим посохом. Этот портрет при строгом колористическом и композиционном решении производит впечатление очень сдержанного художественного произведения, раскрывающего вдумчивый, богатый духовными переживаниями образ Предстоятеля Русской Православной Церкви. Усиливает историческую значимость образа реальный фон в виде древней поблекшей храмовой стеной росписи, символизирующей незыблемость, непрерывность и преемственность православной традиции, защита которой вменяется каждому русскому Патриарху.

К образу Патриарха Алексия II художник обращается в другом своем значимом произведении, в большой многофигурной композиции «Перенесение мощей Патриарха Тихона,

или Благовещение в Донском монастыре» (1995–2001). На картине изображено одно из событий современной Православной церкви — прославление Патриарха Тихона, святителя, занимающего место в сонме новомучеников российских. Он скончался в 1925 году в день Благовещения Пресвятой Богородицы. Его мощи обреты в 1992 году в Донском монастыре. По традиции в каждое Благовещение после праздничной службы Святейший Патриарх Алексий II возглавлял процессию перенесения мощей Патриарха Тихона из Малого собора в Большой. Это торжественное многолюдное событие Филипп Москвитин передал, не перейдя тончайшей грани достоверности и художественного вымысла, который заключается, в первую очередь, в колористическом и пространственно-композиционном решении грандиозного полотна. Достоверность достигается узнаваемостью многих священнослужителей. Рядом со Святейшим Патриархом мы видим архимандрита Кирилла (Павлова) с иконой святителя в руках. На первом плане — архимандрит Даниил, который в юные годы бывал на службе Патриарха Тихона, благословлялся у него, участвовал в его погребении. Событие показано с большой жизненной правдивостью, оно не кажется явлением стихийным, случайным, но представляется звеном исторического процесса жизни Русской Православной Церкви. Кстати, впервые в истории живописи глубокое решение исторической темы в реальном, естественном представлении дал Диего Веласкес в картине «Взятие Бреды». На полотне Филиппа Москвитина все персонажи тоже естественны, жизненны, выразительны, обладают индивидуальностью, внешней и внутренней характеристикой. Но в большей степени для художника, стремящегося к смысловой и композиционной общности образа, важно то, что объединяет всех этих людей.

Чтобы это понять, может быть, имеет смысл сопоставить картину Филиппа Москвитина с известным полотном Ильи Репина «Крестный ход в Курской губернии», созвучную тематически, но являющуюся полной противоположностью. Репин, бесспорно, добился художественного правдоподобия, мастерски изображены богомольцы, церковные атрибуты, пыльный воздух, но нет правды о самом событии, связанном с перенесением особо почитаемой русскими людьми чудотворной иконы Курской Коренной Пустыни. Прославленный художник не смог или не захотел найти обобщающий композиционный образ, который выразил бы духовное устремление народа, представленного в этой исторической картине разрозненными персонажами. Филипп Москвитин стремится к духовно-философским обобщениям и для этого разрабатывает целую систему художественных приёмов.

Трудную задачу объективной передачи большого пространства художник успешно решает в соответствии с законами зрительного восприятия, чего, однако, недостаточно для передачи глубоких духовных процессов, той поразительной целостности, которой подчинено происходящее на полотне действие. Известно, что в плоскостном, неподвижном живописном произведении содержится образ времени, представление которого определяется мастерством и художественной задачей автора. Художественный образ времени может совпадать с Вечностью, как в «Троице» Андрея Рублева, может длиться фотографическое мгновение, как в вышеупомянутой картине Ильи Репина. Образ времени, в первую очередь, связан с темой произведения — в исторической картине заложена определенная историческая временная дистанция, но точнее всего он может выражаться и передаваться средствами композиции, перспективным построением, как, например, в любимой картине Филиппа Москвитина «Явление Христа народу»; по признанию самого Александра Иванова, расположение фигуры Христа на далёком плане и введение синеющих гор вдаль углубили смысл всей композиции. Ещё одной особенностью этой знаменитой русской картины является принцип пластического единства изображённых фигур и групп, что даёт почувствовать образ длящегося времени. Как пишет искусствовед Н.Н. Третьяков, «неизменное влечение к образам вечности и длительного времени суть национальный признак нашего искусства. Это то, что нам завещано христианской традицией, которую мы должны сохранять и продолжать»².

Стремление отразить время явно прослеживается в творчестве Филиппа Москвитина, особенно в картине «Перенесение мощей Патриарха Тихона», где соблюдаются и tradi-

²Третьяков Н.Н. *Образ в искусстве. Свято-Введенская Оптиная Пустынь, 2001.* — С. 92.

ционные приёмы, и разрабатываются новые. Бесспорно пластическое единство изображаемых фигур, которое не нарушается и даже усиливается контрастными цветами одеяний участников торжественного хода. Цвет чёрный — от чёрных облачений монахинь, возглавляющих процессию и уже входящих в храм, плавно, чередованием чёрных клобуков и серебряных мантий, следующих за ними монахов, постепенно, от фигуры к фигуре, преобразуется в серебристо-голубой и достигает своего апогея — цвета света одежд Патриарха всея Руси Алексия II. Центральная фигура Патриарха, символизирующая и значимость происходящего события, и аналогию служения Патриарха Тихона, отдалена, углублена, что создаёт ощущение длящегося, стремящегося в бесконечность времени. Это ощущение усиливается и углублением пространства картины за счёт свето-воздушной перспективы, изображённого художником на дальнем плане воздуха-света, как будто заключённого в свод, образуемый из склоняющихся обнажённых ветвей деревьев, незбылемых в холодный Великопостный праздничный день. Акцентированные антиномии праздника Благовещения и Великого поста, смерти и Воскресения, горя и радости, выраженные художественными средствами, свидетельствуют, что это не просто картина отражения события, это живописное философско-богословское размышление. Автор полотна осмысливает и художественно решает задачу изображения единства Церкви Небесной, пребывающей вне времени, явленной в картине метафорическими образами весенней природы, сложными небесными световыми абберациями, и Церкви земной, зримой, распахнувшей свои врата торжественному монастырскому ходу. Большой собор монастыря, куда переносятся мощи Патриарха Тихона, показан фрагментарно. Но чёрная монолитная группа монахинь, поднимающихся по ступеням, окна храма, горящие ровным, тёплым естественным светом, видимое через проём двери богато украшенное паникадило — всё это создаёт ощущение подлинности, великого таинства, свершающегося в глубине собора. Следует отметить мастерство художника в том, что, не видя лиц монахинь — они изображены со спины, — зритель точно определяет, что это женские фигуры. Вся процессия в картине будто бы проистекает от Неба, от Света, от Церкви Небесной и движется в бесконечность через Церковь земную.

Движение времени в картине создаётся и усиливается зрительным ощущением ритма, наличием ритмических взаимосвязей. Известно, что наиболее ритмичным является искусство иконописи, где наряду с изображением движения по горизонтали разработан приём изображения движения по кругу, создающее впечатление пространственной бесконечности. В картине Филиппа Москвитина наблюдаются элементы окружности: по дуге движется процессия, полукругом образуют ветви деревьев, и даже небеса, кажется, движутся вокруг незримого центра. Используется приём восхождения фигур, приём чередования цветовых интервалов. Но изображаемый ритм не просто сумма приёмов, он приводит к гармонии, за счёт чего создаётся впечатление монументальности, незбылемого порядка, вечности и наследования исконных традиций земной Церкви Христовой, предводимой и берегаемой русскими Патриархами.

К образу Патриарха Тихона живописец обращается неоднократно. Богатая событиями, физическими и духовными подвигами жизнь этого святителя известна не достаточно широко. Художника интересуют её переломные моменты, о которых он даёт запоминающееся живописное представление. Драматичная картина «Арест Патриарха Тихона» (1996) решена на фоне древней красной кирпичной стены в целом в сумрачных тонах, символизирующих власть тёмных, атеистических сил. Белый куколь Патриарха и его ясное волевое лицо являются смысловым центром картины, в которой, по сути, изображена трагедия временного одоления света силами тьмы, представленными уверенными в своей правоте непреклонными во зле красноармейцами. О временности их власти свидетельствуют смиренные и непоколебимые в своих устоях духовные чада Патриарха, склонившие свои головы под его отдалённое в пространстве благословение. И композиция картины в целом, и это отдалённое благословение наводят на мысль о двух иконографических источниках произведения — «Взятие Христа под стражу» и «Воскрешение Лазаря».

Примерно в таких же склонённых позах мы видим других духовных детей святителя, на других землях, на другой картине «Прощание с Америкой святителя Тихона»

(1995–2003). Со смирением, любовью и благодарностью взирают на своего просветителя коренные жители Аляски, где будущий Патриарх совершал миссионерский подвиг в сане архиепископа Алеутского и Северо-Американского. Из жизнеописания святителя мы знаем, что за восемь лет его управления Алеутско-Аляскинской епархией были учреждены две викарии — Аляскинская и Бруклинская, открыты духовные семинарии, основан Свято-Троицкий монастырь, построен Свято-Никольский собор в Нью-Йорке. Число прихожан возросло с семнадцати до семидесяти пяти. В центре картины Филиппа Москвитина святитель Тихон изображён не активным церковным деятелем, а добрым пастырем в строгом монашеском одеянии. Он ещё молод, но к нему, как к истинному отцу, приник на прощание плачущий по-детски алеут. Не только горе видится в этом прощании, но ощущается великая радость встречи — встречи с Господом, на Которого с уверенностью святитель Тихон, свершивший миссионерский просветительский подвиг, уезжая, оставляет своих духовных чад. Для усиления этой мысли, этого двузначного неделимого образа горя прощания — радости встречи живописец композиционно, кажется, цитирует евангельскую притчу о возвращении блудного сына, не раз отображённую в истории живописи. Грустны и просветлённы лица других членов этого сильного рода, живущего в суровом краю гор и ледяных камней и обретшего истинного Заступника — Отца Небесного. Образы всех персонажей картины индивидуальны, точно и подробно переданы орнаменты и особенности национальных костюмов. Изображены домашние животные. Кажется, легко достигнуто образно-композиционное единство. И цветовое решение усиливает смысловое значение картины. Тему горя-радости проявляет сложный, в целом сдержанный колорит живописного произведения, в основной части полотна тёплый, золотисто-коричневый, на втором плане — холодный, просветлённый серебристо-лиловыми оттенками небесной и водной сред, объединённых белоснежными горами. Действие, кажется, закономерно разворачивается на фоне глубокого метафорического пейзажа, уводящего взор зрителя выше озера, выше гор, к низко клубящимся строгим и благодатным Господним небесам.

Целая серия работ Филиппа Москвитина посвящена русским святителям-миссионерам. В этих работах живописец осмысливает духовный подвиг выдающихся деятелей Русской Православной Церкви, находит особые способы его художественного выражения. Николай Японский, Иннокентий Московский на больших полотнах изображены в полный рост, в экзотическом пейзаже или на фоне просторов Сибири. Особо запоминается полотно «Владыка Нестор, апостол Камчатки» (2009). Малоизвестна подвижническая жизнь этого святителя, который в 1907 году, в год пострижения, был назначен миссионером на Камчатку. Он не только проповедовал камчадалам христианство, но лечил и обучал малограмотных жителей далёкого Гажинского уезда России. Владыка изучал местные языки — корякский и тунгусский, перевёл на корякский Божественную литургию, частично Евангелие. На картине он представлен во время торжественного богослужения, в полном облачении, с трикирием — ручным светильником с тремя зажжёнными свечами, символизирующими свет Пресвятой Троицы, и дикирием, в котором две горящие свечи символизируют свет Христа в двух ипостасях — божественной и человеческой. Торжество происходящего действия художник подчеркивает и достигает не только специальной атрибутикой, мастерски изображенными элементами священнического одеяния, украшенного мехом, но и проникновенным цветовым звучанием произведения. Логично сочетаются, кажется, не сочетаемые цвета — тёплые оттенки золотисто-коричневых тонов облачения святителя и холодные синие цвета сумеречного неба и морозного воздуха, окружающего камчадалов, расположенных за спиной Владыки сплочённой группой. Двойственное, щемящее и радостное чувство вызывают эти опрятные маленькие люди со свечами и православными иконами в руках. Художник специально изображает их много меньше центральной фигуры святителя, размещает в глубине картины, в отдалении. Разновеликость фигур и значительное расстояние между Владыкой и воцерковляющимися коренными жителями Камчатки создают метафорический образ возможности их будущего духовного роста до беспредельной высоты, олицетворяющей нимбоподобным Северным сиянием, освящающим всё полотно. Иным, невидимым духовным светом исполнено красивое,

выразительное лицо святителя Нестора, которого художник с низкой точки зрения изображает в полный рост, возвышающимся над зрителем. Фактура и свет являются основными средствами изображения главного героя полотна. Вибрирующие слои краски, то густые, тёмные, то светлые, нанесённые лёгким слоем, кажется, создают впечатление кристаллизации образа, излучающего как будто изнутри свет духовной жизни. В этом неярком живописном произведении художник успешно решает сложнейшую задачу изображения светового контрапункта — света небес, света растущей веры и света незыблемого духа. Несмешиваемые и несмешанные, они явлены живописцем в удивительной убедительности, целостности и гармонии.

На языке мистического реализма, со знанием этапов жизни и духовных подвигов, с портретной достоверностью Филипп Москвитин рассказывает о выдающихся православных пастырях, о великих духовных личностях сравнительно недавней истории России. Но интересуют его и времена стародавние, он обращается к эпохе государственного и державного становления нашей страны, стремится найти нравственный идеал в прославленных людях далёкого прошлого. Картина «Присяга Преображенского полка императрице Елизавете Петровне» (1995) изображает поворотный момент истории России, освобождающейся от ненавистного правления и встающей на путь национального объединения. Многофигурная композиция, вписывающаяся в треугольник, построенная художником по известному классическому принципу, с обязательным чётким смысловым центром, симметрией, производит впечатление статичного постановочного действия, может быть, по причине редкой особенности события, которая, с одной стороны, подчёркивается театральными жестами приближённых императрицы, с другой — приглушается монотонной однотипностью изображённых гренадер. И только смутное ночное небо в сполохах, живое пламя факела, ярко освещающего красивое, волевое лицо императрицы, и крест, сияющий в её руке, сильнее, чем вся драматургия этого художественного произведения, говорят о значимости действия.

В историческом полотне «Александр Невский и Сартак в Орде» (1999), кажется, совсем нет драматургии, выраженного сюжета. Для понимания происходящего нужно знать историю Руси времён татаро-монгольского нашествия. Это полотно посвящено жизни и подвигу св. благоверного князя Александра Невского. Картина написана по заказу наместника Александро-Невской лавры. Известно, что св. благоверный князь Александр Невский во время поездки в Орду побратался с сыном хана Сартаком. Благоверный князь славен не только военными подвигами, но и подвигом миссионерства. В Орде он строил храмы, воцерковлял ордынцев, желая им спасения души и дружбы с Русью. Сын хана Сартак, подружившийся с князем, тоже принял христианство, но в результате заговора сородичей был убит. На полотне мы видим скачущих по степи св. благоверного князя Александра Невского и Сартака. Художник изображает их как обыкновенных всадников, ведущих по пути беседу. И только образ этого пути в виде полыхающего закатными красками ковыля, похожего на стелющееся, движущееся навстречу всадникам пламя, вносит драматизм. Картина требует вдумчивого прочтения, пристального внимания. В ней нет громогласной пафосности, метафоры тоньше, глубже. Разнятся характеры всадников, выраженные различными живописными приёмами. Под обеспокоенным, жестикующим, импульсивным Сартаком чёрный норовистый скакун, кажется, несётся неуверенно, стремительно, опасно. Художник, вытягивая его пропорции, заостряя морду, приглаживая на ветру гриву, достигает передачи большой скорости движения, подчёркивает пытливую нетерпеливость новообращённого его хозяина. Александр Невский, наоборот, выглядит уверенно, значительно, его белый конь полон достоинства, хотя в скорости не уступает соседу. Остались позади всадников покинутые юрты стана Сартака, их далёкий план символизирует прорыв к новой жизни, к истинной вере. Этот трудный, мучительный прорыв олицетворяется беспокойным, в скрученных, мятущихся облаках холодным небом. Вообще, большую часть этой картины занимает пейзаж, играющий значительное смысловое и эстетическое значение во многих произведениях художника. Многокрасочен, богат колорит картины, хотя наиболее запоминающиеся пятна созданы в небесных оттенках — серо-синем и бе-

лом, насыщен стальной цвет кольчуги святого благоверного князя. Стремление выразить художественными средствами преобладание духовных стремлений над телесными, усилить мистическое ощущение изображаемого события, присутствие элементов православного канона, заметных в образе Александра Невского, свидетельствуют о знании мастером иконных композиций.

Иконописание — особая сторона дарования мастера. Очевидно, что именно к иконе тяготеет он в своём творческом развитии, имея достаточный опыт создания церковной живописи. Филипп Москвитин проектировал иконостасы Троицкого собора Борисоглебского монастыря, создал цельный образ храмового интерьера. Иконы выполняет в темперной технике, автор не делает списков-копий. Об этой особенной, требующей дополнительного исследования стороне творчества можно сказать словами его исследователя, доктора искусствоведения В.Г. Брюсовой: «Опираясь на древнюю традицию иконописи, он создаёт новые образы Спасителя, Богородицы, святых благоверных князей страстотерпцев Бориса и Глеба, святителя Филарета Московского, преподобной великой княгини Елизаветы Фёдоровны, святителя Тихона, Патриарха Всероссийского, святых архидиаконов Стефана и Лаврентия. Отказ от «фряжского» письма, возврат к канонам и технике древней иконописи с использованием опыта современной живописи позволяют говорить о стремлении художника к созданию своего стиля». Примером тому может быть запоминающаяся икона-портрет «Святые Царственные мученики» (1999). Художник обращается к стилю заупокойного античного фаумского портрета, к колориту энкаустики и к символике древнерусской живописи. Тёмно-синий фон, пурпурно-золотые одежды, кресты в руках по канонам символизируют подвиг мученичества. Просветлённые, полные достоинств, озарённые небесными светами живые лица царственных мучеников, кажется, запечатлены в момент наивысшей истинной свободы — в момент смиренного, сознательного принятия Господней воли.

Сколь сложно давалось это свободное решение, какими выстрадано нравственными муками, во много превосходящими, кажется, муки физические, свидетельствует «Портрет Императора Николая II» (1999), созданный по известной фотографии в окне вагона поезда в начале крестного пути Венценосца. Мы видим, как трагичны переживания помазанника Божия, преданного соратниками, вынужденного оставить Россию на разграбление врагам, молитвенный голос которого был сознательно заглушён политической какофонией. Кажется, художнику самому надо было вжиться в этот образ, чтобы с такой силой, с такой проникновенностью передать в выражении лица царя сгусток невыносимых, жгучих чувств, выражающих беспощадный образ смутных времён. Портрет по выразительности превосходит фотографический образ, тем более что решён в убедительной цветовой гамме. Излюбленные тёмные, сине-серые тона закрытого фона картины диссонируют с бледным, покрытым глубокими морщинами ещё молодым лицом царя, но созвучны цвету его пронзительных, светоносных синих глаз, обращённых уже не вдаль, а в глубь своей души, хранящей память о прежней России, в глубь своего сердца, решившего принять крестную муку вместе со страной, идущей на Голгофу.

Очевидно, что для Филиппа Москвитина жанр портрета — жанр особый, это его экспериментальная мастерская. Именно в портрете художник ставит и решает различные и стилистические, и психологические задачи. Одно общее можно отметить, что все портреты пронизаны лиризмом, в них нет смятенности духа, явных страстных поисков истины. С большой точностью и тонкостью художественного вкуса, многогранно отражая разные образы людей, художник выявляет и особо подчёркивает черты, созвучные собственному православному мировоззрению. Поэтому у него так много портретов священников, монахов. Неповторимо различна красота их благообразных лиц, разнообразны облачения, но напряжённое духовное предстояние, созерцание невещественного Божественного Света единит их в чувстве нескрываемой сердечной теплоты, неиссякаемой любви.

Кажется, в этом же ряду портреты творческих личностей, русских писателей, духовно близких мастеру. Это не заказные картины, это изображения людей, которых художник хорошо знает, любит и старается запечатлеть в целостности личности, понимая, что на

суд времени выставляет их образы, поэтому стремится выявить самое главное, индивидуальное, достойное будущего. Для этого ищет художник наиболее ёмкие выразительные средства. «Портрет Николая Дорошенко» (2006), известного московского прозаика, публициста, издателя строг и композиционно, и по колориту, мастерски выдержан в изблюбленных автором тёмно-серых, жемчужных тонах буквально нескольких оттенков, которыми художник не столько создаёт достоверный внешний облик, сколько выявляет суть духовной устремлённости. На клубящемся, словно облако, фоне стены писатель изображён стоя, почти в полный рост. Такую композицию Филипп Москвитин использует обычно, чтобы подчеркнуть духовную силу, особую значимость личности. Строго тонкое, одухотворённое лицо. Чередование светотеневых пятен в его изображении создаёт ощущение глубоких внутренних раздумий, сложных переживаний. Сосредоточен тревожный взгляд писателя, держащего в руках открытую книгу. Образ книги в данном случае не атрибутика, не свидетельство профессиональной принадлежности, но глубокий символ. Живописец находит для изображения её листов такой чистый ослепительно белый цвет, что создаётся эффект внутреннего свечения, кажется, что книга — первичный источник света, духовная свеча, озаряющая всё полотно. Через этот образ можно понять, о чём тревожится писатель — о чистоте этого света, о его пронзительной силе в современной жёсткой духовной войне, о которой точно и ёмко сказал петербургский поэт Андрей Ребров:

*Бородино листа,
Свеча, а выше
Три сомкнутых перста —
Так крестятся и пишут.*

«Портрет великого русского писателя Василия Белова» (2009) — тоже картина-аллегория, картина-раздумье. Не только портретное сходство, узнаваемость беспокоят художника. Он задаётся более сложной задачей — показать место русского народного писателя в современном обществе. Выдающийся прозаик изображён так, как будто только что вышел проводить гостей из своего дома, помещённого автором в глубине картины. С непокрытой головой, в далеко не новом пальто писатель видится смиренно предстоящим пред светом небес, пред будущим. Строгая, холодная живописная гамма, запорошенный снегом пейзаж, мастерски переданная изморозь, лёгкая одежда в зимний день создают ощущение зябкости, отчуждённости героя, иноческой оторванности от мира. Мотив одиночества, оставленности усугубляется яркой по смыслу и цвету, запоминающейся живописной метафорой — вынесенной на передний край полотна, к самой раме, тяжёлой, беспросветной линией разделяющего забора, на который опирается немолодой русский классик, вглядываясь своим лучистым, источающим свет взглядом в наши лица. Глубокая перспектива зимнего пейзажа создаёт настроение прощания. Кажется, источается не только время года, время земной жизни, но звучит мотив расставания с исконной русской народной традицией во всех её проявлениях, умышленно отделяющей от нас духовборческим забором. По глубинным ассоциациям, настроению и цветовому решению эта картина будто бы перекликается с полотном «Арест Патриарха Тихона». Так и слышатся обличительные слова Патриарха-исповедника, обращённые как будто в наше время: «Противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже прямо против совести народной»³. Такое историческое и идеологическое созвучие и страшит, и вместе с тем оставляет надежду: ведь не одолела тьма вечной жизни и неиссякаемой веры Патриарха Тихона. Так и русская литература, как бы ни была попираема ныне, вернётся к народу во славе своей нетленной.

Особенно оптимистично проявляется тема вечной, непобедимой красоты Божиего мира в пейзажах. Пейзажи Филиппа Москвитина — светлая, жизнеутверждающая стра-

³Послание Святейшего Патриарха Тихона от 19 января 1918 г. цит. по книге диакона Георгия Малкова «Контрреволюция духа» (М., 2006). С. 151.

ница его творчества, явление особого поэтического образного строя. Радость бытия, жизненные силы молодого сердца, благодатные надежды и многие другие добрые чувства выражает художник в многочисленных образах природы, без которой не мыслит своего существования. Красноречиво во многих смыслах полотно «День святого Георгия Победоносца» (2001), на котором изображена в наивысшей своей красоте немолодая, с ветвями, искорёженными морозами, но преодолевшая во имя будущей жизни все смертельные зимние испытания раскидистая цветущая яблоня. Художник показывает своё мастерство в изображении этого природного чуда, работая в стилистике импрессионизма, пользуется светлыми, чистыми тонами, дробными мазками добивается прозрачности светотени, что позволяет картине в зависимости от освещения изменять свою светосилу, создаётся ощущение наполненности живописного пространства воздухом, трепетными ароматами. Несмотря на то, что огромное, раскидистое цветущее дерево занимает почти всё пространство холста, что от этого великолепия невозможно оторвать взгляд, и зритель словно втягивается в этот метафорический пейзаж, удивляющий обилием тонких оттенков зелёного цвета, переливами белого, главные акценты, судя и по названию, и по элементам композиции, всё-таки иные. Победу жизни над смертью олицетворяет ликующая природа, превосходство духовных законов над материальной составляющей бытия являет маленькая золотая луковка православного храма, возвышающаяся в отдалении над пышной кроной цветущего дерева. Этот скромный золотой куполок с православным крестом символизирует то незримо-могучее здание Церкви, дом Духа Живого, Которым созидаётся вся эта красота и от Которого и святой Георгий Победоносец черпал свои победные силы. Отсюда же черпает своё художественное мастерство и вдохновение Филипп Москвитин.

Этот пейзаж — яркий пример того, как художник, восхищаясь красотой природы, многообразием форм бытия, гармонией Мироздания, не переходит зыбкой границы между материальным и духовным в сторону материального, не впадает в пантеизм, но поклоняется нетварному через творение, поклоняется через образы природы — её Творцу. Изображение красот природы есть путь познания Бога. Яркое, философское творчество живописца во всех его проявлениях и достижениях есть, в первую очередь, опыт духовного исследования реального мира. Принимая и подтверждая ценность бытия как такового, художник не видит его смысла без духовного основания. Множественное отображение образов природы, разнообразие жанровых направлений этого творчества подтверждают мысль Максима Исповедника, считавшего, что люди обладают знаниями о мире, о природе, о сущности вещей в разрозненном виде, т. е. видят Мироздание, разделённое на части. Стремление к созерцанию, постижению и отображению всего мира в целостности и единстве, стремление к одному Божественному Логосу, Который можно прозреть лишь духовным зрением, есть суть творчества талантливого русского художника Филиппа Москвитина. Но духовное зрение требует духовного света, которым освещается творческий путь духовного познания. Этот свет мастер черпает всеми силами своей верующей души во Христе и Его Церкви и художественно преображённый возвращает людям.